

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ю. А. Андреев (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
[А. С. Бушмин], Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
М. К. Каноат, К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов,
Д. М. Мулдагалиев, Ф. Я. Прийма, С. А. Рустам, [А. А. Сурков],
М. Танк, В. Д. Федоров, М. Б. Храпченко*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

АРКАДИЙ КУЛЕШОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ.

*Вступительная статья,
составление и примечания
В. Л. Бечика*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1983

А. А. Кулешов (1914—1978) — выдающийся поэт Белоруссии, дважды лауреат Государственной премии, творчество которого раскрывает широкую панораму жизни родной страны в ее борьбе за идеалы гуманизма. Всесоюзную известность принесла Кулешову поэма «Знамя бригады», одно из крупнейших явлений советской литературы в годы Великой Отечественной войны. Перу ее автора принадлежит свыше двадцати поэм, около половины которых представлено в настоящем сборнике. Другой раздел книги составляет избранная лирика поэта, подкупающая читателя чистосердечием, искренностью и достоверностью душевных переживаний, близостью к фольклору.

ПОЭЗИЯ АРКАДИЯ КУЛЕШОВА

Народный поэт Белоруссии Аркадий Кулешов принадлежит к тем выдающимся художникам слова, чьи творчество и судьба неразрывно связаны с судьбой Родины. Более полувека охватывает литературный путь, пройденный поэтом, и на этом пути все главное, существенное в жизни нашей страны находило яркое поэтическое отражение в его стихах.

Поэзия Аркадия Кулешова обрела широчайшее читательское признание в годы Великой Отечественной войны. Опубликованные тогда в московских газетах и журналах произведения белорусского поэта — а среди них были поэма «Знамя бригады», стихотворения «Письмо из полона», «Комсомольский билет», «Баллада о четырех заложниках» — нашли взволнованный и благодарный отклик у читателей. Это были стихи воистину всенародного звучания. Они воспламеняли сердца, с удивительной проникновенностью выражая многое из пережитого миллионами советских людей в суровую пору военного лихолетья.

В послевоенное время читательский интерес к творчеству Кулешова не ослабевал. Новые произведения поэта подтверждали его репутацию взыскательного мастера, ведущего разговор о насущном и главном в жизни своего народа и устремленного к общечеловеческим горизонтам. Представления всесоюзного читателя о творческом облике поэта обогатились и в результате знакомства с опубликованными в различных изданиях «Избранного» произведениями, созданными Кулешовым еще в 30-е годы, в пору творческого становления.

«В звездной карте нашей поэзии поэтическая судьба Аркадия Кулешова идет по своей, заметной для всех орбите, от «сладкого сна неопытной души» до углубленной озабоченности раздробленностью современного мира»,¹ — писал М. А. Дудин. Путь Кулешова отличает

¹ Дудин М., Под сенью знамени. — В кн.: Кулешов Аркадий, На полумиллиардном километре, М., 1974, с. 12.

удивительная способность поэта к самообновлению, к раскрытию внутреннего мира советского человека в новых идейно-смысловых и структурно-художественных ракурсах, способность отражать меняющуюся картину народной жизни.

Этот «динамический образ эпохи и образ современника в их непрерывном развитии и движении» в поэзии Кулешова воплощен с «удивительной документальной точностью и скульптурной рельефностью».¹

Поэтому путь поэта выглядит целеустремленным, осознанным, последовательным на всех этапах, а отдельные произведения отчетливо просматриваются в общей перспективе всего творческого пути как части, моменты значительной и ответственной поэтической судьбы.

1

Аркадий Александрович Кулешов родился 6 февраля 1914 года в деревне Самотеевичи Костюковичского района Могилевской области в семье школьного учителя. Место рождения — тихий, укромный уголок белорусской земли, находящийся, однако, на перекрестке важных географических путей. Потому и выпало на долю Могилевщины, да и всей белорусской земли, столько вражеских нашествий и опустошительных войн: топтали и разоряли этот многострадальный край устремлявшиеся на Москву польские отряды в XVII веке, в начале следующего столетия — войска шведских завоевателей во главе с Карлом XII, затем — наполеоновские полчища...

Еще две войны — величайшие в истории человечества — добавились к числу перенесенных этим краем бед уже при жизни поэта.

Год рождения Кулешова совпал с первой из них. С самого раннего детства слышал он разговоры о войне, видел горе и слезы. С обозами беженцев докатывается до Самотеевич эхо боев.

В стихотворении «Мое свидетельство» (1951) Кулешов скажет:

Сам себе свидетельство даю
В том, что родился я в год суровый,
В том, что няньки под отцовским кровом
Не качали колыбель мою.

Думала война в те дни блокадой
Руки мне и ноги спеленать,

¹ Макаль Пятрусь, Слова ў паходзе. — В кн.: Куляшоў Аркадзь, Збор твораў, т. 1, Мінск, 1966, с. 6. Перевод автора статьи.

Хлопотала, как бы канонадой
Ей меня покрепче укачать.

Сколько этой песней колыбельной
Убаюкано в земле сырой!
Вышел рано я на бой смертельный
С нянькою непрошеной — войной.

А следом — революционные события, которые всколыхнули весь мир, открыли пути к неизведанным далям, к стремительному и всеобщему обновлению жизни. Все это — война, революция — и стало одним из главных отправных моментов в жизненном и творческом самоопределении поэта. Не поэтому ли уже первые произведения Кулешова были проникнуты ощущением исторической значимости времени? В них уже проявлялось стремление объемно, масштабно раскрыть связь времен, показать приобщенность человеческих судеб к истории. Порыв к будущему сочетался со взглядом в прошлое, к истокам и предистокам современных событий.

До 1924 года родные места Кулешова даже входили в состав РСФСР. Едва ли не все окрестные реки (в том числе и Беседь, главная река детства) текут со Смоленщины через Белоруссию на Украину. Сызмала в сознание будущего поэта входит: русские, белорусы, украинцы — народы-братья. Переплетены корни предков, сроднились исторические пути этих народов, постоянно перекликаются во множестве совпадений и подобий братские языки.

Родители поэта Екатерина Фоминична и Александр Николаевич — люди простые, неразрывно связанные с народной жизнью. Потомственные труженики-земледельцы, они по-прежнему сами возделывают землю: сеют, жнут, косят, досматривают домашнюю живность. И в то же время они уже — носители высокой, осознанной культуры. В доме по-свойски сосуществуют и вместе помогают первому познанию мира пытливым мальчиком народная песня, сказка, легенда и книги, достижения мировой культуры. Духовному развитию будущего поэта способствует русское, белорусское и украинское поэтическое слово. Пушкин, Лермонтов, Некрасов... Их читают родители, с них началось и первое самостоятельное чтение Аркадия Кулешова. Позднее пленяют сердце Шевченко («Кобзарь») и Купала, чей сборник «Дорогою жизни», изданный в 1913 году в Петербурге, был домашней реликвией. Стихи Купалы Кулешов полюбил, по его словам, с десятилетнего возраста. Способствовал этому директор местной школы, который в свое время учился вместе с Купалой в Петербурге на общеобразовательных курсах А. С. Черняева. Именно он подарил однажды отцу Кулешова книгу Купалы. Так она очутилась в руках у будущего поэта. В местной избе-читальне в начале

20-х годов Кулешов прочитал «всего Демьяна Бедного». Позднее, когда чтение обрело систематический характер, настал черед Есенина и Блока. Блока начинающий поэт пытался даже переводить.¹

С тех пор как Кулешов научился писать, он постоянно сочинял стихи. Писал сначала на русском языке. Когда набралось две тетради стихотворений, объединил их названием: «Собрание сочинений Кулешова-Несчастливого».²

Такое название, конечно, вызывает улыбку. Но в детстве Кулешову привелось изведать и непридуманные печали. Не зря прялка — «первый друг» матери — казалась мальчику «черной от забот». Голодно было в ту пору в семье.

От детства, вместе со всем светлым и радостным, что в нем почти всегда есть даже в неблагоприятных обстоятельствах, осталась еще и память о мрачном, суровом житье-бытье. О том, как «жадно» деги «бороды кудельной... вновь глядели в рот»; как мать трудится и тоскует, изнуренная заботами и нуждой («Там и в ночь бессонную Чудилось средь тьмы Горе, затаенное по углам корчмы...»); как чувство голода обостряет ощущения и дает свое направление воображению:

Хорошо б отправиться
В путь и нам с сестрой.
Слышно, месяц славится
Белою мукой.

(«Далеко до океана»)

А позднее жить становится еще труднее. Домашняя жизнь усложняется распрями родителей. Происходит развод, и родители разъезжаются в разные места:

За меня и за сестру
Рассудил их суд
В год, когда на хлеб кору
Драл голодный люд.

Будущий поэт, который уже ходил в школу и не захотел расстаться со школьными друзьями, на некоторое время остается один.

Одиночество ускорило рост самосознания и формирование самостоятельности. А жизнь в школьной «коммуне» сближала с товарищами, развивала чувство коллективизма.

И вот юный поэт (в эту пору им уже созданы стихотворения, ко-

¹ Эти и некоторые другие сведения записаны автором статьи со слов самого поэта.

² Бечык В., Уроки Куляшова. — «Літаратура і мастацтва», 1978, 4 августа.

торые позднее займут достойное место в томах «Избранного») растет вместе со временем, вдохновляется его идеями, ощущает внутреннюю породненность с новой, советской жизнью.

Первое чувство к школьной подруге. Первые публикации. В 1926 году в климовичской окружной газете «Наш працаўнік» («Наш работник») было напечатано стихотворение Кулешова «Ты, мой брат», подписанное псевдонимом: Аркадзь Дуда. В последующие годы стихи поэта все чаще появляются в областной и республиканской периодике.

Первая самостоятельная дорога в большую жизнь: окончена семилетка, и Кулешов поступает на учебу в Мстиславльский педтехникум.

Учеба в техникуме (1928—1930), участие в работе местной студии «Молодняк», массового литературного объединения, возникшего в Белоруссии в 1923 году и способствовавшего творческому становлению молодых литературных сил, знакомство и дружба с талантливыми начинающими поэтами Змитроком Астапенко и Юлием Таубиным содействовали окончательному утверждению Кулешова на избранном пути, оказали благотворное влияние на развитие его творческих начинаний.

В 1930 году в Минске выходит первый сборник стихов Кулешова «Расцвет земли», а через два года (в эту пору Кулешов уже учился на литературном факультете Минского пединститута) — еще две книги: «За песней, за солнцем! . . .» и «Медный дождь».

В этих книгах совсем еще юного автора было немало риторически отвлеченных строк, расхожих публицистических формул, свидетельствовавших о творческой незрелости, зависимости от поэтических штампов, распространенных в ту пору среди литературной молодежи.

Радостные, взволнованные слова о жизни, о больших общественных переменах говорились, конечно, от сердца. Но многие строки получались еще слишком приблизительными и декларативными.

Однако и здесь, в первых книгах, в самом начале творческой биографии, Кулешов уже нередко предстает перед читателем как поэт ищущий и, несомненно, талантливый.

Так, и сегодня не утратили своей привлекательности по-юношески чистые и непосредственные, отмеченные радостной увлеченностью жизнью и молодым ощущением ее возможностей, перспектив стихотворения «На дороге» (1927), «Гармони новой счастливый всхлип. . .» (1927), «Прощай. . .» (1928).

Поколение поэта было еще совсем юным, еще только начинало осознавать свое место в жизни, а Кулешов уже говорил от имени этого поколения. Пробиваясь сквозь расхожую риторику, он находил связь своих впечатлений и настроений, своих мыслей и переживаний,

в том числе и любви — нежной, мечтательной, отмеченной печалью ранней разлуки, — с духом времени, с движением действительности, с романтикой прошлого (славных битв революции и гражданской войны) и размахом социалистического строительства: «Мое поколение — одно из первых На высокой башне советских дней...» Характерно стремление утвердить свое место в общем строю конкретными делами: «Не служили ни в коннице мы, ни в пехоте, Не винтовка — лопата в наших руках. Проложили мы вдаль магистраль на болоте...»

И особенно привлекает в этих ранних стихотворениях Кулешова переданное изнутри ощущение «теплоты» жизни, ее открытых просторов:

Одна земля вскормила нас обоих
И принесла нам солнечные сны.
Мы как подарок унесем с собою
Ее пригорки, пашни, валуны.

Тот ранний луч, который жадно ловим, —
Лишь малый отблеск праздничной красы
Лесов, колосьев золотоголовых,
Родных садов и луговой росы.

(«Одна земля вскормила нас обоих...»)

Уже тогда, в самом начале пути, появляется и новое ощущение пройденного, ощущение сущности каждого прожитого отрезка жизни и желание сохранить в сердце, в памяти, в опыте прежние настроения и впечатления, свести их, соединив с самыми последними переживаниями.

Выделяется стихотворение «Дороги» — поэтически выразительное слово о себе и товарищах. От самого обыкновенного воспоминания «о желтых песках» и «шуме сосен», о недавних школьных годах образная мысль переходит к размышлению о времени, о его быстротечном движении, о жизненных путях-дорогах, о вдохновении и творчестве...

Пора душистой спелой земляники
Откуковала серенькой кукушкой,
Девичьей песней тихо отзвенела
И канула, как детство и как юность,
И отошла...

Вот так отходит зрелость
От кузовков, от зноя и ветров.

В стихотворении-монологе «За песней, за солнцем!...» ведутся

понски сердечности и глубины в сфере открытой публицистичности; природа подключается к историческим событиям; вырабатывается разветвленный, насыщенный повторами и параллельными конструкциями синтаксис. И это стихотворение как бы найдет позднее свое продолжение в последующих произведениях: к нему непосредственно примыкает первая поэма Кулешова «Обида» (1931); в некоторых мотивах, да и в характере выражения чувств перекликается с ним и поэма «Хлопцы последней войны» (1940).

Кулешов-лирик ищет свою дорогу в эпос, пытается говорить с коллективом и от имени коллектива, драматизирует чувства. В книге «За песней, за солнцем!..» перед нами предстает поэт-искатель, который готовит себя к сложнейшим задачам. Ему необходимо многое, он добивается лирической непосредственности, силы чувств, свободы высказывания, широты взгляда, гибкости слова...

Поэтому и сегодня, несмотря на все очевидные просчеты, следы откровенного ученичества, многие стихотворения Кулешова более чем пятидесятилетней давности привлекают читателей и остаются в активе белорусской советской поэзии. Напомним, что поэту было всего лишь шестнадцать лет, когда вышла его первая книга, а в восемнадцать он уже являлся автором трех стихотворных сборников. «Знаю, что проводить исторические аналогии — дело рискованное, — писал известный белорусский поэт Нил Гилевич, обозревая творческий путь Кулешова, — но память невольно подсказывает, какой высокой поэтической культуры стихотворения и поэмы писали в четырнадцатилетнем-пятнадцатилетнем возрасте Пушкин и Лермонтов или шестнадцатилетний Максим Богданович. Похожее чрезвычайно раннее созревание человека и поэта, с исключительной чуткостью к слову, к строю и ладу в стихе, видим мы в творческой биографии Аркадия Кулешова».¹

Кулешов, говоря словами Гёте, «смолоду искал высей и глубин».² Он сознает, что творческие установки «Молодняка» в новых условиях уже исчерпывают себя. Время требовало большей конкретизации переживаний, изображения человека и его внутреннего мира в обстоятельствах и отношениях, прочнее связанных с живой действительностью.

Постепенно определяется направление новых поисков Кулешова в начале 30-х годов. Молодой поэт стремится, сохраняя силу и страстность поэтического утверждения новой действительности, показать вместе с тем индивидуальные пути формирования человека с социалистическим сознанием. Это было тогда общей задачей всей совет-

¹ Гілевіч Ніл, Крокамі волата. — «Літаратура і мастацтва». 1979, 9 февраля. Перевод автора статьи.

² Гёте И.-В., Намерение Шиллера и что из этого следует. — В кн.: Гёте И.-В., Об искусстве, М., 1975, с. 400.

ской поэзии. А для Кулешова — очень своей, глубоко прочувствованной.

Цикл «Солнечное завтра» (1931), поэмы «Обида» (1931), «Аммонал» (1932) и «Горбун» (1934) — вот основные произведения поэта в ту пору.

Поэт стремится дать объективированные картины прошлого («Обида» была посвящена событиям первой мировой войны), раскрыть перипетии классовой борьбы в белорусской деревне 20-х годов («Аммонал»), отразить реальные жизненные процессы самой современности («Солнечное завтра»).

Однако в этих произведениях еще немало творчески незрелого, художественно неоправданного, что обусловлено прежде всего недостатком опыта. «Обиде» не хватало подлинного историзма, «Аммоналу» — знания и понимания сложнейших социальных коллизий действительности. Поэма «Горбун», хотя в ней уже сказывался определенный опыт автора в использовании большой жанровой формы, также не стала безоговорочной удачей. В этих произведениях давали о себе знать и формалистические перекосы (как в «Аммонале» — поэме во многом экспериментальной по проблематике, по образным, стилевым решениям), и неоправданное нагнетание экспрессии, и крайности аллегоризма.

С 1930 года Кулешов живет в Минске, некоторое время учится в Педагогическом институте. Здесь вместе с друзьями-мстиславльчанами — Астапенко и Таубиным — он отдается напряженной творческой работе.

Замечательные, талантливые были у поэта друзья. Они понимали, что в поэзии нет легких путей. «Самый старший из нас, — вспоминал А. Зарицкий, — двадцатилетний Змитрок Астапенко, темноволосый, не очень разговорчивый парень, интересовался физикой: он собирался писать приключенческий роман о расщеплении атома. Изучал Астапенко также немецкий и польский языки и, конечно, писал стихи.

Пухлогубый Юлий Таубин, с виду совсем хмурый, будто немного заспанный, был весь во власти поэтической стихии. Он то писал свои стихи, то напевал на различных языках чужие. У Таубина были необыкновенные способности к изучению языков, и он тогда уже свободно читал и понимал в оригинале стихи английских, французских, немецких и польских поэтов и начал знакомиться также в оригинале со стихами итальянцев и голландцев».¹

Дружба с ними много дала Кулешову. Интерес к естественнонаучным проблемам, отчетливо выразившийся в произведениях поэта 60-х годов, зародился под их влиянием. И тема защиты мира, как

¹ З а р ы ц к і А., Маладосць душы. — «Літаратура і мастацтва», 1964, 7 февраля. Перевод автора статьи.

я тема международной солидарности трудящихся, укреплялась под воздействием друзей.

А самое главное: ориентация на классику, на самые высокие и значительные образцы — также в немалой степени результат этой искренней, большой дружбы. Критик А. Кучар, бывавший в ту пору на квартире, которую совместно снимали мстиславльцы, рассказывает об их распорядке дня: «С утра до обеда работа, писание стихотворений, поэм, чтение книг, потом обед в Доме писателя, после обеда снова работа. Вечером к ним приходили гости — Максим Лужанин, Владимир Хадыка, Алексей Зарицкий и некоторые другие, — вместе читали Блока, Тихонова, Пастернака, Ахматову, Маяковского, Асеева, из более молодых — Прокофьева, Саянова, Кирсанова. Увлекались Купалой, Богдановичем». ¹

Сам Кулешов называл еще Гёте, Шиллера, Тувима, — все это тогда читалось и обсуждалось. Чутко отзывался поэт и на некоторые веяния передовой европейской поэзии. Судя по его стихам, он внимательно изучал опыт Аттилы Йожефа, Иржи Волькера, Владислава Броневского. Разрушение стихотворных канонов, необычная ассоциативная образность, эпатирующие прозаизмы, переходы от ораторской звучности к едва слышимому шепоту, многоплановое сближение разнородных жизненных проявлений — все эти особенности их творчества нашли живой отзвук в стихах Кулешова. Заметно влияла на Кулешова поэзия Маяковского. Вероятно, и Владимир Хадыка, прекрасный белорусский лирик, настойчиво вырабатывавший свою систему необычной образности (его называли «белорусским Пастернаком»), также в чем-то поощрял Кулешова к выработке новых средств выразительности.

В то время, как известно, многие поэты находились на распутье. Как не отстать от стремительного «хода событий» («Ход событий — название одной из книг П. Глебки)? Какие пути и способы более пригодны для величайших социальных, культурных, хозяйственных изменений? Как показать глубину, сложность, драматизм величайшей перестройки деревни во время коллективизации?

Некоторые поэты в поисках наиболее действенных форм участия в социалистическом строительстве не избежали крайностей. Иногда назначение поэзии понималось ими утилитарно. «Мне нужно, чтоб слово кирпич подносило, стихи же в альбом и другие напишут...», — заявил однажды в полемическом задоре Петрусь Бровка. ² Аналогичные высказывания можно найти как у русских, так и украинских поэтов. Некоторые поэты отдавали предпочтение агитационному

¹ Кучар А. А. Літаратурна-крытычныя артыкулы, Мінск, 1980, с. 240. Перевод автора статьи.

² Бровка П. Бровка П. Паэзія, Мінск, 1932, с. 194. Перевод автора статьи.

стиху, декларативной поэтике и произведения иного характера критиковали за отставание от жизни. Подвергались подобным нареканиям и Кулешов, Астапенко, Таубин, хотя, по сути дела, их поиск соответствовал духу времени и путям развития советской поэзии.

«Цеховые будни» П. Бровки во многом сближаются и с циклом «Солнечное завтра» Кулешова и со многими произведениями М. Лужанина или Ю. Таубина. Публицистический отклик на события сочетался у них с репортажностью, очерковостью, зарисовками новых явлений и фактов. Разница, возможно, была лишь в степени звучности (Бровка в ту пору очень любил ораторские, трибунные интонации), но критика усматривала в этом уже и идейную разницу, обвиняла многих поэтов, в том числе и Кулешова, в некой пассивности, отставании.

Между тем цикл «Солнечное завтра», написанный в результате пребывания поэта в родных местах и наблюдений над колхозной новью, свидетельствовал о пытливом взглядывании в жизнь и активности творческих установок поэта. Несмотря на некоторые издержки фактографичности, цикл стал перспективным творческим начинанием поэта. Он в значительной степени предопределил появление цикла «Юношеский мир» (1939—1940), в котором полно и свободно раскрылась перед нами внутренняя жизнь поэта, широко и разносторонне связанная с окружающей жизнью и сознанием современников.

Хотя отдельные стихотворения в «Солнечном завтра» не лишены риторических упрощений, а нарочитая прозаизация расслабляла стих, цикл в целом удачно передавал общую атмосферу жизни тогдашней деревни. Стихи этого цикла свидетельствовали о том, что поэт настойчиво учился органически сочетать объективные картины жизни и личные переживания, романтику поколения и повседневные дела деревни, переходящей к коллективному хозяйствованию.

В цикле отчетливо проявляется обогащение авторского лиризма: появляются живые разговорные интонации, лирическая взволнованность нередко дополняется улыбкой. Усложняется и жанровая структура стихотворений: обращаясь к дневниково-очерковым формам, поэт совмещает пейзажные картины с бытовыми зарисовками, широко привлекает и средства публицистического стиха, ранее используемые обычно в декларативно-отвлеченных контекстах.

Требования к себе растут. И вот что осознается поэтом все более: его поэтическому стилю ощутимо не хватает естественности, простоты. А без этого невозможно правдивое изображение народной жизни, проникновение в мир простых тружеников. «Понимаю, что лучше всего обратиться к народной песне, к Янке Купале, к Якубу Коласу, к Пушкину, к Некрасову...»¹

¹ Кулешов А., Несколько слов о себе. — В кн.: Кулешов Аркадий, Стихотворения и поэмы, М., 1957, с. 8.

«Страна Муравия» А. Твардовского, другие незаурядные явления советской поэзии — стихи и песни М. Исаковского, «левковский» цикл Я. Купалы (стихотворения «Гости», «Лен» и другие, созданные поэтом в 1934—1935 годах на даче в Левках) — давали ему ярчайшие образцы именно такого подхода к изображению современности. В них задушевно и привлекательно изображалась колхозная новь, поэтизировался мир новых человеческих отношений, раскрывалась нравственная, гуманистическая сущность характера советских тружеников, живущих в условиях, когда навсегда исчезло социальное неравенство.

Кулешов все более утверждает на этом пути, создавая стихотворение «Из дневника бригадира», поэмы «Песня о разведчиках» и «Баранов Василий». Стиль его обретает гармоничность, уравновешенность, «традиционность». Все больше и больше привлекает поэта и народное творчество.

В основе поэмы Кулешова «В зеленой дуброве» (1938) — мир преображенного социализмом человеческого бытия. Автор хорошо ощущает поэзию этого мира — радость совместного труда, товарищескую поддержку коллектива, увлеченность общим делом. Несложная по своему сюжету (любовь колхозной звеньевой Христины и тракториста Ивана), поэма озарена большой авторской симпатией к ее героям и ко всему колхозному укладу жизни.

Можно, конечно, упрекнуть поэта, что жизнь в поэме изображена несколько односторонне, празднично. Но следует учесть, что поэма-песня «В зеленой дуброве» утверждала идеал гармонического сочетания коллективизма с полнотой индивидуальной жизни, которые создавались в результате побед социализма и, формируя новую общественную атмосферу, вызвали чувства подъема и энтузиазма в широчайших массах трудящихся. Произведения, воплотившие эти чувства, отвечали духу времени и ведущим тенденциям общественного развития. Хорошо об этом было сказано в 1934 году М. Исаковским: «И всюду — на улице, в хате — На песни повышенный спрос («Осень»).

Довоенное творчество Кулешова отразило стремительный взлет творческих сил народа, радость социалистических свершений, новые нравственные и душевные качества человеческого мироощущения — социальную уверенность, чувство равенства в социалистическом обществе. И лучше всего это удавалось поэту тогда, когда окружающий мир представлял приближенным к его личному миру.

В 1939—1940 годах в журнале «Пламя революции» и газете «Литература и искусство» печатается стихотворный цикл Кулешова «Юношеский мир», в который вошли стихотворения «Дружба», «На сотой версте», «Облако», «Карусель», «Ельник», «Бюро справок»... Стихи цикла перекликаются с некоторыми ранними стихотворениями

(«Гармония новой счастливый всхлип...», «Расставание», «Дороги»). Перед нами снова стихи о юношеской любви, о встречах и разлуках, о первом жизненном опыте с его сладкой печалью, о радостном ощущении собственной молодости.

Используя разнообразные средства выразительности, поэт добивается широкого поэтического обобщения: его личный мир, мир его поколения, мир дружбы, мечты, дерзновенных планов органически вписывается в мир общенародной жизни, отчетливо выявляет его богатое психологическое содержание, раскрывает поэзию самой действительности.

Поколение, которое вступало в жизнь окрыленное социализмом во второй половине 30-х годов и готовилось к великим свершениям, воспринимало стихи цикла как выражение своих заветных чувств и порывов. Не случайно поэзия Кулешова оказала заметное влияние на представителей этого поколения, пришедших в поэзию в предвоенные годы (на Пимена Панченко, Миколу Сурначева, Кастуся Киреевко, Анатолия Велюгина, Миколу Аврамчика).

Именно эти годы отмечены усилиями поэта отразить жизнь в ее внутренней сложности, приблизить к духовному миру своего лирического героя самые напряженные противоречия времени. Ярким свидетельством этого явилась поэма «Хлопцы последней войны» (1940). Поэт по-новому — драматически напряженно и многоаспектно — синтезировал свой биографический и душевный опыт. Лично-биографическое соотносится с общенародным на значительно более широкой основе, чем в прежних произведениях. Поэма проникнута страстным антивоенным пафосом, отмечена душевной мобилизованностью героя, его ответственностью перед страной.

Внутренний драматизм поэмы, в которой делается попытка предугадать последствия решающей битвы с империалистическими агрессорами и выразить духовный, нравственный ее смысл, усиливается контрастным сопоставлением светлых картин мирной жизни («дождик прокапал по заводам сонным», «шмель над клевером кружит со звоном») и трагических последствий войны: «У берегов вопрошают реки: — Хлопцы ли это идут? — Калеки...» Поэт стремится к густоте чувств, сложному взаимодействию картин и мотивов, содержательному сближению большого и малого, конкретного и отвлеченного. Именно эти черты лиризма — измененные и обогащенные новой жизненной зрелостью — с большой силой проявляются в поэзии военных лет, в послевоенных произведениях и в «Новой книге».

Многие строки поэмы, которая, казалось бы, могла померкнуть после Великой Отечественной войны, и ныне звучат злободневно, не теряют силы поэтического воздействия. Еще более близким, понятным становится мотив душевной связи поэта с дальними странами,

чувство сопричастности к событиям, происходящим в различных уголках нашей планеты:

Я видел,
 возле рек Беларуси,
Следя за взмахами влажных крыл,
Как перелетною стаей
Связали гуси
Днепро и Нил.

Я слал с ними,
 плывшими южным курсом,
Навстречу смерчам песчаным, бурям
Песню, близкую и неграм, и индусам,
И даже
~~далоким-далеким~~ бурам.

Поражает, как уверенно ввел автор довоенной поэмы глобальный масштаб в свой поэтический монолог и тем самым придал особую значимость своему раздумью о войне и мире, о судьбах человечества и планеты:

Земля, не тревожься:
О будущем нашем
Мне снилось и думалось ночи и дни...
Что, как вдруг одолеют,
Скажем,
они?

И далее идут строки:

Станет земля совсем маленькой, —
Меж звезд иных попробуй заметь, —
Сначала старой,
А там и старенькой.
А солнце?
 Ему не вечно гореть.
Уже оно желтое.
 Знаем давно мы —
Землю оно согревает давно,
Знают даже день астрономы,
Когда не будет теплым оно.

Возникает фантастическая картина будущего обледенения планеты, связанного, между прочим, не только с ее естественным старе-

В предвоенных сборниках стихов Кулешова «Мы живем на границе» (1938) и «В зеленой дуброве» (1940) есть немало стихотворений, пронизанных предгрозовым ощущением будущей войны. Представления о грядущей битве, вполне понятно, были романтически-отвлеченными. Но наполненность чувств, драматический накал и осознанная гражданская ответственность, искренность и сила авторских переживаний сохраняют за многими стихотворениями («Утро», «Отец», «Стоит у леса дом...») немалое художественное значение.

2

Незадолго до войны Кулешов опубликовал стихотворение «Отец», полное нежности и раздумчивого, щемящего лиризма:

Когда война, над миром громяхая,
Придет — весной иль в желтый листопад, —
В военной форме, дочь моя родная,
К тебе приду тогда я в детский сад.

.. Закружится над нами в час разлуки
Мой штыком случайно сбитый лист.
Я ласково возьму тебя на руки,
И ты заснешь
Под тихий птичий свист.

Я, сонную, тебя под яблоней покину,
Пойду на запад в битву на врага,
Чтоб он не жег
Родимую кранну,
Чтоб конь его
Нам не топтал луга...

(Перевод М. Исаковского)

Однако не довелось поэту, когда началась Великая Отечественная война, повидаться с детьми и женой, находившимися на летнем отдыхе и вскоре очутившимися в оккупации. Первые дни войны застают Кулешова в Минске, где он становится очевидцем варварской бомбежки города. Пришлось оставить родную Белоруссию, пережить вместе со многими советскими людьми горечь отступления. Пешком добирается поэт до Орши, затем — поездом в Калинин, где добровольно вступает в ряды Красной Армии. Пройдя курс подготовки в военно-политическом училище под Новгородом, он получает назначение в качестве корреспондента в армейскую газету «Знамя Советов».

Все пережитое, выстраданное в эту пору вылилось в поэму «Знамя бригады» (1942). Она стала проникновенным словом о военном

лихолетье и великой народной борьбе, о том напряжении сердец и необыкновенном подъеме духа народа, благодаря которым Советская страна победила в Великой Отечественной войне.

Сюжет, избранный автором (повествование о том, как трое бойцов выносят из окружения знамя бригады), давал возможность широко показать драматические картины начального периода войны. Вместе с тем форма поэтического дневника (повествование ведется от имени белорусского воина Алеся Рыбки, образ которого внутренне близок автору) позволяла эмоционально усилить отдельные эпизоды.

В эмоциональном и художественном строе произведения активно «действуют» разнообразные стилиевые элементы и средства поэтической выразительности — от возвышенной публицистики, опирающейся на литературные традиции, до народной фразеологии, от стилизации народной песни и сказа до прямых описаний событий, от традиционной фольклорной образности до новаторских приемов индивидуальной, авторской поэтики.

Поэма начинается с почти дословной перефразировки известной лермонтовской строки («Как дубовый листок, что оторван от ветки родной, Минск родной я покинул, немецкой бомбежкой гонимый...»), которая сменяется условно-лирическим, воображаемым разговором с оставленными вещами. Будто живые, заговорили домашние вещи:

А ни ложки, ни миски
Остаться одни не желают,
Шепчут горестно книжки:
«Враги нас в костер побросают».
Конь искусной работы,
Гнедой, на колесах отличных,
Мне сказал: «На кого ты
Покидаешь нас, горемычных?»

И сразу же разговор обретает большую драматическую насыщенность: ведь приходится не только прощаться с мирными, обиходными вещами, но и оставлять родной город, родную землю... Как нечто кошмарное и невозможное врезаются в сознание зрелища разрушений и пожаров («Долго улица, долго родная Мой путь в темноте озаряла»), пламенные слова клятвы:

Я тебе обещаю,
Родным пепелищем клянусь,
Что с дороги нигде не собьюсь.
Я вернусь. Я вернусь.

Далее разворачиваются увиденные глазами отступающих бойцов мучительные картины фашистского насилия, издевательств, изобра-

жаются проявления гражданского мужества и человеческой доблести советских людей.

Иосиф Уткин в статье «Знамя поэта» (это был один из самых первых откликов на поэму) обратил внимание на удивительное чувство «музыкальной меры», стройности и завершенности всего «архитектурного ансамбля» этого замечательного произведения.¹

Всем основным элементам поэтики «Знамени бригады» присущи органичность и целесообразность, они придают поэме полифоничность и широту.

Поэт тонко и глубоко чувствует законы архитектоники большой поэтической формы. В поэме немало эмоциональных нарастаний, напряженные эпизоды следуют один за другим. Прощание с городом, неравный бой с врагом, ощущение невероятности происходящего, горечь от своей временной беспомощности, необходимости таиться от врага, свадьба, которую справляет «подлиза немецкий», угрозой вынудив выйти за него замуж несчастную девчину, казнь Ворчика — бойца, изменившего своему долгу, встреча с голодным и босым хлопчиком...

И почти после каждого драматически напряженного эпизода автор дает лирическую разрядку: это и «мирная» сценка жизни в том уголке, куда еще не добрался лютый враг, и образы тишины, покоя...

Поэма многогранно раскрыла все, чем жил белорусский народ в эту трудную пору, — его быт и культуру, его духовные ценности, его обычаи, традиции, обряды, народную речь.

Широко вошли в поэму различные средства белорусского фольклора: и народное голошенье, плач, и отголоски исторической песни с густо замешенной, в стиле «Слова о полку Игореве», метафоричностью, и различные народные речения, пословицы и поговорки, и песня-предание.

Хорошо сказал критик Г. Березкин: «Кулешову, когда он писал свою воистину народную поэму, было важно восстановить в своей душе и в душах всех ту *мелодию*, которой народ на протяжении столетий высказывал самое заветное. Народ в «Знамени бригады» — не только тема, объект изображения или нравственный критерий: он — и действенная формотворческая сила».²

Позднее, обобщая достижения и опыт белорусской поэзии военных лет, Кулешов говорил: «В те времена, времена Отечественной

¹ Уткин Иосиф, Знамя поэта. — «Литература и искусство», 1943, 21 августа.

² Бярэзкін Рыгор, Аркадзь Куляшоў, Мінск, 1978, с. 67. Перевод автора статьи.

войны, разговоры с ветром, ручьем, лесом ворвались в строки поэтов не случайно и не по причине освоения ими традиций народно-песенной лирики, как это готовы объяснить литературоведы, а потому, что несли в себе извечную потребность выплеснуть в песне новый плач по заневоленной чужеземцами земле. Однако поэзия не высказала бы свое время, если бы не наполнила причитания, разговоры с заневоленной природой гневом и мстью народной. Сочетание традиционных мотивов с верой в освобождение явилось в самый тяжелый, критический момент войны: оно служило *действенной* цели — победе». ¹

Когда-то в довоенном стихотворении «Утро» лирический герой обращался к родной природе, моля ее стать преградой для врагов: «В родимую краину пути переиначь...» Здесь, в поэме, герой обращается к ней за поддержкой, и средства народной поэзии придают описанию происходящего одухотворенную силу лиризма:

Что ж, ручей, выручай,
Уведи нас далёко-далёко
И кустами плотней закрывай
От немецкого ока!

А. Твардовский, останавливаясь на этом и многих других впечатляющих местах поэмы, писал: «Одна за другой идут картины трудного пути на восток по горестно притихшей, печальной земле родного края, отрезанного от большой советской родины линией далекого фронта. И каждая из этих картин и встреч рождает в сердце читателя то скорбное и гневное, то щемяще-горестное, но всегда не малое, не случайное чувство. Автор как бы и не заботится вовсе об этом, он ведет свой рассказ с почти простодушной **мнимой** незатейливостью, включая в него по ходу событий и времени то эпизод, то простое наблюдение, то песню либо легенду, то свой собственный лирический возглас. Но как важно для него все, что он видит и слышит по пути, как он зорек и чуток ко всему существенному в жизни родной стороны, какая большая за всем этим мысль, — тревожная, любовная, горячая, страстная мысль о родине, о суровой судьбе, выпавшей на ее долю». ²

Поэма, которая писалась в тяжелое время, в самый разгар войны, и выражала большую веру в победу, сегодня воспринимается как выдающийся художественный документ своего времени, который полно и разносторонне раскрывает содержание и

¹ Куляшоў Аркадзь, Непарыўная сувязь з жыццём. — В кн.: Куляшоў Аркадзь, Збор твораў, т. 5, Мінск, 1977, с. 428. Перевод автора статьи.

² Твардовский А., Поэма «Знамя бригады». — В кн.: Твардовский А. Т., Собр. соч., т. 5, М., 1980, с. 42.

смысл нашей победы, поддерживает неугасимую память о великих испытаниях народных. Она стала одним из крупнейших достижений всей советской поэзии, блестящим образцом народности в искусстве по «большой существенности, исторической значительности содержания в сочетании с богатством самостоятельных и органически национальных средств формы...»¹

Опубликование поэмы в журнале «Знамя» в начале 1943 года в переводе М. Исаковского стало большим событием в советской литературе. Восторженную оценку поэме дали А. Твардовский, А. Толстой, Н. Асеев, Б. Пастернак, Н. Тихонов, А. Фадеев и многие другие выдающиеся художники слова. Как одно из самых дорогих впечатлений тех лет вспоминали позднее о знакомстве с поэмой Кулешова М. Луконин, М. Дудин, К. Кулиев. «Все мы, кому случилось тогда прочесть эту поэму, почувствовали в ней ту задуманную силу, величие мыслей и широту переживаний, ту свежесть, которая отличает настоящие прекрасные творения»,² — писал М. Луконин.

Множество читателей пережило нечто похожее и при первом прочтении ряда стихотворений, созданных Кулешовым в годы войны.

Лучшие из них — публиковавшиеся летом 1942 года на страницах газеты «Известия» «Письмо из полона», «Над братской могилой», «Баллада о четырех заложниках». И стихи, которые писал Кулешов на русском языке «в качестве писателя-фронтовика» для газеты «Знамя Советов» на Северо-Западном фронте, нередко имели высокую художественную ценность.

В стихотворении «На Минском шоссе» поэт сделал как бы первую разведку волнующей темы «дети и война». Позднее эта тема нашла продолжение в поэмах «Знамя бригады» и «Цимбалы», в «Балладе о четырех заложниках» и стала органической частью поэтического разговора о народе на войне.

Любовь — один из постоянных мотивов поэзии Кулешова — тоже получает большое гражданское наполнение. В монологе полонянки («Письмо из полона») слышится скорбь всей заневоленной Беларуси:

Я рабыня, рабыня, я черная, черная...
Любый мой,
Не с тобой,
А с проклятой бедой
Обрученная...
Ты приди, отомсти — и не так за девчину, мой милый,
Как за землю родную, за ту, что легко нас носила.

¹ Там же, с. 43.

² Луконин М., Товарищ Поэзия, М., 1963, с. 100.

Очень выразительны ритмические и смысловые, звуковые повторы. В них словно слышатся и мерный ритм железнодорожных колес, уносящих несчастную полонянку в далекую неволю, и толчки чувства, усиливающегося с каждой новой строкой:

Дорогой! . .
Не расстаться с тоской,
Невеселый мой путь, невеселый. . .
Покидаю родимые села, —
И увозят по взгорьям и долам
Нас в Неметчину,
Будто в Туретчину. . .

Стихотворение раскрывает огромный мир драматических чувств, и эти чувства воплощаются в образах, сближенных с миром народных представлений об извечной беде. Слова девушки как бы доносятся издалека, нарастая, затихая и вновь нарастая: «Ты ведь знаешь: не верю, не верю я бабьим приметам»; «Вот и солнце простилось с землей. Бор темнеет сосновый. . . Из-за леса восходит мой страшный, мой месяц медовый. . .»; «И умыли росой, как слезой, васильки свои очи, Пусть не видят они мой позор, мои темные ночи».

Порывы горечи и отчаяния, любви и нежности, светлые и полные боли воспоминания, проклятья и заклинания, переходы от безысходности к надежде придают стихотворению пронзительную лирическую силу.

В стихотворении «Над братской могилой» высказывается уже мужская скорбь, чувства воинов, которые хоронят своих однополчан:

Есть на северо-западе русское место Лажинны.
Как у нас в Беларуси,
Там вербы растут и рябины.

Там желтеют
Болотные яски,
Как в Беларуси,
Там ржавеют
Фашистские каски,
Как в Беларуси.

Как величественный эпилог великой битвы воспринимается начало стихотворения. На первый взгляд, перед нами «размеренный» рассказ о происшедшем. Но стихотворение продолжается, и за этой кажущейся неторопливостью все сильнее проступает напряжение с трудом сдерживаемой скорби:

Там могила есть братская рядом с деревней Лажины,
Белорусские парни
Там головы честно сложили.
Мы без слез их хороним
И помним
О клятве своей неизменной.
Наши слезы стыдятся
Винтовок и касок всенных.

Сказано: «без слез их хороним», хотя далее стихотворение, оставаясь сдержанным, скупым на открытую эмоцию, получает форму народного плача-голошенья:

Сыплем землю на руки, которые сына носили,
Сыплем землю на ноги, что землю свою исходили.

Но в этой трагической атмосфере крепнет патриотическое чувство:

Ты попробуй в дорогу забрать те поля, те луга и криницы,
Пущи те, что лишь в сердце, лишь в сердце сумеют вместиться.
Беларусь моя, как же хочу тебя видеть я снова,
Весь чабер твой и вереск лесной,
Чуять запах сосновый...

В августе 1942 года было напечатано еще одно стихотворение Кулешова, которое ныне знает в Белоруссии почти каждый житель, — «Баллада о четырех заложниках». И снова в стихотворении, до предела трагичном, концентрируется всенародное чувство: как будто все с гневом и тревогой следят за осужденными на гибель заложниками, вновь переживают каждый момент жестокой расправы. И надо всем непоправимым, жестоким, что происходит в балладе — она повествует о судьбе расстрелянных фашистами детей знаменитого партизанского командира Батки Миная (М. Ф. Шмырева), — чистый, как колокольчик, голосок трехлетнего малыша, детское непонимание («Мальчик рад и солнцу, и воле») и беззащитность:

Мальчик спрашивает у тетки,
Всё он хочет узнать, проверить:
Почему на окнах решетки?
Почему часовые у двери?

Такой необыкновенный поэтический «цикл», к которому примыкает написанное позднее по заданию политотдела 11-й армии на основе конкретного факта стихотворение «Комсомольский билет», создал Кулешов в июле — августе 1942 года.

Эти стихотворения показали заметное возмужание белорусской поэзии, в них проявился ее переход от открыто-агитационных, «плакатных» форм выражения, преобладавших в начальный период войны, к раскрытию глубин народной души, заветных чувств людей, на которых обрушилось величайшее горе.

Отмеченные драматизмом и лаконичностью баллады Кулешова отражали героические черты советских людей. Используя фольклорные образы, народно-песенные средства, поэт привлекал в сферу лирического действия широчайшие пласты народного сознания, обнаруживая в них нечто устойчивое, духовно неистребимое, актуальное по своей патриотической направленности.

Поэма «Цимбалы» (белорусское название: «Прыгоды цымбал», т. с. «Приключения цимбал», 1944) по-своему дополнила военную поэзию Кулешова, раскрыв (как и «Баллада о четырех заложниках») трагическую коллизию, связанную с судьбами детей на войне. Здесь все события, пронизанные мировосприятием детства, переходами от сказочного к реально-возможному, словно происходят в открытой душе народной, взволнованной и растревоженной, готовой на любые жертвы, чтобы уберечь это детство, возвратить ему вновь радость и праздничность.

Поэма создавалась тогда, когда победа над врагом уже была близка. Это во многом определило ее тональность. Тема детства, опаленного войной и спасенного для мирной жизни, стала главной в поэме, что сказалось и на ее сюжетном развитии, композиции, изобразительных средствах.

В поэме ярко воплотилась детская вера в волшебство как в реальность, детское ожидание чудодейственной победы добра, вполне «естественного» для детского сознания, в котором сведения об окружающем мире, суровые впечатления военных лет переплелись со сказочными, фантастическими представлениями.

С самого начала поэмы тема омраченного войной детства сопровождается темой бессмертия народного искусства, воплощенного в символическом образе волшебных цимбал. Первые страницы рассказывают о превращении ели в музыкальный инструмент:

В лесу под небом синим
На взгорке ель росла.
Стройнее и красивей
И выше всех была.

Словно возвращается вновь атмосфера гармоничного и солнечного детства, каким было оно в довоенную пору. Жизнь еще полна радости и красоты, удивления и восторга. Детям, входящим в ее огромный мир, она предстает сказочно увлекательной, зовущей на

большие просторы. Поэт дает возможность ощутить все это и через предполагаемые судьбы ели, которую везут из лесу:

Может, плыть ей придется
По морю к далекой земле,
Может, мачтою стать доведется
На том корабле. . .

. . .Может быть, проводами обвешееа,
Встанет у хат
И из города в город депеши
Через нее полетят.

Одухотворенной, открытой в чарующие дали видится не тронутая военной бедой народная жизнь. И цимбалы, олицетворяющие ее поэтическое начало, создаются или, вернее сказать, сотворяются народным умельцем как сказочное чудо.

Дед вставал спозаранку
И в затени доски сушил,
А просохли —
 рубанком,
 фуганком
Строгал их, скоблил.
И они засветились,
 словно внука ладонь,
Когда внук перед лампой
 глядит сквозь нее на огонь.

Подобно кантеле в карело-финском эпосе «Калевала», цимбалы становятся бесценным символом народной души.

И пошло, заходило
От стены до стены:
«Не цимбалы, а диво!»
— «Им нету цены!»

Цимбалы путешествуют с осиротевшими детьми и оберегают их от фашистской расправы. Враги пытаются то украсть цимбалы, то разбить, уничтожить их, но неистребимым, не подвластным вражеской воле остается народное искусство, как и его творец. В решающие моменты, когда над детьми нависает угроза, слышится голос цимбал, зовущих на помощь к ним. В развитие сюжета, как видим, вторгаются условно-сказочные мотивы, создающие второй, наряду с реальным, план поэмы.

С одной стороны, целый ряд событий и персонажей поэмы вполне правдоподобны: это и фашистский служака Густав, который

сторожит воз с награбленным добром, и жадная вдова Лизавета, это и партизанская «дуброва», в которую стремятся попасть, спасаясь от фашистов, «соседи по пеплу хат». С другой — в сюжет произведения органически входят и сказочные приключения цимбал, и то, что нагрянувшее несчастье здесь в результате олицетворения «вдруг стало Зеленым и злым» (образ этот очень понравился Б. Пастернаку),¹ — ведь дальше это несчастье говорит на языке захватчиков.

«Цимбалы» заняли свое достойное место в военной поэзии Кулешова, которая явилась замечательным образцом патриотического служения Родине, широкого использования национальных традиций и смелого новаторства.

3

И вот поэт в освобожденном Минске, который пришлось ему оставить три года назад. Еще дымятся руины разрушенных зданий, но счастье мирной жизни становится возможным и близким. Вполне понятным и естественным было желание поэта сразу после освобождения

...двинуться вместе с землею
От страданий,
От воспоминаний,
От тягостных дней, —

так говорилось в эпилоге поэмы «Дом № 24», написанной в 1944 году после освобождения Минска.

По-новому пережитой радостью мира, ощущением новых перспектив жизни были пронизаны многие произведения Кулешова первого послевоенного времени:

Мир, расцвеченный красками свежими,
Изменился у всех на глазах.
И лишь солнце восходит по-прежнему,
Заливая сиянием шлях.

(«Свадьба»)

Этим светом озарены были и поэма «Новое русло» (1948), и целый ряд стихотворений. Но навсегда осталась память о войне, ее испытаниях и невзгодах, ее строгой мере человеческого достоинства и жизненных ценностей. Даже и тогда, когда поэт прямо не говорит о войне (как в цитированной выше «Свадьбе» или в стихотворениях «Колос», «Подсолнух»), хорошо ощущается, что с памятью о ней внутренне связана эта неудержимая радость мирной жизни и труда.

¹ См. об этом: Бялевич А., Чарадзеі, Мінск, 1970, с. 230.

Опыт войны отчетливо сказался в поэмах «Новое русло», «Только вперед» (1950) и в созданной уже в 50-е годы «Грозной пуще» — поэме об освободительной борьбе народа Западной Белоруссии до ее воссоединения с Советской Белоруссией, отмеченной эпической широтой и попыткой освоения нового для Кулешова жизненного и поэтического материала.

Как отмечалось в критике, основной конфликт в поэме «Новое русло» разрешался облегченно.¹ По-видимому, не обошлось без влияния так называемой «теории бесконфликтности». Спор о проектной мощности сельской электростанции между старым строителем Шайпаком и молодым инженером-электриком вполне укладывался в схему конфликта «хорошего» с «лучшим». В то же время авторский лиризм, соединяющий воедино и радость строительства, и пафос преодоления трудностей, и воспоминания о недавней войне, и светлый порыв в будущее, нередко обретает самостоятельное художественное значение. Более существенной при этом становится не главная коллизия, а та лирическая линия поэмы, которая объединяет впечатления и переживания молодого инженера с его перерастающей в любовь дружбой с дочерью Шайпака.

Думы о своем поколении, о пройденном им пути, воспоминания о юности, о первой любви создают густой лирический настой поэмы «Только вперед». Кулешов стремится обнажить коренную основу внутреннего мира и общественного сознания своих современников — нравственную чистоту, верность заветам юности, преданность Родине, готовность нести «главную службу» времени: строить, созидать, бороться за счастье и мир для людей.

В 1947 году Кулешов написал стихотворение «Земля», в котором мирная жизнь открывается в необычном для поэзии того времени ракурсе: космонавты смотрят на Землю с высоты космического полета, и им отраднее видеть и знать, «что давно управляют Землею Люди единой семьей трудовой». Это стихи о счастье мира, завоеванного в недавних боях:

Будет отраднее вам в пору возврата,
Как из похода идущим солдатам.

Мниться вам будет Земля, истомленным,
Флягой с водою, баллоном с озоном.

Будет Земля вам в ракетном оконце
Хлебом казаться, что выпекло солнце.

¹ См., например: Крапива - Кандрат, Нескарыстанья магчы-масці. — «Літаратура і мастацтва», 1950, 11 марта.

Удивительные строки! И необычен по красоте этот образ далекой, занятой трудом Земли. И необыкновенно ощущение величайших просторов бытия, целей и задач всего человечества. И прозорливо предвосхищение некоторых тем, которые придут в нашу поэзию много позднее, когда человек побывает в космосе.

С большой ответственностью за себя («Всё вперед и вперед. И ни шагу назад!»), за судьбы других людей, за мир на земле начинает звучать слово поэта. Ораторский пафос и публицистическая направленность («Коммунисты», «Слово к Объединенным Нациям») сочетаются с требованиями качественно новой обобщенности жизненного опыта:

Я в суровый век живу сурово, —
Не могу, не смею быть иным,
Что и подтверждает это слово,
Сквозь огонь прошедшее и дым.

(«Мое свидетельство»)

Внимание сосредоточивается на тех жизненных испытаниях, которые закалили мужество и стойкость:

Вдохнул я воздуха высот,
Мечту сроднивши с былью.
В далекий путь, в большой полет
Дала мне юность крылья.

В трудах суровых на войне
Я закалил терпенье.
И ничего, что, может, мне
Огнемхватило перья.

(«Крылья»)

В 1951 году вышла книга Кулешова «Коммунисты», в которой было помещено все лучшее из созданного поэтом в послевоенное время. В стихах, написанных на пороге 50-х годов, отчетливо просматривалось стремление поэта к масштабности, к высокому публицистическому пафосу. Вместе с тем образ авторского «я» нередко, как бывало в ту пору не только с Кулешовым, а со многими поэтами-современниками, терял душевно-психологическую конкретность.

Поэт на какое-то время переключается на эпос, о чем свидетельствует поэма «Грозная пуца» (1953—1956), вместившая в себя большой жизненный материал. Это было крупномасштабное панорамное произведение с детально разработанным сюжетом. Эпическая трактовка событий, происходивших в приграничных районах Совет-

ской Белоруссии и буржуазной Польши, сочеталась с лирико-публицистическими отступлениями, в которых читатель узнавал своего современника, проникшегося верой в могущество социалистических идей. Смысловую многозначность приобретал в поэме образ границы, разделяющей два мира. Проблема личного и общественного, связанная с судьбами героев, молодых людей, раскрывалась с обстоятельностью, свойственной эпосу.

Однако и недостатки произведения ощущались отчетливо. Его сюжетная схема, как отмечал А. Твардовский, была «излишне отяжелена переплетением различных ходов, отношений, судеб, пар и так далее»,¹ а «прозаическая распространенность и детализация повествования — сами по себе даже интересные и выразительные — часто вступали в явные противоречия с возможностью стиха, который предназначен, по Гёте, „сообщать предметам мощь и крутизну“». ²

Трудным, напряженным был поиск поэта в 50-е годы. Творческие установки, стимулировавшие его первые послевоенные произведения, уже теряли свое значение. Поэт ощущал необходимость перехода к качественно иным творческим задачам, о чем свидетельствуют такие стихотворения, как «Разговор с потомком», «Мое сердце в бору...», «Интернационал».

И верной порукой нового творческого подъема было то, что поэт всей своей жизнью был кровно связан с народом и Родиной, с подлинной ответственностью распоряжался своим талантом, развивая и укрепляя его на путях поисков правды жизни, неизменно обновляя и обогащая — в соответствии с требованиями времени и внутренней потребностью собственной поэзии — свою поэтику, свое ощущение и видение мира.

4

В начале и середине 50-х годов в поэзии Кулешова, как уже отмечалось, все более вызревали те качества, которые обуславливали своеобразие и новаторскую природу «Новой книги», ставшей чрезвычайно важным этапом в творчестве поэта и определившей важнейшие его черты последних десятилетий.

«Новая книга» окончательно сложилась в начале 60-х годов (под таким названием она была опубликована на белорусском языке в двухтомнике «Избранных произведений» в Минске в 1964 году и

¹ ...И остаются с нами. Переписка А. Твардовского и А. Кулешова. — «Неман», 1980, № 9, с. 133.

² Твардовский А. Т., Зрелость таланта. — В кн.: Твардовский А. Т., Собр. соч., т. 5, с. 53.

тогда же издана отдельной книгой на русском языке в переводе Я. Хелемского в Москве).

Поэт достиг в ней высот емкого философского осмысления современности, ее определяющих исторических и социально-политических тенденций, ее новых пространственно-временных представлений и гуманистических перспектив.

Мы говорим: философское осмысление, обобщенное переживание. . . Но, может быть, поэзия Кулешова на пути к решению своих сложных лирико-философских задач утрачивала такие драгоценные свойства подлинной и действенной лирики, как свежесть и непосредственность переживаний, и абстрагировалась в умозрения, уводящие ее от прямого эмоционального взаимодействия с живой жизнью, с миром человеческих страстей и насущных забот?

Отнюдь нет. Она взволнованна и волнует, она насыщена эмоциональным электричеством живых реакций на мир, она увлекает своей проникновенностью, богатством внутренней жизни, разносторонним и полным единением поэта с читателем в том духовном порыве, когда и чувство, и опыт, и воображение действуют сообща, создавая полнокровную, жизнедеятельную поэзию жизни и сердца.

Зимы холодные покровы
Давно истлели под сосной.
Но лес, лишенный дара слова,
Как назовет весну весной?

И вот, как первое признание
Весны, в бору, еще немом,
Залетной гостьи кукованье
Настывший оглашает дом.

Звучней, звучней под небом синим,
Над шумом торопливых вод
Живым березам и осинам
Ведется бесконечный счет.

(«Зимы холодные покровы. . .»)

Нельзя не почувствовать чарующей гармонии стихотворения. «Сопереживание» этому лесному превращению, победному утверждению весны неотделимо от чувства движения и невозвратности времени, сообщающего стихам еще одну, явственную и в то же время едва ощутимую интонацию. Есть у стихотворения и другие эмоционально-смысловые планы. Ведь здесь еще говорится о холоде

и пустоте безмолвия, которые в пору безжизненного оцепенения так мучат человеческую душу, нуждающуюся в звуках, словах, «зовах» живого:

И слышит пуща вековая
Впервые за немалый срок
Тот звук живой, что вымеряет
Ее и вдоль и поперек.

Мир, пробужденный зовом ранним,
На север гонит стынь и тьму.
И я, прервав свое молчанье,
Спешу откликнуться ему.

А может быть, это — и о пробуждении вдохновения, обретении необходимого и живого слова, несущего поэзию? Наверное, и об этом. Так, без всякой рассудочности, умозрительного философствования утверждается насыщенная многогранным содержанием мысль о единстве жизни и поэзии, о необходимости идти вперед и слышать голоса жизни.

Конечно, у Кулешова, если иметь в виду «Новую книгу» и последовавшие за ней произведения, есть и стихи, не ~~набеганные~~ открытого рассуждения и не связанные непосредственно с предметным миром. Но и такое обобщенное переживание не теряет внутренней пластичности, оно повсеместно сохраняет свою душевную конкретность. Мы ощущаем в нем эмоциональные толчки, несущие с собой множество разнообразных смысловых оттенков. Вот мы читаем стихи о боли:

Кто знает, где жестокий недород
Пошел передаваться полем полю?
Где начал, сам кляня такую долю,
Народы потрясать из рода в род
Покой, что вдруг взорваться может боем,
Бой, что приносит вечный упокой?
А боль ребенка роженицы болью
Затем ли рождена, чтоб стать землей?

Да, время — врач. Но боль — живая рана,
Дитя, чей плач — он слышится опять —
Ни вечной колыбельной океана,
Ни вечностью бурливой не унять.

(«Как начиналось утоление боли? . . .»)

Пафос нарастает, чувство крепнет, размышление переходит в протест против жизненных несправедливостей — «жестокое недо-

рода», губительных войн... Масштаб переживания взят большой — «вся наша жизнь». Но это не отвлеченный масштаб — он соответствует (и мы это хорошо чувствуем) характеру и опыту значительной личности, большой судьбы. Ведь только в борьбе, в самых суровых испытаниях становится по-настоящему достоверной, выстраданной жажда добра и справедливости для всех людей:

Я трижды побеждал судьбу,
Я трижды, вытянувши руки,
Лежал в постели, как в гробу.
Я знаю, что такое муки...

... Потом, зимы ослив тьму,
Я встал, весны услышал звуки.
Они всегда слышней тому,
Кто знает, что такое муки...

... Рожденный заново на свет,
Я, палкой, непривычно робок,
Нащупывая нити тропок,
Пишу тревожный свой завет...

Пишу — свидетель многих бед,
Сиротских слез, войны, разлуки, —
Да будет счастлив белый свет!
Я знаю, что такое муки.

(«Я трижды побеждал судьбу...»)

Стихотворения, прекрасные порознь и вполне самостоятельные в своем отдельном содержании, тяготеют к более широким контекстам.

Если жизнь дорога, если ее хочется достойно прожить, если с ней трудно расставаться, если она так прекрасна и так трудна, если ее хочется сделать лучше — так это потому, что всем существом ощущаешь ее красоту, потому, что страдал, любил, познал горечь утрат, потому, что понял главную суть бытия: необходимость действия, борьбы, преодоления. И хорошо понял, что такое товарищество, дружба, любовь. И утвердился в главных принципах человеческого единения. И определил для себя смысл, задачи и программу своего главного дела — поэтического творчества.

Именно на этой основе развивается лирическое «действие» «Новой книги» и наращивается ее поэтическое содержание.

Вот одна из постоянных тем в поэзии Кулешова последних лет — тема памяти. Память вызывает, обязывает, взыскует. Она

спрессовывает годы и десятилетия, даже столетия («Я чувствую, на свете существуя, Что мне сейчас отнюдь не пятьдесят, — Что лет пятьсот, не менее, живу я»), когда речь идет о судьбах всего человечества. И она же широко разворачивает мир сокровенного мгновения, значительность небольшого отрезка жизненного пути.

Подросток я — лесной тропинки друг.
Всё было мне в ее владеньях мило.
Однажды нас улыбка разлучила
Подруги новой, что явилась вдруг.

(«Подросток я — лесной тропинки друг. . .»)

Память обязывает бречь от забвения павших друзей, соединяет биографический опыт с нравственным, поддерживает преемственную связь людей и поколений.

Личное время в «Новой книге» многообразно сопрягается с историческим. Конкретные жизненные пути и перепутья (тропки юности, фронтовые дороги) совмещаются с эпохальными масштабами:

Средь пущи вековой, в пути обветрен,
Стою, далеким голосом томим,
На полумиллиардном километре,
На стыке меж грядущим и былым.

(«На полумиллиардном километре»)

Мысль, воображение поэта устремляются в космические дали, порождая свои, поэтические, пространственно-временные измерения. В этой новой системе душевных и поэтических координат приобретают глубокое содержание слова про тот порог, «где властвует она» (смерть), и про «былых тысячелетий дни», и про будущее — «неугасимой жизни продолженье». Годы, десятилетия, весь жизненный путь поэта и краткие мгновения быстротечной жизни становятся частями всеобъемлющего и многомерного, «плотного» и «непрерывного» пространственно-временного единства всей «Новой книги».

В этом выразилась ее органическая связь с мироощущением современного человека, которому свойственно все более широкое и полное приобщение к новейшим естественно-научным понятиям и представлениям о мире и все более острое ощущение личной причастности к судьбам всего человечества.

«Новая книга» утверждает единство всех сторон жизни, единство индивидуальных и общественных начал в мире целеустремлен-

ной человеческой личности, осознающей свою ответственность за все многовековые приобретения человеческой культуры:

Мне что ни год, то жизнью жить иной
В двадцатом нашем веке довелось.
Я — колос в море зреющих колосьев,
Миллионы судеб собраны в одной
Моей судьбе — всё их разногололье.

(«Мне что ни год, то жизнью жить иной. . .»)

В некоторых стихотворениях «Новой книги» («Земля не вечна. . .», «Когда в полет, как мирные снаряды. . .») «космический» ракурс придал особую новизну и насущность рассуждениям поэта о жизни и смерти. Такой ракурс соответствует тому этапу в развитии человеческой цивилизации, когда, говоря словами Ч. Айтматова, «гуманизация времени и пространства становится главным смыслом жизнедеятельности разумных существ и тем самым продолжением эволюции мира в ее новой, высшей, бесконечной фазе».¹

В «Новой книге» и всей поэзии Кулешова последних лет жизни нашло выражение то «растущее тяготение человека к Человечеству»,² без которого немыслимо представить себе нравственную атмосферу нашего сегодняшнего общества.

В статье «Зрелость таланта», посвященной «Новой книге»,³ А. Твардовский писал: «Вся эта свобода лирического изъяснения, эта несдавленность тона, смелость неожиданного сближения строгой мысли и простой сердечности — их не отнесешь к иному, чем наши дни, периоду — они принадлежат нынешнему времени и порождены им».⁴

То, что сближаются расстояния, ускоряется движение, уплотняются жизненные отрезки, увеличиваются масштабы («Десятилетия мчатся год за годом, Как дождь, как пыль, как на голову снег. . .»), глубоко соответствовало мироощущению и душевному состоянию автора «Новой книги». Все дается трудней, сокращаются сроки, вместе с мыслями о необратимом движении времени приходит мысль и о пределе собственной жизни. Кулешов мужественно принимал эту пору, открывая в ней новые горизонты. Конечно, горько и трудно согласиться с тем, что «отмерен» срок сердцу и собственной жизни. Но тем сильнее жажда действия, стремление наперекор всем недугам нести самую трудную жизненную ношу:

¹ Айтматов Чингиз, Буранный полустанок, М., 1981, с. 87.

² Турков А., Свое русло. — В кн.: Кулешов Аркадий, Избр. произв., т. 1, М., 1968, с. 18.

³ Твардовский А. Т., Собр. соч., т. 5, с. 54.

⁴ Там же.

.. дальше свой поход
Продолжу, весь охвачен жизни жаждой,
Пока в пути не кончится однажды
На весь мой срок рассчитанный завод.

(«От счастья сердце скачет, как дитя...»)

И тем глубже и ответственно раздумье о сделанном, подведение итогов:

Стоит уже с цепями и метлою
День молотбы и у моих дверей.
И с каждым часом та пора видней,
Когда земля, как сказано не мною,
Меня в свой темный примет мавзолей.

(«Десятилетия мчатся год за годом...»)

Один из лейтмотивов «Новой книги» — мысль о связи поколений, преемственности дел и идеалов, нравственных норм: от предков к современникам, от нас — к потомкам, от прошлого — к будущему.

У А. Твардовского есть замечательные стихи об этой нерушимой связи, духовной «поруке» людей, простирающейся за «мглу безгласную»:

Ты дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной пустотой,
А мы условились, что будем
И за твою жизнь чертой...

...И, нашей связаны порукой,
Мы вместе знаем чудеса:
Мы слышим в вечности друг друга
И различаем голоса.

(«Ты дура, смерть: грозишься людям...»)

Кулешову очень близка эта мысль, эта нестигаемость сердца, этот горячий, страстный азарт жизни. Он слышит из вечности голоса погибших друзей, их делами и памятью проверяет дни и дела сегодняшние:

...и за чертой смертельной,
Как из окопов, из могил своих.
Не списанные памятью живых,
Они опять ведут огонь прицельный,
Как из окопов — из могил своих.

(«Солдаты века, что по грозной цели...»)

Таково представление о нравственной высоте дружбы у Кулешова. Дружба — это и верность, и память, и ответственность, и дело, которому служишь, и борьба. . .

А. Твардовский в стихотворении «Есть книги — волею приличий. . .» писал о величии истинной книги, которую, «случайно начав с середины, невольно всю пройдешь насквозь». Слова эти вспоминаются при чтении уже упомянувшейся его статьи «Зрелость таланта» о «Новой книге». Эта статья заканчивается так: «Я не ставил себе задачей предупредить читателя относительно всего того, что он найдет в «Новой книге» Аркадия Кулешова, но беру на себя смелость сказать, что если он раскроет ее на любой странице, то вряд ли удержится, чтобы вслед за одним стихотворением не прочесть второе и третье, а то и всю подряд книгу». ¹

В «Новой книге» лирическое действие воплощается средствами гибкой, выразительной и чрезвычайно активной поэтики. Связь слов, внутренних мотивов, сближение разных семантических планов каждый раз по-новому выражаются и в сквозной рифмовке, и в переносе, и в увеличении строфы до размеров большого синтаксического периода, в самых различных формах синтаксического построения.

Так, в стихотворении «Я всем обязан матери. . .» рифмы идут в глубь строки, акцентированы повторами. Стихотворение получает необходимый эмоционально-смысловой ритмический облик, соответствующий напряжению чувств, характеру переживания, движущегося от подытоживания опыта к активному, страстному волеизъявлению:

Я всем обязан матери — пропискою
В родном дому, в ее большом роду,
И зыбкою, по-нашему — колыскою,
И деревянной ложкою, и мискою, —
Всем, чем обязан дом се труду. . .

. . . Я, прекративший вой сирены режущий,
Не допущу, чтоб атом всё сгубил,
Вновь землю превратив в бомбоубежище,
Миллиард прописок — в прах, в посмертный список,
Миллиард колысок — в миллиард могил.

Поэт владеет замечательным умением передавать свои мысли и переживания в той, по определению Сент-Бёва, «классической форме», которая кажется «свободной и величественной, изящной и

¹ Твардовский А., Зрелость таланта. — «Правда», 1964, 16 августа.

осмысленной, здоровой и прекрасной по сути своей», форме, которая позволяет поэту говорить «со всеми в своем собственном стиле, оказавшемся вместе с тем и всеобщим...»¹

«Новая книга» заняла достойное место рядом с такими выдающимися явлениями советской поэзии того времени, как поэма «За далью — даль» А. Твардовского, книги стихов «Человек» Э. Межелайтиса, «А дни идут...» П. Бровки, «Новая книга» Л. Мартынова, как стихи М. Рыльского, А. Малышко, М. Танка, П. Панченко.

В творчестве Кулешова последних лет — в «Новой книге», сборниках «Сосна и береза» (1970), «Скорость» (1976) — отчетливо выразилось суровое и драматическое противоборство конфликтных начал, противоположных стихий, «тьмы и света». Поэт был верен действительности и своему трудному опыту: для него не могло быть спокойного счастья, уютного уединения, легких дорог. Только неустанный «с годами бой», напряжение души, полная самоотдача.

После «Новой книги» Кулешов не остановился на достигнутом. Видимо, предотвращая угрозу самоповторения, поэт опять устремляется в разведку, идет на отрыв от собственных открытий.

Он решился на новые рискованные поиски, когда создавал сначала поэму «Цунами» (1968) с ее условно-абстрагированной сюжетной коллизией, а затем — поэму «Далеко до оксана» (1971), в значительной степени автобиографическую, укрупненную философским и нравственным опытом современности.

Чрезвычайно чуткий к общественным сдвигам и внутренним процессам развития самой поэзии, Кулешов ощутил внутреннюю необходимость в творческой «переналадке».

По своим лирическим принципам и художественным особенностям цикл «Монолог» (1963—1966) очень близок к «Новой книге». Он весь насыщен глубоким личным переживанием, возвышенным над будничным, сосредоточенным на общефилософской проблематике времени. «Монолог» посвящен памяти З. Астапенко и Ю. Таубина. За всеми рассуждениями, поворотами чувства и мысли пульсирует горькая память о безвременно погибших друзьях юности, утверждается верность былой дружбе и общему делу — поэтическому творчеству:

Нет, не рубят узел наш единый
Ни отшумевший, ни грядущий бой.
Я — ваша память. Я вас не покину,
А как присягу унесу с собой.

(«Горячий монолог под стать коню...»)

¹ Сент-Бёв Ш., Что такое классик? — Литературные портреты, критические очерки, М., 1970, с. 313—314.

У поэмы «Цунами» есть немало общего в проблематике с «Новой книгой» и «Монологом», но вся ее художественная манера иная. Кулешов пытается здесь осмыслить будущность человечества, ценности многовековых приобретений цивилизации в проекции на судьбу двух людей, которые попробовали обособиться в своей любви от общественной жизни, уединиться, спрятаться от грозных ветров времени.

«Цунами» — это в известной степени поэма-притча, иносказательное и в то же время недвусмысленное предостережение современникам:

Ни к забытию, ни к самосохранению
Дороги нет. Ведет со смертью бой
Живая жизнь. Изранен шар земной
Двух этих сил взаимоистреблением.

Лирический потенциал поэмы, ее философская наполненность и многозначительность содержания делают ее заметным явлением в творчестве поэта и во всей белорусской поэзии.

В контрастном соотношении с «Цунами» и всеми поздними произведениями Кулешова неожиданно оказалась поэма «Далеко до океана». Кулешов, который все последние годы неизменно поднимался над жизненной эмпирией, вдруг снова обратился к бытовой конкретности.

Немеркнувшим лирическим светом пронизан рассказ поэта о всем его пути — от детства до зрелости, от узких тропок начальной жизненной поры до необозримых океанских просторов большой жизни.

Детство, истоки таланта, роль семьи в воспитании и развитии сознания ребенка, значение уроков детства и юности в духовном опыте человека, животворная сила любви и верной дружбы — все это раскрывается на фоне истории, выражается как потребность поэта перепроверить, осмыслить с позиций нового опыта весь свой пройденный путь:

Пусть часы рабочие
Поведут отсчет
Давним, неотсроченным,
Памятным долгам...

Разнообразие тематических пластов и образов произведения, богатство красок и эмоциональной палитры придают поэме полифоническое звучание.

Итоги «возвратного пути» поэта к своим истокам имеют большой гуманистический смысл. Забота поэта о том, чтобы прошлое, пережитое не покрывала «забвенья тина», чтобы человечество одо-

дело угрозу трагической гибели, чтобы люди стали «владыками в мире своем», чтобы на всей планете установилось социальное равенство, приобретает в поэме силу выстраданного личного чувства, перушимого контакта с человеческими заботами, делами и судьбами.

В основе поэмы «Варшавский шлях» (1972) — глубокое раздумье о жизни и времени, о сути творчества и человеческом деянии. О том, что значит для поэзии, для поэтов быть «с веком наравне» и быть «за все в ответе». Обо всем этом автор говорит, обращаясь к творческому и гражданскому подвигу своего большого друга Александра Твардовского. «На всех скрещеннях» поэзии, времени, судьбы показывается «святая причастность» истинного поэта к «людским делам».

Мысли и чувства автора, воплощенные в форме романтически приподнятого монолога, вводятся в большой и сложный мир современности, ее глобальных социальных, идеологических и нравственных конфликтов.

В центре драматической поэмы «Хамутиус» (1975), венчающей творческий путь Кулешова, — яркая, благородная личность вождя крестьянского восстания прошлого века Кастуся Калиновского. И в этом произведении, отмеченном напряженностью и стремительным движением стиха, Кулешов вновь обращается к важным для современности проблемам исторической и социальной ответственности и нравственного достоинства человека. Как и в поэме «Цунами», только уже в конкретной соотнесенности с исторической реальностью, здесь снова проводится мысль о том, что мера ценности человека — в его верности нравственному долгу. Это была важная для Кулешова идея — жить, расти и обретать себя, посвящая все силы исполнению величайшей общественной миссии и видя свое счастье в действии, направленном к достижению всеобщего счастья.

«Хамутиус» и другие произведения Кулешова, вошедшие в его последнюю книгу «Скорость», свидетельствовали о том, что поэт был в расцвете своих творческих сил и дарование его общало принести новые плоды.

Но в феврале 1978 года в Несвиже под Минском, где поэт находился на лечении, внезапно оборвалась его жизнь. На столе остались наброски новой поэмы. . .

* * *

В поэзии Кулешова многогранно и ярко воплотилась народная жизнь, выразились чувства и мысли народные. За тем, что создано поэтом на протяжении его литературного пути, встает яркий образ времени величайших социальных преобразований, открываются

большая правда жизни, необъятный мир борьбы и дерзаний народа, тревожных дум и светлых мечтаний, суровой памяти и трепетной любви к людям.

Хорошо сказал Қайсын Кулиев в стихотворении «Лицо друга», посвященном Кулешову:

Бывали дни и добрые и злые,
Но зло не лилось с твоего пера.
Что б ни было, во времена любые
Была твоя поэзия добра.¹

(Перевод Н. Гребнева)

Кулешов — сын своего времени, поэт-коммунист, человек с мужественным и чутким сердцем, достойный преемник традиций Максима Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа и настоящий мастер-новатор, открытия которого расширяют духовные горизонты народа.

Большим вкладом Кулешова в белорусскую культуру явились его многочисленные переводы, отмеченные высокой культурой и вдохновенной точностью. Среди них — «Евгений Онегин» и другие произведения Пушкина, стихи Лермонтова, «Энеида» И. Котляревского и «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло, лирика С. Есенина, А. Малышко, Р. Гамзатова, Қ. Кулиева.

Творчество Кулешова, глубоко впитавшее в себя национальную поэтическую культуру, было широко связано с всесоюзным литературным процессом. Не только личные, дружеские контакты определяли отношения Кулешова с такими замечательными поэтами, как А. Твардовский, М. Луконин, А. Малышко, — существовало глубокое внутреннее сродство его поэзии с творчеством этих замечательных мастеров.

Расул Гамзатов, Қайсын Кулиев, Давид Кугультинов считали себя литературными побратимами Кулешова, восхищались его гражданским мужеством, гуманистическим пафосом, поэтической смелостью.

Стихи Кулешова пользуются заслуженной популярностью далеко за пределами Белоруссии, многие произведения поэта переведены на языки народов Советского Союза и зарубежных стран.

Большая многолетняя литературно-общественная деятельность Кулешова была высоко оценена Советским правительством. Он дважды был удостоен Государственной премии СССР. Его переводы отмечены Государственной премией БССР имени Янки Купалы. С первых послевоенных лет до конца жизни поэт был депутатом

¹ «Литературная газета», 1973, 17 октября.

Верховного Совета БССР. В 1968 году ему было присвоено почетное звание народного поэта Белоруссии.

Поэзия Аркадия Кулешова — большое общенародное достояние. Ярко и своеобразно отразившая десятилетия народной жизни, она принадлежит к самым значительным явлениям советской поэзии.

Мир Кулешова — мир настоящей, нужной людям поэзии. Да и что такое поэзия, если не вечная увлеченность жизнью и творческое горение, яркость чувств, неустанное напряжение души и мысли, знание себя и людей, высшая форма человеческого единения — дорога в океан человечности.

Варлен Бечик

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Родился 6 февраля 1914 года в местечке Самотеевичи Костюковичского района Могилевской области.

Мои отец и мать — сельские учителя.

Стихи начал писать с семилетнего возраста, а в 1926 году в климовичской окружной газете «Наш работник» («Наш працаўнік») было напечатано мое первое стихотворение на белорусском языке. В следующем году несколько стихотворений появилось в областной газете «Могилевский крестьянин» («Магілёўскі селянін») и одно в «Красном сеятеле» («Чырвоным сейбіце») — литературном приложении к республиканской газете «Беларуская вёска».

В 1928 году, по окончании Самотеевичской школы, поступил учиться в Мстиславльский педагогический техникум. Там стал комсомольцем. В те годы Мстиславль был своеобразным центром начинающих поэтов и писателей, группировавшихся вокруг студии «Маладняка» — самой массовой литературной организации в Белоруссии. Здесь я познакомился с талантливыми начинающими поэтами Юлием Таубиным и Змитроком Астапенко, стихи которых уже печатались тогда в центральных газетах и журналах. Юлий Таубин и Змитрок Астапенко были старше меня. Творческое общение, дружба с более опытными товарищами оказали благотворное влияние на дальнейшее развитие моих способностей. Вскоре республиканская комсомольская газета «Чырвоная змена», а затем журналы «Маладняк» и «Польмя» начинают меня печатать. В 1930 году в Белорусском государственном издательстве выходит первый сборник моих стихотворений — «Рассвет земли».

В конце 1929 года Таубин и Астапенко переехали в Минск, через год покинул Мстиславль и я.

С 1931 по 1933 год учился на литературном факультете Минского пединститута. Занимаясь в институте, не порывал связей с селом. С трепетным интересом следил за новой жизнью деревни, за теми преобразованиями, которые из года в год все разительнее

меняли ее былой облик. Я спешил написать обо всем этом по горячим следам событий, в манере стремился следовать Маяковскому.

Однако несмотря на то, что один за другим выходят сборники моих стихотворений и поэм — «За песней, за солнцем!..» (1932), «Аммонал» (1933), «Горбун» (1934), — написанное не приносит большой радости. Смутно чувствую, что получаются заметки, путевые очерки, а не стихи, что жизнь я знаю слабо, поверхностно, да и о том, что знаю, пою, как говорится, не свойственным мне голосом. Я все отчётливее понимал, какие возможности для современной поэзии таят в себе народная песня, творчество Янки Купалы, Якуба Коласа, традиции Пушкина и Некрасова... Закончил поэмы «Баранов Василь» (1937), «Песня о разведчиках» (в последней редакции — «Песня о славном походе», 1951).

Следил за всем, что появлялось в советской поэзии. И вот как откровение, как прозрение — «Страна Муравия» Твардовского.

Я несколько не преувеличу, если скажу, что как поэт своим рождением я обязан именно этому произведению. «Страна Муравия» не только по-новому открыла близкий мне мир народной жизни, но и была толчком, который помог выявить собственные поэтические возможности.

В 1938 году написал небольшую поэму-песню «В зеленой дуброве», а в последующие годы стихотворения «Облако», «Утро», «Мельница», «На сотой версте», «Бюро справок», «Могилевская тучка», «Туча», «Моя Беседь» и др., в которых, по признанию критики, обрел свой поэтический голос.

В 1940 году в Гослитиздате в переводе на русский язык вышел сборник «Дубрава» — в нем были напечатаны эти и некоторые другие мои стихотворения.

С апреля 1941 года — член КПСС.

24 июня 1941 года покинул разрушенный фашистской бомбардировкой пылающий Минск. Пешком проделал горький путь от Минска до Орши. Поездом доехал до Калинина, где вступил в ряды Красной Армии. Из Калинина был направлен в военно-политическое училище под Новгородом, оттуда — в армейскую газету «Знамя Советов».

В 1942 году на фронте написал поэму «Знамя бригады». Глубокой осенью того же года прочитал поэму Твардовскому, мнением которого, по понятным причинам, я особо дорожил. Поэма Твардовскому понравилась, и он тут же послал ее М. Исаковскому. В начале 1943 года поэму, в переводе М. Исаковского, опубликовал журнал «Знамя».

В годы Отечественной войны изданы еще две поэмы — «Цимбалы» и «Дом № 24», также переведенные на русский язык М. Иса-

ковским. С 1945 по 1952 год работал над книгой «Коммунисты», куда кроме стихотворений включены поэмы «Новое русло», «Простые люди», «Только вперед», «Песня о славном походе».

Всегда мечтал о книге, которая смогла бы вместить, охватить весь пройденный путь: от детства и юности до зрелости, от весны и лета до начала осени, чтобы, кроме лирической биографии, кроме пройденного пути, в книге был образ края, давшего ей начало. Для меня и моей лирики таким краем была Могилевщина. Недавно я завершил работу, о которой мечтал, — написал поэму «Далеко до океана», она уже переведена на русский язык и сдана в издательство «Советский писатель».

г. Минск, 1970 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из ранних книг

1

Гармони новой счастливый всхлип.
Июльский вечер, цветенье лип.

Белесой лентой вокруг местечка
Во мраке вьется, струится речка.

Созвездья молча глядятся в заводь,
Их отраженьям привольно плавать.

Проходит песня прибрежным лугом,
Легко поется друзьям-подругам.

Гармони новой счастливый всхлип.
Июльский вечер. Цветенье лип.

1927

2

Радостно и грустно шелестят осины,
Желтою листвою устилая шлях.
Синеву линуют струны-паутины,
Медленно мерцая в солнечных лучах.

Я влетаю строки в сказочные нити,
Обнимаю рощи, тишину озер.
Золото на тропках, серебро в зените —
Осенью погожей вытканый узор.

Пусть поблекли травы и цветы увяли,
Пусть холодный ветер клонит лозняки,

Всё еще прозрачны полевые дали
И сверкает небо, стуже вопреки.

Радостно и грустно шелестят осины,
И дубы алеют, не страшась беды.
На кленовых листьях виснет паутина,
В нитях серебристых желтые сады.

1927

3. НА ДОРОГЕ

Тают растрепанных туч волоконца,
Всё ослепительней блеск синевы.
Хочется свежести, хочется солнца,
Хочется стряхивать капли с листвы.

Хочется мне в гридорожную пушу,
В гушу дубравы, в лесной бурелом,
Хочется стежек, сквозь чащу ведущих,
Сказок, живущих за каждым стволом!

1927

4. ОСЕНЬ

Отсинели в поле васильки,
И в снопы уложены колосья,
И трещат кузнечики в прокосе,
И туман поднялся от реки.

Всё в монисто осени вплелось —
Дымка, лист, повитый паутиной. . .
День, пропахший горечью полынной,
Убегает, как пугливый лось.

1927

5. УТРО

Нависает,
Нависает
Тень ольхи над водою зыбкой,

И под ветром заря сквозная
Чуть покачивается, как в зыбке.

Поднялося,
Поднялося
Утро раннее в блесках росных,
И подрагивают колосья,
Перешептываются сосны.

Поле бархатом всё расшито
И омыто рассветом летним.
Прямо в жито,
Прямо в жито
Вплетены цветастые ленты!

1928

6. ПРОЩАЙ...

Прощай, разбуженная сердцем, дорогая.
Такая горечь, не пойму я отчего...
Мне ранней зорьки жаль, что в небе догорает
На самом восходе дня земного моего.

Ты не забыла ли признаний первых робость?
Над нами жаворонком пел и плакал май.
В твоих глазах — наавтра — холод и суровость,
В моих — отчаянье немое через край.

Ушла ты, милая, под шорох желтых сосен,
Ушла, безмолвная, туда, в ржаную даль,
Где тропкой росрани зеленые колосья
Моя безбрежная баюкала печаль.

Ушла за тихие, далекие просторы
Звездой рассветною, что меркнет в синеве.
Души покинутой горячие укоры
Слезой холодной застыли на траве.

Ушла, забыв меня средь зябкой и туманной,
Полынной грусти в дымке тонущих дорог,
Чтоб скорбь мгновенную и горечь этой раны
Годами в сердце заглушить своим не мог.

Ушла, вовек уж не воротись, Алесь.
Прощай, смуглянка незабвенная, прощай...
Забывтым жаворонком в вечном поднебесье
Над давней расстанью поет и плачет май.

Прощай, разбуженная в сердце, дорогая.
Твой светлый образ мне по жизни пронести, —
Он зорькой утреннею тихо догорает,
Чтоб на излете, поздним вечером, взойти.

1928

7. РАССТАВАНИЕ

Я сегодня покидаю,
Может статься, что навек,
И ромашковые дали,
И журчанье малых рек.

Песня лета... Слышу голос
Трав, что нынче высоки.
Спелый колос, русый волос
Оплетают васильки.

Вновь кузнечик запиликал,
Тихо вторя песне той.
Загрустила земляника
На полянке боровой.

Но уже несутся кони,
Ускоряя легкий бег.
Уезжаю я далеко,
Может статься, что навек.

1928

8

Одна земля вскормила нас обоих
И принесла нам солнечные сны.
Мы как подарок унесем с собою
Ее пригорки, гашни, валуны.

Тот ранний луч, который жадно ловим, —
Лишь малый отблеск праздничной красы
Лесов, колосьев золотоголовых,
Родных садов и луговой росы.

Когда на первом солнцепеке снова
Сугробы плавит молодой апрель,
Пьянеем мы от запаха земного,
И долго не проходит этот хмель.

А осенью в сквозном лесу под Минском
Мы принимаем к пламени рябин.
Не так ли сладость ласки материнской
В себя вбирает повзрослевший сын?

Вскормила и вспоила нас обоих
Одна и та же щедрая земля.
Давай же в песне унесем с собою
Ее пригорки, чаши и поля!

1929

9. МОЛОТЬБА

Отшумело лето колосками,
В поймах отцвело... Не потому ль,
Рея журавлиными крылами,
К югу устремляется июль?

И теперь, уйдя под сень дубравы,
Весь в наливс, золотится сад.
И, восход встречая, наши травы
Росами холодными блестят.

Осень, осень! Птица золотая!
Ты опять очаровала нас.
Тихие березы облетают,
Только клен багряный не погас.

Просеки коврами обряжая,
Шелестит и рдеет листопад.
На гумне о новом урожае
Молотилки дружно говорят.

В этом звоне, шелесте, круженье,
В этом плавном рокоте работ
Ощущаю вечное движенье,
Времени необоримый ход.

Отшумело лето колосками,
В поймах отцвело... Не потому ль,
Рея журавлиными крылами,
К югу устремляется июль?

1929

10

Ночь раздвинет завесу рябин,
Стукнет в окна зеленой рукой
И начнет, словно лен, теревить
Мои песни — строку за строкой.

Прочь экзотику — дальний Тибет,
Романтические моря.
Край родительский дорог тебе,
Луг, река, за рекою заря.

Он тобой по-сыновьи любим,
Этот мир, что пахуч и шумлив,
Этот шорох и трепет рябин,
Этот ветер с распахнутых нив.

Ты вплетишь их в звучанье строки
И венок, что к отплытью готов,
Как по струям широкой реки,
Устремишь по теченью годов.

Сквозь весеннюю талую муть
И сквозь лето промчится поток.
Коль стихам суждено потопуть —
Значит, недолговечен венок.

Не тоскуй, не досадуй, поэт,
И запомни присловье одно:
Немудреный у песни секрет,
Если кануть пришлось ей на дно.

1930

Окончится день, и возникнут опять
 Виденья полночной поры.
 И взором захочется небо объять,
 Где дальние блещут миры.

О, как разгадать нам их вечный маршрут!
 Они за орбитой Земли
 По синему руслу привольно плывут,
 Как трепетные корабли.

Движения нить прострочила зенит
 Пунктиром живого огня.
 А вдруг это чье-нибудь сердце горит,
 Такое же, как у меня?

Мечтая, сидит над набросками схем
 Одной из планет гражданин,
 Над тайнами сложных, как мы, теорем
 И над чертежами машин.

Прими же земной негасимый привет,
 Кружась по орбите своей,
 Незримый коллега, далекий поэт
 Пехоженных Млечных Путей.

Я — житель Земли, молодой астроном —
 С тобою беседу веду,
 А ветер тревожит цветы за окном,
 И речку, и ветви в саду.

Мой друг, обитатель сказаний и снов,
 Вель мы же с тобою — родня!
 По жилам твоим беспокойная кровь
 Пропосится, как у меня.

Сотрем рубежи в нашей общей судьбе,
 Загадку решим, а затем
 Я, если решусь, прочитаю тебе
 Отрывки из новых поэм.

Тогда к населению сверхдальних планет,
 Согретых уютом жилья,

Привет донесется быстрее, чем свет:
«Внимание!
Говорит
Земля!»

1930

12. СИБИРЬ

Люблю тебя, всю в кедрах и сугробах,
Люблю твою звенящую тайгу,
Хрустящий наст, и волчий след в чащобах,
И луч зари морозной на снегу.

... Отцы в цепях и робах арестантских
Шли по этапу в давние года,
Колодники, сквозь вьюжное пространство
Гонимые, торили путь сюда.

И тем же трактом, медленным и гулким,
С кнутом ременным, за конягой вслед,
Шел, проклиная деньги и чугунок,
Искать земли переселенец-дед.

Тайгу валил, палил корчевье рьяно
И на порубке сеял по весне.
Японцами за сына-партизана
Он был повешен на сухой сосне...

Вот почему тебя зову отчизной,
Моя Сибирь, и повторяю вновь:
Меня с тобой еще в начале жизни
Навек сроднила дедовская кровь.

Ты жди, я обязательно приеду,
Благоговейно в снег войдет нога,
Там, где впервые ветры пели деду,
Где путь его оплакала тайга.

1930

13. НА ЛЕСОЗАГОТОВКАХ

1

Торопятся хитрые пилы,
Аж оторопь зверя берет,
И рушатся сосны и пихты
У северных дальних широт.

И насмерть испуганный заяц
Ударился разом в бега,
С устатку метелица злая,
Немея, свалилась в снега.

Средь здешней братвы бородатой
Приметен безусый один,
Закутанный в мех полосатый
От лютого ветра, от зим.

А щепки — налево, направо,
Их ветер со снегом смешал,
Пред ним, как застывшая лава,
Столетние сосны лежат.

Их надо очистить, огладить,
Потом штабелями сложить,
Где ветры ужаками лазят,
Где точат морозы пожи.

2

И круглые сутки за лесом,
Где гомон рабочий не смолк,
Идут молодежь экспрессы,
На память оставив дымок.

Дохнув на приморье, на запань,
Обратно спешит паровоз —
Зовет его дело на запад
Сквозь заросли пихт и берез.

На этом же самом экспрессе
С листвою осенних дорог
Вели его черные рельсы
Сюда, на промерзший перрон,

Где хитро торопятся пилы,
Где оторопь зверя берет,
Где падают сосны и пихты
У северных дальних широт.

3

Случается — в отдых недолгий,
Один, с безотчетной тоски,
Идет со своею двухстволкой
Он в самые недра тайги.

Снегов не касаются лыжи...
Лесная чащоба нема,
Лишь ветер следы его лижет
Да грохает в соснах зима.

Пирушка тут вечером будет...
За окнами стонут леса,
Сидят бородатые люди,
Нестройно шумят голоса.

И добрую хвалит охоту
Суровый таежный народ,
И славит лесную работу
У северных выюжных широт.

4

В звериное царство, в дремотный
Покой в предвесенние дни
На дружный рабочий субботник
Ходили в две смены они.

Он помнит, как спорили пилы
И падали вниз головой
Могучие сосны и пихты
Под тихой морозной зарей.

И круглые сутки за лесом,
Где гомон рабочий не молк,
Всё шли молодые экспрессы,
На память оставив дымок.

На стан их рабочий торопко,
Дохнув, поспешал паровоз —
Дела его звали в дорогу
Сквозь заросли пихт и берез.

Они ночевали в сторожке...
Накинув тяжелый кожух,
Ступал он по мягкой дорожке,
Где с веток осеялся пух.

Сквозь лес под разлатою хвоей
Так славно идти одному,
В суровом таежном покое
Земля открывалась ему.

Здесь всё неподвижно и немо...
Он свистнет — присядут кусты...
И эхо растет, как поэма
Душевной его полноты.

Друзья с умилением глянут
На шапку в густом серебре,
На полные шишек карманы,
На руки в смоле и коре,

Когда, возвратившись в сторожку,
Он скинет у печки тулуп
И, козью свернув себе ножку,
Присядет курить на полу.

Он край этот, чуждый недавно,
Познал для себя и для них,
Друзьям улыбнется он славно
И шишек подкинет сухих, —

Чтоб сели тесней лесорубы,
Чтоб верные руки друзей
Простерлись, шершавы и грубы,
К огню, что запел веселей.

Между 1930 и 1936

14. ДОРОГИ

1

Когда сижу с собой наедине я,
Когда тихонько дождь стучится в окна, —
Меня влекут мечты в тот дальний мир,
Где я немало знал в былые дни
Разлук и встреч . . .

Я развиваю свитки
Дорог под синим небом, ведь по ним
Всё шли и шли, след оставляя, ноги.
И желтые пески, и шум лесной
Знакомы и родны до мелочей,
До каждой незалеченной зарубки,
Оставленной на тоненькой березе
Случайным топором, рукой досужей. . .
Несет меня в стремительном движенье
Волна воспоминаний. И невольно
Боль сладкая пронизывает сердце,
И вновь к бывшему сильными руками
Меня притягивает в час раздумий
Вся жизнь моя —
Мне семнадцать лет!

2

Припоминаю я далекий край забытый,
Где рос, где первый раз рукой несмелой
Всё, что в мальчишьем накопело сердце,
Всю радость детских невозвратных дней,
Все горести —

в заветную тетрадку
Я заносил. И было мне легко,
И плакал я. А всё кругом смеялось —
Ведь в радости не слышишь горьких слез!

.

Я первую любовь припоминаю, —
С тех пор так крепко не любил ни разу.
Алесей звали девочку (для вас
Фамилия ее неинтересна).
Задумчивыми милыми глазами
Мне каждый день приветливо светя,
Она училась в нашей семилетке.

.

Меня ты навестила, мой товарищ...
Доверчиво бродили мы с тобою
По перелескам, тропам и полям,
Где годы детские мои текли...
Колосья ржи срывали мы в полях
И связывали их в пучки.

Ты помнишь,
Как на костре веселом — возле сосен —
Мы обжигали усики ржаные
И, растерев колосья меж ладоней,
Со смехом ели теплое зерно?
Шептали травы На заре вечерней
О будущем мечтали мы с тобой,
И были думою взволнованы одной,
И были радостью взволнованы одной,
И были песенкой взволнованы одной...

3

Два года я не слышал шума сосен;
Два года я, родимые места,
Провел вдаль, не разделяя с вами
Молчанья опечаленных лесов...
Шли тучи сизые над этим краем,
Не задевая головы моей,
Дожди стекали по листве зеленой,
Берестяной рожок взывал к заре,
Стада пылили по дороге длинной,
И небо затемняли вечера...
Пора душистой спелой земляники
Откуковала серенькой кукушкой,
Девичьей песней тихо отзвенела
И канула, как детство и как юность,
И отошла...

Вот так отходит зрелость
От кузовков, от зноя и ветров.
От кузовков — для ягоды лесной,
От зноя, что томит нас в полдень,
И от ветров с востока и заката,
Что гонят тучи и листают книгу
Зарниц, рассветов, молний и громов...
Пора душистой спелой земляники
Откуковала серенькой кукушкой.

И громы отгремели, и листы
Далекой вспышкой молний освещались.
Рябиновые ночи, вы прошли
Под знаком осени, летучих бурь, —
Прошли. . . а я и не следил за небом,
Я не видал, как плакали рябины
Вдали от мест, где я сейчас живу.
Но знаю я, — в разлуке с краем детства, —
Что там, где озеро лежит перед окном,
Где над трубой гостеприимный дым,
Там радость легкая — не гостья, а хозяйка
Под зорями задумчивого неба,
С душистым зноем спелой земляники,
С воспоминаньем юности горячей.

.

Между 1930 и 1936

15. ТАБУНЫ

В реке, как росчерк
Солнца и весны, —
Трепещут рощи,
Люди, табуны.

Зимы следы
Растаяли, как сон, —
Где плыли льды,
Плывет усатый сом.

А в роще тупо,
Словно дрожь идет,
О корень дуба
Конь копытом бьет.

И этот звук
Напомнил о былом:
Себя ты вдруг.
Увидел пареньком.

Себя ты вдруг
Увидел батраком:
Хозяйский луг
И в белых вишнях дом.

Ты резал плугом
Влажный чернозем.
Ходил в дерюге,
Топал босиком;

Коней сбъезженных
На водопой
Водил ты вешнею
Лесной тропой;

Служа у сытых,
Голодал не раз,
Терпел обиды,
Бит бывал подчас.

Не мог коровам
Угодить чужим
Ни добрым словом,
Ни прутом кривым...

*

День нынче росный.
Солнце реки пьет.
Копытами табун колхозный
Бьет.

Припоминаешь ты
Двадцатый год.
Ты шел с сестрой, чуть заалел восход,
Жать хлеб хозяйский.
Дятел поутру
Высоко на сосне долбил кору.

Вы знали, что хозяин ваш ведет
Карателей туда, где меж болот
В лесной чаще, на пушистых мхах
Спят хлопцы-партизаны.

Долгий шлях
От хутора до первой той сосны
Прошла твоя сестра...
Там спят сыны
Тех матерей, что примут смерть скорей,
Чем выдадут стоянку сыновей.

А враг уж близко.
Бор совсем притих.
Что крикнуть? Как предупредить своих?
«Ку-ку! .. Ку-ку! ..» — раздалось поутру.
«Ку-ку! .. Ку-ку! ..» — отозвалось в бору.

И окрик злой услышала сестра:
«Кукушки здесь кукуют до Петра,
А нынче жатва. . .» —
И в глухом бору
Расстегивал каратель кобуру.

Пан офицер прицелился:
«Пся крэв! . . .»
И вот на мох упала меж дерев
Твоя сестра.
А где-то за селом
Далеких пушек прокатился гром.

*

Над полем песня —
Вестница весны.
На перелесках
Наши табуны.

Сестрица, встанем,
Поглядим на сад.
По росам ранним
Здесь идет твой брат.

Счастливым стал
Твой брат теперь во всем.
Табун пригнал,
Чтоб накормить овсом;

Чтоб конь дороден
И вынослив был,
Чтоб он троих в работе
Заменил;

Чтоб щедрым даром
Вырос урожай —
В пятьсот гектаров,
Только убирай!

Чтоб конь крылатый
В час военных гроз
Врагам расплату,
Саблю смерти нес.

1934

16. ИЗ ДНЕВНИКА БРИГАДИРА

1

Девчина приехала в гости
На целое лето в село, —
Карманным ножом на бересте
Отметил я день и число.

Такой уж чудак я! По лёсу
Блуждаю один на заре
И девичье имя —

«Алеся»

Пишу на сосновой коре.
Чудак!

Всё глядеть мне в простор бы,
На речки недвижную гладь,
С улыбкой
фамилию — Корба —
На палке ножом вырезать.

Чудак я! Чудак я! Мне двадцать,
Работать мне всласть и любить,
В корчах за налимом гоняться,
Над озером утку подбить.

А после
смотреть буду сны я,
Как рыбу плещется Сож,
Как ягоды спеют лесные,
Как зреет высокая рожь.

Шуршат по проселку колеса,
 Торопится весело конь,
 Везу и серпы я, и косы
 В свой стан, что над Сожем-рекой.

Мешок мой харчами наполнен.
 Сестра собирала.

А там

И сало на ужин, и полдник,
 И хлеба как раз килограмм.

У нас сенокос, и бригада
 Давно ожидает меня.
 Звенят овода над лохматой,
 Запутанной гривой коня.

И голубь воркует.

И тихо

Плывет моя длинная тень.
 По тучам.

по влажным гречихам

Узнаю я завтрашний день.

Над сочной травой луговой —
 Дыхание ранней росы.
 Над заводью, над водою
 Движенье
 И пенье косы.

И тмином, и жареной рыбой,
 И ветром дохнуло с реки.
 Там где-то

под солнечной липой

Кончают плиту печники.

И в гору с подворья

ребята

Чугунные катят котлы.

(Привез магазинщик.)

За хатой

На выгоне бродят волы.

Котлы наливают. Доярка
Кладет смоляные корчи
В подтопку — гореть будут ярко
Они под плитою в ночи.

Раствор печники замесили,
Промерили стенку шнуром,
Последний кирпич положили
И хвастают:

«Чин чинарем!»

И сами дивятся:

«Готово!

Хоть ты самогонку гони!»
Их потчует рыбою повар,
И я им пишу трудодни.

4

От речки подался к дубраве,
Для грабель строгаю клевец.
«Да где ты скрываешься, Павел?» —
Кричит мне какой-то малец.

Толкует:

«В лугу, на пригорке,
Кривая осина растет,
Там дочка начальника Корбы,
Сказала, тебя подождет.

Там все комсомольцы гулянку
Собрались наладить. И ты
Бери поскорее берданку
И Мирту и шпарь-ка в кусты!»

Как рыба, попавшая в невод
С глубокого темного дна,
Метнулось, и крикнуло немо,
И екнуло сердце:

«Она!»

Она? Да ведь эту девчину
Я раз только видел. . .

А вот —

Неведомо, что за причина, —
Из памяти так и нейдет.

Вот луг.

Под осиной кривою
Репейник — лиловым костром.
И там, за высокой травой,
Сидят они вдевятером.

И дробью они набивают
Патроны, чтоб зверя глушить,
И песни вовсю распевают
В той рыбной и птичьей глуши.

Ступаю ни шатко ни валко
И время зачем-то тяну.
Несу я с собою централку
И «Поднятую целину».

Ее мы в бригаде читаем
В свободные дни и часы
На стане,
 за речкой, за гаем,
Где спеют жита и овсы.

Котомка висит за плечами,
Трубит за лесами труба,
А солнце стоит за дубами —
И завтра начнется косьба.

1935

17. УСПЕХ

Для промышленных центров
Что ни день. — тут готов эшелон:
Хлеба тысячи центнеров,
И отменное сало, и лен.

Богатеет округа —
Мне под окна приносят сады
Ягод красные груды,
Горы вишен и яблоч пуды.

И не высидеть дома,
И не славить всё это нельзя.

Выйду,
в глубь окоема
Плеск озерных язей унося.

Невеселый, бескрайний
Изменяли тут люди пейзаж —
Рокотали комбайны,
Трактора покидали гараж.

У кулацких амбаров
Молодого седлали коня,
В молчаливые фары
Полевая глядела стерня.

Это тут землемеры
Совершали обход по росе,
В зябком сумраке сером
Разбивали поля под посев.

Это здесь не напрасно
По весне и в осеннюю хмурь
Колдовали над пашней,
Все в брезентовых бурках от бурь,

Мастера-агрономы,
Неустанное тщанье каких
Заслужило граненый,
Отчеканенный мужеством стих.

Их свершенья живые,
Этой правды лирический восход
Пьет дожди грозовые,
Жаждет жинь, достигает высот.

1935

18. ЧАРОДЕЙКА

Цвет черемуховый. . .
Мало
Мы встречаемся с тобой,
Ты меня причаровала,
Как ведется, — ворожкой.

Ты меня приветно встретишь —
Рад я солнцу,
рад весне.
Так легко, светло на свете
Быть с тобою рядом мне.

Обхожу я горы, доли,
Под собой не чую ног,
Так прошел бы я,
веселый,
Может, тысячи дорог.

Ну, а ты? Кому известно!
Только раз пошли в кино.
Ночь наступит — я ни с места,
Всё сижу, гляжу в окно.

Ты о дружбе мне сказала...
Книжку я читать возьму,
Разверну — запомню мало,
Аж досадно самому.

И не знал я, что другого,
Не меня,
любила ты.
Сдал экзамены. И снова —
Зеленя, шляхи, мосты.

«Мне давно, —
сказала твердо, —
По душе совсем другой».
Ладно,
парень я не гордый,
Погорюю год-другой.

Вы поедете в палатки?
Что ж... Хороших лагерей!
Ну, а я? —
без пересадки
До родных своих дверей.

Не дождутся в гости сына
Старый дом,
колхозный двор.

Вот и станция.
Машина
Наша, видно.
Свой шофер.

Мы в его кабинку сядем,
Расскажу про всё дружку,
Будет пыль клубиться сзади
По родному большаку.

1937—1938

19. ДРУЖБА

Сажнем, лентою мерим
Полевые места,
Так могу землемером
В скором времени стать.

Всей округе известно
Из погудок одних:
Ты — как будто невеста,
Я ж — как будто жених.

Мы проходим — и снова
Поголоски пошли. . .
Свежих вешек сосновых
Нам с тобой навезли.

Мы огонь раздували,
Обжигали мы их,
Чтобы вечно стояли
На буграх межевых.

Вот отбита межа вся,
След за нами пролег,
Вот тебе я признался, —
Не признаться не мог.

Ты вздохнула глубоко,
Ты махнула рукой,
Ты сказала:
«Далёко
Миленочек мой».

Значит, век не забыть нам
Этих знаков ряды,
Те столбы в спелом жите —
Дружбы нашей следы.

1938

20. ПЕСНЯ ПИСЬМОНОСЦА

Поспевала малина —
Красна и буйна.
Выходила девчина
В садочек одна.

Ожидала гулянок
Девчина давно.
Я к ней поутру рано
Постучался в окно.

Для смуглянки красивой
Смелых слов не нашел, —
Подал ей молчаливо
Письмо и ушел. . .

А как после, вздыхая,
Вновь сгоял у окна,
Ленты в косу вплетая,
Улыбалась она.

В третий раз — поджидала
Девчина сама, —
Обняла, целовала,
Не читая письма. . .

Поспевает малина
По садам, по лесам.
Ходит с хлопцем девчина,
С тем, что письма писал.

1938

21. ЗА ДВОИХ

Учились мы с ним, и весну закликать
Мы бегали с ним на большак...
Он умер.
И трудно мне это понять,
И в смерть я не верю никак.

Я в гости иду.
С полевых работ
Едут его братья.
Над сжатой нивой плывет самолет, —
Обидно, что это не ты.

В горячую летнюю пору, в страду,
Один на гумно я иду.
Снопки подают мне с возов золотых,
Снопки я ношу на ток...

За что бы ни взялся я — мне за двоих
Нужно работать, браток.

1938

22. ОБЛАКО

Сижу я с удочкой давно
Над сонною рекою.
А облако? — Плывет оно
И небом и водою.

Но вот и клюнуло разок —
И сердце замирает.
С пером гусиным поплавок
Под облако ныряет.

Встаю, дыханье затая,
И вмиг рукой умелой
Я подсекаю голавля,
Тяну из тучки белой.

Вода в кругах,
Вода в кругах,
И небо в ней — иное.
А облако? — Оно в руках
Трепещется, живое!

1939

23. ЕЛЬНИК

Отличный острый ножик,
Острее, чем коса.
Корзины с нами тоже —
Криничная лоза.

По ельнику мы кружим,
Берем боровики.
Мы их на печке сушим
И нижем на шнурки.

А ярмарка настала —
Несем их продавать.
Насушено немало —
Рублей на двадцать пять.

Рубли — отцу,
А мелочь
Себе в карман кладем,
И день гуляем целый
С товарищем вдвоем.

Что надо — покупаем,
Довольные собой.
И вновь идем, шагасм.
Куда? — А в ельник свой.

В тени садимся разом
С приятелем своим.
Цигаркой «Стенька Разин»,
Как взрослые, дымим.

Щебечут птичьи стаи,
Хлопочут муравьи.
Дымки плывут и тают —
Две тонкие струи.

За ними думы следом
Летят — моя, твоя.
Ты хочешь стать поэтом,
И трактористом — я...

Над ельником смолистым
Прошел за годом год.
Стал друг мой трактористом,
А я — наоборот.

На взгорках и в низинах
В предутренней тиши
Я слышу гул машины...
«И за меня паши!..»

Он ельником проедет,
Всё вспомнит от души,
Стихи прочтет в газете...
«И за меня пиши!..»

Так мы стихи напишем
И вспашем поле с ним,
Одним дымком подышим
И ельником одним.

1939

24. КАРУСЕЛЬ

Большаком, раздольными полями
Я шагал всю ночь напролет.
С полными мешками, кузовками
В ту же сторону спешил народ.

.

Есть родное на земле местечко —
Там базар бывает каждый год,
Мимо школы маленькая речка
Без меня в безмолвии течет.

Мне упрек ее далекий, звонкий
Посылают с ветром камыши.

Завтра — ярмарка,
И я у женки
Отпросился на день:
«Разреши!»

У дружков по школе есть обычай —
Ежегодно собираться тут,
Чтоб на карусели стайей птичьей
Вместе покружить пяток минут.

Есть у каждого дружок на свете...
Не его ли ищут строки эти,
Юности мелькнувшей теплота?
Жаркий день базарный.
Духота.

В день такой вот — с ним иль с ней — уйти бы
Ото всех туда, где пни да липы
(Есть такие в мире уголки), —
За семь лет хоть раз повить венки.

Школьных лет привязанность к девчинке
В этот день и я с собою нес.
Меж оглобель,
Словно меж берез,
Я иду на огонек косынки.

А подружка?
Щелкает орехи,
Ждет кого-то в шуме, в давке, в смехе.
И в глазах такой же непокой.
И кричу я радостно:
«Постой!»

Двое нас. А где ж ребята наши?
... Тот же вздох гармошек, бубнов гром,
К лесу, с ярмарки, дорога та же.
«Что ж, пошли?»
— «Пошли».
И мы идем.

За семь лет мы вместе в первый раз.
Знаю —
Вышла замуж, ладишь с мужем.

Ей несносно помнить эти встречи.
.. По полям стада бредут под вечер.
А тоска гудит, летит во тьму.
Хлещет ей в глаза трава косая.
Сердится тоска,
Коров кусает,
И они, как я, томятся:
«Му. . .»

1939

26. НА СОТОЙ ВЕРСТЕ

Я баню — чин чином —
Топлю вечерком.
Слезает девчина
С коня за лужком.

Гляжу я несмело —
Как гостью встречать?
А гостя присела —
Устала, видать.

Сто верст проскакала
По жаркой земле,
Сто верст загорала
Под солнцем в седле.

«Позволишь, — смеется, —
Попариться мне?
Ты — банщик, сдастся?»
— «Да нет. . . не вполне. . .»

Я — так себе. . . Летом —
У батьки в гостях. . .» —
И веник при этом
Держу я в руках.

Пою тебе славу,
Душистый листок.
Какую ты паву
С дороги завлек!

Короткая встреча
На сотой версте...
А тучка под вечер
Всплыла в высоте.

Растет и грозитя,
Гремит, как назло.
Нам жаль расходиться,
Да время пришло.

На небо в тревоге
Глядим, а могли б
Пройтись по дороге
До школьных до лип.

Коня бы на выгон
Пастись отвели,
А сами бы мигом
До жита дошли.

Там пражмо связали б,
Уселись бы в ряд,
Там вместе встречали б
Румяный закат.

В низинах туманы
Вставали б со дна...
Куда ж ты так рано
Помчалась одна?

Косынкой-зарей
Промелькнула — и нет.
Вся кровь за тобой
Порывается вслед.

Эх, кони вы быстрые,
Пыль за селом...
Эх, веник душистый,
Раскатистый гром!

1939

27. МЕЛЬНИЦА

«Как мне горько! — юноша сказал,
Расставаясь с девушкой своею. —
Лучше бы я мельницей стал! . . .» —
И мгновенно сделался он ею.
Вместо крови льется в нем вода,
Вместо сердца бьется тяжкий жернов.
И стоит он долгие года,
Мелет хлеб, работая покорно.
Говорит народная молва:
Для того чтоб колдовство пропало,
Должен он перемолоть сперва
Всё, что здесь ему принадлежало.
Коль немногим был он наделен,
То тогда, от чар освобожденный,
По весне к девушкам выйдет он,
Ни в одну пока что не влюбленный.
Если ж — многим? . . .
Что сказать в ответ?
Самому лишь юноше открыто,
Что ему принадлежал весь свет,
Как ходил он с девушкою в жито.

1939

28. ХАТА

В ночь у друзей моих сгорела хата,
Теперь им строит новую колхоз.
Я, приготовив сколько было надо,
Для хаты моху свежего привез.

Весь день хлопочут плотники у сруба —
Широкое прорублено окно;
Хоть я не плотник, но и мне там любо
То обтесать, то распилить бревно.

Печник старается над дымоходом, —
Я и тебе готов помочь, старик!
Я глину подаю ему и воду
И печь хвалю, хоть я и не печник.

Под новой крышей мы за стол уселись,
Строители — колхозная семья.
За всех за вас я пью на новоселье,
За нашу дружбу давнюю, друзья!..

Втроем, в обнимку, сходим мы с крыльца,
Всей нашей тройке — шестьдесят, не болс.
Уже спустилось солнце за леса,
Горит закат. И мы выходим в поле.

В тиши, в лугах вечерних за селом,
На свежем сене нам лежать не колко.
О новом светлом доме перепелка
Поет тому, кто едет большаком.

Поет и мне,
И у меня над речкой
Есть хата, и она всё ждет и ждет —
Когда ж в нее, по новому крылечку,
Моя девчина робкая войдет?

Вдали отсюда —
Верст за двести, может, —
Поет ей та же птица в тишине,
И та же дума сердце ей тревожит,
Что вам, друзья мои,
Что вам и мне.

Не затихает в вашей хате гомон,
Там все свои — единая семья,
И первым дымом пахнет так знакомо...
У вас такая ж хата,
Как моя.

За хатой соловей не умолкает
В кустарнике на берегу ручья;
В окошке электричество сверкает...
У вас такая ж хата,
Как моя.

Входи же в хату, милая девчинка,
В пазах тут дремлет красноватый мох,
На нас, лишь переступишь ты порог,
Веселым глазом глянет журавинка.

1939

29. БЮРО СПРАВОК

Вот она — его родная школа! . .
Он стучится в двери раз, другой.
Тишина. . . Ответа никакого. . .
Лишь скрипят ступеньки под ногой.

Лет с семи сюда он прибегал,
Жизнь потом познал не в снах и грезах, —
Плавал морем, тряся на колесах,
От семьи от школьной отвыкал.

Не отвык.
И порешил на том:
Все бюро, где выдаются справки,
Обойду, повсюду дам заявки,
Всех ребят найду таким путем. . .

Но, по неизвестным нам причинам,
Не с ребят он начал, а с девчины, —
Стал разыскивать ее следы.
Впрочем, что же — в этом нет беды.

Он пошел. . .
Пиджак его дымился —
Всё еще под солнцем не просох.
Путь размыло.
На траве песок, —
Здесь недавно ливень прокатился.

Он шагает с палкой.
А в кармашке —
Золотое «вечное перо».
В небе ходят белые барашки.
Край села. И вот оно, бюро!

Тихий домик, под окном — рябины.
Здесь живет родная мать девчины;
К ней идет он только справку взять.
А она? Наверно, скажет — зять.

Дверь открыл нетвердою рукою
И с пером и с книжкой записною
Он вошел в знакомое жильё.

Мать встает.
Он узнает ее. . .

Зятя мать зовет тотчас за стол,
Угощает
Счастья полной миской;
Дочку называет коммунисткой
(Прошлый год вступила в комсомол).

Здесь была она не так давно
И опять умчалась. . .
Понемногу
Мать расскажет обо всем. . .
В окно
Смотрит гость на дальнюю дорогу.

Мать под утро
Затопила печь . .
А ему пора уж собираться.
Только жалко (вот какая вещь!)
С этой тихой хатой расставаться.

Для чего ему девчина та —
Он и сам не знает досконально.
Но она — как песня, как мечта,
От которой сладко и печально. . .

На крылечке мать простилась с ним.
Он идет. В полях тропинки выются.
Адрес есть!

Плывет и тает дым
Над бюро, где справки выдаются.

1939

30. МАКСИМ

Из хат спешит народ, —
С чего — когда б вы знали! —
Максим гармонь несет?
Его премировали.

Идет он по лужку,
Идет своей дорогой...
Гармоний на веку
Видал он очень много.

Мальчишечьи года,
Трехрядки выписные!
Трехрядки — хоть куда...
Одна беда —
Чужие.

Он думал пареньком:
«Свою гармонь добуду
И первым женихом
На всю округу буду.

Потом женюсь я,
И всё пойдет порядком:
Свой дом,
Жена своя,
Своя гармонь-трехрядка...»

С шахтерами в забой
Спустился он глубоко, —
Гармонь над головой
Звенит,
Звенит далёко...

На речке дотемна
Он забивает сваи, —
Опять звенит она,
Как соловейко в мае...

Прошло немало зим
В скитаниях по свету.
Не вытерпел Максим,
Решил:
«Домой поеду».

Идет, спешит Максим, —
Вот поле золотое,
И облако над ним...
Одна беда —
Чужое.

Шагает он селом, —
Девчина молодая
Идет на ключ с ведром...
Одна беда —
Чужая...

Так, без всего пока
И никому не дорог,
Он жил до сорока
И сел на трактор в сорок.

В полях — простор, весна, —
Пожалуйста, работай!
А музыка?
Она
Пришла своей охотой.

...Идет он. Гармонист
Загородил дорогу:
«Дай глянуть, тракторист,
Дай страдануть немного!»

И гармонист-мастак
Играет так и так, —
Гармошка — вся поет,
Гармошка сердце рвет...

«В придачу дам свою —
Продай!..»
— «Не продаю».

Поутру на замок
Максим закроет хату;
И вновь плывет дымок
По горочкам, по скатам...

Девчонка подбежит,
В окно тайком заглянет:
Висит гармонь?
Висит.
Когда ж играть-то станет?

Купить?
Продаст едва ль...

Молчит гармонь Максима.
Молчит гармонь, а жаль...
И все проходят мимо.

А гармонист пройдет —
Озлится парень сразу,
По окнам поведет
Недобрым карим глазом.

Он сам уже не рад,
Что зависть одолела:
«Виси сто лет подряд,
А мне какое дело?!»

А что ж Максим?
Да нет,
Максим и сам не знает...
Несет ему обед
Девчонка молодая.

Опять она пришла,
Одета словно в праздник.
С ума его свела,
Смеется, шутит, дразнит.

Издали ему
Видна ее косынка.
Ой, горько одному!..
Пиши — пропал Максимка.

Настанет ночь, а сон
Его опять забудет...
Тогда, наверно, он
С гармошкой выйдет к людям.

Пройдет он вдоль оград
По улицам колхоза.
Как двадцать лет назад,
Зашелестят березы:

«Максиму — двадцать пять,
Он — гармонист любимый...»
.
Не станем упрекать, —
Мы все — чуть-чуть Максимумы...

Идет, идет Максим,
Лады перебирает.
А хлопцы вслед за ним
Все в бубны ударяют.

И я с Максимом был,
И я с ним пел «Досаду»,
И в бубен звонкий бил,
Танцуя до упаду...

1939

31. ВИНТОВКА

Здесь не подняться больше рубсжу —
Спалили мы плетень его колючий.
Бой за деревню шел.
И там был случай —
Без выдумки о нем я расскажу.

У снайпера
От пули разрывной
Рука немела —
Тяжко был он ранен.
Тем временем он видит,
Что крестьянин
Бежит к нему истоптанной стерней.

Бежит мужик под проливным огнем
На свет звезды багряной, про какую
Сны радостные видел в ночь глухую...
И эта радость впредь не будет сном.

А будет сном
И нищета, и голь,
И темная его курная хатка...
И снайперу он шепчет:
«Родный... братка...»
И сам к винтовке тянется:
«Позволь».

Давать свое оружие никому
Боец не смеет,
Что там ни стряслось бы...

Так что ж теперь крестьянину тому
Он, раненный,
Ответить мог на просьбу?

Он заглянул в глаза ему на миг,
«Бери! Ложись!» —
Скомандовал сурово.
И взял винтовку у бойца старик,
И рядом лег,
И не сказал ни слова.

1939

32. ГЛУХАРЬ

Сижу я на возу
И подгоняю:
«Но!..»
На мельницу везу
Колхозное зерно.

Уже шестнадцать лет
Мне стукнуло, и вот
Коня, псвозку, хлеб
Доверил мне народ.

Как пан, сижу с кнутом, —
Любуйтесь, дескать, мной...
Но горе было в том,
Что завтра — выходной.

День выходной, друзья, —
Хорошая пора!
С ружьем бы завтра я
Бродил в лесу с утра.

Я глухарей бы бил
Со спутником своим.
А кто же спутник был?
А спутник мой — Максим.

Когда-то про него
Рассказывал я вам...

Максима одного
Оставил я,
А сам. . .

Я б к вечеру смолол
И завтра б в лес пошел,
Но хвост — с версту длинной —
На мельнице на той.

Знать, глухарей никак
Не доведется бить. . .
Я думал так и так,
Не знаю, как мне быть.

Мне горько аж до слез,
Как не было давно.
Я повернул свой воз
К Максиму под окно.

Знакомый
Поздний дым
Над крышей из трубы:
Печь затопил Максим,
Вернувшись с молотьбы.

Готовит он еду
И мне, как видно, рад.
У стенки, на виду,
Дробовики висят.

Зовет Максим:
«Садись,
За стол садись, сосед!»
А я — и очи вниз. . .
«Так завтра двинем?»
— «Нет».

А он мне:
«Почему?»
— «Управлюсь я едва ль. . .» —
И всё сказал ему.
И он ответил:
«Жаль. . .»

Мы вышли тот же час,
На мой уселись воз.
И конь, несчастных, нас
По большаку повез.

*

Всё ясно нам давно,
И мы молчим опять...
«Куда?»
— «Молоть зерно».
— «А вы?»
— «Зерно сдавать».

Посторонился конь,
Чтоб пропустить обоз...
Осенних дней огонь
Летит, летит с берез.

И стаи журавлей
Курлычут над землей
И посылают ей
Привет осенний свой.

Видны им с высоты
Дороги, и мосты,
И красный тот обоз,
Что хлеб в район повез.

Спросили журавли
У жителей зимы:
«Здесь остаетесь вы?»
— «Здесь остаемся мы».

И машут им рукой,
А те в ответ — крылом:
«Мы встретимся весной!»
«Мы путь сюда найдем!»

А вот и лес,
Что влез
На самый косогор, —
Звенит, горит он весь
И руки к нам простер.

До самых до вершин
Стоит в сплошной заре,
От легких паутин
Он словно в серебре.

А там — болото.
Там
Всё, всё знакомо нам —
Любая тень, и куст,
И каждой ветки хруст.

Там пухом глухарей
И лист и мох пропах.
Туда двонх друзей
Привел знакомый шлях.

Тут под вечер смотри,
Следи из-за куста,
Где на ночь глухари
Повыберут места.

Пусть спит потом глухарь,
А ты — в шалаш лесной.
Ты сала там зажарь,
Коль взял его с собой.

Поешь — ложись, дружок,
Забравшись в тот шалаш,
Сухой листвы — под бок,
Под голову — ягдташ.

Встань рано, до зари,
Максима разбуди,
Ружье, ягдташ бери
И по лесу иди. . .

Так я воображал
Под шум берез, осин.
И вдруг Максим сказал:
«Поеду я один».

«А я?»
— «А ты слезай. . .»
Послушал я его. . .

Читатель,
Угадай —
Зачем и для чего?

Быть может, сговор наш
С Максимом был такой,
Что должен я шалаш
Поставить под сосной.

А может, дело в том,
Что нет у нас ружья
И сбегать за ружьем
В село обязан я.

Читатель!
Всё в свой час
Сумеешь ты узнать...
.
Я слез.
Была у нас
Надежда — пострелять.

*

Вот мельница и плес.
Кругом — возы, народ.
Стоит Максимов воз
И очереди ждет.

Беда! И на беду
Я сам туда иду —
Спешу, бегом бегу,
Сдержаться не могу.

Максима я ищу,
Напасть, напасть пришла!
Максиму я кричу,
Что женка умерла...

Помольщики вокруг
Собрались толпой.
А он — и нем и глух
От страшной вести той.

Несут Максимов хлеб —
Один мешок, другой. . .
А он как бы ослеп
От горькой вести той.

В ковши его зерно
Засыпали давно,
И всё стоит Максим —
Безмолвен, недвижим.

И мне и всем видать,
Как бедного взяло!
Он мельнику под стать:
Лицо белым-бело. . .

Но вот помол готов,
Нам ехать час настал.
Максим без лишних слов
Помольщикам сказал:

«За добрые дела
Спасибо вам от нас. . .
А женка, как жила,
Так и живет сейчас. . .»

Веселый он. С чего?
Характер уж такой!
А женки у него —
Нигде и никакой.

Он старый холостяк,
И нет его добрей.
А обманул он так —
Лишь ради глухарей.

Средь общей тишины
Мы на возу опять.
В толпе удивлены,
Не знают, что сказать.

И лишь глядят на нас
С укором сотни глаз.
Куда же нам глядеть?
Куда глаза нам деть?

Один промолвил:
«Сват,
Таких не знал вовек...»
Другой ответил:
«Ат!
Пропавший человек...»

*

И журавли, что в синь
Летят над гладью рек,
Кричат:
«Максим... Максим...
Пропавший человек!»

От этого всего
Как неживой я сам.
Что надо от него
Всем этим журавлям?

И спрашиваю я,
Бросая в небо взгляд:
«Крылатая семья,
А чем он виноват?»

Что он хотел
Со мной
В лесу ходить, бродить
И в тишине лесной
По черным крыльям бить?

Хотел товарищ мой
Воды напиться той,
Что из-под мха течет.
А что ж еще?
Еще

Сидеть возле ручья,
Придвинувшись к огню...
.
За это я, друзья,
Максима не виню.

Такого ничего
Не сделал мой собрат.
А в выдумке его
И сам я виноват».

*

Хоть солнце не печет,
Но всё ж и не зашло,
Мы засветло еще
Приехали в село.

Минули лес. А там —
Домой — и спать скорей:
Не до охоты нам
И не до глухарей. . .

Ушел я в белый свет:
«Прощай, мой друг Максим! . . .»
Лишь через десять лет
Мы встретились с ним.

На пне большом в тени
Я вместе с ним сижу,
Былые вспомнил дни
И вот о них пишу.

Теперь Максим женат, —
И теща есть,
И тесть. . .
Ему — под пятьдесят,
А мне — под двадцать шесть.

А глухари, что тут
Остались от нас,
В своем лесу живут,
Живут и посейчас.

1940

33. МОСКОВСКАЯ УЛИЦА

Я живу на улице Московской...
Под весенним громом и дождем
Отраженный в тротуаре скользком,
Там стоит многоэтажный дом.

Поклонившись улице и маю,
Зов кукушки слыша у реки,
Каждый год в село я уезжаю —
Подышать, чем дышат земляки.

«Где живешь?» —
По-дружески, по-свойски
Спрашивает у меня сосед.
«Где живу? На улице Московской», —
Я соседу говорю в ответ.

Он, узнав про улицу такую,
Важно ус поглаживает свой,
Думая, наверно, что живу я
Где-то там —
В Москве иль под Москвой.

Все меня приветствуют с поклоном.
Ну, а я!
Ловлю себе леща,
Да брожу дубровую зеленой,
И слыву,
Слыву за москвича.

Как мальчишка, звонко и задорно,
В липовую дудочку свищу
Иль косою отцовскою проворно
Луг кошу...
Раздолье москвичу!

Сам с собой решил я по-простому,
Что и здесь, под кровом синевы,
Я — жилец и улицы, и дома,
От которых близко до Москвы.

1940

34. ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

От зноя в летний день
Устал я, изнемог.
Свернул с дороги в тень
И возле речки лег.

С лица стираю пот,
Гляжу туда, сюда. . .
Рыбак по дну идет —
До пояса вода.

Кивнул мне головой,
И я ему:
«Привет!
Удачи вам большой!» —
Прибавил громко вслед.

Не знает,
Что сказать
Знаток озер и рек. . .
Глядит, чтоб угадать —
Что я за человек?

Немало есть людей. . .
Иной подстроит так,
Что в сеть — хоть лоб разбей! —
Нейдет ни язь, ни рак. . .

Он говорит:
«Вылазь!»
Шурует под кустом.
И в сетке — бьется язь,
Не маленький притом.

Осокою прошел
Рыбак уже смелей;
Вновь сеть свою завел,
И сразу — щука в ней.

Ее в траву тотчас
Рыбак отбросил мой,
И щука в первый раз
Познала мир земной.

Над ней, как лес густой,
Стоит зеленый луг.
Что слышно щуке той,
Что видно ей вокруг?

В неведомой траве
Вдруг что-то зашумит,
В какой-то синеве
Какой-то шар горит...

Ее берет рыбак —
Знаток озер и рек —
И говорит мне так:
«На,
Добрый человек!..»

Шумит зеленый дол
Некошеной травой.
Поднялся я, пошел.
Несу подарок свой.

И песню петь хочу,
И жить не малый век,
И сам себе кричу:
«Я — добрый человек!»

1940

35

Стоит у леса дом —
Близ сказки, сердцу милой.
И мачты за окном,
И легких туч ветрила.

Брели — в поту, в пыли —
Мы под сосной и вязом,
Мы в дом лесной вошли
Наполнить фляги квасом.

Судьбу из-за окна
Вещали нам кукушки,
Нас всех звала война,
С собой везли мы пушки.

Тот дом, где пил я квас,
Был полон тихой ласки.
Тот дом
Уплыл от нас
В простор знакомой сказки.

Пронзит ли штык меня,
Вопьется ль пуля в каску —
Пусть знают:
Умер я,
За эту умер сказку.

1940

36. МОГИЛЕВСКАЯ ТУЧКА

В Орловщину по небу тучка плыла,
Плыла из краев могилевских.
Недавно та вольная тучка была
Всего лишь туманом днепровским.

Росла она быстро и в первый полет
Отправилась поутру рано.
Туманы озер, испаренья болот
С собою она забирала.

Готовила тучка дары для людей,
И были повсюду ей рады:
Под Кричевом в поле измученных жней
Она осенила прохладой. . .

В Орловщину по небу тучка плыла
И, пробуя первые силы,
На мельнице два неподвижных крыла
Дыханьем своим разбудила.

И, словно проверить свой голос решив,
Над этой вот крышей,
Над домом,
Она пронеслась, прокатилась в тиши
С веселым раскатистым громом.

И ей отвечаю взволнованно я,
Глазами ее провожая:
«Лети, моя тучка,
Родные края
Богатством своим одаряя!»

1910

37. ТУЧА

Свищовая туча над ширью полей
Всплывала, и жницы видали,
Как молнии сверху сбегали по ней
И падали в житные дали.

Она для земли начинала свой путь,
В ней сила живая таилась.
Все реки старались ее притянуть,
И шире она становилась.

Себя ей хотелось в реке увидеть, —
Притихла,
На цыпочки встала,
Глядит с высоты в помутневшую гладь,
Да только
Простора ей мало.

Она бы хотела вместиться в реке,
Но ей берегов не раздвинуть.
И мечется туча в суровой тоске,
Старается всё опрокинуть.

Потом уплывает она стороной —
Окончился час ее краткий.
И следом за ней —
За своею судьбой —
Идут облака в беспорядке.

Как в зеркало, в воду глядят на себя,
Любуясь своим отраженьем.
Но тем облакам не завидую я —
Другим я охвачен стремленьем.

Хотел бы я по́ небу тучей лететь
В могучем сверкании молний,
Грозами греметь
И ветрами шуметь,
Всё небо собою заполнив.

Хотел бы не ведать покоя в крови,
Хотел бы не падать бессильно —
Огнем и дождем животворной любви
Полить свою землю обильно.

1940

38. СТАНЦИЯ КОММУНАРЫ

Есть станция такая —
Коммунары.
Есть станция родная —
Коммунары.

От Орши к югу — линия прямая,
По счету эта станция — седьмая.

Письмо оттуда, как письмо из дому,
В нем всё мне дорого, в нем всё знакомо.

В нем нареканья земляков моих,
Что не спешу я побывать у них.

Кто вам сказал, друзья, неправду эту?
По самому заветному билету,
Всю жизнь в борьбе, в работе неустанной,
Спешу я к этой станции желанной.

Стихам угнаться трудно за экспрессом.
А милый край
Шумит знакомым лесом.
Глаза всё зорче, всё острее слух.
Вперед, вперед...
Захватывает дух...
В спецовке я или в солдатской каске,

Событья, как дорожные указки,
Свидетельствуют —
Пройден путь недаром
И что ни день, то ближе
К Коммунарам.

1940

39. УТРО

В разведку на рассвете
Я вышел — завтра бой.
Ты, утро, — мой свидетель
И вслед иди за мной,
С тобой мы жили славно
До нынешних времен. . .

Врагом в борьбе неравной
Я нынче полонен.
И руки мне связали,
И в плечи бьет приклад.

«Веди! —
Мне приказали. —
К своим веди, назад! . . .»

Ты, утро, друг мой лучший,
В час горьких неудач
Бросай под ноги сучья,
Пути переиначь.
Где знал я речку в лозах,
Там озеро клади,
Где пень стоял — березу
На месте том роди.

Зарубку преврати ты
В дупло, чтоб ясным днем
Певунья деловито
Гнездо свивала в нем.

В родимую краину
Пути переиначь. . .

А я?
А я загину.
А ты?
А ты не плачь.

1940

40. МОЯ БЕСЕДЬ

Есть сказка, что реки проложены птицам:
Копали они и потом, говорят,
Мешочки с землею несли вереницами
И, высыпав землю, летели назад.

А каня над ними глумилась, смеялась,
И птицы послали проклятие ей.
Так каня с тех пор без воды и осталась:
«Пить-пить!» — она просит до нынешних дней...

И в знойную пору, палима лучами,
Той редкою каплей она и живет,
Что тучка, дождем прошумев над лесами,
С далеких небес иногда ей пошлет.

Окончу я дело, которое начал, —
Я камни дроблю, разгребаю пески.
Под смех ожидающих легкой удачи
Копая я русло своей реки.

И, в недрах струю обнаружив упрямую,
Хочу, чтоб она разлилася волной —
Не Волгой широкой и даже не Камою —
Хоть Беседью б только — моею, родной.

Я жажду работы и думаю часто,
Окончивши честно свой день трудовой,
Что жить невозможно, как каня несчастная,
Одной только каплей воды дождевой.

1940

41. СООБЩЕНИЕ ТАСС

Когда седым я стану дедом,
Тогда, оставив этот дом,
В село родимое поеду
И в ельник тот, что за селом.

Былого друга снова встречу,
Он тоже сед,
Он тоже дед.
Склонюсь в каморке в тихий вечер
Над грудой нынешних газет.

В районной выцветшей газете
Прочту я
«Сообщение ТАСС»
И вспомню — чем я жил на свете,
Чем был взволнован я не раз.

На всё, что скрылось в дальней дали,
Я захочу опять взглянуть.
А там,
Как классики писали,
Навек забыться и заснуть.

1941

42. НА МИНСКОМ ШОССЕ

Идти устали маленькие ноги,
Но он послушно продолжает путь.
Еще вчера хотелось близ дороги
Ему в ромашках полевых уснуть.

И мать несла его, теряя силы,
В пути минуты длились, словно дни,
Всё время сыну непонятно было,
Зачем свой дом покинули они.

Что значат взрывы, плач, дорога эта?
И чем он хуже остальных ребят,
Что на траве зеленой у кювета,
Раскинув руки, рядом с мамой спят?

Как тяжело выслушивать вопросы...
Могла ли малышу ответить мать,
Что этим детям, спящим у березы,
Что этим мамам никогда не встать?

Но сын вопросы задавал упрямо,
И кто-то объяснил ему в пути,
Что это спали неживые мамы,
От бомбы не успевшие уйти.

И он задумался под лязг машин железных,
Как будто горе взрослых понял вдруг, —
В его глазах, недавно безмятежных,
Уже блуждал осознанный испуг.

Так детство кончилось. Он прежним больше
не был.

Он шел и шел. И чтобы мать спасти,
Следил ревниво за июньским небом
Малыш, седой от пыли, лет шести.

1941

43. МЕЛЬНИК

Молча мельник простился с детьми и с женой.
Проводив их, спокойный, угрюмый,
Он остался хозяином в хате пустой
С грозным умыслом, с кровною думой.

Сызмалетства привыкший к родным местам,
К милым сердцу болотам и чащам,
Он добро свое роздал пехотным частям,
Той порой на восток отходящим.

И вошел в свою хату он, гол как сокол,
О достатке былом не жалея,
Опустил кулаки, будто камни, на стол,
Долго думал над долей своею.

Век молот он муку. Жил он из году в год
Белый, тихий, трудясь — не печалась.
И к нему в огород,
Как на кочки болот,
Утки дикие стаяй спускались.

Что осталось от мирного счастья теперь?
Даже утки и те улетели.
Он остался один...
Тихо скрипнула дверь,
Входит в хату приятель Савелий.

Не для мирной застольной беседы вдвоем
Нынче свиделись гость и хозяин.
Ждать фашистов решили в селенье своем.
Время дорого, медлить нельзя им.

И приятель приятелю честью клялся
Над стволом партизанской берданки.
Но Савелий, с поклоном хлеб-соль поднося,
Ночью встретил фашистские танки.

Вел гостей в темноте, усмехаясь хитро,
К председателю сельсовета.
На заре председателей дом и добро
Получил он от немцев за это.

Утром старостой встал он,
Хмельной от удач.
В новой должности шествовал чинно.
Коммуниста предав, дослужился палач
В эту ночь до желанного чина.

А покинули черные гости село,
Где теперь на могиле могила,
Вышел мельник из жита, что жизнь сберегло,
От фашистского глаза укрыло.

Сердце жерновом тяжким стучало в груди.
Подошел он с ружьем к сельсовету.
Стукнул в двери прикладом:
«А ну, выходи,
Самозванный хозяин, к ответу!»

Шел предатель, шатаясь, держась за крыльцо,
Став от страха предсмертного пьяным.
Мельник плюнул огнем ему прямо в лицо,
Верный клятве, ушел к партизанам.

1941

44. ВИТЕБСКАЯ МАХОРКА

Пал город Витебск. С вестью горькой
Мы шли вдоль Западной Двины.
Пал Витебск. Мы его махорку
Еще курили до войны.

В день отступленья, на привале,
У сосен лежа вековых,
Мы и курили, и дышали
Прощальным дымом мест родных.

К вершинам, к небу голубому
Дым уходил под облака.
И будто городу родному
Он тоже говорил: «Пока...»

Потом махоркой нас снабжали
В пути другие города.
Сменялись дни, сменялись дали,
Закат, рассвет, земля, вода...

И вот на северном просторе
Нас жжет дыханье зимы,
И близок час желанный. Скоро
В свой город возвратимся мы.

Среди развалин бесконечных
Дома мы различим с трудом,
Табачной фабрики, конечно,
На прежнем месте не найдем.

На запад мы свой путь направим
И всё, что враг разбил, унес, —
Всё вернуть назад заставим,
Всё, даже дым от папирос.

Январь 1942

45. БАЛЛАДА О ЧЕТЫРЕХ ЗАЛОЖНИКАХ

От большой дороги в сторонке
Их ведут, четырех, из дому —
Лет четырнадцать старшей девчонке,
Третий год пареньку меньшому.
Вместе с ними в подвал холодный
Гонят тетку, сестру Миная.
А Минай — это батька их родный,
Батька родный,
Мститель народный.

Пишут гитлеровцы в газетах
О его отряде,
Бригаде
И приказы в былых сельсоветах
Пораскленли страха ради.
Со столбов, со стен на светлицах
Угрожают Минаю напасти:
Должен он покориться,
Явиться,
Сдаться в руки немецкой власти.

И висят те приказы всюду —
На Минаевой хате и клетки:
Коль не сдаться — расстреляны будут
На рассвете
Заложники — дети.

И в подвале дети Миная
Ожидают смертного часа.
С ними вместе
Тетка родная —
Скорбной лаской глаза лучатся.

Мальчик спрашивает у тетки,
Всё он хочет узнать, проверить:
Почему на окнах решетки?
Почему часовые у двери?

Скоро ль батька придет за ними?
«Скоро, — тетка в ответ ему, —
Скоро...
Поведет полями родными,

Поведет на волю
По полю...»

«Что же нет его?» Ночь коротка.
Часовые у двери стучатся.
«Спи, усни», —
Утешает тетка
В ожиданье смертного часа.

А когда задремал он, детям
Тетка правду сказала, не скрыла.
Лишь малыш не узнал,
Что с рассветом
Ожидает их всех могила.

«Вы смотрите
Ему не скажите», —
Наставляет детей Миная.
Снится мальчику тропка в жите,
Тропка к дому,
К селу родному.

Сын во сне беспокойно дышит —
Это снится
Темница
Сыну.
«Тут и мокрые стены и мышцы.
Ты забыл нас, отец, покинул.
Может, ты заблудился где-то —
Немцы слева, а волки справа?»

«Спи, отец не придет,
На это
Нет ему отцовского права».
Ночь проходит,
Солнце восходит.
Жаворонки запели в поле.
Вот солдаты
Ведут куда-то.
Мальчик рад и солнцу и воле.

У глухой стены остановка.
Взял на мушку солдат ребенка,

Выстрел.

Сникла льняная головка,
И прижалась к груди ручонка.
Вновь солдат пистолет поднимает.
На стене — заложников тени.
Вот и всё.

Перед батькой Минаем
Встаньте все отцы на колени.

1942

46. НАД БРАТСКОЙ МОГИЛОЙ

Есть на северо-западе русское место Лажины.
Как у нас в Беларуси,
Там вербы растут и рябины.

Там желтеют
Болотные ряски,
Как в Беларуси,
Там ржавеют
Фашистские каски,
Как в Беларуси.

Там могила есть братская рядом с деревней Лажины,
Белорусские парни
Там головы честно сложили.
Мы без слез их хороним
И помним
О клятве своей неизменной.
Наши слезы стыдятся
Винтовок и касок военных.
Мы не плачем, хоть знаем: не просто солдатские кости
Прячем мы под холодный песок на печальном погосте,
Сыплем землю на руки, которые сына носили,
Сыплем землю на ноги, что землю свою исходили.
Ноги просятся встать, их дороги войны не согнули,
Но вогнали в могилу
Их силу
фашистские пули.
Руки просят обнять
Еще сирот своих ненаглядных,
Но уже не подняться, не встать
Им из братской могилы прохладной.

Хоть и эта земля принимает их с воинской честью,
Но хотят они видеть хоть горстку земли из Полесья.
Только где ее взять? Как они Беларусь покидали,
То в дорогу с собою
Мешочки с землею не брали. . .
Что им горстка земли, если вся им нужна непреложно,
А в мешочке дорожном
Вместить ее всю
Невозможно.
Ты попробуй в дорогу забрать те поля, те луга и криницы,
Пущи те, что лишь в сердце, лишь в сердце сумеют
вместиться.
Беларусь моя, как же хочу тебя видеть я снова,
Весь чабер твой и вереск лесной,
Чуют запах сосновый. . .
Сердце просит в пути повстречаться
С тем, что с детства любили;
Я тумана хочу наглотаться,
И ветра родного,
И пыли,
Наглотаться хочу за себя и за них.
Им не встать — их песок засыпает;
Мне небес не хватает твоих,
Мне твоей синевы не хватает. . .
Мы друзей засыпаем землей —
Ленинградцы, татары, узбеки —
И клянемся,
что кровью чужой
Вспоим мы белорусские реки.

Мы салют отдаем,
помним клятву свою неизменно,
И не плачем мы —
слезы стыдятся доспехов военных,

1942

47. ПИСЬМО ИЗ ПОЛОНА

Дорогой! . .
Не расстаться с тоской,
Невеселый мой путь, невеселый. . .
Покидаю родимые села, —

И увозят по взгорьям и долам
Нас в Неметчину,
Будто в Туретчину...

Не одна я, с девчатами, — всех нас увозят в неволю,
Покидают девчата
Отцовские хаты,
Наплачутся вволю.

Я пишу и не плачу, я стала скупой на слезы,
Только кинуть хочу свои косы
Под эти колеса,
Да не кину я: двери глухие
Стерегут часовые.

Дорогой!..

На бумаге простой
Я пишу эти строки простые.
Я не кровью пишу — кровь застыла
И в сердце и в жилах, —
А чернильного карандаша драгоценным огрызком
Я пишу тебе это письмо, ты читай его близким.

Ты ушел на войну, не дождалась письма от тебя я,
До сих пор неизвестна мне почта твоя полевая.
И куда я пишу?
Не людей ли смешу?
Пусть мой враг смеется.
Письмецо неизвестно куда напишу я, как в песне поется.
Я pošлю его в небо, пусть странствует за облаками,
Может, туча тебе его выплеснет вместе с дождями.

Дорогой!..

Мы простились с рекой.
До свиданья, днепровские дали...
Жаль нам быстрой реки,
По которой венки
Мы недавно пускали.
И плыли васильки,
И тонули венки,
И сидели девчата;
А мой синий веночек плыл один
Невредим,
Плыл куда-то...

Мне казалось: стоишь на пригорке
В своей гимнастёрке,
И пилоткой мне машешь, казалось,
И пуля тебя не касалась.
Может быть, и касалась, проклятая, да не убила, —
Будто снова с тобою иду я, как прежде ходила.
Будто сон, будто ложь
То, что кончились наши гулянки,
Что дороги в высокую рожь
Затоптали фашистские танки.
Будто замуж я вышла, ты муж мой, а я твоя женка,
Нам дышалось легко, целовались, смеялись мы звонко.
Плыл мой синий веночек, плыл, — да стоит ли думать
об этом,
Ты ведь знаешь: не верю, не верю я бабьим приметам.

Дорогой!..

Вот и солнце простилось с землей.
Бор темнеет сосновый...
Из-за леса восходит мой страшный, мой месяц медовый,
И умыли росой, как слезой, васильки свои очи,
Пусть не видят они мой позор, мои темные ночи.
Доведется мне спать, да не так, как они мне сулили, —
У чужого на правой руке да в холодной могиле.
Я рабыня, рабыня, я черная, черная, черная...
Любый мой,
Не с тобой,
А с проклятой бедой
Обрученная...
Ты приди, отомсти — и не так за девчину, мой милый,
Как за землю родную, за ту, что легко нас носила.

Дорогой!..

Я прощаюсь с тобой,
Жаль бумагу на жалобы тратить...
А дойдет ли,
Найдет ли
Тебя письмецо на листке из тетради?
Не найдет, так читай по дороге от Орши, от Бреста
Ты другое,
Большое
Письмо, что на шпалах писала невеста.
Коль писала его не она, не сама, так подруги писали,
Поливая слезами горячими рельсы и шпалы.

Болью сердца всего
То письмо написала девчина.
Ты читай и ответ на него
На штыке донеси до Берлина.

1942

48. МАТЬ

(Народная баллада)

Мать сына родного на битву с врагом проводила,
И зерна на счастье посеяла мать, посадила.
И думала: если проглянут веселые всходы,
Сын скоро вернется,
Со славой придет из похода.

Напрасно вздыхала,
Ждала-ожидала
И счастья и доли:
Попали те зерна
На камень на черный
Средь чистого поля.

Напрасно с водою холодною
Ведро таскала,
Тот камень бесплодный
Слезой и водой поливала.

Щербатый, неровный,
Всё выпил он — слезы и воду.
Кипели на нем они, как на жаровне,
Три года.

Мать на землю пала
В печали, в тревоге,
Взывать она стала
К знакомой дороге:

«Услышь мое слово,
Смягчи этот камень суровый.
Я вербой густою
За это взошла б над тобою.
Твоих пешеходов
От солнца в тени укрывала б,

А в час непогоды
От бури я их заслоняла б.
Своими руками
Тебя подметать бы могла я.
Смягчи же свой камень,
Дорога моя полевая!»

Дорога сказала:
«Напрасно ты просишь, вздыхая:
Коль семя на камень упало —
Не жди урожая.
Не первая ты возле камня томишься в печали, —
Не раз на нем сеяли, только ни разу не жали.
На скорбные нивы
Пришельцы его прикатили,
Лежит он чужой, молчаливый,
Седея от пыли.
Его прикатили с чужбины
И бросили в поле,
Чтоб мать ненаглядного сына
Не видела боле.
И всходов не даст он ни в осень, ни теплой весною,
Пока он, заклятый тобою,
Не станет землею».

И старая встала
И шепотом камню сказала:
«Воды тебе мало
И слез моих мало.
Я кровью своею живую
Тебя заклинаю:
Ты станешь землею,
Сырою землею,
А камнем
Стану сама я».

И трижды
Заклятье такое
Над камнем она прошептала.
Стал камень землею,
А камнем сама она стала.
И вот поднялись у дороги зеленые всходы,
Со славой домой возвращается сын из похода.

1943

49. КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Юноша прямо стоит на допросе,
Молча стоит он — ни слова в ответ.
Немец-жандарм докурил папиросу
И подает комсомольский билет.

«Вот и билет твой. И я предлагаю —
Ты откажись, отрекись от него, —
Жизнь сохранить я тебе обещаю,
Жизнь, что на свете дороже всего.

Что в нем хорошего? Книжка, не боле,
Книжку сожги, и допросу — конец!»
— «Нет, не сожгу! — отвечал комсомолец. —
Сердце пусть лучше сожжет мне свинец».

«Сжечь не согласен? Ты в этом уверен?
Брось тогда в прорубь своюю рукой».
— «Нет, я и в прорубь бросать не намерен,
Пусть лучше сам я умру под водой!»

«Ладно! По-твоему будет!» На этом
Длинный и нудный окончен допрос.
Немцы бойца с комсомольским билетом
Босого гонят на лютый мороз.

Там он, облитый водой ледяною,
К сердцу билет свой рукою прижал,
Словно билет под холодной водою
Жаркому сердцу остыть не давал.

Так он стоял, издеваясь над катом.
Долго по телу струилась вода.
Так и остался стоять он у хаты,
Словно бы вылитый весь изо льда.

Так и стоит, как живой, перед нами,
Правой рукой прижимая билет.
Он не расстанется больше с друзьями
И простоят еще тысячи лет.

Но не корой ледяною покрытый,
Но не облитый водой ледяной, —
Вылит из бронзы и солнцем облитый,
Будет он вечно стоять над землей,

1943

50. В ДОМ РОДНОЙ

В дом родной, выбиваясь из сил,
пехотинец спешил. . .

Полевая дорога
к селу привела наконец,
И сидит у родного порога
усталый боец.

Пусть полынью, бурьяном,
лозою село заросло,
Пусть устал он и ранен
в последнем бою тяжело —.

Он кричит запыленным,
кричит утомленным бойцам,
Приглашает их в гости,
и слезы текут по щекам.

Мать его на погосте,
повешен врагами отец.
Приглашает друзей своих в гости
и слез не скрывает боец.

Только солнце в зените
над ними стоит высоко,
И шагать до границы
друзьям далеко, далеко.

И у многих, у многих
родные дома по пути,
И не могут, не могут
к нему они в гости зайти.

1943

51. ПОД ОСЕННИМ НЕБОМ

Замешкались мы,
А уж как их застать мы хотели!
Да птицы на юг от жестокой зимы
Улетели.

Под ними мелькают кусты,
И озера, и ели,
Но им с высоты
Не видать наших звезд и шинелей.

Когда б наши звезды
Заметил вожак журавлиный,
Их принял бы просто
За ягоды горькой каллны.

А гуси?
Летит и гогочет
Их вольная стая,
Шинелей от кочек
Сквозь облако не отличая.

А если бы ниже прошли!
Сквозь туман маскировки
Когда б они видеть могли
Наши звезды, шинели, винтовки, —

Отрекся б журавль от высот
И от жаркого края,
На льду могилевских болот
Он остался б,
Тепла не желая.

Когда б нас узнали
Высоко летящие гуси,
Они б зимовали
На белых снегах Беларуси.

1943

52. БЕРЕЗКА

Стоит она возле ограды
Одна на погосте.
Осколки фашистских снарядов
Оставили след на бересте.
Стрелял чужеземец, но чудом она уцелела,
Стоит она, словно девчина на месте расстрела.
Не плачь же, утри свои слезы,
Березка!
Над светлой рекой заплетн свои косы,
Березка!
Тебя не убили, тебя не угнали в неволю,
Расти же на радость и людям, и тихому полю.

1943

53

Не встречались ни разу мы с тобою за войну,
Но мои с твоими письма знали встречу не одну.

Каждый раз на полдороге письмам встречи суждены:
На войну твое стремится, а мое летит с войны.

И в дожди летят и в бури —
И крылаты и легки.
Не задержатся в лазури
Наши белые листки.

Брось листок в тот ящик синий —
И он в путь пуститься рад.
Он домчится, не загинет,
Жил бы только адресат.

До того нас письма знают — хоть без адреса пусти, —
Полетит, как белый голубь, не собьешь его с пути.
Так им любо, так просторно
На путях, что к нам ведут, —
Будто крошки, будто зерна
С наших рук они клюют.

1945

Я к тебе дорог не знаю, а ко мне не знаешь ты;
Лучше нас дорогу знают писем белые листы.

Как отпраздную на фронте я победы торжество,
Твой листок не дочитаю, положу в карман его.

Я вскочу на ту машину,
Что письмо твое везла, —
И пойдут печатать шины
От села и до села!

Привезет меня машина
В те места, в поселок тот,
Где живет моя девчина,
Где она ответа ждет.

Я к тебе, моя девчина, постучусь в окно чуть свет,
Ты подумаешь, девчина, что пришел тебе ответ.

А как встанешь
Да как глянешь,
Сразу всё поймешь тотчас:
И с ответом
И с приветом
Сам пришел я в этот раз!

1945

55. БАЛЛАДА О ПОДКОВЕ

Стук дятла, звонкое ку-ку
Встречались утром ранним,
В тот час попалась леснику
Подкова на поляне.

Кто потерять подкову мог?
Кругом леса, болота, мох,
На сорок верст в округе —
Ни хаты, ни лачуги.

Едва ль кто знал со стороны
Проходы в чашу эту.
Их знает он, его сыны,
Но их и дома нету.

Четвертый год в родных краях
Жестокий ветер дует,
Четвертый год, как злобный враг
На их земле лютует.

Так кто же, кто же был в лесу?
Кто путь сюда направил,
И счастье леснику-отцу
Чей добрый конь оставил?

А может быть, не конь здесь был —
Судьба прошла дубровой?
А может, месяц уронил
В траву свою подкову?

Подкову трогать не спеши,
Не надо торопиться.
Сперва желанья ей скажи —
И всё осуществится.

Не стал лесник подкову брать,
Пошел спокойным шагом.
Какого ж счастья пожелать?
Какое выбрать благо?

Земли? Не хочется ему.
Богатства? Нет, нехстати.
Дворец? К чему он? Одному
Просторно жить и в хате.

Смотри вон — окна вдаль глядят,
На век твой хватит смело.
Вон косы под стрехой висят
Четвертый год без дела.

Четвертый год война идет,
Грохочет бой кровавый,
Сыны его четвертый год
В лугах не косят травы.

Лесник подумал: «В самый раз
Сынам с войны прийти бы, —
Они б с отцом в единый час
Весь луг скосить могли бы».

Подумал так и сам вздохнул.
И вдруг в лесу, за хатой,
Услышал шум, услышал гул,
Увидел автоматы.

Кавалерийский генерал
(Лесник узнал в нем сына)
На час бойцам дает привал
Перед дорогой длинной.

Зарокотала синева,
Затарахтело что-то,
И рядом с хатой сел У-2, —
Старик узнал пилота.

Брат брата за руку берет:
«Вот встретились, значит...»
Лесник же, стоя у ворот,
В усы улыбку прячет.

Пускай себе поговорят,
А он-то знал заране,
Что если б не его загад,
Так не было б свиданья.

А те гуторят о косьбе,
О заводях, о плесах.
Лесник не верит сам себе,
Несет скорее косы.

На дуб повесил китель свой
Пилот перед косьюю.
И китель светится звездой,
Звездой Золотою.

За шагом шаг,
За взмахом взмах.
Звезда сверкает с дуба.

Трава в росе —
И рады все,
Работа с детства любя!

Сияет им звезда побед,
И солнце светит ясно.
Сыны с отцом за следом след
Ряды кладут согласно.

Сыны не ведают о том,
А им отец ни слова,
Что не косить бы им втроем,
Когда бы не подкова...

Но вот покосена трава,
На солнце подсыхает.
И поднимается У-2,
Над дубом пролетает.

Короткий кончился привал,
К походу все готовы.
Ведет отважный генерал
Бойцов на бой суровый.

Ему знаком здесь каждый пенек,
И он в себе уверен...
А что ж отец? Отец в тот день
Был счастлив в полной мере.

Когда последний конник сник,
Исчез в бору сосновом,
К подкове той пошел лесник,
Да не нашел подковы.

Ее ночной порой, видать,
В разведке потеряли,
А днем пришли, нашли опять
И лошадь подковали.

Но что ж подумать леснику?
И он стоит, не знает,
Что искры вдоль по большаку
Подкова высекает.

Она ж не ведает о том,
Что по ее причудам
В лесу глухом, в краю родном
Лесник увидел чудо.

Она помчала счастье в свет —
По городам и селам.
И стелется за нею вслед
Дубровы шум веселый.

Шуми, шуми, дуброва,
Звени, звени, подкова. . .

1945

56. АЛЕНКА

На скрещении двух большаков,
Под победные песни и крики
Вся деревня встречала бойцов,
Вся сошлася на праздник великий.

С придорожных берез ребятежь
На орудья глядит, на трехтонки. . .
Отчего ж не видеть, отчего ж
Не слышать синеглазой Аленки?

Где она? Нынче весело всем —
Шумно, людно, гармошка играет.
А Аленка умолкла совсем,
А Аленка в селе помирает.

Сколько жить ей? Не стоит пытаться
У залетной кукушки про это:
Перестала она куковать,
Улетела до нового лета.

Шумный праздник встречать не пришла
С хлебом-солью Аленкина хата.
Скорбно смотрит она из села,
Как вдали веселятся девчата.

Злое черное дело свое
Над Аленкой свершили убийцы:
Брали кровь для солдат у нес
В людоедской фашистской больнице.

А когда стало нечего брать,
А когда она там захворала,
Отпустили домой помирать,
И она, как свеча, догорала. . .

Вот в тени, под навесом ветвей,
Задержалась машина стальная,
И танкист посмотрел на людей,
Словно встретить кого-то желая.

Всех, кто был здесь, узнал он тотчас.
Мы ж не сразу танкиста узнали.
В ранах весь, он скрывался у нас,
Когда немцы к Москве подступали.

Как его изменили года!
Как глаза у него потемнели!
С виду был он чернявый тогда,
А теперь волоса поседели.

Люди стихли, замолк гармонист,
Да, видать, среди моря людского
Не нашел, кого надо, танкист,
Люк закрыл, не сказавши ни слова.

Танк рванулся, и пыль поплыла,
И в поклоне склонилось жито.
Вот и дом, где Аленка жила. . .
— Нет, Аленушка, ты не забыта!

Тот к тебе постучался, кого
Ты в суровые дни укрывала,
Клала в ранец походный его
Хлеб и сало, когда провожала.

Пусть теперь на пути боевом
Хлеба-соли высокие горы,
Не забыл он ни хлеб тот, ни дом,
Что его не покинули в горе.

Что ж с постели своей не встаешь?
Или силы не стало?

Что же гостя за стол не зовешь,
Как звала ты, бывало?

В красный угол легла головой,
А ногами к порогу?
А куда ж ты из хаты родной
Собралася, в какую дорогу?

Встань же, встань, оглянися кругом
После тягостной ночи!
Глянь на солнце, покуда песком
Не засыпаны очи.

Если только смогла бы ты встать,
Под окном поднялась бы дуброва,
Прилетела б кукушка опять
И тебе куковала бы снова.

Если б только вздохнула ты вдруг,
Если б только промолвила слово, —
Под окном бы раскинулся луг
И цветы распустились бы снова.

Если б только открыла глаза,
И жива и здорова, —
У танкиста того волоса
Стали б черными снова.

Гость не так бы простился с тобой —
Не печалью, не залпом прощальным,
Если б сбросила свой
Ты наряд погребальный. . .

Грянул выстрел — один за другим,
Гость умчался, своих догоняя,
Тучей пыль поднималась за ним,
На дороге следы заметая.

Он спешил рассчитаться с врагом,
Молча мы за танкистом следили.

Без него
Поутру за селом
Мы Аленку свою схоронили.

1945

57. КРЫЛЬЯ

Я покидал родимый край,
Где жил юнцом счастливым:
Пришел мой срок сказать «прощай»
Своим лесам и нивам.

Вослед мне долго шли поля,
Луга родного края,
Как молодого журавля
К отлету провожая.

Огни окошек мне вослед
Мигали вдаль с тревогой:
Я отправлялся в белый свет,
В неизвестную дорогу.

Земля шептала мне:
«Лети,
Мой молодой, да ранний!
Кто знает, сколько на пути
Ты встретишь испытаний.

Они идут за рядом ряд —
И труд, и кровь сражений...
Лети!
Дороги нет назад —
К родным кустам сирени».

Вдохнул я воздуха высот,
Мечту сроднивши с былью.
В далекий путь, в большой полет
Дала мне юность крылья.

В трудах суровых на войне
Я закалил терпенье.
И ничего, что, может, мне
Огнем хватило перья.

Где ни проехать, ни пройти,
Я полз по глине взрытой...
Я не жалею. Десяти
Небитых стоит битый.

И если б даже там песок
С землей меня накрыли,
И то бы, кажется, не мог
Своих сложить я крыльев.

Я б пожелал еще познать
Одно из испытаний:
Из мертвых встать — хоть трудно встать, —
Рассвет увидеть ранний.

Подняться, встать, прозреть опять,
Умыть лицо водою
В ручье лесном, чтоб не пугать
Людей землей сырою.

И вновь рвануть, чтоб ветер в грудь,
Чтоб снова — впрок усилья...
...Смелее — в путь, и в путь, и в путь! —
Затем даны мне крылья.

1945

58. СЛОВО К ОБЪЕДИНЕННЫМ НАЦИЯМ

Я обращаю вниманье
Объединенных Наций
На тех, кому нет оправданья, —
Любителей провокаций.

Им жить непривычно в дружбе ---
Кровавого ждут урожая,
Атомное оружие
В ход пустить угрожая.

Хочу своим гневным словом
Свое оградить жилище, —
Живу я в квартале новом,
Отстроенном на пепелище.

Я наложить решился
На бомбу законное вето, —
Сын у меня родился,
Пусть знает весь мир про это.

Звучи же над миром набатом,
Слово мое, сильнее, —
Я так говорю делегатам
Уважаемой Ассамблеи!

Хор атомщиков хвастливо
Мощь бомбы своей восхваляет,
Которая силой взрыва
Город уничтожает.

Сжигает труды человечьи
В море огня и дыма. . .
Бледнеют пред нею печи
Майданека и Освенцима!

Известно убийцам это,
Они не спешат с запретом.
Но атомные секреты
Не кажутся мне секретом!

И бомбы их не боюсь я,
Пускай поджигатели знают,
Что небу моей Беларуси
Напрасно они угрожают.

На мирную нашу просинь
Не действуют их угрозы, —
Не меньше, чем птиц под осень,
Видала она бомбовозов.

С немецкими касками рядом
Лежат они в грудах, ржавая, —
Я справку даю делегатам
Уважаемой Ассамблеи.

О бомбе скажу я смело —
Бахвалиться ею рано.
Не очень большое дело
Разрушить атом урана.

Мы большее дело когда-то
В своей стране совершили —
Мы старого мира атом
В семнадцатом расщепили.

Не из ядра нейтроны
Тогда мы освобождали —
В тот памятный год миллионы
Цепи с себя срывали,

Мир вечного рабства и злобы
Взрывали, уничтожая.
Еще и сейчас небоскребы
Колышет волна взрывная.

Они до сих пор равновесья
Прежнего не отыщут
За тучами поднебесья,
Где ветры Америки свищут.

Рушатся казематы,
Витрины дрожат на Бродвее...
Вы слышите, делегаты
Уважаемой Ассамблеи?!

Вперед идет боевая
Семья советских народов,
Свой вольный труд ограждая
От пушек, бомб, самолетов.

Бессильна бомба в сраженье
С Советской страной свободной.
Ничтожна она в сравненье
С великой силой народной!

И это, а не дебаты
Для мира всего важнее...
Вот слово мое, делегаты
Уважаемой Ассамблеи!

1946

59. БАЛЛАДА О ПРАВДЕ

Был предан он, клял свою долю,
Навек замурован в острог,
Он весть об измене на волю
Хотел передать, но не мог.

А пуща вестей ожидала...
Он с правдой хотел убежать,
Да стража его задержала...
И сух приговор — расстрелять!

С ним правда его разделила
Всю горечь последних минут,
И вот за стеною унылой
С ним вместе в печи ее жгут.

Предатель, довольный, смеется,
Он знает, известная речь,
Что правда назад не вернется, —
Эсэсовцы кинули в печь.

Нам правду суровую эту
Сказали бы пепел с золой,
Да ветер разнес их по свету,
Да люди смешали с землей.

Острог рассказал бы, да сгинул
И он от огня, от войны,
Виднеются только руины,
Осколок острожной стены.

По лесу, горам и долинам
Давно отгремела война,
Как прежде, стоит на руинах
Острожная эта стена.

Грозит ее облик суровый
Предателю ночью и днем:
Там будто бы, слово за словом,
Начертана правда о нем.

Никто еще слов тех не знает,
И только ночью порой
При молнии дождь их читает
И с букв упадает слезой.

Острожную старую стену
Предатель в ночи отыскал,
Всю правду о черной измене
На черных камнях прочитал.

Ах, зря он когда-то над нею
Смеялся. . . Она ожила.
Ту правду, что смерти страшнее,
Огромная печь не сожгла.

Никто не развеял по полю
Ее за глухую тюрьмой,
Пробилась та правда на волю
Всем взорам открытой стеной.

Ее на острожной странице
Сам узник писал перед тем,
Как в пепел ему превратиться,
Как смолкнуть ему насовсем.

Писал он, чтоб ведали люди,
Что правда не сгинет нигде,
Чтоб имя предателя судьи
Назвали на правом суде.

1946

60. ДОМ

Некогда дом красовался на месте на этом.
После бомбежки стоять он остался скелетом.

Мимо него прокатились с громом невзгоды.
Снова он хочет быть домом, как в прошлые годы.

В славе друзья его встали в соседних кварталах,
Скоро он тоже подыметесь ввысь, как бывало.

Стены его за лесами исчезли вначале,
Поутру первые песни на нем зазвучали.

Пусть в его окнах не стекла, а синее небо, —
Кажется всем — никогда он таким еще не был.

Тучка и та загляделась, над ним проплывая,
Остановилась, свой путь продолжать не желая.

Люди проходят, им ранней порою сдается —
Будто не тучка, а первый дымок над трубою вьется.

1946

61. КОЛОС

Звенит овес, шумит ячмень,
И веришь ты охотно,
Что в поле колос весь свой день
Проводит беззаботно.

Ты здесь и утром и в обед, —
Работаешь всё лето,
А колосу — и дела нет. . .
Едва ль. . . Неверно это!

Заметь под вечер: он стоит
Усталый от работы,
Едва усами шевелит
И мокрый весь от пота.

Нет, он не просто смотрит ввысь —
Он твердо помнит сроки
И снизу вверх, и сверху вниз
Весь день гоняет соки.

Он в почве влагу дотемна
Корнями собирает.
По крайней мере, горсть зерна
Он вырастить желает.

Он дождевую воду пьет,
От солнышка желтеет, —
И так он за день устает,
Что к ночи весь вспотеет.

Ни от забот, ни от хлопот
Покоя он не знает.
А поутру обильный пот
Он солнцем вытирает.

1946

62. ШМЕЛЬ

Здесь земля стонала
От стального шквала,
Вековые сосны падали от взрывов.

Здесь гремели пушки...
А теперь кукушки
Вновь кукуют мирно в чаще молчаливой.

Шмель расправил крылья — легкие, тугие, —
На цветы летит он в заросли густые.
Он летит-летает,
Он цветы считает,
В смятых травах ищет те цветы лесные.

Сколько полегло их по лесам дремучим
Под грозой кипучей,
Под огнем под жгучим, —
Всё он разузнает,
Всё пересчитает
И расскажет солнцу, и расскажет тучам.

Пусть смывают тучи светлыми дождями
След войны недавней, что прошла лесам.
Пусть всё ярче солнце светит над дубровкой,
Ясную погоду даст цветам медовым,
Чтоб в лесу и в поле
Снова было вволю
Меду золотого,
Хлеба молодого.

1946

63. ПОДСОЛНУХ

Дышал нам в лица и пылал подсолнух,
И видели мы летнею порой,
Что он с утра поводит вслед за солнцем
Своей огнистой жаркой головой;

Что солнце утром первый он встречает,
А в полдень с ним стоит лицом к лицу.
Он первый голову свою склоняет,
Когда подходит летний день к концу.

И так он смотрит тихо, утомленно,
И так ему в прохладе хорошо, —
Как будто два крутые небосклона
Он вместе с солнцем за день обошел.

Подсолнухи! Их тянется немало
В просторы неба. И сдается мне,
Что это солнце всюду разбросало
Своих сынов по нашей стороне.

1946

64. СВАДЬБА

Все желали вам счастья безмерного.
Под дугой заливались звонки.
По обычаю древнему — мельники
Останавливали ветряки,

Чтобы свадьба раздольями светлыми
Вдаль неслась от села до села,
Чтобы жизнь не пустою, не ветреной —
Трудовой и счастливой была.

Даже ветер, меж крыльев хлопочущий,
Смолк, цветами покрыв этот путь, —
Вместе с рожью волнистою хочет он
Новобрачным в глаза заглянуть.

И на миг прекратила вращение,
Словно хочет запомнить земля,
Как вам любится в пору цветения,
Как вас кони выносят в поля.

Мир, расцвеченный красками свежими,
Изменился у всех на глазах.
И лишь солнце восходит по-прежнему,
Заливая сиянием шлях.

1946

65. ЛИСТЬЯ

Листья, листья опавшие! Сколько
Вас легло вдоль канав и траншей.
Вас не ветер, а вражьи осколки,
Вражьи пули срывали с ветвей.

Листья! Вместе с родными ветвями
К небесам вы тянулись не раз.
Что ж простерлись вы тут, под ногами?
Кто ж мне, листья, ответит за вас?

И несется в ответ из кювета
Ваш осенний встревоженный звон...
Вы в мерцании бабьего лета
Скорбных слез охраняете сон.

Слез, что дремлют под шум листопада,
С материнской скатившись щеки;
Крови сон, что из раны солдата
Пролилась на траву, на пески...

Этот сон никому не развеять...
Если ж враг попытается — все
Из кювета, из тесной траншеи
Вихрем ринетесь вы на шоссе.

И помчитесь колоннам вдогонку
По осенним шляхам, по мостам,
На лету прицепляясь к трехтонкам
И к стальным орудийным щитам.

Свой наказ вам нашепчут березы:
Остановки не ведать в борьбе —
Вы несете народные слезы,
Кровь людскую несете в себе.

В час, когда вы взметнетесь в полете,
Дрогнет враг. И, свинца горячей,
Вы в лицо ему гневом дохнете
Вместе с грозным огнем батарей.

1946

66. НА ПОЛЕ БОЯ

Когда на пути повстречаешь
Ты прежнее поле боя,
По надписи сразу узнаешь
Могилу солдата-героя.

Чтоб свежей набраться силы
И в путь свой отправиться снова,
Приляг у его могилы,
Как будто бы возле живого.

Прилегши, помедли минутку
В пахучей траве нагретой.
Любимую им самокрутку
Сверни из старой газеты:

С тех пор как за Родину пал он
В сражение на этом пригорке,
Ни разу еще не вдыхал он
Пахучий дымок махорки.

И ты не смущайся сильно,
Не думай, что это сдается,
Когда под землей могильной
Вдруг сердце его забьется.

Не удивляйся также,
Если тебя он спросит:
Какое сегодня солнце?
Какая на небе просинь?

И раньше любил он расспросы,
Любил начинать беседу,
Любил завернуть самокрутку,
Любил угостить соседа.

Пускай его здесь схоронили,
Пускай упал, распростертый,
Но числится он и поныне
Скорее живым, чем мертвым.

Перед полком на поверке
Его и теперь выкликают,
Когда боевые знамена
На утреннем солнце сверкают.

И всякий раз называют
При этом и поле боя,
Где лег он на сталь пулемета,
Друзей заслоняя собою.

1946

67. КАРАНДАШ

У него характер необычный,
Как и мне, ему покоя нет,
И не зря графит его отличный
Сердцем назывался с детских лет.

Я из всех карандашей на свете
Выбрал тот, что больше всех любил,
Выбрал тот, который сделан был
Фабрикою «Сакко и Ванцетти».

То о счастье песню я слагаю,
То рисую красочный пейзаж,
Но и в счастье я не забываю,
Что в моих руках за карандаш.

Двух имен — бессмертных, непреклонных —
Не стереть: они живут, горят;
Очи узников, живьем сожженных,
На меня чрез океан глядят.

Перед этим взглядом их открытым
Я не прячу помыслов своих:
Знаю, что пишу я не графитом —
Я пишу сожженным сердцем их.

1947

68. СВИДЕТЕЛЬСТВО

Оно с рожденья предназначено,
Не на бумаге обозначено:

На свитках солнечных дорог —
Оно,
Печатано следами ног —
Оно.

Следы, как буквы, в ряд ложились,
Всё больше, больше становились:

Из года в год
Росли, росли они.
И наконец в поход
Пошли они.

Пути-дороги протянулись,
Как те рулоны развернулись.

Что было пройдено, что встречено, —
Всё в том свидетельстве отмечено;

Всё до конца в него вносилось,
Пока беда не приключилась:

Следы пропали, сгибли, скрылись,
Как бы сквозь землю провалились.

Их путь в потемках обрывается,
И тут свидетельство кончается.

А дочитать его желаете —
Так вы тропу к погосту знаете.

Там, за оградой сосновою,
Лежит плита — печать суровая.

На ней — две даты, две безмолвные,
Невыразимой скорби полные;

Под ней следы навеки сгнули,
А память на шляхах покинули, —

На тех шляхах, где сердце вынуто,
Костром горящим в поле кинуту,

Чтоб он своим
Огнем пылающим
Светил живым,
Вперед шагающим;

Чтоб согревал
Их в лютой замети,
Не угасал
В степи и в памяти.

Пусть за оградой сосною
Молчит плита, печать суровая, —

Костер пылает, разгорается,
Людьми свидетельство читается!

1947

69. БАЛЛАДА ПРО ОКО

(По народным мотивам)

Памяти Ю. Фучика

Задумались нелюди — нет им покоя, —
Как взвесить им, нелюдям, око людское.

К весам они камни и скалы носили,
Да око ничем перевесить не в силе.

Пусть с виду совсем оно малое было,
Но скалы большие в зрачке отразило.

Не только одни отразились в нем скалы —
Еще в нем и синее море сверкало.

Открытое море, без края, предела,
Как в блюдечке, в ясном зрачке голубело.

Не просто оно отражалось во взоре:
На чаше весов колыхалось море.

Решили тут нелюди между собою,
Что око они перевесят землю.

И вот на весы они землю руками
Вкатили с лагунам, с материками.

Но малое око — пусть веса в нем мало! —
И чашу с землю легко подымало:

Не только земля и орбита земная —
Еще отразились в нем звезды, сверкая.

Добавили звезд — и звезд было мало:
Еще, кроме звезд, в нем мечта просияла.

На сердце у нелюдей стало тревожно:
Мечту перевесить ничем невозможно.

И солнце и тучи всего поднебесья
Они бы могли без труда перевесить.

Но как перевесить мечту им людскую? ..
На око надвинули тьму грозовую.

Мечту они молнией белой слепили,
Огнем выжигали, дождями гасили.

Кровавой ее выедали слезою,
Пока не засыпали око землею.

Померкло в нем солнце и высь потемнела,
И звездами ночь в нем уже не горела.

В нем дали
Одна за другой потухали,

Поля за полями,
Леса за лесами.

Весы, покачнувшись в глубокой печали,
Его осторожно, как гроб, подымали.

...Засыпали око... .

А что же с мечтою?
Мечту не засыпать сырою землею.

1947

70. НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

Мальчик по зимнему полю
бежал из неволи.
Брел он в снегу по колено
из вражьего плена.

Ночью от мамки отбился,
в лесу очутился.
После смертельной тревоги
не движутся ноги.
Лег на сугроб, как под свод,
под еловые ветви.
А в этот час Новый год
начинался на свете.
Чем пареньку
плохо под елью косматой?
Снег на еловом суку —
как блестящая вата.
Звезд голубые огни
блещут на елках,
Ниткой они
привязаны к хвойным иголкам.
Заметь, снижаясь с высот,
как конфетти, зашуршала...
Так до сих пор Новый год
никогда не встречал он.
В хвойную глушь занесен
снегом-метелью,
Смертный нашел его сон
под новогодней елью.
Снежный сугроб простоял
до весны на поляне;
С белой постели не встал
тот мальчуган и не встанет.
Это ведь вовсе не сказка —
правда суровая,
А если даже и сказка —
не старая, новая.
Сказка Великой войны
и метельной полянки.
Не королевич заснул там,
а сын партизанки.
Сын партизанки!
Хоть белою снежной пургою
Был ты засыпан,
но смерть не властна над тобою.
Песней спилю я
эту большую
елину.

Посеребрённый
трепет зелёный
на плечи вскину.
И понесу над собой
снежные ветки
От пятилетки одной
до другой пятилетки.
Из года в год
по отчизне Советов свободной
Будет она хоровод
украшать новогодний.
В том она будет дворце
нашей отчизны,
Что возведут, славя труд,
сыновья коммунизма.
В те она будет года
в праздничном зале,
Сны воплотятся когда
и исчезнут печали.
Люди на ель поглядят
и в строгом молчанье
Вспомнят о мальчике том,
что замерз на поляне.
Память о нём
не в лесу будет жить,
а в народе —
Праздничным днем
в новогоднем кружить
хороводе.

1947

71. ЗЕМЛЯ

На небе звезд вам не счесть, астрономы.
Властно зовет вас простор незнакомый.

Сколько в мечтах вы ракет
Создавали,
Сколько далеких планет
Облетали!

Тысячелетние ваши усилия
Некогда станут желанною былью.

Вас, открыватели и пионеры,
Бросит мотор в глубину стратосферы.

Он, устремляясь вперед неумно,
Будет учить вас, как жить экономно:

Даст из баллона вам воздуху малость,
Чтобы биенье в груди не прервалось,

Даст вам воды в механической фляге,
Чтобы не слишком томились без влаги.

Шторы на миг приоткрыв, из ракеты
Даст вам на звезды взглянуть и планеты.

Так вам увидеть вдали приведется
Искру-звезду, что Землею зовется.

Хоть и не сможете сквозь телескопы
Азию вы отличить от Европы,

Будет отрадно вам знать, астрономы,
Что с малолетства с Землей вы знакомы.

Знать, что давно управляют Землею
Люди единой семьей трудовой.

Знать, что они на путях межпланетных
В славе живут без богатых и бедных.

Знать, что величие их созиданья
Не уменьшается от расстоянья.

Тут вы и крикнете, родине внемля:
Хватит! Пора возвращаться на Землю!

Выполнен долг, и про нашу победу
Людам по праву мы можем поведать:

Как мы летели быстрее метеора,
Сколько мы лет не глушили мотора,

Сколько далеких планет осмотрели,
В странствиях наших совсем постарели.

Долгие годы к намеченной цели
Мы не за личной наживой летели —

На вековую загадку ответы
Мы для родной добывали планеты.

Нынче мы жаждем — небесные гости —
Там, на Земле, схоронить свои кости.

Не из баллона по капле,
А снова
Вдосталь хлебнуть
Кислороду земного.

Слушать, как птички
Разносятся трели
Там, где купаются
В воздухе ели,

Слушать раскаты весеннего грома...
«Хватит!» — вы крикнете, домом влекомы.

Будет отрадно вам в пору возврата,
Как из похода идущим солдатам.

Мниться вам будет Земля, истомленным,
Флягой с водою, баллоном с озоном.

Будет Земля вам в ракетном оконце
Хлебом казаться, что выпекло солнце.

1947

72. БЫЛИНА О БОГАТЫРЕ

Со дня своего рожденья
не знал богатырь покоя:
Четырнадцать стран чужеземных
пошли на него войною.

Его пеленала дорога,
суровые бури качали.
На шлеме его сверкала
звезда огневыми лучами.

От детских забав веселых
он с первых же дней отказался —
На том на игрушечном сером
коне никогда не катался.

Манили его не забавы —
он шел через холод и голод.
И после войны кровавой
он взялся за серп и молот.

Повсюду завод за заводом
вставал под рукой исполина,
И следом за ним летели
сказки, песни, былины.

Не соколы, а самолеты
взлетали с его ладони.
Гремели по рельсам чугунным
его чугунные кони.

Он молотом бил на заводе,
с серпом выходил он в поле,
Чтоб враг никогда не осилил
его ни на суше, ни в море.

Могучий, тридцатилетний,
окончивший бой кровавый,
Готовый на труд и на подвиг,
стоит он, овеванный славой.

О мощи его богатырской
народы повсюду знают.
Его Октябрем величают,
былины о нем слагают...

1947

73. КОММУНИСТЫ

Коммунисты — это слово крепче стали,
Коммунисты — это слово как набат.
Маркс и Энгельс нам такое имя дали
В год рожденья наш — сто лет тому назад.

И хотя сто лет назад нас было мало,
Вышли мы на правый бой, на смертный бой.
Мы копаем — с песней — яму капиталу,
Пусть стучит земля по крышке гробовой.

Нет, не верим мы ни в бога, ни в молитвы,
И не знаем мы иных священных слов,
Кроме лозунгов, сзывающих на битвы,
Кроме песен, от каких вскипает кровь.

Поднялись мы в высоту, полны отваги.
Коммунизма даль, к тебе сердца летят.
Крылья наши — это огненные флаги,
Гнезда наши — это камни баррикад.

Коммунисты — это Ленина солдаты,
Пусть трепещут все тираны и цари —
Мы вписали знаменательные даты
Кровью собственной во все календари.

В грозных битвах мы не дрогнем от ударов,
До конца за наше дело постоим,
Знамя красное бессмертных коммунаров
Для полета нашей смене отдадим.

Так и я отдам в наследство — дар заветный —
Жар борьбы, который в сердце берегу.
Коммунисты! . . . Этот клич на бой победный
Без волненья повторять я не могу.

Этим словом, самым верным, самым чистым,
Самых близких называю не один.
Я хочу, чтоб назывался коммунистом
Сын родной мой и родного сына сын.

С каждым годом всё сильнее над планетой
Наше солнце разгорается во мгле,
Скоро будут называться — знаю это —
Коммунистами все люди на земле.

1948

74. ЖИВОЙ ЛЕНИН

Когда прощальный марш звучал в Колонном зале
И по Москве костры горели в зимней мгле,
Над Ильичем, скорбя, знамена мы склоняли,
Но не желали мы отдать его земле.

Не веря в смерть его, сошлись мы в час суровый,
Посланцы городов, станиц, аулов, сел.
Над ним, как над живым, звучало наше слово:
«Спи, дорогой Ильич, спи, горный наш орел!

Мы не позволили безжалостной могиле
Забрать его во тьму, туда, где солнца нет.
И мы гранитный дом в Москве ему сложили,
Бесстрашному орлу, на сотни долгих лет.

Любил он высоту — с вершины цель виднее, —
Стоит гранитный дом у вечных стен Кремля,
На Красной площади, храним страную всею, —
Отсюда, как с горы, вся на виду земля.

Любил он моря шум, любил он на просторе
В бушующую даль заглядывать вперед.
На площади он спит, которая, как море,
Волнуется, шумит в дни празднеств каждый год.

И в дом к нему идя бескрайней чередою,
Обвили мы его не траурной каймой, —
Мы опоясали его живой рекою,
Навек ему сплели живой венок людской.

Нет! Понапрасну, смерть, зловеще дни и ночи
Стояла ты над ним, большого стерегла.
Ты в тот январский день ему закрыла очи,
Но ты засыпать их землю не смогла.

Ты не властна над ним, как не властна над теми,
Кого он посылал на грозные фронты.
Смеялись над тобой бойцы, идя сквозь темень,
Хоть их у Сиваша свинцом косила ты.

Ты не имеешь прав на них, как не имела, —
Имеет только жизнь — одна — права на них.

На расстанях, Марыля,
даю тебе зарок,
Что для тебя, родная,
сплету я свой венок».

Вздыхая, на Марылю
глядел печально он,
Пока не докатился
протяжный, дальний звон.

«Прощай! . . — она сказала. —
Разлуки час пришел. . .»
Его ждала кручина,
любимую — костел.

Она на звон костельный
бежала вся в слезах,
Он в пыль упал, несчастный,
с ее венком в руках.

Когда же встал, был черен
в тот миг, как туча, он,
Как лес, что весь пожаром
безжалостно сожжен.

С тех пор любви на свете
он больше не искал.
Он правде отдал сердце,
певцом свободы стал.

Он умер на чужбине,
недугом изнурен,
И вспомнил перед смертью
свою Марылю он:

«Марыля! С дней прощанья
тебя не видел я.
Ты от меня далёко,
любимая моя.

Но в жизни ты со мною
всегда, везде была.
Я плыл бурливым морем,
и ты со мной плыла.

И вот я умираю
вдали, в стране чужой.
К тебе я обращаюсь —
ты и теперь со мной.

Где б ни был я, повсюду
я помню свой зарок.
Обещанный когда-то
я сплел тебе венок.

Я сплел его в изгнание,
немеркнувший, живой,
А в нем цветы и травы
моей земли родной.

Я рвал цветы из сердца,
а не с лугов и нив,
Как чистую росую
слезой своей омыв.

Я поясом туманов
перевязал венок
И лентой бесконечной
исхоженных дорог.

Венок мой — это радость
и боль души моей,
Любовь, на бой, на подвиг
зовущая людей.

..Издали прощальный
послал он ей привет.
И с той поры печальной
прошло немало лет.

Но нет, не забывает
народ о *ней*, о *нем*.
Он песнею венчает
влюбленных, как венком.

Венчает не в костеле,
не перед алтарем,
А на лесном ночлеге
да в поле — за рулем.

Там, где синеет Свитязь,
в народной песне вновь
Живет поэта имя,
живет его любовь.

1950

76. О ЛЮБВИ

К небесам протянула земля
Колоски своих нив,
Чтоб согрело их солнце,
Чтоб ветер качнул, опылив.

Солнце в землю влюбилось,
А в солнце влюбилась земля.
Как всё это случилось,
Не знаю, не ведаю я.

Только знаю — любви их негаснущей
Столько же дней,
Сколько жарких у солнца лучей,
Колосков — у полей.

Молодая невеста — земля,
Солнце — юный жених.
Лето — время объятий,
А осень — разлучница их.

Дни зимы — ожиданье,
Весна — это время их встреч.
Утираются слезы,
И бремя снимается с плеч.

1950

77. О РЕВНОСТИ

С дней осенних окутано
Солнце туманом седым.
И земля свое солнце
Ревнует к планетам другим.

Солнце где пропадает
Всю зиму, исчезло куда?
Как позволить могло,
Чтоб на землю пришли холода?

Возвращается май,
Но земля не прощает обид,
Темной тучей — платком
Скрыть от солнца лицо норовит.

Солнце тучу прожгло,
Но земля не сдается ему:
Руки крепких дубов
Цепко держат платка бахрому.

Только внешнее солнце
Упорства и силы полно.
Посылает на эти дубы
Стрелы молний оно.

За ударом удар
Над дубами проносится гром.
Солнце землю опять
Золотым отмыкает ключом.

1950

78. ТЫ И Я

Я встречался с тобой молодой,
Когда был молодым,
Ты была моей милой землей,
А я — морем твоим.

Ты стремилась в бескрайние дали
Морского пути,
Я же — в чащи лесные, чтоб там
Твое сердце найти.

Но в бурливом просторе морском
Ты не знала дорог.
Я к тебе, мое сердце,
Сквозь пущи пробиться не мог.

Отчего не была ты в ту пору
Журчащей рекой?
Я бы отдал все волны свои,
Чтобы слиться с тобой.

Отчего я не пламенем был
В молодые года?
Я огнем бы кипучим
Пробился сквозь пущи тогда.

Наша юность, как парус,
Исчезла вдали — не догнать.
Нет, не то уже море,
Спокойна бескрайняя гладь.

Гладь морская спокойна,
Зато отражается в ней
Берег, издавна милый,
С годами ясней и ясней.

Вновь земля — ты, я — море:
Никто разлучить нас не смог.
Я на вольном просторе,
Счастливый, у ног твоих лег.

Вечно я в твоей памяти.
Образ твой мною храним.
И лежу пред тобою
Я зеркалом светлым твоим.

1950

79. МОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Сам себе свидетельство даю
В том, что родился я в год суровый,
В том, что няньки под отцовским кровом
Не качали колыбель мою.

Думала война в те дни блокадой
Руки мне и ноги спеленать,
Хлопотала, как бы канонадой
Ей меня покрепче укачать.

Сколько этой песней колыбельной
Убаюкано в земле сырой!
Вышел рано я на бой смертельный
С нянькою непрошеной — войной.

Сколько раз в артиллерийском гуле
Свет мне застилала битвы мгла,
Сколько раз поставить точку пуля
Под моим свидетельством могла!

Каждый день, что прожит на планете,
Это — бой с войною, схватка с ней.
Тридцать восемь лет живу на свете,
Больше, чем тринадцать тысяч дней.

С боевою выкладкой солдата
Сквозь эпоху бурь шагаю я.
Ждет меня давно родная хата,
Отчий кров, любимая семья.

Забежишь в шинели запыленной,
Мать обнимешь, женку и детей.
И опять — вдогонку за колонной,
В бой за мир и счастье для людей.

Я в суровый век живу сурово —
Не могу, не смею быть иным,
Что и подтверждает это слово,
Сквозь огонь прошедшее и дым.

Это засвидетельствовать может
Шар земной: вся суша, все моря, —
Круглый шар, с печатью круглой схожий,
На котором я живу не зря.

1951

80. ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Родившийся в зале напев,
Гимн Партии, гимн коммунистов,
Сердца, по рядам пролетев,
Сомкнул электрической искрой.

Мы встали, мы вспомнили их —
Героев темниц и восстаний.
Поем и за тех, кто затих,
Кто с коек тюремных не встанет,
Кто пал на торцы мостовой,
Гранит подложив в изголовье.

«Вставай!» —

И рвались они в бой,
От ран истекавшие кровью.
И пели, хоть режь их и жги,
Хоть рви их колючкою ржавой.

Кто с пением гимна погиб,
Тот слит с его вечною славой.
А тот, кто молчал до конца,
Не дрогнул, под пыткой стоя,
Тот сам, зажигая сердца,
Стал гимна бессмертной строкою.

Казненный под сотнями вольт,
На стуле испепеленный,
Не умер. Он в тысячах вольт
Живет и поет в миллионах.

Всё громче наш гимн, всё мощней
Звучит в переполненном зале.
И стены тесны уже стали
Для этих поющих людей.
Поют, словно братья близки,
Трудящиеся всех наций.

Могучие материки
Стремятся навек побрататься.
Мечтают друг к другу прийти,
Приплыть Единения морем,
С Тайваней со всех по пути
Смывая горячее горе.

Наш зал перед братством таким
Раздвинул и стены и своды.
Подхватывайте, народы,
Всего человечества гимн!

1952

Зимнее поле легло
разворотом газетным.
Чащи лесов непокорных
на белой странице
Густо чернели
колонками передовицы.
На разворот,
словно праздничные сообщения,
Вышли из чащ
партизанские соединенья.
И понесли по сугробам,
по лыжному следу
В смелых сердцах
отпечатанную победу.
Слов незабвенных
не стерла студеная заметь —
Губы горячие
их повторяли на память.
Их и сейчас
с благодарностью мир повторяет,
Люди, спасенные нами, —
газета живая.

1952

82. РАЗГОВОР С ПОТОМКОМ

Я не заметил,
как зрелости время настало.
Ты уж прости,
мой далекий потомок, мой брат,
Песню, что в юные годы
сурово звучала,
Песню, что слух не ласкала,
а была в набат.
Песня моя не взошла меж цветов,
мой наследник,
Время стремительно
нас подгоняет в пути.
Песня в колонне шагающей —
не из последних,
Песне у нас не пристало
в обозе идти.

Дал я ей пару сапог
и шинельную скатку,
Чтоб не отстала
и веку была бы под стать.
Я не за славой
бросал ее в смертную схватку,
А для того,
чтоб людей из беды вызволять.

Разве могла она гнаться
за собственной славой,
Разве могла она
ласковой быть в те года?
В каждой строке ее
раной пылали кровавой
Села родные,
дымящиеся города.

Знай, что я сам
заодно с обгорелой строкою
Был не однажды охвачен
жестоким огнем.
Я ведь не только
писал ее этой рукою —
Сам защищал ее в битве
солдатским штыком.

Знай, если б мне
в эти трудные дни приказали
С песнею вместе погибнуть,
спасая в бою
Горы Валдайские,
волжские светлые дали,
Звезды Кремля, —
я бы умер за землю свою.

Вот почему,
к очагу возвратившись родному,
Радуюсь песне,
что выстояла в борьбе,
А еще больше я радуюсь
счастью людскому,
Рад я, что жизнь мы добыли
себе и тебе.

Пусть моя песня
 придет к тебе гостем желанным,
Но не цветком —
 пехотинцем, спасавшим людей.
Ты ей прости
 и суровые шрамы, и раны —
Знай, что им тоже
 обязан ты жизнью своей.

1952

83. МОЕ СЕРДЦЕ В БОРУ

Есть у каждого бор,
 пядь родимой земли,
Где мечты
 словно гордые сосны росли,

Где впервые
 взмывали они над землей
При ночлежном огне
 на поляне лесной.

Где кукушка будила их
 рано, чуть свет,
Уплывающих
 гулкому эху вослед.

Кукованье в бору
 по весне, поутру...
От зари до зари
 мое сердце в бору.

Не поспеть, не угнаться мне
 нынче за ним.
Не пойму я,
 что сталося с сердцем моим.

То ль кукушка ему
 не вешала давно,
То ль следы нашей юности
 ищет оно.

Я вернулся в свой бор,
что от бурь не полег,
Чтоб набраться в нем силы
для новых дорог.

Чтобы в жилах пылала
горячая кровь
Тем же буйным огнем
наших первых костров.

Чтоб по всем океанам
вперед они шли,
Неизменных мечтаний моих
корабли.

Думы наши, мечтанья! . .
Горжусь я одним —
Что навек завладели вы
сердцем моим

И меня, как и всех
беспокойных людей,
Повели
по надежной дороге своей.

С юных лет непрестанно
в пути, на ветру
Мне ваш слышится голос,
как нынче в бору.

1954

84

На митингах людных немало
Бывал я в наш век грозовой.
И сердце само выбирало
Почетный президиум свой.

По праву в нем заняли место
С тех дней, во главе с Ильичем,
Матросы и красноармейцы
За песни шумливым столом.

С походною песней моею
Сквозь годы, сквозь бури я шел.
Шагали мы с ней, не краснея,
За общий и хлеб наш и стол.

За век, что, знаменами рдея,
И к нам не остался глухим.
Президиум мой не рдеет,
Не старится, сердцем храним.

Навеки живой, вдохновенный,
Презрев и отвергнув покой,
Ильич возглавляет бессменно
Бессменный президиум мой.

1956

85. С ЮНЫХ ЛЕТ

С юных лет у меня
Есть одна лишь забота — работа.
Не для славы тружусь,
Не для роскоши, не для почета.

Легковесная слава —
Туман увлеченья пустого —
Днем гостит у меня,
А ночует уже у другого.

Блещет золотом роскошь,
Сыта и богато одета,
Но бедна вдохновеньем —
Единственным кладом поэта.

Я не против почета,
Но в сердце иная забота:
Я на трудном посту —
В мире большего нету почета.

1956

86. ПРО ОСЕНЬ

Смолкли птички ушедшие к югу кочевья,
Осень в чашу приходит — пора тишины.
Ярко вспыхнув, как свечи, пылают деревья —
Это проводы лета, поминки весны.

Бродит осень и с леса срывает покровы,
По-над елями тучи несет ветровей.
Дует сивер, и листья в молчанье суровом
Облетают с нагих, почерневших ветвей.

В жизнь влюбленный, не сдамся на милость угрозам
И на проводах тех, на поминках глухих
Выйду, в чаще не прячась, навстречу морозам,
Сын лесов, не теряющий листьев своих.

Я с весны сохранял их и, впредь сберегая,
До весны не развею, не брошу в беду,
Дружным шелестом сызнава май повстречаю
И с единственной просьбой к земле припаду:

«Ты откликнись еще раз, весна, из-за речки
Соловьем голосистым, кукушкой лесной
И каштанов своих негасимые свечи
Засвети над моей отшумевшей весной!»

1956

87

Когда весною закукует
Кукушка в зелени ветвей,
Ты вспомни всё — весну иную,
Боры на Минщине моей.

Ты вспомни всё, что прежде было,
Душевной близости тепло,
Забудь, что всё бывшее сплыло,
Откуковало, отошло.

Ты вспомни лес, где за стволами
«Ку-ку» желало нам добра,

Забудь желание, что с нами
Играло в прятки до утра.

Забудь, что эхо то лесное
К нам не воротится уже.
Забудь. . . И пусть душа весною
Другой откликнется душе.

Между 1959 и 1973

88

Человек юбилейной поры
И речей величальных
Всю былую судьбу свою
Переиначил всерьез.
Кто твердил, что отправился в гости он
К сказочным пальмам,
Кто шутил, что на поиски
Вечнозеленых берез.

Что, однако, стряслось?
Может, муха его укусила?
Может, пятку ему обожгла
Хлопотунья пчела!
Может, он от дремоты спасался,
А может, осина
Где-то в тихом болоте
По нем тосковать начала?

Вспышки молний ночных
Озаряли почтенную проседь.
И, отвергнув спокойные годы
Без бурь и помех,
Он внезапно вернулся
Ответом живым на вопросы,
Загорелый, улыбчивый
И непонятный для всех.

Да, вернулся домой он
Укором живым и ответом,
Он смущал засидевшихся,
Благополучных пугал.

С незлобивой улыбкою
Слушая злые наветы,
Словно аист лягушек,
Обиды он молча глотал.

И вздыхали соседи:
Себя загубил непоседа.
Сам он тоже вздыхал,
Но отнюдь не о прошлых годах.
Он жалел домоседов,
Что, трудных дорог не изведав,
Сыто квохчут, как клушки,
Сидящие на «болтунах».

Пусть известна им истин, знакомых давно,
безупречность.

Знал он истины тоже,
Но в сердце проснувшемся нес
Он и вечнозеленую
Пальмы беспечной невечность
И надежную вечность
Невечнозеленых берез.

Он узнал не из книг,
Сам постиг эту повесть желаний,
И тревог, и дерзаний.
Еще он им не дал имен.
Позабывши чернила,
Горячею кровью исканий
На древесной коре
Начертал свою летопись он.

Он найдет имена
Всем желаньям, дерзаньям, тревогам,
Шумный выводок свой
Типографским отдаст мастерам.
Жирным квочкам отдаст «болтуны»,
Домоседам — берлогу,
Песням — лучшие помыслы,
Сердце — всё тем же путям.

1960

89. К ПОЭЗИИ

Я узник твой, а ты — моя тюрьма,
Любовью я приговорен сурово.
Напрасно срок мой, заманив другого,
Ты сократить торопишься сама.

Напрасно стражу уменьшаешь вдвое,
Намерений обидных не тая, —
Бесмысленно решение такое,
Смешна предусмотрительность твоя.

Я и при малой не сбегу охране,
Всё так же буду цепью я греметь,
Прогулки совершать по расписанию,
И голодать, и в карцере сидеть.

Ты слов меня лишить неправомочна,
Распорядиться всей моей судьбой.
Не ты меня избрала — узник твой
Избрал тебя пожизненно, бессрочно.

1960

90. ЭЛЕГИЯ

Вся жизнь моя — с годами тяжкий бой.
Чем дальше — тем длинней в пути привалы.
Стихи буксуют, словно самосвалы,
И, знаю я, наступит час такой,

Когда не снами хвоя боровая
Мой осенит дорожный непокой,
А склонятся, злорадства не скрывая,
Мои года — и каждый с бородой.

Зачем пришла орда седоволосых?
Какого чуда ждут? Еще я жив!
Их бороды густые отстранив,
Еще я встану, обопрусь на посох.

За все года я разочтусь сполна
Остатком дней с моей дорогой длинной.
Последний вздох, как кость, я смерти кину
За тот порог, где властвует она.

1961

91

Зимы холодные покровы
Давно истлели под сосной.
Но лес, лишенный дара слова,
Как назовет весну весной?

И вот, как первое признание
Весны, в бору, еще немом,
Залетной гостьи кукованье
Настывший оглашает дом.

Звучней, звучней под небом синим,
Над шумом торопливых вод
Живым березам и осинам
Ведется бесконечный счет.

И слышит пуца вековая
Впервые за немалый срок
Тот звук живой, что вымеряет
Ее и вдоль и поперек.

Мир, пробужденный зовом ранним,
На север гонит стынь и тьму.
И я, прервав свое молчанье,
Спешу откликнуться ему.

1961

92

Покой отвергаю,
отныне не надо
Мне молнии
без грозового разряда.

Землю, как ни тверда,
Я вскопал бы лопатой саперной,
Чтоб забыть навсегда
О любви, о неверности черной.

Жду, пылание ран
Скрыть под глиной холодной готовясь,
Но молчит капитан,
Командир мой единственный — совесть.

Видно, думает так:
Не для мести давал ты присягу,
А для грозных атак
И на преданность нашему стягу.

Нам, стремившимся в бой,
Нам, что видели горя немало,
Нам лежачих с тобой
В горький миг добивать не пристало.

Нет, безмерно любить
Не заставишь неверность слепую,
И ее схоронить
Дать солдату приказ не могу я.

Для нее — день за днем —
Будет время лопатой стальной,
Верность — страшным судом,
Холод сердца — могильной плитой.

1961

95. ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Огонь ночлежный лижет ветви,
Траву жует подбитый конь,
А я трех лет своих последних
Бросаю каждый день в огонь.

Я был, пустившись в поиск новый,
Дорогой в плен надолго взят.
Не я — мой конь, что не подкован,
Во всем, пожалуй, виноват.

Мне самого себя бы высечь,
Распяться на кресте сосны
За сотни дней, за сотни тысяч
Минут, за их пустые сны.

За дней безвестных пыль седую,
Что на виски мои легла.
Не холод сердца — боль живую
В огонь швыряю, жгу дотла.

Остаток мук своих безмерных
Казню в огне, но не за их
Исканье веры у неверных,
Любви святой у несвятых.

Жгу дни и годы не за то я,
Что сам жестоко опален
Неутоленную мечтою,
Скитаньями былых времен, —

Пусть они в огне суровом
В сталь переплавятся, звеня,
Чтоб закаленную подковой
Надежно подковать коня.

Пылают горн в столетних пущах,
Куется в нем дорожный дух
Для горных троп, вершин грядущих,
Высоких волн, жестоких вьюг.

1961

96

Я писал бы о мирах далеких,
Я в мечтах бы залетал на Марс,
Если б не давнишние упреки:
А Земля? А жизнь мильонных масс?

Нынче трассы на Луну открыты.
У поэтов с космосом союз.
Марс, идя привычною орбитой,
Приближается к созвездью Муз.

172

А они поклонника встречают,
С песнями вступившего в родство,
И по всей Вселенной прославляют
Спутников искусственных его.

Только я не посвящаю оды
Тем загадкам, что на нем видны.
Мнится Марс, пустынный и безводный,
Мне зловещим спутником войны.

На челе планеты — злая мета
Смертных бурь, кровавых непогод.
Кто же слово нашего привета
На язык пустынь переведет?

1961

97. ПРО МАРС

Не живут на Марсе марсиане.
Видно, за какой-то старый грех
Марс в своих глубинах, как в кургане,
Схоронил их, упокоил всех.
Хворь их извела иль доконало
Пламя распрей, полымя войны?
Как морщины на челе, каналы
Вновь с вопросом к нам обращены:

«Объясни нам, астроном завятой,
Растолкуй, ученый человек,
Для чего, как воду мощных рек,
С полюса седого на экватор
Гоним пыль уже не первый век?
Ты за нами наблюдал всю осень.
Сквозь трубу подзорную в ночи.
Тучи праха над планетой носят
Радиоактивные смерчи. . .
Только нас, как видишь, смерть не косит».

Что же мы ответим им, земляне?
Может, правда, их существованье —
Назиданье для планет иных?
Может, в пору противостоянья

Долговечным делом рук своих
Предостерегают марсиане
От беды, что погубила их?

1961

98. О ВЕЧНОМ ПЕРЕ

Мне вечную ручку с пером золотым
Прислали на память с Востока,
Чтоб мир защищала служеньем своим,
Не зная покоя и срока.

Перо наострил я. С оружием таким
Любая задача под силу.
Но строчкам, еще не рожденным моим,
Я слышу, копают могилу.

С лопатою ненависть, зло с топором
И зависть с дубовой корягой
Застыли в молчанье над острым пером,
Что мысли связало с бумагой.

Всё ждут — не прикажут ли им закопать.
Засыпать песком бессердечным
Те строки насущные, что написать
Пером я отважился вечным.

Какая держава могильную знать
Так спешно прислать повелела
И что беспокоит, хотел бы я знать,
Любителей мокрого дела?

Зачем им готовить коварный удар,
Убийцам, укрытым во мраке?
Перо мне прислали как памятный дар
Из города мук — Нагасаки.

Пишу я пером душегубам назло
С одним неизменным желаньем —
Чтоб их преступленье из жизни ушло
Последним людским испытаньем.

Могильщиков злых, покровителей их
Мой стих отпоет для порядку.
И пусть тогда вечность на песнях моих
Невечности ставит печатку.

1961

99. ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

Для книги последней, привычный к труду,
Осеннюю землю вздымаю.
Весенних чудес от нее я не жду,
По пашне за плугом шагая.

Июнь мой в броне громыхал по полям,
Мой август покончил с бедою.
Навстречу октябрьским торжественным дням
Сентябрь мой идет бороздою.

Как память о мертвых тревожит живых
Еще не избытыми снами,
Так отзвуком всех испытаний былых
Мою взбудоражили память

Ключи журавлиные, пожни в дыму,
Разлука с погожестью летней. . .
Тогда нам ответь, говорят, почему
Назвал свою книгу последней?

Неужто изведал ты всё на веку
И только покоя желаешь
И в книгу, как гвоздь в гробовую доску,
Глухую строку забиваешь?

Друзья мои, как вы смириться могли
С такими наветами злыми? . .
Последними были все книги мои,
Когда я трудился над ними.

1961

100. НА ПОЛУМИЛЛИАРДНОМ КИЛОМЕТРЕ

Всю жизнь мою умножь на скорость звука
И результаты умноженья сверь.
Вот и скажи мне, точная наука,
Откуда возвращается теперь

Вещуни перелетной кукованье,
Что в пору давней юности моей
В дорогу позвала рассветной ранью
Меня на много-много тысяч дней?

Средь пуши вековой, в пути обветрси,
Стою, далеким голосом томим,
На полумиллиардном километре,
На стыке меж грядущим и былым.

Окликни — и былое отзовется
Жалейкой тихой где-то за сосной,
Шагни — и, шаг опережая твой,
Грядущее твое вперед рванется.

Конец пути в начало перейдет,
А расставанье — в новое свиданье,
Жалейки звук щемящий — в труб звучанье,
Счет времени — в пространства длинный счет.

1961

101

Есть у поэта свой надел целинный
Среди еще не вспаханных полей,
Где, борозды вздымая, гнет он спину
От первых дней и до последних дней.

Есть мыслей семена, он собирает
Горстями их на жизненном пути.
Дано им воплотиться в урожай
И восковую спелость обрести.

Есть сердце, что в пути не охладело,
Оно словам дает тепло и свет.
Нет без него заветного надела,
Нет зрелых мыслей. Да и жизни нет.

И есть ответственность — она безмерна —
Перед людьми, перед самим собой,
Чтоб, взрезав борозду строкою первой,
Связать свой сноп шестнадцатой строкой.

1962

102

Всем бороздам, канавам и кюветам
Весна потоки отдает опять
Рукою щедрой. Но примера в этом
Поэзии с нее не нужно брать.

Не тысячами русел мир широкий
Ей надо удивить апрельским днем,
А все свои шумливые потоки
Скопить, сберечь, соединить в одном;

Дать отдохнуть земному непокою,
Угмониться мутным ручейкам
И, став зеркально чистою рекою,
Дарить себя дубровам и полям;

Чтоб щедрой быть не только в день весенний,
Чтоб влагою поить и в летний зной
Сухие корни жаждущих растений
И к паводку готовиться зимой.

1962

103

От счастья сердце скачет как дитя,
Как мельница оно шумит ночами,
Ворочая камнями-жерновами,
Всем горестям житейским счет ведя.

Но время измерять ему негоже:
Часы умолкнут — их не завести.
Секунды сердце отбивать не сможет,
Коль смерть меня подкосит на пути.

Его в ремонт, с кончиной грозной споря,
Я не отдам умелым мастерам
И, как часы, на рынке не продам
За корку хлеба в дни нужды и горя.

Зато я с ним и дальше свой поход
Продолжу, весь охвачен жизни жаждой,
Пока в пути не кончится однажды
На весь мой срок рассчитанный завод.

1962

104

Часы мои — не солнца диск в зените,
Не сердце, будоражащее грудь.
Вращаясь равномерно по орбите,
Сама Земля мой измеряет путь.

Дней и ночей блюдя чередованье,
На месте не стоят материки.
На их живом, мелькающем экране
Видны дорог и речек рушники.

Ковры весны преобразятся в лето,
Круженье листопада — в первый снег.
Я не хочу, чтоб некогда всё это
Хотя б на миг остановило бег.

Застынет сердце, солнце в тучах сгинет,
Но ты, Земля, вертись, чтоб мне помочь:
Не дай упасть на темной половине,
Где дня не будет — будет только ночь.

1962

105

Десятилетия мчатся год за годом,
Как дождь, как пыль, как на голову снег,
На той земле, где, малый человек,
Я отдаю календарям, погодам,
Посеву, жатве свой короткий век.

178

Стоит уже с цепами и метлою
День молотбы и у моих дверей.
И с каждым часом та пора видней,
Когда земля, как сказано не мною,
Меня в свой темный примет мавзолей.

В тот, где дубы сторукими корнями
На ощупь ищут влагу дни за днями,
Чтоб подвести ее к своим стволам.
Там буду я. Там быть моим плодам,
Коль суждено им стать не семенами,
А мельничным достаться жерновам.

1962

106

Небесный океан в холодной мгле
Простерся, неоглядный, первородный.
Всё то, что звездам видно на земле, —
Лишь дно его, лишь мир его подводный.

Тут водоросли пуши вековой,
Тут облака, плывущие как рыбы,
Тут горные хребты, как рифов глыбы. . .
Но волны, что бушуют подо мной,

Мир образуют свой. Над вечной тайной
Его глубин не властвует земля.
Тут свой простор, космический, бескрайный,
Для волн, встающих выше корабля.

Я — третий мир. Я капелька живая
Тех двух миров — обычный человек,
Что, землю с небом всей душой вбирая,
В единый мир сливает их навек.

1962

Покинув берег, первый шторм я встретил
 На третий день. Метался влажный мрак.
 Для вдохновенья флагам нужен ветер,
 А мне для вдохновенья нужен флаг.

Не тот, однако, что на милость стужам
 Сдается, встретив непогодь и тьму, —
 Ни перед злом, ни перед равнодушьем
 Я белый флаг вовек не подниму.

Ни перед бурею неудержимой,
 Ни перед смертью, ни перед любимой,
 Когда она меня не моряком
 Захочет видеть, а своим рабом.

Пускай бушуют волны. Вызов смелый
 Бросаю я, взметнув навстречу им
 Немеркнувший багряный флаг.
 А белый —
 Я оставляю недругам своим.

1962

Просторы неба, с океаном встретясь,
 На горы волн кладут густой туман.
 Мне хорошо! Меня не океан
 Качает вновь, а колыбель столетий.

Я слушаю — уже не человек —
 В безмолвном и безмерном восхищенье
 Тот гул протяжный, водоизмещеньем
 В миллиарды миллиардов шумных рек.

Я чувствую — меня навстречу сушам
 Несут былых тысячелетий дни.
 Из рук своих передают они
 Меня другим ветрам, просторам, стужам.

Дитя воды, ползу я в глубь лесов,
Чтоб человеком в мире первозданном
Встать из пещерной глубины веков
И снова повстречаться с океаном.

1962

109

Опять стою, объятый чувством странным,
Гляжу на след, бурлящий за кормой,
Как будто я плыву не океаном,
А Беседью — желанною рекой.

По Беседи плыву! Как мальчугану,
Судьба решила мне ее послать.
Река родная за руку, как мать,
Ведет меня домой по океану.

Она меня сквозь яростный циклон
Ведет — и не страшна ей непогода.
Ведет, неся махину теплохода
Почти что в девяносто тысяч тонн.

Что для нее кипенье этих серых,
Угрюмых волн и тяжесть корабля,
Когда на горизонте милый берег —
Раскрывшая объятия земля!

1962

110

Не обижайся, океан! Когда я
Сойду на землю ту, что так люблю,
Свое «прощай», по трапу вниз сбегая,
Я не тебе пошлю, а кораблю.

Ты не лови тогда мой взгляд прощальный,
Растроганный, напрасных слез не лей,
Еще не скоро шторм десятибалльный
Меня покинет на земле моей.

Еще не скоро я прошусь с тобою,
Еще не раз измерю мир живой
Твоих глубин, что скрыты под водою,
Равнин, что схожи с далью полевой.

Как в раковине, будешь ты таиться
В душе моей — суров и величав,
Чтоб голос твой цветы, колосья, птицы
Услышали, к груди моей припав.

1962

111

А вечность с неизведанных дорог
На нас взирает, как на муравейник.
Вот-вот возьмет, сдастся, в руки веник
И выметет, как мусор, за порог.

Скажи мне, время, кто в лесах дремучих
Тогда топор поднимет в тишине
Пустых дубров и по кругам на пне
Сочтет года твоих деревьев могучих?

Твоих столетий зримые черты
Кто на граните высечет суровом?
Кто сможет делом подтвердить и словом,
Что впрямь на свете существуешь ты?

Не властелином в том краю безлюдья
Ты будешь, время, а слепцом средь тьмы,
Пока для жизни, для рабочих буден,
Для долгих дел не возродимся мы.

1962

112

Века погасят солнце. Но не сгинет
Наш род людской — команда корабля, —
Он мачтовые сосны не покинет,
Пока им будет палубой земля.

Их не убьет всесветной стужи время,
Метель не заметет их след живой —
Мы, спрятав в трюм дерев погибших семя,
Наземный мир устроим под землей.

Планеты курс изменит наша сила,
И в поединке с черным забудем
Мы в поиск устремимся и найдем
В просторах ночи новые светила.

Растопим льды, и вырвутся на свет
Родные реки из глухого плена.
Засеяв землю, разум во вселенной
Вновь утвердим на миллиарды лет.

1962

113

Земля не вечна. Спорить с тем не будем.
Пусть так. Но разве мало молодых
Планет и звезд? Кто помешает людям
На склоне дней своих проведать их?

Мы, сил земных в полете не растратив,
Достигнем самых отдаленных сфер,
Нас встретят обитатели пещер
Не как своих богов — как старших братьев.

И, в памяти храня язык старинный
Своих былых дорог, наверняка
Мы младшим сократим наполовину
Все беды, что готовят им века.

Чтоб мир, где войны, рабство и лишения,
Для них уже не повторился вновь,
Пусть в жилах их струится наша кровь —
Неугасимой жизни продолженье.

1962

Свидетель время — жизни всей на смену
 Приходит смерть. Наступит срок такой,
 Когда на склоне дней, подвластных тлену,
 С лица земли исчезнет род людской.

Знак восклицания ты ставишь, время!
 Я — знак вопроса. Ну, а если твой
 Закон мы, люди, сбросим словно бремя
 И наконец, найдем белок живой

И племенем бессмертным и могучим
 Его расселим на материках?
 А что, коль мы потом его научим
 Мир понимать, ходить на двух ногах,

Дадим ему топор и молот в руки,
 Разумные учебники дадим —
 Весь опыт созиданья и науки?

...Тогда попробуй потягаться с ним!

1962

Когда в полет, как мирные снаряды,
 Отправятся большие корабли,
 Мы, люди, будем размышлять: а надо ль
 Искать иные земли для Земли?

И нужно ль, совершая круг прощальный,
 На нас взирать пилотам с вышины,
 Как будто фильм смотреть документальный,
 В печальный миг, уже со стороны?

Пусть им, по неизвестной нам причине,
 Вернуться не дано на космодром,
 Объятым сном космическим в кабине
 Иль где-то отыскавшим новый дом.

Но подтвердят полетов безупречность
Наш век двадцатый и грядущий век.
И будет фильм Земли смотреть не вечность
Глазами звезд своих, а человек.

1962

116

Любовь моя, уже немало лет,
Нарушив все законы притяженья,
Живем мы как взаимоисключенье,
Как мир и антимир среди планет.

Не ходим никогда одной орбитой,
Не делим хлеб, а делим только соль.
И ты смеешься над моей обидой,
Грустишь, когда моя проходит боль.

Со мной не соглашаешься жестоко
Ни в чем и всё оспариваешь сплошь.
И стоит повернуться мне к востоку,
Как тут же ты на запад повернешь.

И всё ж земля б моя осиротела,
Вселенная заволоклась бы мглой,
Когда б ты, гневно вспыхнув, улетела,
Со скоростью исчезла световой.

1962

117

Мне снился сон — ты в вечность отлетела
И там звездой средь звезд горишь сама.
А я — извечный спор души и тела —
Живу, не умер, не сошел с ума.

Как прежде, сердце ходит на свиданья,
Таясь от всех, разлуке вопреки,
Пытается шептать слова признанья,
Чтобы спастись от стужи и тоски. . .

Оно ни платьям девичьим, ни косам
Заветного тепла не отдает,
А всё глядит с укором и с вопросом
На звездный, на холодный небосвод.

И всё ему свиданий тайных мало,
И света не хватает, и тепла.
Зачем, когда ты землю покидала,
Его в свои владенья не взяла?

1962

118

Лет через десять ты из межпланетья
Вернешься вновь в родимые места.
А здесь у нас пройдет тысячелетье,
Как подсчитала дерзкая мечта.

Ты землю всю окинешь новым взглядом.
Не знаю, что на ней увидишь ты.
Но только не ищи — искать не надо —
Среди могильных плит моей плиты.

Ты повяжи любимую косынку,
Что соткана из солнечных щедрот,
И пусть тебя, как легкую былинку,
Крылатое бессмертье понесет —

Туда, на место встречи предрассветной,
Что для меня не повторится вновь.
Там будет почивать моя любовь,
Чей век был прожит без любви ответной.

1962

119

Нет, звезд я не хватаю с небосклона,
В лугах не рву весенние цветы,
Чтоб от меня как дар души влюбленной
Их благосклонно принимала ты.

Пускай цветы пестреют на поляне,
Чтоб мы с тобой бродили среди них.
Они увянут к вечеру в стакане,
Как мы без солнца среди стен немых.

Путь к звездам долог — за тысячелетья
До них и резвый конь не довезет.
За ними бы помчался я в ракете,
Да поздно отправляться мне в полет.

Нагрузки сердце выдержать не сможет,
В груди заглухнуть мой мотор готов.
Глотал он пыль дорог и бездорожий.
Прими его без звезд и без цветов!

1962

120

Не стародавний бард, но всё равно я
Былого барда правнук или внук.
С ним не равняюсь я своей судьбою,
Она дала не шпагу мне, не лук,
А Землю всю с ареной — Млечным Шляхом.

Качу ее, похожую на мяч,
Подверженную водородным страхам,
Спешу, больную, завернуть в кумач.
Слежу, чтоб не столкнул ее с орбиты
Заокеанский грибовидный взрыв.

Напрасно, как бесстрастные арбитры,
Галактики, арену окружив,
Глядят на поединок с хладнокровьем,
Как на забаву, что знакома им.

Мяч круглый — есть футбольное присловье.
Но мы играть Землею не дадим!

1962

Мне что ни год, то жизнью жить иной
 В двадцатом нашем веке довелось.
 Я — колос в море зреющих колосьев,
 Миллионы судеб собраны в одной
 Моей судьбе — всё их разноголосье.

Ища для взлета новые края,
 Крылатым веком вызволенный атом,
 Взаимы у неба взял жилплощадь я,
 Чтоб стать ему товарищем и братом.
 Но это не последняя моя
 Судьба в столетье нынешнем, двадцатом.

Преобразаться буду я стократ
 Из мысли в плоть, из жизни в жизнь иную.
 Я чувствую, на свете существуя,
 Что мне сейчас отнюдь не пятьдесят, —
 Что лет пятьсот, не менее, живу я.

1962

Товарищ соснам, короедам враг,
 Мой стих — как дятел, осененный бором,
 Он с самого рассвета на ногах —
 Торопится помочь деревьям хворым.

Он, ввинчиваясь в небо по стволам,
 Врачует их, в свое влюбленный дело,
 Больных выстукивает и умело
 Смолу кладет на раны, как бальзам.

О людях он печется, чтобы стены
 Домов их новых не точила гниль.
 Подумай, сколько тысяч птичьих миль
 Он прошагал без отдыха и смены!

А сколько тысяч — сосчитать изволь —
 Ветвей он излечил в бору сосновом?
 А сколько странствовать ему, чтоб словом
 Унять хотя б одну людскую боль?

1962

Березу посадил я при дороге.
 Лет через сорок, через сорок пять
 Не у проселка дереву стоять —
 У нового столетья на пороге.

В июльский день потомок молодой,
 Найдя приют под зеленью сквозною,
 Здесь переждет часы дневного зноя,
 Мотор горячий напонт водой.

Не будет знать он о моей могиле,
 Не будет знать он о моей мечте,
 Но вспомнит благодарно руки те,
 Что вешний грунт лопатой разрыхлили

И в давний час — не для себя — для всех
 Взрастить сумели деревце на воле,
 Березку эту не из леса в поле
 Перенеся — из века в новый век.

1962

Я гибну от бездействия не месяц,
 Не два, не три. . . Где трудным дням предел?
 Я сам себя готов скорей повесить,
 Чем жить для мелких и ничтожных дел.

Запал прошел — я сердцем разумею,
 Что мне помочь не смогут доктора.
 Схожу с ума, уже и не надеясь,
 Что в жизни будет лучшая пора.

Она сама, кладя конец мытарствам,
 Приносит мне из животворных рек
 Шестнадцать капель своего лекарства,
 Шестнадцать строк, чтоб исцелить навек.

Шестнадцать тропок на листке бумаги,
Меня ведущих в мир, чтобы опять
Дерзать, мечтать, шагать через овраги. . .
Шестнадцать рук — чтоб землю всю обнять.

1962

125

Сравнить бы музу с матерью моей,
Но слов не нахожу я для сравнений.
Ведь мать одна, как солнце в день весенний,
Она самой поэзии родней.

Сравнить я мог бы музу с первой тропкой,
Что песню обвела вокруг села,
Когда б меня с моею песней робкой
Дорогам тропка не передала.

Когда б из рук полей не передали
Меня проселки рельсовым путям,
А рельсы — новой, неоглядной дали.
Какое музе я сравнение дам?

Она моя судьба на белом свете,
С неугасимой жаждою в глазах:
Тропинки вслед за ней бегут, как дети,
Навстречу ей летит за шляхом шлях.

1962

126

Сравнили славу мы с вином хмельным.
Забвение с полынью мы сравним.

Пока твой день и тень твоя по праву
В гроб не легли с тобою на века,
Вкушай, дружище, сладостную славу,
Однако помни, что полынь горька.

1963

Подкуплена совесть. И что же?
 Продажна, бесстыжа, ловка,
 Теперь она пыжиться может,
 На бедность глядеть свысока.
 Являться в обличье вельможи,
 Чинами и славой блистать.
 Всё может. . .

И только не может
 Опять неподкупною стать.

1963

Подросток я — лесной тропинки друг.
 Всё было мне в ее владеньях мило.
 Однажды нас улыбка разлучила
 Подруги новой, что явилась вдруг.
 Предчувствуя всем сердцем появленье
 Тревог желанных, долгожданных мук,
 К ее ногам я выронил из рук
 Корзинку ягод, полон изумленья.

Не жаль мне их. Невелика беда.
 Не жаль и стежки, вьющейся меж сосен.
 Но жаль мне, что с собой она уносит
 Дни поисков беспечных навсегда.
 Сведя меня с тревожною порою,
 Тропинка скрылась в чаще всковой.

Склонилось над корзинкою пустой
 С улыбкою предчувствие живое.

1963

С другим обручена любовь былая.
 Как прежде, я хожу холостяком.

Вернулась вновь в мой опустевший дом
 Друг детских дней — тропинка боровая.

Я дал обет ей — спутнице в беде,
От лент и кос любимых отстраненный:
С ее песчаной лентой, в даль вплетенной,
Не расставаться никогда, нигде.
Я присягал ей. Но она молчала.
Я шел вперед. Она обратно шла.

Дням, где она брала свое начало,
Пришел конец. Там, за чертой села,
Как ручеек, тропинка боровая
Текла, вливаясьсь волнами песка
В иное русло... Зрелости река
Так широка! Куда ж она впадает?

1963

130

Лес, отпылав, стал черным от утраты.
Огонь с ветвей осыпался в ночи,
И обручи листвы вдоль автострады
Летят — их гонят хлесткие бичи
Туда, где холода и снегопады.

И, лета бабьего отдав пожар
Кюветам, поднебесью — паутину,
Березы голые уныло стынут,
Спеша укрыться в серую перину
Тумана — от ветров и ярких фар.

Дней золотых, разбросанных по свету,
Не жаль — я их не подберу с дорог.
И я готов, учась у рощи этой,
Перешагнуть еще один порог,
Без лишних жалоб хороня в кюветах
Мечту о том, что вечно будет лето.

1963

192

Полынь токам и мельницам чужда.
 Ей родичем приходится нужда
 Голодных жней, что от груди своей
 Отваживали горечью детей —
 Пускай скорей на слабенькие ноги
 Они встают, спеша перешагнуть
 Курных избенок битые пороги.

С полынью той и я прошел свой путь
 От первого младенческого шага
 По хате — до развернутого стяга,
 Что вел меня огню наперекор.

Полынь... Я благодарен ей с тех пор.
 Полынь — в ней слезы матерей, в ней горе
 Сиротства, детства зябнувшего дрожь
 И горечь молока. Ту злую горечь
 С губ никакую жаждой не сотрешь.

1963

Я всем обязан матери — пропискою
 В родном доме, в ее большом роду,
 И зыбкою, по-нашему — колыскою,
 И деревянной ложкою, и мискою, —
 Всем, чем обязан дом ее труду.

Я — ласковый напев. Я — крик тревоги.
 Я — вдовий гнев, что жег в лесах костры
 И смерть на запад гнал — к ее берлоге —
 Тротильным бичом, ломал ей ноги.
 Дымились всех семи фронтов дороги
 За мной, как динамитные шнуры.

Я, прекративший вой сирены режущий,
 Не допущу, чтоб атом всё сгубил,
 Вновь землю превратив в бомбоубежище,
 Миллиард прописок — в прах, в посмертный
 список,
 Миллиард колысок — в миллиард могил.

1963

Солдаты века, что по грозной цели
Ведут огонь всё тверже, всё смелей,
Теперь не погибают на дуэли
По воле королей или царей.

Никто не шлет к ним секундантов ныне,
Они никем не предупреждены.
Тюремщики спешат покончить с ними,
От тела душу веет бог войны.

В упор неумолимые инфаркты
Расстреливают верных тех солдат,
Торопятся в расход списать по актам
Безвременных, бесчисленных утрат.

Но всё равно и за чертой смертельной,
Не списанные памятью живых,
Они опять ведут огонь прицельный,
Как из окопов — из могил своих.

1963

Круженье листопада в первый снег
Преобразится — всё в природе рядом.
Я словно бы команду парадом
Двух вражьих сил у пограничных вех —
Сраженьем снегопада с листопадом.

Я — повелитель всех дорог и рек,
Регулировщик карусели этой,
Как будто не пронесит над планетой
Меня листком, снежинкою, ракетой
Сквозь толщу атмосферы бурный век.

Песчинкой был я в быстром хороводе
Годов, зерном и пылью на току.
Мне век двадцатый (он уж на исходе)
Отмерил срок. . . Но назло старику
Я, снова руку протянув природе,
С ней перейду в тридцатое стогодые.

1963

Взбиралась тень моя всё выше, выше,
Катилась с кручи — не угнаться мне,
Летела, мой рассвет на тропках вышив,
Как будто на суровом полотне.

Но в полдень мой, горячий, мимолетный,
Коротким шагом измеряла тень
Дорог широкотканые полотна,
Чтоб растянуть неповторимый день.

А к вечеру со скоростью обозной
Она влачится долго оттого,
Что не желает на дороге поздней
Хозяина оставить одного.

О дружба! Тень пожизненная. С нею
Огонь прошел я, воду и беду.
Она, свою дорогу слив с моею,
Там упадет, где сам я упаду.

1964

Друзья, в сраженьях скошенные пулями,
Дыханье ваше слышу за спиной.
А где-то снова яростными ульями
Жужжат осколки. Не смолкает бой.

Опять в ночи родная Беседь мечется,
К лесным корням торопится припасть,
Тревожится, что водородной нечистью
Отравит рыбу новая напасть.

Дубы бушуют, гневом переполнены,
Сады к воде сбегают по холмам,
Чтоб с плеч стряхнуть напалмовое полымя,
Грозящее переметнуться к нам.

И душно вам, друзья. Землей прикрытые
(Вздохнуть бы, как при жизни, глубоко!),
На вольный свет стремитесь вы, завидуя
Живым, которым тоже нелегко.

1964

137—149. МОНОЛОГ

*Памяти белорусских поэтов
З. Астапенко и Ю. Таубина*

1

Когда и где, я уточнять не стану
То, с чем живым смириться тяжело, —
Бесчеловечность выжгла эту рану
На времени, что навсегда ушло.

А чтобы след вины забвенью стерло
С лица земли безмолвной поскорей,
Ковром прикрыта, сотканным из дерна,
Безвестность всех безвременных смертей.

Пусть жесткий дерн забытого кургана
Польною стал на мертвой почве той, —
Не заросла земли живая рана,
Зияет боль под зеленью седой.

И снова ощутив утраты жгучесть
И раннюю увидев седину,
Я скорбным словом тягостную участь
Тех, без вести пропавших, помяну.

2

Чем сражены вы — хворью или пулей?
Никто на это не ответит нам. . .
Где двери, что безжалостно сомкнулись
За вами? Как пробиться к тем дверям?

На плитах и на острых обелисках
Прозрачный дождик надписи омыл.
Но я фамилий ваших, с детства близких,
Не отыскал на мраморе могил.

И негде изливать свои печали
Нам — братьям вашим, женам и отцам.
Друзья! Когда мы вместе подрастали,
Не о такой судьбе мечталось нам.

Мы шли за строгой музою, готовясь
К походам дальним, шли своим путем.
Я — память. Вы — моя святая совесть.
Я — древко. Вы — полотнище на нем.

3

Устоишь той, хто варт.
На старт, сябры, на старт!

Юлія Таубін¹

Да, вы достойны ваших стартов ранних,
Но слишком ранним финиш был у вас.
Меж финишем и стартом расстоянье
Особой меркой мерят всякий раз.

Того, кто мало сделал, судит строго
Забвенья суд за финишной чертой.
Того, кто мало жил, но сделал много,
Дорога ждет в бессмертие длинной.

Друзья, ваш день был краток. Вешней ранью
Вас ветер века, резок и суров,
Со старта смел. . . Вы — книга без названья,
Ствол без листвы, дорога без следов.

Быть нелегко мне верным продолженьем
И тех следов, прервавших свой разбег,
И тех начальных песен завершеньем,
Что к финишу прикованы навек.

4

Стряслась непоправимая беда
С друзьями незабвенными моими.
Вновь вызывает на свиданье с ними
Та даль, что разлучает навсегда.

¹ Устоит тот, кто достоин. На старт, друзья, на старт! *Юлия Таубин* (белорусск.). — *Ред.*

Мой конь оседлан. Мне пора! В дорогу,
Труднейшую из всех земных дорог,
Я тороплюсь один, как монолог
На поиски живого диалога.

Но стоит ли? В пути, у переправ,
Тень всё длинней, и конь сбивает ноги.
А там, куда спешу я, диалоги
Спят непробудно, в рот земли набрав.

Не медли, стих! По назначенью следуй,
Хоть вечер наш протяжной тенью лег.
Возможна невозможная беседа,
Пока еще возможен монолог.

5

Как мне друзьям поклон отвесить низкий?
Я их надгробий мрачных не нашел.
Единственные памятники — книжки
Посмертные — на мой ложатся стол.

На переплетах дат печальных нет.
Два тома. Две праздничные даты
Их новое рождение на свет
Обозначают радостно и свято.

Не может пуля совладать с пером,
Лопата победить его не в силах.
Бессильна мгла, царящая в могилах,
Стих задушить холодным забвением.

Два памятника. Двух друзей портреты.
Мы дружбе служим, дружбе прежних дней.
И служб иных не надобно поэтам —
Ни ладана, ни траурных речей.

6

Глядите без тревоги и укора
Вы на меня с экранов ваших книг,
Как замершие кадры те, которым
Дано прийти в движенье каждый миг.

На старте вы. И от погони быстрой
Мне не уйти. А вам не обогнать
Мои морщины и сединок искры —
До финиша и мне рукой подать.

Для тех, кто вас не видел, вы — портреты
Давно отстартовавших лет. . . Но мне
Вы юность возвратили. Юность эта
Виски не подставляет седине.

Пусть для иных вы жертвы рядовые
Крутых годов, неправедных судов.
А для меня вы — маршалы. Такие
Ведут полки непобедимых слов.

7

Да, мы друзья по крови, по оружию.
Известен арсенал бойцовский наш.
Перо. Бумага. С нами также дружен
Простой или чернильный карандаш.

Мне перед вами нечем похвалиться.
Один у нас и лес, и луг, и лог.
И наши строки из одной криницы
Один и тот же пили холодок.

Дано мне преимущество однажды
Самой судьбой. . . Безвременный финал
Не оборвал моей палящей жажды,
С которой я полвека прошагал.

И дальше, дальше я иду, как будто
По битому стеклу, — в дыму, в огне. . .
Но этой жизни каждая минута
Принадлежит скорее вам, чем мне.

8

Три ветви — древом дружбы мы росли,
Но две из них срубил топор несчастья.
Ни в рай, ни в ад, однако, не попасть им —
Они, как прежде, жители земли.

Их ощущает, как безрукий руку
Или безногий ногу, старый ствол.
И помнят листья о жестоких муках
Тех павших, чьих следов я не нашел.

Они на смерть осуждены судьбою,
А всё же не подвластны силам зла.
Есть корни у бывалого ствола
И семена с их жаждой вековой.

И тем ветвям не превратиться в прах.
Рождаясь, корни входят в грунт глубокий,
Деревьям новым добывая соки
И землю вновь держа в своих руках.

9

Один скончался от брюшного тифа
В неволе. Наспех похоронен был
Без траура, без некрологов — тихо
И без плиты надгробной, грузом лиха
Придавленный, среди глухих могил.

Другой на фронт из душного барака
Сумел сбежать. За валом огневым
Его солдатский штык вела атака,
Шел на смерть он под именем своим.
И в поле похоронен вместе с ним.

Потерян след безвестный, неприметный,
Но связь не потеряется с землей.
Земля для них не вечный упокой,
А место встреч, назначенных посмертно
Всей памятью моей, моей бедой.
Пока живу, они живут со мной.

10

Они в ночи ко мне являлись оба
(Тревожных сновидений колдовство!),
Их путь от колыбели и до гроба —
Теперь частица сердца моего.
Да и у них ведь, рассуждая строго,
Нет, кроме строк вот этих, никого.

Как без меня им быть, а мне без них?
Одна моя могила — на троих.
Но нет, я не хочу, чтобы со мною
Засыпали холодной землею
И память о товарищах моих.

Пусть кривдой вы покараны сурово,
Но память заглушить ничем нельзя,
Покуда над полынным тем покровом
Стою, с живым, а не с прощальным словом
К вам обращаясь, верные друзья.

11

Входили в сны друзья моей весны,
Пока не стали строчками моими.
Подходит время мне расстаться с ними,
И, как застолье, опустели сны.

И стерлись лица, и слова, и даты.
Я вновь один. . . И в разные концы
Страны, где схоронили их когда-то,
Разъехались погибшие бойцы.

Неужто им достаточно полыни,
Трех метров неприкаянной земли,
Листка бумаги, на которой ныне
Они скупой строкою проросли?

А может, сны, что нас томили долго,
Им всё равно не облегчат невзгод?
Но мне такое исполнение долга —
Как позволение двигаться вперед.

12

Ту хворь, что вдруг здоровье подкосила,
Вновь, как быка, мы за рога берем,
Пока еще осталась в теле сила
С таинственной властью над пером.

Уж лучше и не жить, чем бодрым трупом
Прослыть, и жар угасший раздувать,
И запрещать отходную играть
Критическим неумолимым трубам.

Куда вернее вечный сон, чем сны
Подобной яви, жития такого.
Уж лучше пусть кладут, как неживого,
Меня в постель из гробовой сосны.

К чему мне всё — и точной мысли нить,
И бег минут, и зоркость глаза, если
Заботы дня, последние известья
Я не сумею в строки перелить?

13

Горячий монолог под стать коню,
Что, бурю услышав, прядет ушами.
У вечного огня он грелся с вами,
Теперь к живому тянется огню.

Нас разделил рубеж. Но мы — в союзе.
Вы — рук скрещенье. Я — движенье их.
Мужской союз — не тот любовный узел,
Где третий — лишь обуза для двоих.

Нет, не разрубят узел наш единый
Ни отшумевший, ни грядущий бой.
Я — ваша память. Я вас не покину,
А как присягу унесу с собой.

Пыль со слезой, с дорогами дорогу,
С листвою ветвь я вновь соединил.
И в сердце том, где всей земли тревога,
Я ощущаю втрое больше сил.

Между 1963 и 1966

150

Развесив сушить на рассветом ветру
Свои паутинные сети,
Опутала осень все тропы в бору
Мечтой о негаснущем лете.

Опутала заросли над блиндажом,
Корней обомшелых развилля,

Осины, что листьев багряным огнем
Огонь амбразур подавили.

Осины! Они среди хвои растут,
И каждая — факел горящий.
Но кто же на память оставил их тут,
В бору, в этой сумрачной чаще?

Кто пламя разжег? Артиллерии шквал,
Поньше бушующий в кронах?
А может, пехоты последний привал,
Работа команд похоронных?

Осины шумят и в ознобе горят,
Давнишней тревогой объята:
«Неужто над миром не кружит пират
И муки людские с колючих оград
Уже санитарями сняты?»

Не веря, что смолк смертоносный тротил,
Они, ожидая ответа,
Стоят, словно вдовы, у братских могил
В мерцании бабьего лета.

Как вечное зарево скорбных костров,
В бору пламенеют осины...
На месте боев, молчалив и суров,
Пылает вопрос негасимый.

1966

151. ЗИМА УБЕГАЕТ НОЧАМИ

Журча у рек нелюдимых
Мутными ручейками,
На почерневших льдинах
Зима убегает ночами.

С туманом не совладать ей
И с утренними лучами.
От их смертельных объятий
Зима убегает почками.

Метелям не бесконечно
Безумствовать над полями.
От солнца, от пашен вешних
Зима убегает ночами.

Зиме изменили тучи —
Они пролились дождями.
От кары молний летучих
Зима убегает ночами.

Весной повторяется это.
Из сердца тяжелыми снами
И чьей-то кровью с планеты
Зима убегает ночами.

Между 1962 и 1966

152

С юных лет я — узник, верный долгу,
И земля зарок с меня взяла.
Сам себя я приковал надолго
К тишине рабочего стола.

Нет, я легкой не искал дороги,
Шел сквозь пламя, не страшился стуж.
Сердце, как набат, полно тревоги —
Под прицелом миллионы душ.

Если я паду в зловещем гуле,
Как боец, сраженный в битве той
Раннею болезнью или пулей,
Если стол осиротеет мой, —

Стоит ли жалеть, что так случилось?
Я бы неотступный свой зарок
Снова дал, когда бы повторилось
Всё — от первых до последних строк.

1967

153. СЕДЬМОГО НОЯБРЯ 1966

Впервые в жизни памятную дату
Отпраздновать не смог —
Я в белую больничную палату
Упрядан, как в острог.

К постели я прикован, словно к нарам,
На волю путь закрыт.
Болезнь моя недремлющим жандармом
У выхода стоит.

В остроге этом распорядок строгий,
Не шевельнуться мне.
Немеют ноги. Теплые дороги
Их греют лишь во сне.

Безвольно тело слабое... Но душу
Не сломит груз утрат.
Она — всех лет минувших и грядущих
Бессменный демонстрант.

Что для души небытия овраги
Иль неподвижный быт!
Она за вами, праздничные стяги,
Стремительно летит.

Она — порыв той бури над Невой
В негаснущем году.
На воле — вы, я тут — в своей неволе —
Со смертью бой веду.

1967

154

Я после хвори долгой, как на фронте,
Спешу потери наверстать с лихвой
Не в медсанбате, не в трофейной роте,
А пехотинцем на передовой.

Здесь день — как век, а ночь — как
расставанье,
Здесь, кроме штурмов, нет особых дат.
И ты, придя с опасного заданья,
Вернулся, как из вечности, солдат.

Меня разят огнем и лютой стужей,
Меня взрывной волною обдают
И снайперским прицелом криводушья
На мушку сердце сызнова берут.

А я иного счастья не желаю:
В колючке ржавой прорубить проход
И, всем друзьям дорогу открывая,
Безмолвно лечь на вражий пулемет.

1967

155

Ты не будешь мною позабыта,
Ты осталась в памяти моей,
Как последний сноп густого жита
В памяти заснеженных полей.

Даже если б тяжкою землею
Мне глаза навек закрыла мгла,
Если бы забыт я был тобою,
Ты бы мной забыта не была.

1967

156

Как начиналось утоление боли?
Живые нам не скажут ничего.
Да, время — врач. А госпиталь его —
Вся наша жизнь и всей земли раздолье.

Кто знает, где жестокий недород
Пошел передаваться полем полю?
Где начал, сам кляня такую долю,
Народы потрясать из рода в род
Покой, что вдруг взорваться может босм,
Бой, что приносит вечный упокой?
А боль ребенка роженицы болью
Затем ли рождена, чтоб стать землей?

206

Да, время — врач. Но боль — живая рана,
Дитя, чей плач — он слышится опять —
Ни вечной колыбельной океана,
Ни вечностью бурливой не унять.

1967

157

Я трижды побеждал судьбу,
Я трижды, вытянувши руки,
Лежал в постели, как в гробу.
Я знаю, что такое муки.

Чуть слышный сердца перестук...
Болезнь крестами отмечала
Все сбои ритма — вежи мук,
Она почти погостом стала.

Я умирал и воскресал,
Очнувшись, молча ставил точку,
И смерти под ноги бросал
За костью кость — за ночью ночку.

Потом, зимы осилив тьму,
Я встал, весны услышал звуки.
Они всегда слышней тому,
Кто знает, что такое муки.

Не горько и в гробу лежать,
Когда иссякли силы в теле,
А горько, если мир опять
Застонет в смертной той постели.

Вкруг солнца снова я лечу
В сплошном вращении событий.
Я самого себя хочу
Продолжить на земной орбите.

Еще один, другой виток...
Кружись по правилам науки,
Земля — любви моей исток!
Я знаю, что такое муки.

207

А я молчу.
Молчу, как та дубрава,
Чью кровлю осень
ветру отдает.
Куда ни погляжу я —
слева, справа
Лишь листья, листья,
горький их полет.
Пока еще не замели их
стужи,
Пока лежат
духмяною копной,
Мне хочется,
закрыв руками уши,
В их жалобу
зарыться головой.

1968

159. СОСНА И БЕРЕЗА

Планету в руках своих держат верней
Надежного троса
Могучими пальцами цепких корней
Сосна и береза.

От дыма до пара в котле судовом,
В нутре паровоза
Прошли они трудным и жарким путем —
Сосна и береза.

Легла на их плечи всем грузом война,
Окопная проза.
Гробами солдатскими стала сосна,
Крестами — береза.

Сникали тузы, что вершили разбой
(Где чванная поза?),
Когда перед ними вставали с петлей
Сосна и береза.

Но нелюди снова вербуют солдат,
И зреет угроза,
Что сами свой век под крестом завершат
Сосна и береза.

На зерна, упавшие в лоно земли,
Глядят они косо,
Те пахари смерти, чтоб впредь не росли
Сосна и береза.

Над ними ракетный проносится звук
И гул бомбовоза...
А что, если выпустят Землю из рук
Сосна и береза?

1968

160

Тьма уступила силе света,
А стужа — натиску тепла.
Зимы слежавшуюся ветошь
Весна и смыла и смела.

А лес еще гостей не просит
Войти под своды старых крон.
Здесь прочно задержалась осень,
Деревьям снится зимний сон.

И могут ли они поверить
Подснежнику, когда вокруг
Мерцает уцелевший вереск —
Предвестник сумерек и вьюг?

Недвижен бор, глухой, молчащий.
Он будет спать всё тем же сном,
Покуда не прорвется в чащи
Терпенье потерявший гром.

1968

Не встречусь больше —
 такая доля —
С далеким детством
 в открытом поле,
С порою юной
 в чащобе темной,
С моей военной
 судьбой бездомной.
Те дни, те годы
 ушли на отдых,
Былые даты,
 былые меты,
И, отражаясь
 в прозрачных водах,
За ними сплыли
 на край планеты.
Они как вечность,
 как промельк света.
Ждать не могу я,
 нетерпеливый,
Пока проявят
 в грядущем где-то
Те отраженья,
 те негативы.
Преодолеть бы
 все расстоянья,
Чтоб луч догнало
 воображенье
И задержало,
 как на экране,
Те дни, те годы
 хоть на мгновенье.
Чтоб я, усталый
 и поседелый,
Припав к ногам их,
 от счастья плакал
Над чистым полем
 бумаги белой,
Над темной чашей
 чернильных знаков.

1969

162. ПОД ГОРОЮ...

(Из народной песни)

П. Пестраку

Под горою, где бурьян,
Умирал казак от ран.
Звал в бреду старуху мать:
«Кто ж придет меня спасти,
Исцелять и обнимать,
Боль от сердца отнимать?»

Отвечал орел седой:
«Ты обнимешься с землей.
Буду я, седой орел,
Посреди сожженных сел
Твое тело охранять,
Боль от сердца отнимать,
Твои глазки выбирать,
Твои раны выпивать,
Целовать твои губки,
Выбивать твои зубки. . .»

1970

163. БАЛЛАДА

Может, ставен поздний скрип
Потревожил слух?
Может, речки сонной всхлип
Докатился вдруг?

Может, и не ставен скрип,
А ночной топор
Нарушает спячку рыб,
Затаенность нор?

Что за стук не первый год
Всё мешает сну,
Перейдя, как речку вброд,
Лето и весну?

Электростанция над речкой синею
С былою мощью в сорок киловатт
Не светит больше. Годы так летят,
Что, кроме мачт высоковольтной линии,
В ее судьбе никто не виноват.

Комбайн — властитель в мире полевом —
Привел серпы к полнейшей непригодности.
Не вечно всё. Хоть конь и полон гордости,
Но ведь и он во власти безысходности —
Вчерашний всадник нынче за рулем.

Всё изменилось — луг мой, лес мой лиственный.
Старею я. Здесь нет вины ничьей.
Так пусть плывет над местностью моей
Серп месяца — давно уж не таинственный! —
Единственный на жатве наших дней.

1973

166

Мне слава представлялась близкой целью,
Когда склонялась в утренней тиши
Поэзия, как мать над колыбелью,
Над сладким сном неопытной души.

Чтоб я не рос, как сосунок везучий,
Готовый к славе запросто прильнуть,
Премудрая, она полыню жгучей
Себе до боли натирала грудь.

Мои шаги начальные проверив
На битых стеклах, на камнях дорог,
Она мальчишке в мир открыла двери
И босиком пустила за порог.

Из кубка славы с той поры поныне
Пью осторожно, пью не второпях.
Я горький привкус утренней полыни
Еще храню на жаждущих губах.

1973

167. ПРО ВОЛА

Тружусь упорно день за днем,
Минуты зря не тратя,
Но не сравню себя с волом
Я даже шутки ради.

А вот, отвыкнув от стола,
Пера, бумаги, слова,
Я постепенно на вола
Похожим стану снова.

Знакомых удивлю я вдруг
Тревожною загадкой,
Не разговаривая вслух
С раскрытою тетрадкой.

Потом в невольной тишине
Мрачнеть я начинаю,
Тоскою, что растет во мне,
Как шерстью заростаю.

Хожу в ярме. Совсем зачах,
Хоть не пашу давно я.
Как груз, тащу я на плечах
Отчаянье глухое.

Мои года — за рядом ряд —
Невесело плетутся.
И горько то, что им назад
Неловко оглянуться...

Когда ж, склонившись над столом,
Готов работать сутки,
Я не сравню себя с волом,
Пускай и ради шутки.

1973

168. СОВЕТ САМОМУ СЕБЕ

Несу мешок заплечный издалека я,
В нем шесть десятков зим — немалый путь.
Тяжелая досталась ноша? Легкая?
Кто ведает? Да и в годах ли суть?

Порой весомей года ночь короткая,
Пять лет бесплодных — словно день пустой.

Не мерь, прошу я, поквартальной сводкою
Всё то, что измеряется строкой.

1973

169. ПАСТУХ

Пусть корят меня, будто я лодырь,
Отвыкаю от собственных строк.
Мне и песен чужих переводы
Душу греют в ненастный денек.

Если мысли не стали словами,
А слова не сложились в стихи,
Я других не виню. И локтями
Не тесню их.

Иду в пастухи.

Даль рожком оглашая пастушьим,
Вскинув сумку на прочном ремне,
Я готов управлять непослушным
Строю строчек, доверенных мне.

Беспредельное пастбище это
Ограничено полем стола.
От рассвета брожу до рассвета,
Лишь бы хлеба горбушка была.

Строгим музам, родне именитой,
Я бессонной работой своей
Рад служить, но с надеждою, скрытой
До особой поры от людей.

Рад я, если удача чужая
Под моим повторится пером,
С ходу мысли мои пробуждая,
Что, забытые, спят под кустом.

Тут уж больше себя я не числю
Пастухом — и звучит вдалеке
Вслед за первой разбуженной мыслью
Слово первое в первой строке.

И, еще не поверивший в чудо,
Я взыскательным музам клянусь:
Большей платы не брал и не буду
Брать за то, что рожка не стыжусь.

Благодарен я шири зеленой
И костру, что в лугах не потух.
Кончен срок моей службы сезонной...
Что ж, до будущей встречи, пастух!

1973

170. СОСЕД

Среди соседей он не худший,
Хоть вечно слыл гробовщиком.
Пропал твой конь — прискорбный случай.
Он первым узнает о том.

Ты болен. Словно завсегда тай,
Он тут как тут — любезный друг.
Всё беспокоится — когда ты
Созрешь для его услуг.

А уж тогда он кров тесовый
Готов по мерке сколотить,
Прощальное промолвить слово
И — если надо — повторить:

О невозвратности утраты,
О том, что краток жизни срок,
О прочности дощатой хаты,
Что смастерил не он, а бог.

Потом приляжет он, усталый,
С лопатой вместе на траву...
«Ну вот... И этого не стало.
А я тружусь. А я живу!»

1973

Мостам, а не конструкторам завидую,
 Дорогам, по которым, взяв разгон,
 Пронесятся составы деловитые,
 Не помня славных некогда имен.

Хочу, чтоб слово, если уж написано,
 Вот так же, долгих тягот не страшась,
 От имени и славы независимо
 С эпохой и людьми держало связь.

Хочу, чтоб слезы, муками рожденные,
 Существовали сами по себе,
 Как дождь, стекло туманящий оконное,
 Текущий по щеке и по тропе.

И чтоб осталась боль открытой книгою
 Для всех сердец, в пути не отболев,
 Чтоб не был грех прикрыт листочком фиговым,
 Смех — эхом грохотал, обвалом — гнев.

А кто он, автор? Жив? Иль в безответные
 Ушел края, откуда переслать
 Никто не в силах данные анкетные?
 Знать хорошо. Но можно и не знать.

Меня вы не корите, судьи строгие,
 Бывал и гнев и смех мой не таким.
 Простите, что под ними я, как многие,
 Подписывался именем своим.

1973

172. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Кайсыну Кулиеву

1

Всё основное сказано. Что можно
 Произнести вдобавок? Но опять
 Я книжку записную осторожно
 Кладу на стол. Листать иль не листать?

Записна кніжка

1

Талоўнае ўжо сказава, што кніжка
Да экзамена некалі даць?
А кніжечку запісную сацыялістычна
Кладу на стол. Гарціць ці не гарціць?..

Тычкі запіс кніжечку некалі даць,
Сабраныя пад вокладкі ўражаны.
А даверыць іх палеці мадэрнай
Зрокаван, не вераць дружы.

Тычкі, кніжка запісная, — даць.

Скразіць тадаў, віхор ^{дзе абтыла} не ішэць дружы.
Кладаўка для зрынт і палляміла
Плывуць мары, пушчаты на глум.

Тычкі — кліманіс з неразгаданай везы,
На турні не падобіць турні,
Дзе вобразам боім — забойца везы,
Прыжыганая турніту няма.

Наміданкі тудывілі іх руду,
Францаў іх хвед не уае,
Ак таксама лайнер хуткішо чыку,
Час адтаўне запіска мае.

Тут, как под крышей, мой запас отборный,
Заметки отшумевших лет и дней.
Я доверял их памяти моторной
И зрительной — помощнице моей.

Ты, книжка записная, — дом, где свищет
Сквозняк событий и незрелых дум.
Ты — склад зерна. Но ты и пепелище
Напрасных чувств, не взволновавших ум.

Ты — выход в мир, насыщенный озоном,
Из каземата, где темным-темно,
Где строчкам, добровольно заключенным,
Определенных сроков не дано.

Лишили их движенья — это мука.
Фантазия им хлеба не дает.
Век, словно реактивный самолет,
Их обогнал, превысив скорость звука.

Над крышей нависает низко, низко
Тревожный сумрак, влажен и тяжел.
Сгустился он. . . Ах, записная книжка,
Зачем же я кладу тебя на стол?

2

Родною бухтой некогда была
Ты для меня в тени лесов зеленых.
Немало шлюпок, прочно просмоленных,
И кораблей ты морю отдала.

Мы вместе проводили их когда-то,
Их оглушил войны жестокий гул. . .
Как прежде, их преследуют пираты,
Торпеды, что похожи на акул.

Но лодкам и судам на тех дорогах,
Как прежде, снится завтрашний простор.
Так покидают дети с давних пор
Родителей, заботливых, но строгих.

Что им до нас? Хоть это мы с тобою
Их наставляли. Это наш горит
Огонь в их топках. А из всех пробоев
В обшивке их — не наша ль кровь бежит?

Не нас, а их приветствовали звонко,
Когда трубил им славы зычный рог.
Зато за похоронкой похоронка
Летели и летят на наш порог.

А что же уцелевших ожидает?
Они винтами за бедой беду
Перегребут?

Ах, книжка записная,
Я нынче вновь на стол тебя кладу.

8

Колодцем стань, будь влагой ключевою!
Передо мною мирные поля.
Я утолю слова твоей водою
При помощи ведра и журавля.

Пусть робкий образ, брезжущий намеком
На то, что в нем таится самоцвет,
Пройдет неслышно по тропинкам мокрым,
На травах оставляя дымный след.

Солдаты спят. . . Как зябко им под глиной,
Под старым дерном, под крутым холмом.
Согрей их мягкой клеверной овчиной
И осени березовым крылом.

Я смертности не дам распространиться,
Я твердо наказал своим стихам
Не рваться к шумной славе, а струиться,
Спеша на помощь зреющим плодам,
Сухой земле, звенящей, словно камень,
Сухим губам, чьей жажде нет конца.

Тебя готов я вычерпать руками
От верхнего до нижнего венца.
Да, ты нужна мне, как вода живая
Сутулым вербам в выжженном краю.
А всё ж другим (ах, книжка записная!)
Тебя я отдавал и отдаю.

За сухью — дождь. Ненастье обложнос.
 Стань солнцем. Злак поникший облучи.
 Подняв колосья щедрой пятернею,
 Ты их рабочей шестерне вручи.

Жнец измеряет времени глубины
 Не по светилам в сумраке ночном,
 А по звезде на дверце той кабины,
 Где он проводит сутки за рулем.

Та мирная звезда ведет беседу
 С далекою звездой, с которой в бой
 Шагал отец за прадедом и дедом
 По целине, тогда еще пустой.

Ценою крови, мерою утрат
 Весомость хлеба измеряли люди.
 Их бой — твой бой, хоть жнет не автомат,
 А косят и молотят не орудья.

Тяжел наш хлеб. Иного не проси ты.
 Чтоб легкий труд для рук и для ума?
 Степной простор просеяв через сито
 Своей души, ты хлебом стань сама.

Подходит вечер, тучей нависая,
 А осень гонит лист из края в край.
 Но сладок хлеб.

Ах, книжка записная,
 Ты на столе как свежий каравай.

Быть может, ты желаешь стать ракетой?
 Стать невесомой?

Жаждают корабли
 Из космоса, с надмирной точки этой,
 Взглянуть на очертания Земли.

Но для чего стремиться нам с тобою
 К далекой невесомости, когда
 При встрече с неприютностью земною
 Мы невесомость чувствуем всегда.

Есть в мире войны, засуха и вьюга.
Страдальцев много. Как покинуть их?
Еще они не вырвались из круга
Немых и необжитых гнезд моих.

Я не желаю им судьбины черной.
Я так скажу, когда настанет час:
«Летите, дети памяти моторной
И зрительной. Я отпускаю вас.

Я добрым хлебом встретил вас у дома
И проводил не мелочью монет
За свой порог единственный... Другому
Уж не хозяин я. Летите в свет».

Летите в свет!..

Ах, книжка записная,
Пока живу, живи и ты со мной.
Чем будешь завтра, сам еще не знаю.
Прошу — останься книжкой записной.

1973

173. СЛОВО НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Потомок, послушай солдата
Простой и короткий рассказ.
Солдат неизвестный, когда-то
Лежал я не здесь, где сейчас.
Когда-то я в поле морозном
Был пулей сражен под Москвой
И там же, никем не опознан,
Засыпан холодной землей.
Обряд совершили прощальный.
Лишь каска на холмик легла.
Ах, каска да холмик песчаный,
Безвестный пригорок да мгла!
Не просто солдату подняться
С последних позиций своих...
Но с этим не все согласятся,
Есть право на то у живых.

А нынче приют мой не знает
Забвенья, он полон огня.
И тот, кто в столице бывает,
Теперь навещает меня.
Проходит старуха седая
По гулкому мрамору плит
И, сыном меня называя,
Мне встать из-под камня велит.
Лютует на улице стужа,
Но, слышу я, голос другой
Зовет меня именем мужа
И просит вернуться домой.
Я был сиротою, признаться,
Детей не имел и жены. . .

Но с этим не все согласятся,
Скорбя у Кремлевской стены.
Промчатся века за веками,
И войны уйдут навсегда.
И холмику, может быть, камень
Завидовать будет тогда.
Ни сына, ни мужа сквозь слезы
Никто уже не позовет,
И память колючею розой
К надгробию не припадет.
А жизни, что спят под холмами,
Прорвутся сквозь каски, сквозь мглу.
Осыплет их бор семенами
И солнце приучит к теплу.
Я кленом бы мог возвышаться,
Сосною в чащобах родных. . .

Но с этим не все согласятся,
Есть право на то у живых.

1973

174. МОЙ НОВЫЙ ГОД

1

Для тех, кто отмечает день рождения
Под Новый год, всегда печет пирог
Сама Земля и шлет им поздравления,
Переступив очередной порог.

Она готова стать их юной сверстницей,
Остановить мгновений быстрый ход.
Но время мчится, кружится и светится,
Всех увлекая в этот хоровод.

Тот непрерывный бег приносит новости
В согласии с земным календарем.
И для кого-то будний день становится
Неповторимым новогодним днем.

Хоть не чета застолю всенародному
Семейный праздник, день рожденья тот,
Он дорог нам, как черный хлеб голодному,
Который в будни счет годам ведет.

Ты не похож, мой год, на обделенного
Судьбой. Тебе сегодня — шестьдесят.
Но кто же ты? Февральской стужи брат
Или ручья, весной раскрепощенного?

2

Кто ты? Избранник случая мгновенного
Иль, осененный цифрой *шестьдесят*,
От поколения моего военного
На пик столетья брошенный десант?

Путиами каменистыми и топкими
Шагал ты к детям нынешней земли.
Ты быть их предком мог, они потомками
Твоими быть могли бы. Да, могли. . .

Ты уцелел. Ты жив. Но нет сомнения,
Ты и поныне числишься в строю
Неисчислимого соединения
Того, что пало некогда в бою.

Как взводный поколения, дню грядущему
Передаешь ты всех друзей былых.
И знаю я, забвенью равнодушному
Не отдал ты ни одного из них.

Им воевать, пока врага упорного
Не одолеет мир. Да будет так!
Под словом, что под пулями оборвано,
Не ставьте смерти торопливый знак.

Мой год, себя обманывать не станем мы —
 Нам много лет. Виски белым-белы.
 Не скатертями, а воспоминаньями
 Столы накрыты. Длинные столы.

Зови гостей. Ставь крепкое вино.
 По давнему обычаю суровому,
 Дай справа место пополненью новому,
 А слева — тем, кого уж нет давно.

Пусть гости в тесном дружеском общении,
 Пока не поредел их щедрый круг,
 Пьют первую — за ручейки весенние,
 Вторую — за безмолвье зимних выюг.

Пускай в твоём доме, радушью радуясь,
 Они поют до третьих петухов.
 Что можешь ты сравнить с такой наградой?
 Ты жив. А жизнь — превыше всех даров.

Сам награждай себя земной заботой.
 Ослабла грудь? Дай общее с людьми
 Ты дело ей. Позволь дышать работою:
 Не можешь камень — щепку подними. . .

Ты на исходе, год мой. За метелицей
 Ступай, не торопясь, туда, где сад,
 Где в мирную мишень снежками целится
 Твой войнам не обученный десант.

В свой час последний вспомни детство санное
 И, о годах ушедших не скорбя,
 Счастливым внукам из остатка савана
 Февральского ты вылепи себя.

Два уголька в глазницы деда снежного
 Ты вставь — приметы памятной войны,
 Поверь, они веселья безмятежного
 Не сглазят. Пусть резвятся шалуны!

Пускай для них всё доброе исполнится,
Пускай ничто не омрачит их дни.
Ты помолчи. Ты был таким же, помнится,
Шумливым непоседой, как они.

Заплачет дед... И не поймут беспечные,
Что это по тебе в февральской мгле
Льет слезы снег твой, черные, не вечные,
При виде первой почки на ветле.

5

Уж лучше падать и вставать под ношею,
Чем с ношей лет влачиться на покой.
Мой год,
 безмерным грузом не подкошенный,
Ты не упал.
 Не стал сырой землей.

И, расставаясь с тяжкою поклажею,
Ты на вершины леса поглядел
Так,
 словно бы деревьям что-то важное
Хотел сказать.
 Хотел, да не успел.

Сама Земля,
 что кружится и светится,
Тебя в свою закутала пургу.
Прости,
 я задержаться не могу —
Мне год грядущий начисляет месяцы.

Он за тебя судьбой единокровною,
Раскованным потоком талых вод
Доскажет всё —
 за той чертой условною,
Откуда мы ведем годам отсчет.

Звонят под солнцем ручейки,
 готовые
Твои тревоги подхватить в пути,
К исходу века их избыть и в новое
Тысячелетье
 реками войти.

1974

175. СКОРОСТЬ

Есть скорость звука. Есть — сверхзвуковая.
Есть скорость звезд, стремительность комет.
А также — скорость мысли.

Словно свет,
Столетье за столетьем обгоняя,
Она не меркнет. Речь ее живая
К нам долетает из веков глухих.
О тайна книг бессмертных, из каких
Людских глубин ты чудо добывала?

Твой зачинатель слов не знал и мало
Мир понимал, жил без простейших сох,
Молчал, как сом, пока беда не смяла
Его и не швырнула на песок,
За жабры взяв. Пока в немой ночи
Душе немой, но всё же человеческой
Не приказала: плачь, дыши, кричи,
Небытие прорви разумной речью!

Мир будет петь, смеяться, слезы лить,
Пока дано на свете людям жить.
Собрат мой по перу, на суд их смело
Всё выноси, что в сердце наболело.
Подступят слезы — плачь. Но не пустою,
Все чувства подменившею слезою,
А той, что возвратит из небытья
Твой смех. Захочешь — смейся, как дитя.
Правдивым будь перед собой и делом,
Отсрочки не проси у быстрых лет.
И может, книга эта,

словно свет,
Обгонит век, уйдя к иным пределам.

1974

ПОЭМЫ

176. В ЗЕЛЕННОЙ ДУБРОВЕ

1

Гремят торопливо
Подводы с пригорка:
Поклон твоим нивам,
«Червоная зорка»!
Поклон твоим хатам,
Колхоз урожайный!
Собрались мы в сваты,
Невесту давай нам.

Приехали сваты,
На покуте сели.
И песню девчата
О свадьбе запели.
Христина украдкой
Глядит на Ивана:
Ей стыдно и сладко,
Что рядом желанный.
Дивились подруги,
И мать удивилась —
Когда ж в тракториста
Христина влюбилась?
Их вместе друг с другом
В селе не видали,
Ни лесом, ни лугом
Они не гуляли.
Случалось их видеть

У трактора в поле
Во время работы, —
И только. Не боле.

Немало колхозов
Объездил оратай.
Чего ж он другую
Себе не посватал?
Спросите невесту,
Невеста вам скажет...
Ты рада ль приезду,
Подруженька наша?

2

Обычай старинный —
С Христиной подружки
Пекли караваи,
Пшеничные ушки.

.

С утра дотемна
За столом пировали,
И пили до дна,
И «горько!» кричали.
Там было людей
Ни мало ни много.
И вот уж гостей
Ожидает дорога.
Христину родные
Из хаты выводят,
И сам председатель
С гостями выходит.
Стоит, рассуждая,
Разводит руками:
«Вот штука какая!
Подумайте сами.
Пять лет ведь Христина
Работала с нами.
А вот — упустили...
Подумайте сами...
Скажу откровенно —
Что будет, то будет,
Вы нашего хлопца
Обидели, люди...»

Так что ж ему — в вир,
Что за нашим за станом?»
Василь-бригадир
Подходит с баяном.
«Домой, трактористы?» —
Промолвил он тихо.
Баян голосистый —
Спасенье от лиха.
Христине сдается —
Знакомое око
Глядит в ее душу
Глубоко, глубоко.

«Сыграл бы. . .»
— «Немило. . .»
Немило, постыло. . .»
Что ж ты натворила,
Христина, Христина!
Не вместе ли жали
Вы жито над плесом?
Не вместе ль шагали
За красным обозом?..

Но, видно, бывшее
Тревожить не к месту.
Он молча глядит
На чужую невесту.
Он любит Хрестину,
Души в ней не чаёт.
Но, видно, девчина
Об этом не знает.
У хаты машина
Гудит грузовая.
В машину, как пташки,
Подруги взлетели,
Маринки, Наташки
С Хрестинкою сели —
Проехаться с ней
Напоследок готовы
До тех росстаней,
До зеленой дубровы.
И с тихим укором
Зовут они хором:

«Влезай, Василечек,
Сыграешь разочек!»
Он влез.
На баяне
Играет «Прощаньс».
За плесом, на стане —
Дороги в тумане.
Там голуби шумно
Над лесом взлетели,
Там солнце заходит
За гумна артели.
Туда повернула,
Помчалась машина.
С чего ж ты взгрустнула,
Христина, Христина?
Ты едешь, ты едешь
По взгоркам, по скатам,
Как нужно невесте,
В Иванову хату.
Вот поле, где вместе
Трудились, старались,
Лесок за колхозом,
Где тайно встречались.
Вот елка густая
Над тихой равниной,
Где Первого мая
Он встретил Христину.
Тропинки, речушки,
Над омутом ива. . .
С Иваном подружки
Смеются шутивно:
«Я мужа такого
Сама б полюбила,
Да тут уж — готово —
Христина отбила. . .»
Закат догорает,
Низины в тумане.
«Досаду» играет
Василь на баяне.
Гармонь разливается
Снова и снова.
И вот надвигается
Росстань-дуброва.

Пора распроститься,
Глядят на Христину.

· · · · ·
Христина стучится
К шоферу в кабину.

8

Слезают подружки,
Сошли молодые.
Стоят у опушки
Столбы ежовые —
Клейменные, новые,
Врыты навечно.
И шепчет дуброва
Над ними сердечно.
Ложились росы,
Трава поостыла.
Друзьям по колхозу
И любо и мило.
Послушная людям,
Машина стояла.

«Здесь ночь перебудем!» —
Христина сказала.
И пламя сверкало
Приветно в дуброве;
И жарилось сало
Друзьям на здоровье.
И пели припевки,
И шутки шутили...
«А что это, девки,
Бастует Василий?»
А он и не слышит,
Прилег у дороги.
Прохладою дышит
Без лишней тревоги.
Он с девочкой малой
Дорожкой лесною
Бродил тут, бывало,
Сидел под сосною.
Он полные горсти
Носил ей малины...

Нет больше на свете
Девчонки Христины,
Нет! . . . Нынешним летом
Пошла за другого.
Что хлопец на это
Ей скажет?
Ни слова. . .
Над ним голосочек
Звенит, как звоночек:
«Заснул, Василечек?
Проснись, Василечек!»

К костру его звали
Сыграть на баяне.
Пошли. Запевали
Про ночь, про свиданье.
Он шел осторожно,
Смущенно шагая.
Обнять — невозможно,
Она ведь чужая.
Плыл месяц высокий,
Дорожка светилась.
И грустно и сладко
Душе становилось.
То, может быть, детство
К ним снова вернулось
И легкой рукою
К душе прикоснулось?

4

Костер на поляне
Кусты озаряет.
Василь на баяне
Играет, играет.
С подружками рядом
Христина присела,
Глядит она взглядом
Тревожным, несмелым.
С какой это стати
Они запевают?
Чью русую косу
Они пропивают?

Хоть нов для Христины
Обычай старинный,
Да разве ж ей жалко
Косы своей длинной?
Ей жалко бригады,
С кем жала, косила,
Ей жаль своей хаты —
Расстаться не в силах.
Не так еще с хатой,
Как с теми углами,
Не так и с бригадой,
Как, девушки, с вами...
В хлебах, не смолкая,
Поет перепелка.
Колхоз мой родимый,
«Червоная зорка»!

Костер догорает
На тихой поляне.
Уже не играет
Василь на баяне.
Спит. Вместо подушки —
Баян голосистый.
Спят мирно подружки,
И спят трактористы.
Прохлада струится,
Темнеет поляна.
И только не спится
Христине с Иваном.
Они обручились,
Чтоб век не расстаться.
Им можно под дубом
Теперь целоваться.
И всё им так любо,
Так сладко и ново...
Плывет мимо дуба
Их месяц медовый.

5

Вот сыграна свадьба,
Гремит таратайка...
В дому у Ивана
Христина — хозяйкой.

Обходят хозяйство,
Идут молодые
Под летнюю тучку
В поля золотые.
Навстречу им вышли
Ивановы вишни —
Шумят над землею,
Сверкают росой.
«Смотри-ка, Христина,
Взгляни же, какие! . . .»
То полем, то лугом
Идут молодые.
Над плесом над белым
Дымок вечеровый.
И жито поспело
До самой дубровы. . .

Глядит молодая,
А в сердце тревога:
Ведет полевая
Всё дальше дорога,
Ведет она к тракту
По взгоркам и гатям. . .
«А как там, а как там
Подружки в бригаде?
Страда наступает,
И трудно девушкам, —
Христина вздыхает, —
А я-то! . . а я-то! . . .»
Над спелою нивой
Поет перепелка. . .
Колхоз мой родимый,
«Червоная зорка»!
В раздумье в окошко
Посмотрит Христина:
Ей грустно немножко —
Другая картина.
Село не такое,
Земля не такая.
И всё здесь другое,
И мать не родная.
Не та вроде печка,

Не те половицы,
И солнце за речкой
Не эдак садится. . .

По улице длинной,
Просторной, зеленой,
С горячим машина
Идет из района.
На палках верхом
За колхозной трехтонкой
Несутся бегом
Малыши вперегонку.
Кричат они:
«Но!»
И малыш подъезжает
И крикнул в окно:
«Телефон вызывает!»
— «Какой телефон?»
— «Сельсоветский, конечно. . .»
И снова вдогон
За машиною встречной.

Склонила рябина
Зеленые ветви.
Крыльцо. И Христина
Уже в сельсовете.
Воркуют из трубки
Подружки-голубки. . .
Приветы. . . приветы. . .
Вопросы. . . ответы. . .
«Беда нам. . .»
— «Какая?»
— «Да хуже не надо:
Василь уезжает,
Бросает бригаду».
— «Куда ж он?»
— «Да в город».
— «Зачем же?»
— «Учиться.
К тому же, недавно
Задумал напиться.
И начал он пить
С рыбаком Пантелеем. . .»

— «Его б отучить. . .»
— «А мы не умеем.
Пугали его —
Мол, напишем в газету».
— «А он?»
— «Ничего.
Отвечает: «Уеду».
Всё бродит лесами,
Валяется в жите».
— «А вы что?»
— «Писали».
— «А он что?»
— «Пишите. . .»

.

6

Лишь утро настало,
Христина хлопочет:
Дорожный собрала
Себе узелочек.
Иван из ведерца
Льет на руки воду:
Умылся, утерся,
Спешит на работу.
Поля загудели
Толпой стоголосой:
И грабли, и вилы,
И острые косы.
А ласточки вьются,
Поют над равниной. . .
«До дому пройдуся», —
Сказала Христина.
Выходит с ведерцем
Иван ей навстречу:
«Сходи, мое сердце,
Я не перечу. . .»

Как праздник великий,
Настала уборка
В далеком колхозе
«Червоная зорка».

Там солнышко всходит
В серебряном дыме,
Девчата выходят
С серпами своими,
В нарядных рубашках —
На жатву одеты,
Щебечут, как пташки:
«Христиночка, где ты?»
Бежит загуменьем.
И пахнет знакомо
Под утренним солнцем
На крыше солома.
Темнеет пригорок
Густой коноплею,
И утро всё шире
Встает над землею.

7

Раскинулись в поле
Бригадные станы.
Василий на жнейке
Жнет хлеб долгожданный.
Видать, убеждали
Девчата недаром:
Работает ловко,
Работает с жаром. . .
«Ух, солнце сегодня
Задаст нам жарщи! . . .» —
Басит председатель,
Шагая по ржищу.
Лет семь или восемь,
С уменьем, с охотой,
Он в этом колхозе
На славу работал.
О нем говорили:
«Мужик деловитый. . .»
И люди с ним были
Довольны и сыты.
Он в поле Христину
Нежданно встречает —
Косынка на солнце
Алеет, пылает.

Глядит он, счастливый,
Разводит руками:
«Ну, разве ж не диво?
Подумайте сами...»
Идет она ближе,
Из ржи выплывая,
И рады девчата:
Пришла звеньевая!

8

И вновь, как бывало,
С девчатами жала,
Тугим перевязом
Снопочки вязала.
В хлеба золотые
На вольном просторе
Василий на жнейке
Въезжает, как в море.
Глядит она вслед ему
Пристальным взглядом:
Василий работает
В поле, как надо.
Ведет свою жнейку
К проселку прямому,
К дороге, идущей
К Иванову дому.
К лицу его ветер
Ласкаетсядушный.
А жнейка стрекочет,
Легка и послушна.
Вздохнула глубоко,
Подол подвязала.
«Иван мой далёко», —
Чуть слышно сказала.

Ветряк, словно сторож,
Стоит над пригорком...
Колхоз мой родимый,
«Червоная зорка».

На солнечной просини —
 Тучки, как вата.
 Колхозная осень
 Дарами богата.
 Рокочет машина
 В зеленой дуброве —
 То едет Христина
 Обрато к свекрови.
 Флаг алы трепещет,
 Над ней полыхая.
 Свой хлеб на машине
 Везет звеньевая.
 Газует под вечер
 У хаты трехтонка.
 Иван ей навстречу:
 «Приехала, женка!»
 С приветом да с лаской,
 Целуются звонко:
 «Ну, здравствуй! ..»
 — «Ну, здравствуй! ..»
 — «Иване мой! ..»
 — «Женка! ..»
 Село через месяц
 Звенело ладами —
 То в армию ехал
 Василий с друзьями.
 И вслед им селяне
 Смотрели любовно.
 И был при баяне
 Василь безусловно.
 Пришла и Христина
 На проводы с мужем:
 «Как, хлопцы, живете?»
 — «Живем и не тужим!»
 Василь на баяне
 Сыграл, как когда-то:
 — «Бывайте здоровы,
 Живите богато!»

А после? А после
 Поехал учиться.
 Теперь он пилотом
 У нашей границы.

Хранит он отчизну,
В боях закаленный,
И помнит он ту —
Из дубровы зеленой.

.
На солнечной просини —
Тучки рядами.
Колхозная осень
Богата дарами.

1938—1939

177. ХЛОПЦЫ ПОСЛЕДНЕЙ ВОЙНЫ

1

Снова сердце мое силой полнится,
Грудь закипает желанным клетотом.
Кто-то знакомый-знакомый идет издалека там:
То ли дождик прокапал по заводям сонным,
То ли звонкая свадьба с топотом, с хохотом...
То ли сабельная в мыльной пене конница —
С-под копыт человечьи головы покотом...
То ли шмель над клевером кружит со звоном...

Это война в двери грохочет.
С Запада стяги чужие колышет.
В лесах дышит, огнем леса и степи лижет...
Мимо речного, озерного плеса
Идет война, озирается косо,
Держится за сердце свое —
Пепелище...
Свою смерть чувствует, помирать не хочет.

На сапог генеральский
Наведя глянец,
Со страшною ношей идет она —
С юношеской мечтою,
Запихнув ее, словно в торбу, в ранец,
Волоча по путям незнакомым.
Окоп представь себе — отчим домом,
Дым —
Тучкой золотою,
Пушки — весенним громом,
Газы — утренним туманом луговым,
Белым облаком черемухи душной...

Как перелетною стаей
Связали гуси
Днепро и Нил.

Я слал с ними,
 плывшими южным курсом
Навстречу смерчам песчаным, бурям,
Песню, близкую и неграм, и индусам,
И даже
 далеким-далеким бурам.

Кто вы, вояки,
С Темзы ли, с Сены
Или оттуда, где плещет Рейн?
С косами лучше ко мне пришли б —
Есть у меня луговое сено.
И зерном звенит комбайн,
И медом веет от лип.
С вами на стане луга покошу,
Отдыхать с вами буду в теньке возле пуши я,
Дороги все покажу
В ваше грядущее.

Повешу гамак меж суков полевых,
Где люльки
И торбы посконные
Вешали предки,
Буду баюкать, как детей своих,
Вас,
 мон однолетки.
Мирно, как на пчелиный взяток,
Дождь по сукам прошуршит осторожный.

Как втолковать вам, что вы обморочены
Под крышей траншей и военных палаток?
И всё оружие мобилизовано,
И все шинели,
И вся брехня.

Тяжко вздыхает из лесов война,
На чужом языке кто-то кличет коня.

Туда, где засели в землянках
 Обманутых матерей обманутые дети,
 В зеленых танках
 Из будущего едем.
 На голых, сожженных делянках
 Хвою дымную качает ветер.
 Едем. . .

едем. . .

От равнин русских,
 От боров белорусских,
 От гор грузинских,
 От криниц украинских.
 За нами
 Жито стоит, шурша,
 За нами дикие утки в камышах,
 Озера лилиями белеют.
 За нами —
 Ленин в Мавзолее.

Едем.

На тонкой руке-колее,
 Освещенная синей фарой,
 Мачта-сосна припала к земле,
 Сбитая первым ударом.
 Говорю тебе,
 Чужеземец солдат,
 Хоть в нее ты стрелял по приказу,
 Но с этих дат,

с этих дат

Мягкосердье лирическое

отбрасываю сразу.

Я знаю:

тебя обманули,

Солдат,

Но сосны уж скошены:

Вон они. . . вон они. . .

Мы считаем их с этих безмолвных дат,

Как павших считают воины.

Ты верил брехне,

Что ответить на сталь

Не в силах мы сталью, всё сокрушая.

Ты даже не знаешь,

что час настал,

Который судьбы земли решает.
Ты обманут.

Но никому
Не легче, что ты обманут.
Земля задохнулась в черном дыму,
Средь белого дня туманы, туманы.

Смотри,
срезает войны тесак
Всё, что дышало, росло,
Что сеяли...
Поэт! Не стыдно ли было писать
Про сотые версты, про карусели!
Писал, признаюсь,
Писал спокойно,
Хоть ползла уже в танках,
сидела в седле,
Или проще сказать —
Приближалась коню
Война
к моей исконной земле.
Но хотел я,
жажда водила пером,
Как хотят утешения малые дети,
Для всех,
для себя,
на годы вперед,
Отрады,
что из грядущего светит.

3

Земля, не тревожься:
О будущем нашем
Мне снилось и думалось ночи и дни...
Что, как вдруг одолеют,
Скажем,
они?
Станет Земля совсем маленькой —
Меж звезд иных попробуй заметь, —
Сначала старой,
А там и старенькой.
А солнце?
Ему не вечно гореть.

Уже оно желтое.

Знаем давно мы —
Землю оно согревает давно,
Знают даже день астрономы,
Когда не будет теплым оно.
Ни шума лесного,

ни птиц, ни росы
Под солнечным светом, багровым, суровым.
Кто в час этой смертной холодной красы
Прославит Землю бессмертным словом!
В жилах кровь леденеет.
Пурга метет.
Океан — неподвижная мерзлая даль.
Бесполезно про гибель писать на пергаменте,
Поздно думать о теплых планетах,
Жаль!..

Взглядом,
от сегодняшнего дыма подслепым,
Гляжу в эту жуть, и в глазах темно:
Солнце мимо проходит

путем последним,
Чужое, багровое... вот оно!
Светить надоело задаром ему
От войны до войны
несчетные дни.

А люди!
Еще продолжают по-старому
Убивать друг друга...
Вот и они!

Нет,
солнце еще не в поздней стадии —
Это дым застилает его пеленой.
Мы пришли сюда ради света,
ради
Того, чтобы покончить с последней войной.
Последнюю братскую могилу выроем
И заживем
без обмана и мошны.

А солнце остынет —
из тучи вырulinм
Перелетную стаей летучих машин.

Пролетим мимо солнца
и его покинем,
И не опалит стремительных крыл
Оно,
укрывшее глубоким инеем
Родные гнезда —
Днепро и Нил.
На планете новой,
нами обжитой,
Вновь услышим знакомый
Первобытный гром;
И о теплые волны — о ласковое жито
Будет вновь наша ласточка
бить крылом.

Опять
в ночи, у синего моря,
Словно у Черного моря, сидим;
Чистая комедия —
Смех и горе —
С плачем, Земля, на небо глядим.
Здесь у нас,
У твоих наследников,
Книги земных незабытых веков.
А как там тебе без берез,
Без веников,
Без людских деловитых шагов?
О тебе, о ласковой родине, плачем,
Об упрямых дедах своих скорбим,
Что на мерзлых камнях дыханьем горячим
Согревают
последнюю из твоих орбит.

С нами вместе к жизни лететь не хотели они,
Гордым правом сочли они
В горькой своей правоте
Замерзать на камнях,
Засыпать под метелями. . .
Слава им, слава внукам. . . и слава тем,
У кого во имя этой нетленной
Жажды жизни высокой
И вечной любви
Ныне копоть на лицах,
грязь по колено
И честные руки в человеческой крови.

Речку в небо выплеснули снаряды,
 Обожженный орешник подожгал и стих.
 Никому не нужны лирические рулады,
 Ошерила жерла война
 Без жалости. . .

Сколько попусту сил и труда
 Переплавлено этой плавильней,
 Сколько прахом пошло человеко-часов —

на дым!

По шестнадцати в сутки, шестнадцати с половиной
 Человек работал. . .

А людей миллион не один!

Только с толком и с пользой
 Используй механику эту —
 Все голодные семьи хлебом озолотишь;
 А поэт захотел бы проведать другую планету.
 Свет не в шутку сказал бы поэту:

«Лети! Долетишь!»

Десять сдет танкистов. . .

На десять помножим удар
 И того, кто на войнах кует капитал,
 Доконаем.

Переделаем в трактор свой танк боевой. . . и коня им,
 Им, полям этим житним,
 Вернем для труда.

Нас десять.

Мы в танковом соединенье,

Едкий пот из-под касок струится со лбов,
 Перед нами сплетаются в злобном смятенье
 Тени вражьих чудовищ —

крыльев. башен, стволов.

На полях, на воде, на дыме —

Везде эти тени;

В наших танках-домах пробиваемся мы среди тьмы,
 Даже кажемся сами себе

Не теми,

А какие взаправду мы?

Мы — друзья?

Или мы — одного села?

Нас война свела,

Собрала нас, товарищей,

Из-под разных кровель, из разных мест,

Из тихих ночей, где ясный месяц
Мирно пасет на вирах стада лещей.
Нам всё еще пахнет не смертью —
Снопам свежей соломы,
Словно в житних волнах мы все дни колесим,
Колесим...
Захотим и вспомним — хоть мы и недавно знакомы —
Близкий всем нам

костра пионерского дым.

На привале, шутя, захотим и затынем «Картошку»,
Вновь застучает дятел, послышится отклик желны,
И суровые очи блеснут по-ребячьи немножко,
И покажется нам,

что давно мы дружны;

Что мы издавна в дружбе, что в детстве ходили лугами,
Ноги вскидывая высоко от зябкой росы;

В лад качались над нами

Удилища

С лесками и поплавками,

И на нерест под ряской озерною шли караси,

Что играли мы в «красных» и ноги в боях натомили,

Деревянными ружьями

Вызволяя от «белых» село... .

Люди мирно пахали тогда,

Печи мирно дымили... .

Только эхо гражданской войны по лесам, по околицам

шло.

Она радость дала, землю всю — не скупые полоски.

Слава доброй войне,

что была нам не просто игрой,

Стали эхом ее мы, ее отголоском,

Как деревья, что память

Хранили о ней под корой.

Мы из них добывали ножами

Остывшие пули;

А теперь мы не дети — детей мы имеем своих,

И для малых, для них

Наши матери — просто бабули,

Неприметно и сами

Доживем мы до дедов седых.

Только игры былые из памяти трудно стереть,

Деревянные ружья

Никак не дают нам покоя.

И во имя жизни мы презираем смерть
И смертного жаждем боя.

5

Темень, темень и смерть, словно тень твоя, рядом.
Только робости нету, и некогда думать о том.
Но хотим хоть бы раз,
Хоть единственным взглядом,
Различить на прощанье,
Что будет потом!
Умирал наш товарищ.
В густом непроглядном дыму
Прошептал он одними губами
И замер:
«Кто в живых остается — глаза оставляю тому,
Чтоб смотрел он на будущее
И моими глазами».

Умирал наш товарищ. . .

Угодивши под танковый трак,
Сапоги офицерские лоск потеряли и глянец.
Поле вражьими трупами
Устелил наш товарищ так,
Аж страшно глянуть!
Умирал он в высоких осоках.
Нашу жизнь вспоминал,
И, траву раздвигая руками,
Он глазами считал,
Словно рыб оглушенных в затоках,
Сколько вражьих солдат
Меж густыми легло тростниками.

По дороге к счастью
На редкость завозно:
Вот походная кухня с одним колесом —
Торопиться не надо,
Кормить отступивших поздно. . .
Всё вперед и вперед мы в сердцах своих
Счастье везем;
Нам везти его трудно —

устали тела и моторы,
Всей наличною кровью мы платим таможенный сбор.

И везем его людям и даже солдату,
Который
Выстрелил в нашего друга в упор.
Ты за гибель его,
Солдат неразумный,
Головою сегодня ответишь,
Но счастье детей твоих этим не будет запятнано,
Припадешь ты к земле,
Уже никому в целом свете
Ненужный,
Кроме команды с лопатами.
Сердца наши высшей любовью отмечены,
Мы несем ее чистой в грязи и крови,
По-другому не можем. . .

За это ответственны. . .

И застрелим тебя. . . во имя любви.
Дети, что им?
Они догадаются сами. . .
И завтра, играя в сегодняшней бой,
Будут с нами —
И не будут с тобой.
С жалостью вспомнят они,
Что бьется
Их отец хоть и в играх,
Но против них;
Трижды еще умирать придется
Тебе от детей своих.
Страшнее, чем нам, умирать тебе в поле,
Мог бы долго прожить —
Немного ведь прожито.
Знаем, солдат,
Нелегкая доля
В двадцать пять умирать

ни за что ни про что.

Будущего никак не узнаешь,
А мы в нем с детства жили, солдат.
Мы одноклассники,
но тут умираешь
Ты в двадцать пять,
А мы в пятьдесят.
А век человеческий и впрямь не вечный,
На склоне дней засну, обессилив,
Полвека прожив,
упаду, изувеченный,

На грудь товарищу в братской могиле.
Когда нам навеки придется смолкнуть,
Тесными в землю ляжем рядами, —
Ведь нам еще надо
И вместе мокнуть,
И вместе шуметь меж цветов
цветами.

.
Умирает товарищ второй.
Различает в предсмертном дыму:
Танки мчатся на запад,
летят самолеты над нами.

И он шепчет кому-то,
а может, и никому:
«Останешься жить. . . смотри и моими глазами».

А в лицо нам гремят батареи наводкой прямой,
И в танках подбитых сгорают за лесом, за садом
Товарищи наши —
третий, шестой, восьмой. . .

И вот мы вдвоем остаемся —
Девятый с десятым.

Но игры былые из памяти не стереть,
Деревянные ружья
Не дают покоя.

.
Во имя жизни мы презираем смерть
И последнего
Жаждем боя.

Нас война познакомила.
Вместе мы с первого часа.
Стала домом родимым задымленная броня.
Мы на газ
смертоносным ответим газом.
Гибнет враг. Всё ясней
очертанья встающего дня.

Как он дорог нам, завтрашний день коммунизма,
Смотрите:
Мы отдали ему
наши лучшие юные дни,

Мы отравим леса,
Чтоб враги задохнулись в иприте,
И ручьи, и криницы, чтоб смерть свою пили они,
Каплю зелья б такого для крупповской
Жадной утробы,
Пусть бы сам поскулил, как отравленный зверь,
Царапая землю,
К лесным припадая тропам...
Только он не такой,
Он согнал, посадил по окопам
Обманутых хлопцев...

и в них мы стреляем теперь.

Что ж? Отведают пусть
Наши гневом отлитые пули,
Нужно так их учить,
чтобы всё понимали без слов,
Чтоб в разгроме своем
Долгожданную радость почувляли
И штыки повернули
Против
офицерских штыков!

.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Домой летят истребители отчаянные.
Первое, второе,
Третье звено...
Ставьте на стол закипевшие чайники
И зашипевшее вино.
На реку выйдут, гимнастерки скинут,
Будут под синей плавать водой,
И, как на печи, на песочке спины
Греть.

И во сне только видеть бой.

И жизнь наступит правдивая, правильная,
И станут войну они вспоминать
Как что-то стороннее,
Странное, дальнее,
Чему никогда, никогда не бывать.
И останется война эта в сказках,
Как десять хлопцев шли в ее дым

В синих одеждах,
В темных касках
И как в живых остался один.
Чем новые весны он встретил
И лета,
Как небо светило ему синевой,
И что он увидел тогда?

.

Про это
Расскажет десятый, живой.

1940

178. ЗНАМЯ БРИГАДЫ

1

Как дубовый листок, что оторван от ветки родимой,
Минск родной я покинул, немецкой бомбежкой гонимый.

До утра я шагал
Всё вперед и вперед. . . А за мною
Город мой полыхал,
Подоженный войною.
Утомленный, я сел у дороги,
Ждал восхода. И в час ожиданья
Торопливо набрасывал строки
В дневнике своего скитанья.
День вчерашний и вечер,
Ночь, рассвет этот серый в пути,
Расставанья и встречи —
Всё хотелось в дневник занести.

.

*Что сказали мне вещи,
Когда я решился уйти?*

Я на каждую вещь
Посмотрел с молчаливой тоскою:
Все просили меня — уберечь,
Захватить их с собою.
А ни ложки, ни миски
Остаться одни не желают,
Шепчут горестно книжки:
«Враги нас в костер побросают».
Конь искусной работы,
Гнедой, на колесах отличных,
Мне сказал: «На кого ты
Покидаешь нас, горемычных?»

Забери ты меня, пожалей,
А не то мне кончина. . .
Разве я от окна до дверей,
От дверей до окна не возил тебе сына?
Как война началась,
Ты, хозяин, в селе находился
И лишь только сегодня
Оттуда к семье возвратился.
А хозяйка вчера
Малышей собрала
И уехала вскоре.
А меня она с горя
С собой на вокзал не взяла.
Не хотел оставлять меня сын,
Дом родной покидая,
Не желал он, чтоб жил я один,
Ни за что пропадая.
«Мы поедem с тобою в район,
Купим снова коня гнедого», —
Так хозяйка сказала, и он
Согласился.
Со мной распростился.
Для чего ему новый?
Не надо, хозяин, не надо!
К сыну вместе пойдем мы
Одною дорогою, рядом.
А устанешь в ходьбе —
Подвезу, потружусь, не оставлю.
Верно сыну служил и тебе
Послужу, не слукавлю. . .»

Кукла так мне сказала:
«И я на вокзал не попала. . .
Сто ночей, может быть,
Я покоя не знала,
Глаз не смея закрыть, —
Сон дочурки твоей охраняла,
Разве этого мало?
Дай же руку, хозяин, не жди,
Не раздумывай на пороге
И меня проведи,
Словно дочку свою, по дороге.
Тяжко детям идти —
Утомляет дорога большая,

Я ж пойду, куда хочешь, с тобою —
Ведь я не живая.
Просят малые есть либо пить,
Пыль сухая им рот забивает,
Я ж не буду просить —
Я ведь кукла, ведь я не живая.
Самолеты с чужой стороны
Налетают, детей убивая.
Мне ж они не страшны,
Не опасны — ведь я не живая...
Отдохнуть пожелаешь, прилечь,
Ляжешь в тень под сосною, —
Сон твой зорко я буду стеречь.
На мгновение глаз не закрою...»
Всё кругом осмотрев понемногу
В опустевшем жилище,
Захватил я лишь ложку в дорогу,
Заткнув ее за голенище.
Ни того, ни другого, ни третьего
Для похода не надобно было...

*Чем меня моя улица встретила,
Что на улице происходило?*

С ней мы жили в согласье,
Мы были почти что друзьями,
Я не раз ширину и длину ее
Мерил шагами.
Шаг мой слыша,
Она отвечала мне эхом знакомым,
Приглашая в девятый подъезд
Коммунального дома.
Я глядел, как в окне
Огонечек приветливый светит
И как там, в тишине,
Собираются спать мои дети...
А теперь она стала
Длиннее и уже намного,
Как в минуты обвала
Средь горных ущелий дорога.
Не в домах огоньки,
Как бывало, мелькают, играют,
А пожаров сплошных языки
Сладкий липовый лист пожирают.

И узнать я не мог
Этой улицы лип и каштанов:
Эхо тысячи ног
Оглушило мне уши нежданно,
Подхватило меня, мое горе,
Желанья, тревоги,
По стеклу по разбитому в поле
Понесло мои ноги.

Как листок, что оторван
Грозою от ветки родимой,
Город свой покидал я,
Свинцом и пожаром гонимый.
И, к походам меня приучая, —
Их будет немало, —
Долго улица, долго родная
Мой путь в темноте озаряла.
И на белом листке,
В свете зарев, с печалью на сердце,
Я записываю в дневнике
День и час — страшный час ее смерти.
Свой дневник до последней строки
Посвящаю я тем безымянным,
Что лежат без ноги, без руки,
Без дыханья лежат под каштаном.
А тебе я скажу,
Нашей улице Ново-Московской,
Что с друзьями на фронт ухожу,
Где сражается красное войско.
Стерли всю тебя немцы,
Но память стереть невозможно.
И стучится, стучится мне в сердце
Твой пепел тревожный.
Я тебе обещаю,
Родным пепелищем клянусь,
Что с дороги нигде не собьюсь.
Я вернусь. Я вернусь.

2

Что меня полевые дороги
Ведут, — я не верю,
Что по ним мои быстрые ноги
Идут, — я не верю.

Я не верю ногам и дорогам,
Бесконечным, далеким,
Что ведут нас то полем, то логом
Под солнцем высоким.
Я не верю, что это минчане,
Что это минчанам
Молоко предлагают крестьяне
И поят их чаем. . .
Не свожу с самолетов я глаз
И не верю — ужель самолеты?
Неужели же снова сейчас
Застрочат пулеметы?
Разве можно поверить, когда
Сердце рвется на части?
Разве дети, что вышли сюда, —
Регулярные части?
Что меня от разбойничьих пуль
Старый дуб заслоняет —
Я не верю. . .

.

*Военный патруль
Документы мои проверяет.*

Тихо вышел патрульный из жита.
«Минский будешь?» — спросил деловито.
— «Да, из Минска, признаться».
— «Призываться идешь?»
— «Призываться».
— «Почему ты, приятель,
В Минском военкомате
Не призвался?»
— «Его разбомбили. . .»

Меня пропустили.
Здесь повсюду окопы видны.
Блиндажи — по четыре наката.
Тороплюсь я. . .

А вот и они —
Местечковые хаты.
Тишина по дворам,
Настежь окна.
Крест-накрест заклеены стекла.

Смотрят жители: дескать, и нам
Не пора ли
В далекие дали? ..
И людей, что идут по дороге,
Провожают глазами в тревоге.

Хата. Хата.
Еще одна хата.
Вот и вывеска военкомата...
«Как фамилия?» — «Рыбка».
— «А звать как?»
— «Алесем».
— «Год рождения?» Шибко
Записывал писарь.
«Профессия? ..»

Стал я сразу степенным,
Иным от подошв до пилотки:
Человеком военным, —
Былой не узнаешь походки.
А из штатских пожитков своих
Взял я самую малость:
Взял, во-первых, часы, сапоги, во-вторых,
Ну, и ложка со мною осталась.
Ложка будет нужна на войне
Для борща и для каши,
Сапоги ж пригодятся вдвойне —
И в бою, и на марше.
А часы? Про часы говорят,
Что счастливцы о них забывают,
Что они на часы не глядят,
Что и так хорошо им бывает.
Я ж затем их забрал,
Что другое мне встретится, знаю, —
Я счастливецем таким не бывал,
Да и быть не желаю.
Не желаю я доли такой
В эти дни, когда горе
Разлилося кровавой рекой,
Разлилося от моря до моря.
Я с часами отправлюсь в поход
Через топи и гати,
И отмечу я — время придет! —
Час победы на их циферблате!

Где-то слышится грохот орудий.
Где-то начался бой,
Мы идем.
Вызывает Зарудный —
Комиссар полковой.
В этот день комиссар поручил
Мне бригадное знамя,
Чтобы с честью его я хранил,
В битвах страха не зная.

3

Нам к востоку закрыты дороги
И нету подмоги,
Путь на юг и на север отрезан
Огнем и железом.
Мы на месте на прежнем стоим,
И одно есть решение:
Иль с боями пробиться к своим,
Или с честью погибнуть в сраженье.
Мы решили шоссе оседлать
И засели в местечке.

Я хотел бы, но как описать
Бой за взгорок, за речку?
Не опишешь, как, сталью изрыта,
Земля грохотала;
Как по семь «мессершмиттов»
На каждую ель налетало;
Как редели ряды —
Наши роты, полки и отряды,
Как не стало начштаба,
Потом командира бригады;
Как склонили мы знамя
Над ними в тот час многотрудный
И как принял команду над нами
Товарищ Зарудный.

.
Не опишешь, не выскажешь, — слов
Мне для этого мало, —
Как патронов у наших бойцов,
Как снарядов не стало.
Может быть, бесполезно писать
Мне в такое мгновенье?
Срок настал. . .

*Надо зная спасать,
Не оставлю его на глумленья!*

С древка знамя срываю,
На улицу выбегаю.
Тихо стало на улице,
Тихо.
Что за лихо?
Пулеметчик убитый лежит
За своим пулеметом,
Словно смотрит и слушает: кто там,
Гремя сапогами, бежит?
Я к нему подбегаю, —
Он честно стоял до конца.
Пулеметная лента — пустая,
Другой не нашлось у бойца.
«Знамя вынес? .. Храни. . . —
Мне глаза его говорили. —
Честь погибших не урони,
Мы в боях ее заслужили. . .»
Я бегу. Вот и пушка за садом —
Искорежена вражьим снарядом,
А рядом —
Танк немецкий, — пылает машина!
Как видно,
Был меткий удар.

Возле пушки лежит недвижимо
Полковой комиссар.
Я хватаю его за плечи,
Тормошу я его рукою. . .
От него недалече
Наводчик засыпан землею.
Я к тому. Окликаю.
Наводчик встает запыленный
И, глаза протирая,
«Ты кто?» — говорит удивленно.
«Свой, не видишь? ..
Вдвоем
Легче будет идти и верней».

Мы идем,
Комиссара несем
На шинели моей.

Мы идем, в конопле незаметны,
Бежит за минутой минута...
Мне навеки запомнится это
Суровое утро
И холодная стежка моя.
Останавливаемся у ручья.
Он течет через поле в густом лозняке,
По краям его встали березы.
Что нам делать? Гляжу я в тоске
На дороги, войска и обозы:
Немцы всюду, везде,
Нет нам выхода боле,
Поле вряд ли поможет в беде,
Потому что запахано поле...
Что ж, ручей, выручай,
Уведи нас далёко-далёко
И кустами плотней закрывай
От немецкого ока!
Мы несем комиссара, и ты
Сделай так, чтоб он выжил,
Чтобы чаще стояли кусты,
Чтоб росли они гуще и выше.
Помоги нам его донести,
Поспособствуй, где можно;
Встретишь вражеский пост на пути —
Обогни осторожно.
Знамя нашей бригады с собой
Я несу. Знамя чести и славы.
Доведи ж нас до леса, укрой
От беды, от расправы.

.
Точит камешки, рвет пески
Неумолчно ручей беззаботный.
Тихо хлопают сапоги
По воде по холодной.

*Безымянный ручей нас привел
В глушь, в лесное затишье.*

Из густого тумана на холм
Мы взбираемся выше и выше.
Комиссар наш в сознание пришел.
«Выжил, — думаю, —
Выжил...»

Из травы мы постель ему стлали,
Рану бережно перевязали,
И больного водою холодной
Напоил я из фляги походной.
Тут гадать мы не будем —
Рад ли он, что мы были с ним рядом,
Понял, нет ли, что мы — это люди
Из его же бригады.
Я в глазах не увидел ответа —
Он тотчас же закрыл их от света,
И, быть может, закрыл потому,
Что забыться хотелось ему.
Тихо сосны и ели
Над землею шумели;
Не свистели немецкие пули. . .
Мы с ним рядом уснули.

4

Жил лесник со своей лесничихой
Возле заводи тихой,
Возле озера, в чаще глубокой,
От селений далёко.
К тем селеньям знакомым
От жилья лесникова
Шли, конечно, дороги лесные,
Дороги глухие.
Заросли они серыми мхами,
Кустами, грибами,
Заросли, потому что лесник
Колесить по кустам не привык:
Он лишь ради базарного дня
Запрягал порою коня,
Чаще ж он по делам неотложным,
По служебным делам всевозможным,
Отправлялся дорогой иною —
На лодке водою.

Жил лесник со своей лесничихой
Возле заводи тихой.
Тут-то мы комиссара больного
Положили у хаты сосновой.
Нам воды было нужно,
А фляга — пустая,

И хозяйка сказала радушно,
Березовый сок подавая:
«Пейте, милые, сколько хотите,
А товарища в хату несите. . .»

Острых кос восемь штук
Лесниково скрывало застрешье.
Разве ж он для своих только рук
Столько их повешал?
Мы с хозяином косим,
Но об этом не спросим. . .
Пять сынов или восемь
У хозяина было? Не знаем
И допытываться не желаем.
Мы об этом не спросим его,
Потому что не видим ни одного,
Потому что, придут ли с войны
Лесниковы сыны — мы не знаем
И тревожить его не желаем.
Видит наши мозоли лесник,
Лица в каплях обильного пота,
И уж знает старик:
Мы от сельской отвыкли работы.
Молча день мы проводим в труде,
Свищут косы стальные.
Как мы жили и где
И посты занимали какие?
Он об этих не спросит делах,
Ждать не станет ответа, —
Знает так, что на прежних местах
Нас теперь уже нету.

Окликающая озерные дали,
Кукушки с утра куковали,
Будто клены, березы считали,
Комиссару здоровья желали.
Комиссар понимал, улыбался,
Слушал их,
Поправлялся.

С комиссаром у нас
Молчаливый, нерадостный сговор:
Заведем мы беседу подчас —
О бригаде ж ни слова.

Так семья замолкает порою
Об умершем сыне иль брате, —
Долго имя его дорогое
Не произносится в хате.
Да и незачем боль растревлять!
Похоронен родной и не встанет,
Раны не к чему посыпать
Горькой солью воспоминаний.
Прочь мы гоним воспомин,
Прочь незванный, непрошенный, гоним,
Потому что у нас не один,
Не один человек похоронен.
Кто об этом сказал?
Мы не верим в рассказы такие,
И лишь только закроем глаза —
Вновь стоят, как живые,
Молодые да рослые,
Городские, колхозные
Молодцы,
Побратимы,
Бойцы.

Нет, забыться от горьких тревог
Было нам не под силу.
Удержаться Зарудный не мог,
И про знамя спросил он:
«Цело знамя иль нет?»
— «Цело. . . С нами оно. . .» — говорю я.
«Покажи. . .»
Что придумать в ответ?
Показал и себя же корю я.
Развернули мы стяг боевой —
Яркий, гордый и в горе.
Посмотрел он, потрогал рукой
Это знамя, нам всем дорогое.
Еле-еле слезу удержал,
Слабый, хворый, привстал на постели.
«Выноси! — мне чуть слышно сказал. —
Без меня. . .»

Мы, потупясь, сидели.
И, смущенные наше замечив,
Он отрезал сурово:

«Не привык я на ветер
Бросать свое слово.
Собирайтесь! Сегодня ж
Пойдете в поход. . .»
Всех он на ноги поднял.
К сундукам нас хозяйка ведет,
Достает нам дорожные вещи,
Словно мать сыновей собирает,
Вижу, куртку мой друг примеряет
На широкие плечи.
Может статься, сыновний рабочий
Костюм лесничиха дарила.
А куда мы идем среди ночи,
Она не спросила.
Чье же всё это? Чье?
Не сказала Прасковья.
Кто носил — не спросил у нее.
Не спросил про сынов я.
Документы прежние спрятаны
За подкладкой, под ватую,
Там же знамя зашито. . . Пора
Уходить со двора.
Слышны стоны больного, —
В бреду комиссар.
«Разве можно оставить такого? —
Печально звенит самовар. —
Ваша спешка его доконала.
Смотрите,
Что сделалось с ним. . .»
Утром хуже Зарудному стало.
Мы сидим и молчим.

Дни прошли, миновали,
Кукушки откуковали.
Мы в просторные лодки входили,
И плыли, и плыли.
В далях синих и розовых
Тучки сходятся стайками.
Был закат. Через озеро
Проводил нас хозяин с хозяйкою.
Тихий лес подымался стеной
Над извилистыми берегами.
Комиссар полковой
Был теперь между нами.

Мы его подождали,
И этому рад он душою.
Вот и лодки пристали,
На берег выходим гурьбою.
Всех подряд обняла нас Прасковья,
И губы ее задрожали.
«Как родимых сынов я,
Товарищи, вас провожаю...»
— «Брось ты плакать, старуха, —
Лесник уговаривал глухо, —
Брось, не надо...» А сам
Он проводит рукой по глазам.
Распрощались с нами.
Пошли. Сели в лодки пустые...

По просторам земли
Стежки нас повели
Полевые.

5

Месяц стежку в дубняк
Серебристой осыпал метелью.
Не могу я никак
Со своею освоиться тенью.
Только — верь иль не верь —
Я бреду в этой куртке короткой.
Отвыкать мне придется теперь
От военной походки.
Шаг свой полем и лесом
Печатаю под псевдонимом:
Был я Рыбкой Алесем,
Стал Полыном Никодимом.
Да, теперь я — Полын,
А товарищ мой — Ворчик Никита,
А Зарудный — Смирнов: не один
Я иду возле жита.

Ой, скосили его пулеметы,
Под корень скосили!
Сапогами немецкой работы
Его молотили.
Танки, сталью покрытые,
Жито мололи,

Вражьи кони копытами
Хлеб замесили на поле.

Тесто кровью враги поливали,
В самом пекле пекли-выпекали.
И лежит, словно камень,
Хлеб немецких пекарен.

На дороге лежит каравай,
Как на белой холстине,
Дармовой — только рот разевай!
С горя, может, разинешь.

Полям трое нас шло
По тропе незнакомой.
Мы решились, мы входим в село,
Слышим крики и гомон:
Окна свет заливают,
Скрипач плясовую играет.
Кто нас может в селе задержать?
Справки с нами, в кармане лежат.
Есть и подпись на них и печать:
Дескать, выпущены из острога,
А задумают арестовать —
Мы не маленькие, слава богу.
У крыльца рассказала крестьянка,
Что за пир, за гулянка:
Это свадьбу справляет Медведский,
Подлиза немецкий.
Он три года назад
Ферму сжег и судился,
Свет прошел, говорят,
И домой
Перед самой войной
Воротился.
С ним идет под венец
Под угрозой девчина:
Не пойдешь, мол, так мать и отец
Головою ответят за сына,
Донесу, мол, что он большевик,
Что теперь он у красных. И точка!..
Перепуганный насмерть старик
Выдает за него свою дочку.

Согласилась и старая мать
На семейной беседе.
Гармонист отказался играть.
Отвернулись от свадьбы соседи.
Пусто в хате. Никто не идет.
Только с улицы в окна несмело
Наблюдает народ,
Чем окончится дело.

Мы вошли. И гостям
Поклонились с порога.
Сам Медведский встает и — к дверям:
«Что за люди?»
— «Идем из острога. . .»
— «Заходите. Прошу. . .» Нас тронх
Он к столу приглашает.
«За здоровье, — кричит, — молодых!»
Чарки нам наливает.
«Будем пить, как бывало,
Будем пить чередой:
За здоровье — сначала. . .»
— «Молодой! . . .»
— «Молодой!»

Мы в лицо ее смотрим сейчас,
А в лице ни кровинки,
Словно тут и не свадьба у нас,
А поминки. . .

Тут по струнам скрипач
Как потерянный водит.
Не «Лявониha» — плач
У бедняги выходит.

Это что ж за порядок такой,
Что за скрипка такая?
Пилит батька родной,
Замуж дочку свою выдавая.

Почему головою поник?
Что не грянешь удало?
От игры ли отвык
Или выпито мало?

То ль хоронишь ты дочку в тоске
И от плача все струны оглохли?
То ль на светлом смычке
Твои слезы еще не обсохли?

Брось пиликать, приятель,
В хате
Немецкого зятя!
Ты смычком проведи басовито —
Пляшет Ворчик Никита.
Вот уж ватник снимает, взгляни,
Как на свадьбе он пляшет,
Пляшет так, как в бывалые дни
Все плясали по селам по нашим.
Пляшет, может, за сотню ног,
Громко плещет в ладони.
Входят люди толпой на порог —
Жаль, что нету гармонии.
И девчата становятся в круг,
Подпевают девчата,
Будто все очутились вдруг
На колхозной на свадьбе богатой.
Будто немцев село
Никогда не видало.
Будто солнце взошло,
Будто ночь миновала.
И как будто опять
В поле утро зовет молодое
Рожь высокую жать,
Жито жать золотое.
Снова ясные дали встают,
И то громче, то тише
Перепелки над нивой поют. . .
Музыкант, неужели не слышишь?

Рад Медведский — и выпил изрядно,
И к тому же всё вышло так складно:
Стало шумно и людно в дому,
Мы — причина всему.
Полицейские должности нам
Обещает хозяин в награду.
«По рукам?» — говорит.
«По рукам».
— «Рады службе?»

— «Конечно же рады».

В круг выходит он:

«Пью

Я за женку свою,

А вторую я пью

За удачу свою,

За честное застолье,

За богатое поле,

Чтобы гречка цвела,

Чтобы речка текла,

Чтоб хлеба за рекою

Вилися трубою!»

И он стискивает кулаки,

В грудь колотит: «По-моему будет!

Соловки, — он кричит, — Соловки

Меня вывели в люди!

Ферму я подпалил? Подпалил!

Признаюсь вам, люди.

Петухи, что я в полночь пустил,

Меня вывели в люди. . .»

Тут встает, опираясь о стол,

Наш товарищ Зарудный.

«Ты, — сказал он, — не в люди пошел,

А в Иуды. . .

И не жито тебе на полях,

А каменья уродит земля.

Пил я чарку за молодую,

Пью другую

За мать, за отца,

За их сына-бойца.

Третью чарку я пью

За погибель твою!»

Грянул выстрел в затылок Иуде,

Мы этого даже не ждали.

Не Зарудный стрелял.

Что за люди

С порога стреляли?

Что за люди? Из хаты выходим,

Но нигде никого не находим.

Мы торопимся — и не зря:

На востоке алеет заря,

Тает сумрак, дорога светлей...
Вышли в поле. Хватился Никита:
Его куртка на свадьбе забыта.
«Хорошо, — говорит он, — что в ней
Ничего не зашито...»

Мы идем.
Начинается жито.

6

Постепенно привык я шагать
По лесам, по болоту,
Перескакивать с гати на гать
И с колоды гнилой на колоду.
Я смотрю, скоро кончится день.
Солнце вновь у меня за спиной.
Я привык... Узнаю свою тень,
Что шагает со мною.
Не один я — привыкли мы все
По воде ходить, по росе,
Через лес, через луг, через лог —
По дорогам и без дорог.

*И случилось, что мы на закате
Пришли к Лизаветиной хате.*

В стороне от проезжей дороги
Стоит хуторок одинокий —
Лизаветина хата.
Мы стучимся...
Гостям она рада.
Тотчас стол Лизавета накрыла,
Нас к столу пригласила:
«Ешьте, пейте...»

И пили мы, сли.
Всем троим постелила постели:
Спит Смирнов на перине в доме,
Я — в сарае на свежей соломе,
А для Ворчика место в клетки.
Столько было хлопот Лизавете!
На солому пахучую лезу.
Я под самую крышу.

Тихо месяц встает из-за леса, —
Сквозь расщелины вижу.
Я лежу себе, курткой накрытый,
В куртке знамя бригады зашито, —
За него головой отвечаю...
Думы думаю...
Засыпаю...
То ли вправду, то ль чудится мне —
Заскрипели ворота сарая,
Наяву ли, может, во сне
Зашуршала солома сухая.
Просыпаюсь я: «Кто это?»
— «Это...»
Ты не спишь?.. Это я, Лизавета...
Я и в хате была — не спится,
Я и в клеть зашла — не ложится,
И сюда вот пришла я, вдовица...
Дозволь примоститься...»
Села рядом со мной Лизавета:
«А зачем вам шататься по свету? —
Говорит она, тихо вздыхая. —
Посмотри-ка, удача какая:
Живу я отлично,
Единолично...
Иль не любя, не мила?
Иль работаю мало?
Все луга покосила,
Нынче жито дожала...
Оставайся со мной честь по чести,
И пойдем мы с тобою вместе
По спокойной ровной дорожке, —
Ни войны тебе, ни бомбежки...
Оставайся...»
— «Пойду...»
— «До Урала
Всё как есть немчура позабрала,
Ты подумай...»
— «Что ты сказала?»
— «То, что немцы дошли до Урала, —
Так их радио передавало.
Путь далекий.
Достанет ли силы
Пепелища считать да могилы
По дорогам, а их не мало.

Ну?»

— «Пойду!»

Лизавета встала.

«Душно тут, — говорит, — не спится».

Снова в клеть заспешила вдовица.

.

В небе утреннем скрылся
Над желтою нивою сжатой,
С дальней тучкою слился
Дымок Лизаветиной хаты.
Извиваясь, как змея,
Всё дальше ведут нас тропинки.

Подневольные жнеи

Нам песню поют на дожинках.

Крестьянская хата
Стояла над светлой рекою.
И жил там оратай
С женою
И дочкой родною.

Пришла к ним недоля,
Пришла и назад не уходит:
По житному полю
Минеры немецкие бродят.

Зачем же высокое жито
Земля породила,
Коль немцами в жите зарыта
Нечистая сила?

«Жать нынче не станем», —
Хозяин жене объясняет.
Но дочку без хлеба оставить
Жена не желает.

Тайком поднялася,
На зорьке ушла за ворота.
На ниве своей занялася
Привычной работой.

Проснулся хозяин, дивится:
Немало нажатого жита.

Лежит его жница
Средь поля убита.

Ее на кладбище из хаты
Снесли, схоронили,
Но дочку без хлеба оратай .
Оставить не в силе.

Проснулася дочка и вышла:
Всё жито пожато.
Как сноп, на снопах неподвижно
Лежит ее тата...

Средь поля стоит молодая,
Разводит руками.
Стоит и не знает,
Что делать теперь со снопами.

В копну, как могла,
Их сложила, вздохнула глубоко.
В деревню пошла,
Что за речкою недалеко.

Сказала соседям:
«Возьмите,
Возьмите копну золотую.
За эту копну окажите
Мне милость такую:

Срубите лесину,
Отцу домовину
Скорей из нее смастерите.
А в ту домовину
Меня, сиротину,
С отцом заодно положите».

.
В небе утреннем скрылся
Над желтою нивою сжатой,
С дальней тучкою слился
Дымок Лизаветиной хаты.
Мы идем по равнинам,
Ту горькую песнь допеваем.
Долго ль, нет ли идти нам —
Об этом мы сами не знаем.

Не хотим говорить мы об этом,
Потому и запели.
Ходим, бродим по свету,
А дойдем ли до цели?
«И куда, и куда мы идем? —
Крикнул Ворчик со злостью. —
И в какую могилу несем
Наши кости?
Для чего эта вся кутерьма?
Может, правду вдова мне сказала,
Что коричневая чума
Доползла до Урала?
Может, нам через эту чуму
Не пройти, не уйти из неволи?
Что молчите? Кричу я кому?
Самому себе, что ли?
Или, может, на ветер кричу,
Может, слух ваше ухо утратило? ..
Я хочу, самолично хочу
Слушать радио.
Поняли? Радио!»

.

7

Глушь. Отсюда советские люди
Тайком говорили с Москвою.
Чаща. Провод антенны
Высоко закинут на хвою.
И, шалаш охраняя лесной,
Белки носятся над головой.
И сюда — через топи, леса и поля —
Докатился неожиданно
От Москвы, от созвездий Кремля
Голос диктора Левитана...

Мы в лесу уже третий день,
Нам с приемником трудно расстаться,
Перед ним я уселся на пень —
Не могу оторваться.
И к нему мои руки
Привыкли, как раньше к штурвалу.
Спать ложимся под звуки
«Интернационала».

Бьют часы. Молча думаю я,
Город свой вспоминаю.
Где-то бродит родная семья?
Где жена с малышами?
Не знаю.
Может, пали они под огнем,
Может, пуля в дороге догнала?
Сводки слушаем ночью и днем, —
Сводки радуют мало.
Слышим: солнечный город наш
Взяли полчища вражьи. . .
Одиноко иду за шалаш.
Что ты, белка, мне скажешь?
Разве мало дорог
Я измерил своими ногами?
Разве жлобинский ров
Не своими я видел глазами?
Дети, матери, старики
В нем зарыты живыми.
Долго, долго пески
Шевелились над ними.
И сейчас, может быть,
Шевелятся тревожно.
Разве можно такое забыть?
Слышишь, белка? Забыть невозможно.
Разве лай душегубов,
Двуногой немецкой скотины,
Лязг стальной, барабаны и трубы
Слушать нам не противно?
Разве слушать не тягостно марши,
Марши фашистов?
По земле мы идем иль по Марсу,
Зверек мой пушистый? . .
«Что сидим, комиссар полковой? —
Ворчик стал торопиться. —
Этак нам не видаться с Москвой
И к своим не пробиться».

*Снова ветер шумит полевой,
Снова стежки, пригорки, криницы.*

Мы пошли,
Только вдруг отчего
Перестал торопиться Никита?

То внезапно потянет его
Отдохнуть возле жита,
То присядет на камень
В лесу на поляне
И в сапог свой полезет руками, —
Дескать, гвоздь ему ногу изранил,
То песчинку ругает потом,
Что под веко попала.

Не песчинка попала, а дом,
Где, наверно, жена ожидала,
Дом отцовский, знакомый порог,
Он зовет неотступно, упрямо.
А в лесу — перекресток дорог,
Свороти и шагай себе прямо.
Мы садимся,
А Ворчик всё бродит, —
Знать, места себе не находит. . .

Дороги, тревоги,
Мгновенья, сомненья, —
Цепляются ноги
В лесу за коренья.
На топкую гать
Он, не видя, ступает.
Хотел бы отстать,
Да решимости не хватает.
Догадались мы сразу, о чем
Так тоскует Никита. . .

Ночь свежа. Мы с Никитой вдвоем
Моей курткой накрыты.
Он ко мне повернулся спиной.
Спит. И я засыпаю.
Ночь. Над ним, надо мной
Глухо шепчет сосна вековая. . .

*Я проснулся полночной порой,
И зуб на зуб не попадает.*

Молчалив затуманенный лес.
Догорает костер позабытый.
Где Никита? Никита исчез.
Нету рядом со мною Никиты.

Огляделся растерянно я,
Сердце вдруг онемело:
Где же знамя? Где куртка моя?
Что за странное дело?
Что придумаешь? Скажешь кому?
Разбудил я Смирнова.
«Знамя! Знамя! — твержу я ему. —
Знамя! Знамя!» — одно только слово.
Долго с ним, с комиссаром своим,
Мы кричали, аукали, звали.
Лес остался глухим.
Лес молчал.
Мы напрасно кричали.
Не ответила темная гать.
Не ответил Никита. . . Немало
Он прошел. До него уж, видать,
Наше слово не долетало.
Мы сидим у костра своего
И молчим. Говорить бесполезно.
Было знамя. И нету его.
Знамя наше исчезло.
А когда-то не раз меж собой
Мы мечтали с волнением и жаром,
Что пойдем с этим знаменем в бой,
Что его сохраняем недаром.
А теперь? Горький дым
Нам глаза выедает.
Мы сидим и молчим,
И печаль нас к земле пригибает.
Не находится слов
В тяжком горе, средь ночи безлюдной.

Вдруг он вспомнил, что он не Смирнов,
Не Смирнов, а Зарудный,
Что он долг исполняет свой
И беде поддаваться не хочет,
Что он наш командир боевой,
А Никита — наводчик. . .

Не для радости, не для веселья
Шли мы к Ворчику на новоселье.

Взял он куртку. И я не пойму,
 Для чего это надо,
 Что за польза ему
 Уносить с собой знамя бригады?

Может, он, собираясь домой,
 От друзей своих тайно
 Наше знамя с собой
 Захватил не случайно?

Может, он через фронт перейдет
 С дорогой своей ношей?
 Будет слава ему и почет —
 Дескать, парень хороший.

Не какой-нибудь трус иль прохвост, —
 Про Никиту подумает каждый:
 Сам-де вышел и знамя принес, —
 Значит, стоящий, стойкий, отважный.

.
 Как кузнечик, часы на траве
 Молоточками бьют-выбивают.
 Мы устали. Сидим.
 В синеве
 Паутинки плывут-проплывают...

А быть может, к отцу
 Шел он с думой иною:
 Захотелось ему, беглецу,
 Тишины и покоя?

Может, жить пожелал,
 Как живет Лизавета.
 Но зачем тогда знамя забрал?
 Не находим ответа.

С ним к немецким властям
 Он задумал явиться, быть может,
 Чтоб продать его там
 Подороже.

«Вам, — он скажет, — принес я его
 Из горячего боя.

И за это прошу одного —
Тишины и покоя».

Пять минут, как одну,
На траве часы отсчитали.
Комиссар поднимается: «Ну!..»
Мы опять зашагали.

.
Целый день мы брели
По лесам, по пригоркам, по скатам,
Поздно ночью в деревню вошли,
Постучались в хату.
И на стук наш в ответ
Человек к стеклу припадает.
Он! Сомнения нет. . .
Двери нам открывает.

. . . В этой хате месяц назад
На постое немцы стояли.
За малиной ходили в сад,
Груши спелые рвали.
На чужие кровати
Ложились в хате
Три солдата, три сукиных сына.
Одному приглянулась некстати
Молодая хозяйка — Марина.
Захотел обвенчаться он с ней —
Для забавы, на несколько дней.
Не сдалась, не склонилась она,
На глумленье идти не хотела.
Под окном удавилась она,
Под окном, на березе на белой.
Обвенчалась Марина с петлей
Да с сырою могилой.
«Отомсти, — написала, — родной,
Отомсти им, мой милый.
Не хочу я невольницей жить.
Лучше сгину я, сгину. . .»

Говорит он, а голос дрожит.
Мы молчим.
Запалили лучину.
Нас за стол приглашает он сесть,
Предлагает нам ужин.

Нет, не сядем. Не хочется есть.
Ужин не нужен.
Может быть, мы устали? Тогда
Он постелит постели.
Вот запели уже кочета...
Нет, мы спать не хотели.
«Так зачем же пришли вы, зачем? —
Он спросил. — Что играете в жмурки?»
Я ответил:
«Пришли мы затем,
Что у нас не находится куртки.
Ты присвоил ее...»
Он уходит за перегородку
И выносит и отдает,
Винноватый и кроткий:
«Холод был... Вы могли и одной —
Комиссаровой курткой накрыться...
Из-за мелочи из-за такой
На меня вам не стоило б злиться...»
— «Да ведь знамя же в куртке лежит!»
— «Знамя? — Ворчик в лице изменился,
Побледнел, посерел. Говорит: —
Видно, ум помутился...
Лизавета пророчила мне,
Будто немец дошел до Урала, —
Продолжает он, словно во сне, —
И подумал я:
Всё пропало!
Эта дума, эта беда
День и ночь не давала покоя.
Я совсем помешался, когда
Слушал радио под сосною.
Там решил я в ночи,
Под навесом зеленым,
Что уж лучше лежать на печи,
Что теперь не уйти из полона.
Надоело бродяжье житье,
И надежда одна оставалась,
Что с женою найду забытье,
Позабуду беду и усталость.
Больше думать не мог ни о чем,
Убежал, не простился.
Знамя! Я позабыл о нем,
Торопился я, торопился.

Как домой я бежал!
Как минуты считал с нетерпением!
Не застал я жены, не застал,
Не нашел я забвенья.
Стал не мил мне отцовский порог
И углы этой хаты. . .
Знамя! Разве припомнить я мог,
Коль такая утрата?»

Это правда, видать по всему.
Ничего тут не скажешь.
Если б мы не явились к нему,
Он про знамя не вспомнил бы даже.
Он забыл — понимаем без слов —
Всё на свете:
Кровь товарищей, славу бойцов,
Что клялись перед знаменем этим. . .
И сказал комиссар:
«Пошли! . . .»
Старики вслед нам молча глядели.
Мы им правду сказать не могли,
Огорчать не хотели.
Пусть не знают вовек
О позоре их сына,
Пусть решат, что пошел человек
Отомстить за Марину,
И за них, и за дом, и за сад,
И за груши, и за малину.
Пусть с наградой назад
Ожидают родители сына.
Им и сын ничего не сказал,
Покидая родимую хату.
Ничего он в дорогу не взял,
Только взял под навесом лопату.

Он могилу копает сам,
Сам себе на лесной поляне.
Ожидаем мы. И без конца
Длится тягостное ожиданье.
Пишем Ворчику приговор
Мы от имени нашей бригады.
Смотрит Ворчик, потупивши взор,
И не ждет, и не просит пощады.

Роем яму наш бывший друг
На лесной поляне.
И сдается: не сосны вокруг
Здесь застыли в суровом молчанье,
А бойцы батальонов и рот...
Мы их видим перед собою,
И на лицах у них кровь и пот,
И земля — после боя.
И, решимостью грозной полны,
Они требуют высшей меры
Убежавшему от войны
Человеку без веры!

9

Скоро нас колея полевая
Довела до родимого края,
До сторонки, где жил я и рос,
До знакомых дубов и берез...
Здесь скворечник я видел не раз.
Где же этот скворечник сейчас?
Дуб столетний стоял на лугу.
Почему же ему
«Добрый день» я сказать не могу?
Не узнать мне деревни никак:
Где знакомые хаты, ветряк?
Где же школа? Ни школы, ни хат.
Только черные трубы торчат.

Лета бабьего теплые дни.
Я на пне примостился в тени
И дневник продолжаю свой.
Ох, как хочется, братцы, домой!
Сына, дочку увидеть бы мне!
Дом отцовский — чуть-чуть в стороне,
Мне отсюда местечко видать,
До местечка — рукою подать.
Коль идти напрямиком до него,
Верст двенадцать будет всего,
А направишься шляхом —
Двенадцать с гаком.

Легок путь до родного села,
Только тяжко сидеть у стола.
Дочка батьке задаст вопрос:
«Тата, ты молока принес?»
А от сына услышу я:
«Ты из Минска привез мне коня?..»

На пеньковой
Веревке домой
Ни коровы
Я, ни коня
Не привел за собой.
Не принес для детей
Ни игрушек и ни сластей,
Лишь от каждого глаза принес
По пригоршне соленых слез.
Но никто этих слез не попросит, —
Их у матери досыть.

Нет, не так я приду в свой дом, —
В новой каске приду, со штыком.
Не скитальцем и не бедняком,
А войду я хозяином в дом,
Солнце в дом принесу,
А не ночь,
Молоком
Напою свою дочь.
Посажу тогда сына я
На живого,
На боевого
Коня..

Будет время ребячьих утех,
Будет смех — я принес им смех,
Будут слезы — я детям принес
Каску, полную радостных слез...
А теперь не могу, не хочу
Видеть поле, и каланчу,
И родное местечко вдали,
И знакомые крыши..

«Пошли!..
Листвою, дубровы,
Мой след заметите!

*Бывайте здоровы,
Назад меня ждите! . . .»*

Здесь всему я чужим кажусь,
Я в родные криницы гляжусь.
«Кто ты? — мне говорят они. — Чей?»
Я гляжуся в лесной ручей,
А ручей по оврагу
Шумит:
«Это что за бродяга
Стоит?»
— «Ваш я, свой!
Здесь я жил, ходил,
Часто в летний зной
Вашу воду пил».
Но везде мне ответ один:
«Ты не Рыбка — Полын,
Рыбка был молодой,
А ты — с бородой. . .»
Пусть я с бородой,
В лохмотьях постылых,
Но только былое
Забыть я не в силах.
Пусть взгляд мой темнее,
Пусть пальцы грубее, —
Тем крепче сомкну их
На вражеской шее!
Листвою, дубровы,
Мой след заметите,
Бывайте здоровы,
Назад меня ждите! . . .

Через желтую заметь лесов,
Мимо нашей стоянки,
По корням придорожных дубов
Друг за дружкой грохочут фурманки. . .
Ветер мертвой листвою
Их следы замечает в печали:
«Эй, куда вы?»
— «Домой. . .»
— «Уходили, да вот опоздали. . .»
— «Не успели. . .»
Немецкие пули
Назад нас вернули. . .»

Многих, многих я здесь узнаю, —
Часто с ними встречался, бывало,
Дед спросил про деревню свою:
Может, видел я? Что с нею стало?
Но для всех я казался чужим,
Не узнали — зарос бороною...
Может, здесь и мои малыши,
Может, встречусь с женою?
Едут люди, а ветер
Следы замечает и свищет.
Едут матери, дети
На родимые пепелища.
Мы с Зарудным лежим за дубами,
Молчаливы и строги.
Впереди перед нами
Перекрещиваются дороги.
Мы глядим из засады,
Как движутся вражьи отряды
По дорогам на крепких машинах,
В шинелях мышиных.
Видим мы: две фурманки
У обочины стали, —
Их немецкие танки
С дороги согнали.
Люди слезли, коней распрягают,
Костер разжигают.

Хлопчик босый бежит меж дубами
За дровами,
Хлопчик с русыми волосами,
С голубыми глазами.
Я увидел, сдержаться не мог
И окликнул его:
«Василек!»
С удивлением глядя,
Он стоит предо мною:
Что, мол, это за дядя
С такой бороною?
Золотая
Нас осыпает
Пурга,
Лист осенний по ветру несется.
«Жил ли в Минске ты, хлопчик?»
— «Ага!»

— «Где же батька твой?»
— «С немцами бьется».
— «Как из Минска ты уходил,
На квартире коня позабыл,
Ты катался на этом коне,
Не хотел расставаться.
Конь сгорел, Василек, в огне. . .»
— «Пусть сгорел. Не хочу я кататься».
— «А чего ж ты хочешь?»
— «Хлеба кусочек. . .»
Хлеб? В мешочке у нас
Оставалось немного:
Неприкосновенный запас —
Полбуханки на всю дорогу.
Я достал из мешочка:
«Бери! . .
Это хлеб для тебя и сестры.
Ешь его на здоровье. . . Бери же! . .»
Робко он подошел поближе,
Подошел и глядит на нас —
Люди добрые, хоть и чужие.
И не верит, и сами из глаз,
Как горошины, крупные,
Не скупые,
Слезы брызнули, катятся вниз,
Скорбно падают у подножья
На сухую траву, на опавший лист
И на сердце мне тоже. . .
Я отдал ему хлеб, а сам
Стал за дубом шумливым
И гляжу, как бежит по кустам
Хлопчик с хлебом, счастливый.
Словно сразу не стало забот —
Мчится с ношей своей к фурманке,
Словно хватит на целый год
Дорогой полбуханки.
Мчится босый мальчонка к семье
Прямым, без дорог и дорожек —
По листве, по холодной земле
И по сердцу мне тоже. . .

То ль дорога меня извела,
Что не мог я глядеть, —
Не знаю,

Но глаза мне застлала мгла,
И пошли мы, и след замела,
Замела метель золотая.

10

Вылез месяц — серебряный рог,
Осветил из-за тучи болотце,
Мы ползем.
Слышат кочки и мох,
Как в груди моей сердце бьется.
Проклинаем мы первый ледок,
Что хрустит под локтями.
Перед нами сена стожок,
Часовой, солдат перед нами.
Немец дремлет и — нечего ждать.
Всё равно обойти невозможно!
Подползли. Задушили.
Опять
Ползем осторожно.

Мы на воле,
Блужданиям конец!
Перед нами советский боец.
Перед нами родина снова!
И сказать не могу я ни слова,
Лишь губами к земле приник
И целую ее молчаливо. . .

Нет, пишу я не просто дневник, —
Приговор выношу справедливый.
Я на кровь на людскую глядел,
На пожары, на пепел летучий
И не в строки собрать их хотел,
А в могучую тучу,
Чтоб ответили наши враги
В Судный день за свои преступления.
Пусть же пламенем дышат листки!
Пусть же молний разящих штыки
Весь, от первой до этой строки,
Приговор приведут в исполненье!

эпилог

Больше года минуло с той даты,
Много в море воды утекло, —
И по зимней дороге бригада
Четким шагом входила в село.
Щеки ветер холодный лижет,
Иней лег на ушанки,
На халаты и лыжи,
На танки и санки.
Каждый шел молодец молодцом,
Глядя твердым, уверенным взглядом.
Вел полковник Зарудный бойцов —
Командир бригады.
И село их встречало
Во всей их суровой красе.
Кто сказал, что бригады не стало?
Что погибли товарищи все?
Кто поверит, друзья,
В небылицы такие?
Вот она — боевая семья!
Вот они — дорогие,
Молодые да рослые,
Городские, колхозные, —
Вот они, словно белая туча,
Грозно движутся через снега,
Скоро, скоро ударом могучим
Разнесут они в клочья врага!

1942

179. ЦИМБАЛЫ

В лесу под небом синим
На взгорке ель росла.
Стройнее, и красивей,
И выше всех была.

Обух ударил глухо
У самых у корней,
И слушал чутким ухом
Старик, припавши к ней.

Меж небом и землею
В последний раз она
Звенела под пилою,
Как под смычком струна.

«Не плачьте! —
Прошумела,
Склоняясь на траву. —
Я буду петь, как пела,
Я вас переживу».

Заблестел белой лысиной пень,
Ель из темных теней
Свою вырвала тень,
Положив ее рядом с собой
На полянке лесной.

И уже не звенела,
А пень остывал от пилы,
Словно в капельках пота,
Весь в капельках чистой смолы.

А деревья в тот час
Причитали от сердца всего:
«На кого ж ты покинула нас,
На кого?»

Повезут тебя через поле
На дрогах,
На рыжем коне.
И распилят тебя,
И расколют,
И сгоришь ты в огне.
Будут люди на ветках еловых
Колбасы коптить.
Никогда мы не встретимся снова,
Тебе уже с нами не быть.
Ты уже головой не достанешь
До синних небес. . .»

И под те причитания
Елка покинула лес.

Едет елка всё дальше —
В село, что стоит за горой,
На которое раньше
Она лишь глядела порой,
Издаেকে глядела —
Хотела
Дойти до села,
Да уйти не сумела,
Покинуть свой лес не смогла.
Разве ж елка просторы
Познает какне-шубудь,
Коль из темного бора
Нельзя ей и шагу шагнуть?
А теперь она может рукою
И рожь и овес загрести.
И пускай головою
До неба не ей доставать!
Елка плакать не станет, —
Кто знает, какая судьба суждена?
Может статья, достанет
Еще и до неба она.
Может, плыть ей придется
По морю к далекой земле,

Может, мачтою стать доведется
На том корабле;
Раньше всех над волнами
На горизонте всплывать,
В дружбе жить с небесами
И до звезд доставать.
Едет елка по полю,
Над полем гудят провода.

Отгадай ее долю —
Зачем она едет,
Куда?

Может быть, проводами обвешена,
Встанет у хат
И из города в город денешни
Через нее полетят.
А сгустятся туманы —
И травы начнут увядать —
Будут ласточки в теплые страны
С ее проводов отлетать.
Будет звоном и гудом
Прохожих она удивлять,
И захочется людям
На тех проводах поиграть.

Вот и хата,
С ворот уже кто-то
Снимает замок.
Через эти ворота
И въехала елка во двор.
Из коры ее сделал
Хозяин наусник для пчел,
И рукою умелой
От веток очистил он ствол.
Темн ветками мяса
В коптильне сосед накопил,
А старик этим часом
Из елки досок напил.

Что ж, пилите и режьте!
Ей мачтою, видно, не быть,
Мыса Доброй Надежды
Не видеть,

Морями не плыть,
С вольным ветром не спорить,
Не гнуться под ним,
Не дышать на просторе
Ей воздухом свежим,
Соленым,
Морским. . .

Дед вставал спозаранку
И в затени доски сушил.
А просохли —
 рубанком,
 фуганком
Строгал их, скоблил.
И они засветились,
 словно у внука ладонь,
Когда внук перед лампой
 глядит сквозь нее на огонь.
А потом он их склеил
 и звонкие струны достал,
И с тех пор эти доски
 иначе народ называл.
Так загнула елка.
 Да будет ей вечный покой!
Прикоснись, музыкант,
 к этим струнам бессмертным рукой!
И старик прикоснулся,
 и струны пошли вперебор,
И не елка одна зазвучала —
 дремучий разбуженный бор,
Ноги сами собою
 пустились вприсядку, пошли.
И цимбалами люди
 ту музыку нарекли.

И пошло, заходило
От стены до стены:
«Не цимбалы, а диво!»
— «Им нету цены!»
С той поры уж немало
И весен и зим протекло,
Не одно и цимбалы
Объехали с дедом село.

Пусть и деда не стало —
Их песни не кончились, нет:
Внуку эти цимбалы
Заботливо передал дед.

1

Неба просини
Выцвели.
Сохнет и падает лист.
Вот и осени
Дни отлетели. . .
Пропал цимбалист.

В старой хате цимбалы
Замкнув на замок,
Он ушел. И его обогнала
Война по пути на восток.

Шел к востоку он лесом,
Дубровой глухой,
Не от хаты — от песен
Ключи уносил он с собой.
А с востока с коровой,
С ребятами женщина шла,
С ней и встреча в той самой дуброве,
И разлука была.
И ее и детей обогнала
Всё та же война. . .
На дороге неожиданно упала
И не встала
Она.
Через силу
Она говорила сыну:
«Не плачь, Василек,
Поднимись, не помру,
А ты слушайся лучше сестру,
Мой сынок. . .
Вы меня здесь не ждите,
Вам надо спешить, уходите, —
Уговаривала она дочь. —
Нет у вас ни одежды
И хлеба ни крошки,
Ни угла в непогожую ночь.

Я устала, дочушка,
Идите,
Я вас догоню...

Ты вези их, верная служка», —
Говорила
Рогатому коню...

Мать детей упросила, —
С коровой пошли, побрели.
Только что же придумать им было,
Когда к перекрестку пришли?
С такую бедою впервые
Они повстречались в пути:
Четыре дороги прямые, —
Куда,
По которой идти?
Четыре дороги на свете,
И каждой конца не видать.
И вернулись дети
У матери путь разузнать.

Спит она — не подняться.
Лицо заслонила свое.
Сели сбоку,
Боятся
Дорогу спросить у нее.
Звали плачем и словом —
Молчала...
Знать, не было сил.
Цимбалист из дубровы
На выручку к ним поспешил.

Вышел он на поляну,
Склонился над матерью их,
Вынул зеркальце из кармана —
Осколок небес голубых.
И поднес он его в молчанье
К устам ее сжатым...
Увы! —
Не согрели они дыханьем
Холодных небес синевы.

И сказал он:
«Зачем ее трогать?
Пускай отдыхает во сне.
А вывести вас на дорогу
Не трудно и мне».
И он вывел детей на дорогу,
От хаты им отдал ключи
И наказывал строго —
Беречь их и днем и в ночи.
Поучал он детей, отправляя
Дорогой прямой.

Конь, рогами мотая,
Повез их домой.
Торопился рогатый
С веселым и радостным
Му-у!
Видно, знал, что от хаты
Ключи поручили ему.
Шел уверенным шагом,
Почуял, что близится дом...

Цимбалист по оврагам,
Кустам и корчагам
Вернулся обратным путем.
Дол копал он глубокий,
Сирот проводивши одних,
Дол глубокий, широкий
Для матери их.

Пусть они не узнают,
Пусть в сердце надежда живет,
Что придет их родная,
На зов из дубровы придет:
От беды, от обиды спасет она,
Сбросивши сон...

Нет, не скоро, как видно,
С цимбалами встретится он!
Руки просят винтовки —
Отвыкли от звонкой струны.
Время двигаться.

Только
Родной ему жаль стороны.

Если с каждой верстой
К дому ближе они?
Что им темное поле,
Безлюдье в холодной ночи,
Если с ними от счастья и доли,
От доли и счастья ключи?

2

Настежь ветер ворота
Открыл и закрыл в тишине.
Тихо въехали дети
Во двор на рогатом коне.
Слезли дети.
И к дому
Идет Василек налегке.
Ключ от счастья и доли
Застыл в его правой руке.
Как тут быть?
Может статься,
Над ним насмеется пробой
И назад возвращаться
Прикажет дорогою той?
Что, коль их не признает
Ни хата, ни этот замок?
...Ключ тихонько вставляет
В замок Василек.

И случилось чудо —
Их за руки счастье взяло,
Как с родными своими
Под кровлю чуть слышно вошло,
Пока сеном корову
Кормила в сарае сестра,
Дров охапку сосновых
Принес Василек со двора.
Пока миски отмыла
Сестра над ведром,
Ловко печь растопил он —
Повеяло в хате теплом.
Задремала сестренка, устала.
В печи догорели дрова,
Им сверчка, как бывало,
Счастье выпустило из рукава,

Спят сироты — прикрыты, согреты,
Крепко спят.
А запечный и грун,
Что кузнечники летом,
Играет на тысячах струн.
Не пускает напасти
Он к ним ни на шаг, ни на миг.
Дети спали.
А счастье
Смотрело на них.

В уголок оно село
И думало думы свои,
На счастливых глядело
И думало:
«Дети мои!
Вы заснули, бедняжки,
И я вам покоя хочу.
Ветра, стужи под ваши рубашки
Из трубы не пушу.
Пусть приснится вам лето
С серпом серебристым в руке. . .»

. . .Снилось им: до рассвета
Сидела их мать в уголке. . .

Кто часы им заводит?
Не знают,
Не могут понять.

Четко ходики ходят,
Колесики сбоку видать.

То ли, в добром согласье,
Пошли они сами собой?
То ли маятник счастье
Своей подтолкнуло рукой?
Но с тех пор не стояли
Ни разу они, —
Отмеряли, считали
Счастливые дни.
Летом вражьи солдагы
Вломались в село.

Стихли ходнки.
В хату
Несчастье вошло.
Тьма солдат на дороге —
Совсем заслонили окно.
Много их на пороге —
Несчастий — стоит,
Не одно.
И у всех на повязках
У них пауки, пауки.
Все с рогами на касках,
На ружьях штыки.

«Где корова?»
— «На пастьбе».
— «Где матка?»
Молчал Василек.
«Где?» — пристало несчастье.
«В дуброве», —
Сказал Василек.
«Где, в дуброве?! —
переспросило. —
У дядьки Кузьмы?»
— «Не знаю, — сестра проронила, —
Не ведаем мы».

И несчастье вдруг стало
Зеленым и злым.
«Партизан, — закричало, —
Ваш матка!
С Кузьмой она... с ним!»

На угрозу цимбалы
Ответили гудом глухим.
Заходили они,
Загремели, как гром,
На стене, —
Может, немец штыком
Прикоснулся к басовой струне?
Плач и крик человеческий
Призывом со струн прозвучал.
Нет, не этак в запечье
Играет сверчок по ночам!

Немец насторожился,
Винтовку сжимая рукой:
Кто грозиться решился
Угрозой такой?

А цимбалы играли, —
Несчастье встревожило их.
Пыль и сор отряхали
Со струн серебрястых своих.
Поднимались каски
От страха,
У подлых воров
Каменели, как маски,
Их лица,
И стыла их кровь.
Вынес вон и об угол
Цимбалы ударил солдат.
И от звона и гула
Проснулись и поле и сад.
А цимбалы играли, —
Никто удержать их не мог,
Бросил немец цимбалы,
Они покатались в лог.

Под горою
Травую
Укрыла их мати-земля.
Прищемили струною
Они лугового шмеля.
Смолк призыв многозвонный,
И в заросли трав
Только шмель полоненный
На струнах чуть слышно играл.
Кто ж их в хате встревожил,
И скорбью и гневом палим?
Сам хозяин, быть может,
Достал до них сердцем своим.

И на голос их
Сами,
Себя не заставивши ждать,
Шли крестьянки с серпами,
Спешили детей выручать.

Выбегали с дубинами,
С косами из домов.
Отбивалась машина
От кос,
От дубин,
От серпов,
А толпа наседала, —
Машина умчалась стрелой.
Вышли дети
Цимбалы
В лугах поискать под горой.
Там высокой травую
Укрыла их мати-земля.
Выпускали на волю
Они лугового шмеля.
Рад он был и доволен,
И крылья сушил на струпе,
И на солнце глядел и на поле,
Как будто во сне.
Вновь цветы он припомнил
И ясные знойные дни,
Осмотрелся он,
Крылья поднял
И — на волю.

Вот так и они.

Их поля от напасти
Укрыли во всходах густых.
Там нашлася на пастьбе
И служка рогатая их.
Дети, служка, цимбалы,
А следом за ними и мы
В путь идем небывалый —
На понски дядьки Кузьмы.

3

У дороги оратая
Встретили утром они,
Он на служке рогатой
Полоску свою боронил.
Тихим ревом, как словом,
По обычаю своему,

Меж собою коровы
Поздоровались:
«Му-у!..»
— «Как живешь-поживаешь?»
— «Как видишь, тяну
Борону...»
— «Трудно?..»
— «Всяко бывает,
Да свыклись уже за войну...»
Говорят меж собою,
Стоят у дороги рядком.
А в тени под сосною
Хозяин сидит с Васильком.
Сонно шепчутся сосен вершины,
Висит автомат на суку.

Как мужчине мужчина,
Кузьма объяснял Васильку:
«Автомат наготове, —
В любую минуту стреляй:
Стережет он корову,
Чтоб с поля не свел полнцай...
Кто ж, — он спрашивал снова, —
Послал вас? Быть может, сосед?
Может, сват из Лесного?
Племянник из Носова?»

«Нет».
— «Кто ж? Ума не приложишь!
Уж всю перебрал я родню...
Подожди, а быть может,
Слышал ты
Село Городню?
Путь дотуда немалый,
Не там ли отыщется след?
Может быть, вас послала
Кума Алексеевна?»

«Нет».
— «Плохо, брат! —
И руками
Разводит Кузьма под сосной. —
Понимаете сами,

Хоть я и Кузьма,
Да другой».

.
Вновь на службе рогатой
Вернулись дети в село.
Да знакомую хату,
Как вихрем, смело,
Унесло.

Пусто...
На пепелище
Лишь трубы зловеще торчат,
Часом ветер засвищет,
Вздымая и пепел и чад,
Вздыбит искры, и в воздух
Взлетит огневая метель...
Замер, жалуясь звездам,
Колодезный журавель.
По утрам над колодцем
Он больше уже не скрипит,
Даже в зной не согнется,
Чтоб воду студеную пить,
Онемел он над срубом
И глянуть бонтся туда:
Трупы,
Детские трупы
Качает в колодце вода.

С горя хлопчик с цимбалами
Сел на бревне
В стороне.
То ли чудом узнал он,
К какой прикоснуться струне,
То ли сами играли,
О прожитых вспомнив годах,
Но цимбалы его
Рокотали,
Как прежде,
В хозяйских руках.

На знакомые звуки
Из ям, из землянок сырых
Шли и деды, и внуки,
И все, кто остался в живых.

Собирались в согласие
Кум с кумом,
Со сватом сват —
Свояки по несчастью,
Соседи по пеплу хат.
У кого не бывали
Цимбалы в дому?
С кем они не пировали
И кому не подпевали,
Не подладили кому?
Кто же в молодости не был
Женихом?
Кто не пел и водку не пил
За столом?
Пировали, слава богу,
Среди лета и зимы. . .

«Покажите нам дорогу
До дядьки Кузьмы».
— «Мы покажем,
Мы расскажем, —
Отвечали старики, —
Вместе с вами
Едем сами, —
Это дело нам с руки!»
Заскрипели колеса,
Нагруженные добром.
«До Кузьмы! . . .» —
Стоголосое
Эхо звучало кругом.

Шли одною семьею
С насженных мест.
Журавель под горою
В вечернем тумане исчез.

.

Тихо дремлют сосонники
В зное горячего дня,
Придорожные конники
Атаковали коня.
Ловят конскую тень,
Что на травы легла, на цветы:
«Добрый день!»

- «Добрый день!»
- «Добрый день!»
- «Мы такие же, как и ты!»

Звонко, шумно, игриво
Проносится их табунок.

«День дрянной! — отвечает тоскливо
С телеги сверчок. —
Не стихает погоня
За мною ни ночью, ни днем;
Из села из родного
Меня выживает огнем.
Дым ее и огонь ее
Даже в запечье залез.
Убегаю я, коники,
От погони той в лес».

4

Всю дорогу, как мог,
На цимбалах играл Василек.
И из сел,
Где он шел,
Люди в общий вливались поток.
Шли единой семьей, —
Всех цимбалы вели за собой.
И в бору
Поутру
Вышел к ним из кустов часової.
«Вы откуда?» — спросил.
«Из-под пуль,
Из могил.
Жили в ямах, в земле».
— «А куда и к кому?»
— «А сюда мы,
К нему.
Ищем дядьку Кузьму».

Выйдя на бугорок,
Удивленно считал Василек —
Сколько в лес и селян, и селянок,
И фурманок
С собой он увлек.

Как прошли по росе
Люди все,
Кони все,
Хлопчик сел у дороги лесной
Со своею сестрой
На сухой
Дерезе.
Посмотрел на сестру:
«Сколько нынче народу в бору!
Это ж мы
Привели его в лагерь Кузьмы!
Приведем и не столько еще, —
Убеждал он сестру горячо. —
Есть цимбалы у нас,
Так пошли в добрый час
От села до села! . . .»
И пошел.
И сестренка пошла,
И, едва поспевая за ними,
Путями лесными
Рогатая служка брела.

«Где же, хлопчик, цимбалы?» —
Кузьма у приезжих спросил.
Их аукали, звали,
Искали —
И след их простыл.

И пошла, заходила
Молва от сосны до сосны:
«Не цимбалы, а диво!»
— «А диво!»
— «Им нету цены!»
И пошло, и пошло
По лесам,
По полям,
Из села да в село.
Обогнал музыкантов самих
Слух о музыке их.

Спать легли на густую,
Некошеную траву.
А наутро такую
Услышали дети молву:

Будто немцы облавой
Пытались их в ночь захватить,
Но цимбалы расправу
Не дали над ними чинить.
Как детей окружали,
Коснулись колосья струны,
И цимбалы зарокотали,
Тревоги полны.
Конский топот раздался
В просторах полей.
И враги испугались,
Убежали,
Не тронув детей.
Разбежались,
Исчезли,
Услышав ночное «ура».

«Не слыхала. Не верю.
Неправда!» — сказала сестра.

И обиженно, горестно
Ей Василек говорил:
«Как не стыдно тебе, не совестно, —
Ты ж спала до зари!
Если б ты не спала,
Ты б увидеть могла
И сама,
Как над сонными нами
Со своими друзьями
Склонился Кузьма.
Прошептал он:
«Растите, живите!» —
И скрылся вон там, у бугра».

«Ты не слышал, не видел.
Не верю!» — сказала сестра.

А потом Василек услышал —
Шла молва и такая, —
Что не он на цимбалах играл,
А что сердцем до них доставал
Музыкант
Из далекого края.

Тихо небо светилось от звезд,
Хлопчик музыку нес,
Не глядел на сестру
И сушил на ветру
Очи, полные слез.

Как сестра улеглась,
Как луна поднялась,
Дорогие цимбалы в лесу
Он повесил на сук
На сосне:
«Вы забудьте теперь обо мне.
Вас не тронет ни колос,
Ни ветер, ни я,
Вы подайте свой голос —
Сыграйте одни,
Без меня! . . .»
Был свидетелем месяц
И тучки, что в небе плывут,
Как цимбалы молчали
И десять,
И двадцать,
И сорок минут.
Не склонялись колосья в полях,
Не шептались деревья в лесах,
И не дрогнула ни одна
На цимбалах струна.

5

На дороге глухой
Полевой
Брат увидел с сестрой
Кем-то брошенный воз.
Кто-то вещи какие-то вез,
Не довез.

Колесо отлетело,
Повозка лежит на боку. . .
«Не ходи, не ходи, — шелестела
Высокая рожь Васильку, —
Не смотри безрассудно,
Укройся скорее с сестрой. . .»

Пусто,
Страшно,
Безлюдно,
Как в сказке какой.
Конь глядел на них косо
И сорванный колос жевал.
Бросил солнышко с воза
Им под ноги самовар.
Василек неподвижно
Застыл возле солнца того.
«Наш! — сказал он чуть слышно. —
Я сразу заметил его».
— «Вот и чайник наш новый!»
— «А вот и ботинки мои!»
— «И платок. . .»
А корова
Узнала доенки свои.
«Музыкантова свитка!
Рубашки!» — выкрикивал брат.

Вышел немец из жита,
Навел на детей автомат.
«Всё, — сказал он сурово, —
Забрал я, что в хате застал.
Ваша matka в дуброве,
Я знаю про вас.
Я — Густав.
Всё имущество это —
Рубашки, ножи, самовар —
Мне вдова Лизавета
Свезет на базар.
И за это
Вдову Лизавесту
Ценю и люблю.
Ну, а вас я по праву
У этой канавы
Сейчас застрелю,
Загублю».
И детей он погнал
В придорожный глубокий ров,
Чтоб оттуда не увидал
Василек васильков.
Приказал, чтоб легли
Ниц, лицом на траву,

Чтоб глаза не могли
Посмотреть в синеву.
А потом приказал им:
«Вставайте
И слушайте, что я скажу:
Кто найдет от колес моих гайку,
Того пощажу.
Я без гайки пол-лета
Могу проваландаться тут,
Я даю вам на это
Пятнадцать минут».
Он часы вынимает,
В траве развалиясь.
За детьми наблюдает:
«Ну, что же, нашлась?»
— «Не нашлась».

Счастье выпало брату:
Нашел,
Но смолчал, не сказал:
Не хотелось же брату,
Чтоб немец сестру расстрелял...
Срок уходит,
Проходит...

«Ну, что же, нашли?»
— «Не нашли...»
— «Если так, то, выходит, —
Густав говорит им, —
Пошли!»

Брат шагает с сестрою,
Цимбалы несет — решено!
Коль убьют и зарюют,
Так с сестрой заодно.

Вот на ниве зеленой
С колосьями струны сплелись,
И росинки со звоном
С колосьев посыпались вниз.
Придорожного камня коснулась
Струны басовитая медь, —
Сразу поле проснулось,
И начал тот камень греметь.

Глянул хлопчик — вдали
Поднялись косари,
На заклятых врагов
Шли с полей и лугов.

Брат по струнам певучим
Ударил, потрянул головой —
Тыщи кос к самой туче
Взметнулись над тихой землей,
И на все голоса
Загудели поля и леса:
«Поздно, поздно, Густав,
Убегать ты и прятаться стал!
Не пропустят ни тропка лесная,
Ни стежка, ни гать!
Это мать из дубровы родная
Вышла срых детей вызволять;
Для великого дела готова,
Во весь поднимается рост.
И в руках ее
Тысячи кованых,
Остро наточенных
Кос».

Дети мчались, бежали
По ржи,
По лугам,
По кустам
И не чуяли ног и не знали,
Что вслед им стреляет Густав.
Пробежали не мало,
Бежали б опять и опять,
Да рогатая служка упала,
Легла на траву умирать.
Не пила она, служка, не ела,
Лйшь хрипела, хрипела,
И кровь у нее — с языка...

«Ты сыграй ей, — просила несмело
Сестра Василька. —
Я не дам ее раны тревожить,
Я мух и слепней согнала.

Ты сыграй, и, быть может,
Ей музыка наша поможет,
Как нам помогла...»

Заиграл, и корова вздохнула, —
Ей слышался плеск ручейка,
Тихо голову повернула
И ласковым взглядом взглянула
На Василька.
Ей почудилось утро дремотное,
Запах родных полей
И сама она, беззаботная,
С матерью рыжей своей.
И отец ее — сильный, красивый —
Траву под ракитой щипал,
И трава шелестела
И пела,
Как струны цимбал.

Но в глазах помутилось,
И свет задрожал и погас, —
Наступил ее час,
Ее солнце зашло,
Закатилось.

Засыпали ее не землю —
Ольховой листвой,
И любимой ее муравью,
И ромашкой родной...

6

Брат с сестрой от истомы
Заснули у старых берез...
.

Человек незнакомый
Подкрался,
Цимбалы унес.
Скрылся с ними он в поле,
Пропал без следа,
Видно, правда, что горе
Не ходит одно никогда.

Самой лютою местию
Цимбалам пришьельцы грозят:
«Отречетесь от песни?»
Цимбалы — ни слова,
Молчат.
«Для своих вы играете сами,
А нам не желаете? Нет?!»
Били их кулаками,
Кололи штыками —
Ни звука в ответ.

Их топтали,
Терзали, пытались струны сорвать.
Но цимбалы молчали —
Ни слова, ни звука опять.

Ни огонь, ни острог,
Ни застенок сломить их не мог.
Их решили повесить
На только что вышедший месяц —
Петлею за рог.
Большей карой, пожалуй,
Не мог бы сам черт покарать,
Как закинуть за тучу цимбалы,
Навек от земли оторвать!

Вот их ветер колышет
За тучей,
Пришьельцам же — смех.
Только месяц всё ниже и ниже —
И спустился до стрех.

Вот струна прикоснулась к соломе —
Солома звенит.
Человек незнакомый,
Укравший их,
В страхе дрожит.
Он их нес, чтоб повесить,
Заставить навек замолчать,
А цимбалы, а месяц
Над ним
Неумолчно звучат!

На коня он садится
И мчится,
Тревогой гоним.
А цимбалы всё ближе,
Цимбалы всё ниже
Над ним.
Из усталого конского тела
Ездок высекает огонь,
В омут, в вир ошалело
Несет его вздыбленный конь.
А цимбалы
Звенят в поднебесье,
Плывут через лес, через гать,
И лишь с месяцем вместе
Их можно от стрех оторвать.
Кто подумал бы только,
Увидев такие дела,
Что от самой обыденной елки
Та музыка произошла.
Елка вряд ли мечтала
В те годы, в ушедшие те,
О такой вот судьбе небывалой,
О такой высоте.
И не снилось ей в чаще дремучей,
В затишье лесного житья,
Что сам месяц купать будет в тучах
Ее дорогое дитя.

И поля и селенья
Их слушают ночью,
А днем,
Лишь восток заалеет
И солнечным брызнет огнем,
Их в морские просторы
Невидимый месяц несет,
В край такой,
До которого
Смертный не всякий дойдет.
Там, играя, как прежде,
Они над морями плывут,
Мысу Доброй Надежды
Привет свой, поклон они шлют.
В звоне,
В рокоте,

В гуле
Летят они вдаль на весу
И надеждою
Кажутся людям,
Живущим
На этом мысу.
Кто же странствий не хочет,
Не жаждет познать чудеса?
Но цимбалам и утром и ночью
Родные милей небеса.
Кто же ввысь не стремится
Мечтою, душою своей?
А цимбалам спуститься
Хотелось на землю скорей.

Месяц рос всё заметней,
Круглел, словно тот каравай,
И просовывал петлю
Всё дальше и дальше на край.

А когда он до полного хлеба
Над полем дорос,
Оторвались цимбалы
И с неба
Упали у старых берез.
Там, откуда их взяли,
Цимбалы на землю легли.

Немцы всюду искали,
Копали —
Нигде не нашли.
С фонарями своими
Метались.
Да что фонари?
Полный месяц над ними
Смеялся до самой зари.

.

Дети спят. А цимбалы
Висят в ожиданье дня.
Возле них задержала
Вдова Лизавета коня.

На возу се вещи —
Богатый, нагруженный воз.
Их на хутор под вечер
Густав Лизавете привез.
Целый час молчаливо,
Пугливо
Вокруг озирался Густав.
Где в дороге семь дней пропадал, —
Объяснять ей не стал.
Лизавета Густава
Расспрашивать тоже не стала —
Какая ей статья?
На заре она встала,
Айда на базар продавать!

Медом пахло от гречки,
Туманом дымилась трава.
Два парома, две речки
До света минула вдова.

В блеске солнца цимбалы
Заметил испытанный глаз.
Возле них задержала
Коня Лизавета тотчас.

Их, проезжим на зависть,
Украсило утро росой.
Ей такими они показались
Красивыми, боже ты мой!

Каждый купит их смело,
Увидит и вырвет из рук! . .
Распрощался с цимбалами белый
Березовый сук.

Косо
Глянула с воза
Вдова на уснувших детей:
«Будь здорова, береза,
А нам — на базар поскорей!»

Лизавета спокойно и быстро
 Досхала до села.
 Всё, что было в дому цимбалиста,
 Она продавать привезла.
 Выбрав место на травке
 Под вербой, в тени,
 На возу разложила,
 Как в лавке,
 Товары свои.
 Всех к себе зазывала:
 «Иди, подходи, не зевай!
 Мински!
 Ложки!
 Ножи!
 Одеяло!
 Рубашки!
 Бери-выбирай!»
 Каждым жестом и словом
 Хвалила добычу свою:
 «Самовар еще новый
 Задаром совсем отдаю!»
 Замолкала
 И вновь зазывала,
 Смотрел, приценился народ.
 Продавала за сало,
 За деньги,
 За яйца,
 За мед.
 И в мешки Лизаветы просторные
 Сыпалась щедро мука
 За рубашки с узорами,
 За васильки
 С рушника.

Скоро — так или эдак —
 Весь товар продала.
 А цимбалы?
 Их напоследок
 Вдова берегла.
 Тут уж денег немало
 Отсчитано будет сполна!
 Из-под сена цимбалы
 Тихонько достала она,

Покупать приглашает,
Заводит знакомую речь...
Кто ни глянет — не знает
Цены им...
«Бесценная вещь!»

Кто их купит в сам-деле?
Стоит она с ними в руках
И глядит, — потускнели
Они у нее на глазах.
Сразу старыми стали,
Как рубище нищенки той.
Где ж огни, что сверкали
На солнце такой красотой?
Лизавета от злобы
Сама постарела в тот час:
Вот продай их попробуй, —
Повсюду отказ и отказ.

День проходит — всё то же,
Всё те же ответы слышны:
«Мы не купим...»
— «Не можем...»
— «Им нету цены...»

Вот и вечер.
Устало
Спускается солнце за сад.
Лизавета цимбалы
Везет на повозке назад.
Едет с ними лесами,
Дорога — ухабы одни.
И, забытые, сами
С повозки слетели они.
С перезвоном упали,
Катились, сбивая росу,
И исчезли, пропали
В дремучем лесу.
Не моргнула и глазом
Вдова, подгоняя коня.

Смолкли струны их сразу
У замшелого пня.

Здесь когда-то стояла
Та елка, что дед распилил,
Из которой цимбалы
Своею рукой смастерил.
Облетели весь мир необъятный
Со звоном цимбалы ее
И вернулись обратно
На старое место свое.
И заплакали горько
Деревья ночью порою:
«Гляньте,
Гляньте вы только,
Что сделалось с нашей сестрой!
Тут никто ее доле,
Никто не поможет, видать.
И, наверно, уж боле
Цимбалам ее не играть,
Струны эти из меди и стали
Земля оплетет дерезой,
Отыграли они,
Отыграли!
Да будет им вечный покой!»

Всё постылым на свете
Казалось в тот день Васильку:
Встал и сразу заметил,
Что нету цимбал на суку.
Да ему по секрету
Сказали, на след навели.

И искать Лизавету
Отправились дети.
Нашли.
Их вдова приютила,
За стол усадила тотчас,
Не смутясь, говорила,
Что в первый их встретила раз.
«А цимбалы?» Ей-богу,
Она их нашла у села.
В те места и дорогу
Она показать бы могла.
О дурном и не думала даже, —
Какая ей статья?

«Если ваши, так ваши, —
Берите! О чем толковать?
Только я их соседу
Оставила. Скоро верну.
В воскресенье за ними поеду,
Вот только дождю.
Помогите мне, дети, —
Горячая нынче пора...»

Всей душой Лизавете
Доверилась сестра.
Подметает ей хату.
Гоняет на речку гусей,
Чтоб могла она брату
Цимбалы вернуть поскорей.

Вот и жито пожато,
И снова поход предстоит,
И не терпится брату:
«Отдайте
Цимбалы мои!»
А вдова воровато:
«Пропали цимбалы твои!
Я цимбалы разбила,
Сгубила,
Жаль мне их от души.
Не вернешь ты их, право,
Хоть даже Густаву
Прошенье пиши».

«Лучше, добрая пани,
Кузьме напишу я как раз.
Он не только цимбалы достанет,
Он вытряхнет душу из вас.
Очень скоро
Отыщет он вора,
Дознается,
Чей самовар,
Чьи рубашки
Да чашки,
Ботинки
Да кринки
Вы возом vezли на базар».

«Вон! — кричит Лизавета. —
Шпионить не дам!
Вон!
Густаву про это
Скажу я.
Да вот он и сам».

В хату немец заходит,
Солдаты идут под окно.
Так и есть —
Никогда не приходит
Несчастье одно.
Яйца, мед, солонину
Выносит из хаты солдат,
Нагружают машину,
И каждый доволен и рад.
Лизавета — чин чином —
Своих провожает гостей.
На немецкой машине
Везут на расправу детей.
Кто спасет их от смерти,
Избавит от муки, от бед?
Тут и вспомнились детям
Цимбалы.
Да только их нет...

Ничего не скрывая,
Призналися дети в слезах,
Что давно их родная,
Давно уж в дуброве, в лесах.
.
Срок назначен суровый
Для матери их:
За семь дней не придет из дубровы —
Детей не застанет в живых.
Протоколы готовы.
Подписаны.
Немец встает.
«Ваша matka придет из дубровы,
Придет!»

Ждут родимую дсти —
 И хлопчик и девочка ждет.
 День проходит,
 Второй наступает
 И третий,
 Но нету ее,
 Не идет.
 В яме страшной, кровавой
 Им ночью сегодня лежать.
 Из-за проволоки ржавой
 Живым не уйти,
 Не сбежать.
 Скроет сумрак суровый
 Притихшие хаты села,
 Встанет день...

Из дубровы
 Дорогою женщина шла.

На нее автомат наставляет
 Часовой у дверей.
 «Кто такая?»
 — «Пришла я
 Поглядеть на детей...
 Я везде их искала,
 Весь свет обошла...
 Люди мне указали дорогу,
 Слава богу,
 Нашла...»

Но Густава, известно,
 Ничто удивить не могло.
 «Ты их мать? .. Интересно! .. —
 Спросил он надменно и зло. —
 Вот дела-то какие...
 Дети эти твои?
 А быть может, чужие?»
 — «Что вы, что вы,
 Мои!
 Твердо знаю я это —
 Зря не шла бы сюда:
 Знаю все их приметы,
 Имена и года».

«Мне приметы не надо, —
Усмехнулся Густав, —
Я ведь с первого взгляда
Тебя разгадал...
На тебя ведь похожи
Дети те, что у нас, —
Усмехнулся при этом
Густав еще раз. —

Что же делать? Не знаю:
Я могу отпустить,
Только...»
— «Я понимаю...»
— «Выкуп надо платить».
— «Он найдется, он будет, —
Деньги — вот они, тут.
Их давали мне люди,
Не жалючи...»
— «Гут».
И, минуты считая,
Молча женщина ждет...
Часовой выпускает
Детей из ворот.
Дети будут богаты.
Мать узнать не могла...

Чем они виноваты,
Что их не она родила?
Бросить вновь за решетку
Малышей не могла, —
Ничего не сказала,
Молча с ними пошла.
Путь-дорога прямая
От села до села...
Им на помощь родная
Не прийти не могла.
Их нашла и в остроге
За крепкой стеной
И теперь по дороге
Ведет их домой.
Что ей рывины, ямы,
Темницы стена?
Вот какая их мама,
А это она!

«Мама, мама», — чуть слышно
Позвал Василек.
И в ответ он услышал:
«Что, сынок,
Что, сынок? . . .»
Мать глаза утирала,
А причина одна:
Слез она не сдержала, —
Значит, это она!
«Мама, помнишь, упала —
В дуброве легла?
Нас догнать обещала,
Помнишь?»
— «Я не могла». —
— «Как я ждал тебя, мама, —
Не смолкал Василек. —
Я искал тебя, мама». —
— «Я тоже, сынок. . .»

А заря над лесами краснела,
Золотя облака.
И на женщину то и дело
Смотрела
Сестра Василька.
«Нет, не мать она наша», —
Подумала так,
Но решила, что брату не скажет
Об этом никак.
Пусть он верит, что мама — живая,
Нашла их и рядом идет.
И, догадку от брата скрывая,
Сама ее мамой зовет.
Так дорогой пустынной
Идут они. . .
Под горой
Догнала их машина:
«Матка, стой! . . .»
У дорожной канавы
Молча дети стоят
И глядят на Густава,
На немецких солдат.
Мать Густав подзывает,
С ней в сторонке стоит

И допрос продолжает:
«Ваши дети?»
— «Мои».

«Ваши? —
Глянул сурово. —
А быть может, обман?
Их же matka — в дуброве,
У партизан!
Ею быть вам опасно, —
Не советую вам.
Вас отпустим, согласны?
Их же...»
— «Я не отдам».
— «Нет?»
— «Вы знаете сами».
— «Что ж, отпустим детей,
Вас же — matку их... с вами
Будет речь попоздней.
Вам придется ответить...»

Отпускают детей.
Шепчет женщина детям:
«Убегайте скорей!» —
И прощается с ними,
Обнимает, как мать.
«Нас опять покидаешь?»
— «Я найду вас опять».

Лес, поля, косогоры
От села до села...

Стража для разговора
Их мать повела.
Мать молчит. На поляну
Привели ее:
«Стой!»
Выстрел в сумерках грянул
У нее за спиной...
«Тут тебе и могила —
От нее не уйти.
Ты деньгами платила, —
Мало!

Жизнью плати! . . .»
Покачнулась, упала.
Лежит, не встает.
. . . Значит, правду сказала,
Что дети ее.

9

Скрылся хлопчик с сестрою.

А утром сквозь сон
Услыхал над землею
В бору перезвон.
Песня где-то несется,
Звенят ли ручьи,
Стал он слушать: сдается,
Цимбалы. . .
«Цимбалы мои! . . .»

Вестью, дивною вестью
Он взволнован с сестрой.
Вот бегут они вместе
По тропинке лесной.
Их повсюду встречает
Вестью радостной день.
Солнце путь освещает.
Устали. . .

Присели на пень.
А вокруг бор высокий —
Сосны, ели одни. . .

Звон тот самый, далекий
Снова слышат они.
Что за гул долетает
Из-под мха, дерезы?
Кто на струнах играет,
Перебирает басы?
Что звучит? Кто играет?
Хочет знать Василек.
Вот рукой разгребает
Дерезу он и мох.
Вдруг застыл удивленный
Он у пня у того:

На поляне зеленой
Лежали цимбалы его.

Кто-то шел, кто-то ехал,
Гул в бору нарастал.
Отзывалось эхо
В чутких струнах цимбал.
Те цимбалы повесил
Василек на сосне:
«Чу! . . Победные песни,
Марши слышатся мне! . .»
По-над бором зеленым
Те звуки неслись.
«Это с Войском Червоным
Идет цимбалист.
Не забыл он родимого края,
Цимбал не забыл он своих.
Жарким сердцем до струн доставая,
Играет на них.
Нет, недаром мы ждали,
Сбылось! . .» — Василек ликовал.
Песни, марши звучали
В гулких струнах цимбал.

Зашумели кусты,
Зашептались листы
От неслыханной музыки той.
Не во сне, наяву
Подошел к Васильку
Человек с Золотою Звездой.
То — былой музыкант,
То — хозяин цимбал.
Он уходит туда — на закат,
Он три ночи не спал,
На лице его пот.
Но сраженье идет —
Надо снова в поход.
Жарко солнце сегодня печет.
А дорога легла
От села до села
И еще
От села до села.

Все он вспомнил:
Былые года
И детей, что он встретил тогда.
Обо всем говорил
И цимбалы свои подарил
Васильку навсегда.

«На, играй на цимбалах моих, —
Мне теперь не до них,
Потому что на свете —
Вы знаете, дети, —
Густав еще ходит в живых».

Он пошел — и за ним его тень.
И они собрались между тем,
И цимбалы покинули пень
Навсегда, насовсем.
Кто-то шел, кто-то ехал,
Какие-то пушки везли.
Отзывалось им эхо
В лесу — и вблизи и вдали.
Гул и грохот за лесом,
И крики и гром.
И запахло железом,
И дымом запахло кругом.
Словно чья-то незримая сила
На крыльях детей понесла,
Понесла, подхватила,
Всё дальше и дальше влекла.
Ног не чуя от счастья,
Бегут без дорог, без путей,
Только бы не упасть им,
Дойти поскорей!
Вот и лядо
И сенокос.
Стали рядом
Они у берез.
По дорогам —
И там и тут —
С шумом, с громом
Войска идут.
Пехотинцы, танкисты —
Несметная рать,

Только жаль — цимбалиста
Нигде не видать.
Но под небом погожим
Шагают, идут большаком
Много тысяч похожих,
Таких же, как он.
Четкий шаг отбивают
По струнам дорог,
Марш походный играют,
Своих не жалеючи ног.
И немало
Цветов насбирала
Для них на пригорке сестра,
От души их бросала
И с братом кричала
«Ура».

Пыль клубилась густая,
И не было людям числа.
То не мать ли родная
На запад, на запад пошла?
На далекой чужбине
Она отыскала бы их
И домой на машине
Вернула б любимых своих.
Что ей горы и кручи,
Решетки, темницы стена?
Вот какой она стала могучей,
А это, а это — она!

.

На леса и на нивы
Осеннее солнце глядит.
На повозке, счастливый,
С цимбалами хлопчик сидит.
Вновь кочуют открыто
Цимбалы в просторах родных,
И не слышно,
Не видно
Конца похождения их.
Без забот и тревоги
Снова ездят и ходят они —
По тропе, по дороге,
В погоду, в ненастные дни.

Свадьба ль где, новоселье —
Они уже там.
От веселья к веселью
Кочуют они по домам.

Всюду их по-родному
Встречают людские сердца,
И пути их большому
Не видно конца.

1944

180. ДОМ № 24

Обгорелую жесть ветер гонит,
и свищет,
Дует в трубы печные,
как в медные трубы трубач.
Город лег предо мной,
словно юности светлой моей пепелнице,
И под пеплом его
всё мне чудится плач. . .

. . . Дом под номером двадцать четыре —
Друг давнишний по каждой квартире, —
Он от бомб устоял,
не сгорел он в огне.
Стихла буря. Как новый,
Он высится, к жизни готовый,
И, обмытый дождями,
Овеян ветрами,
Стоит, что корабль на волне.
Все квартиры, что были,
И двери и окна открыли,
Приглашая отцов и детей,
Что когда-то здесь жили,
Приглашая, чтоб взять их с собою
И двинуться вместе с землею
От страданий,
От воспоминаний,
От тягостных дней.

Дом родной! В этот миг
Я пришел, чтоб узнать у жильцов у твоих,
Что тут слышно, —
 давно я к тебе порывался...
Я иду коридором — стучат каблуки,
Чтоб скорей услышали друзья-земляки...
В дальней комнате кто-то
Мне вдруг отозвался.

Я на дверь нажимаю рукой —
Никого. Тишина и покой
Здесь пришельца встречают.

И уже
На другом этаже
Кто-то мне отвечает...

Видно, шутит со мною сосед.
Кашляю я — он тоже в ответ.
Кашляет и скрывается где-то...
«Друг, постой,
Подожди, поговорим с тобой,
Не скрывайся — зачем тебе это?»

Он совсем недалеко, я быстро иду за ним следом,
Он зашел, не иначе,
Сюда вот — он рядом со мной.
Будет встреча горячей
У соседа с соседом,
И я слышу, как сильно колотится сердце его
 за стеной...

Вот лицо осветилось улыбкою горькой, знакомой,
Он подходит ко мне.
Я — к нему. Я смотрю на него.
«Видно, длинной, товарищ,
Была твоя стежка до дому?
Узнаешь ли?..»
И в зеркале тотчас узнал я себя самого.

Нет, знакомых мне здесь не найти,
Хоть весь дом обойди —
Это так!

Я гляжу на себя — и себе говорю я:
«Чудак! . . .»
Ударяясь в стекло,
То ли вздохом, то ль смехом,
Грустно из дому эхо меня повело,
Только мне не до эха. . .

*

Кто-то в темном углу налетел на меня и, казалось,
Неприменно собьт меня с ног,
Чуть сдержаться я смог.
Видно, новое зеркало вновь надо мной насмеялось,
Вновь столкнулся я с ним,
Отраженьем обманут своим.
В полусумраке вдруг чьи-то очи сверкнули лучисто, —
За свои, отраженные в зеркале, принял я их тогда.
Но внезапно послышался голос девически чистый:
«Вы из этого дома?»
И я отвечаю ей:
«Да».
Поразил меня голос. И пристальным взглядом
Я глядел на нее,
сам не зная — зачем и к чему.
Я глядел, позабыв
о развалинах рядом
И о том, что мне жить
в опустевшем дому.

Чуть не сбила она меня с ног, ну, а это примета —
С ней родными нам быть,
С нею дружбу водить.
Дед мой верил приметам,
И в этом
согласен я с дедом:
Суждено нам судьбою самой,
Ну, хоть кумом стать и кумой
Или в гости вечерней порой
Заходить, как сосед к соседу.

Так я думал, мечтал я
и из дому вышел один.
А она? Улетела.

Колесами велосипеда
Перепелку спугнула в хлебах,
что растут меж руин.
Что ж ты скрылась из глаз?
От того, что дается судьбою, —
Всё равно не уйти и не спрятаться — мне ли, тебе ль.
Нам еще доведется
не раз повстречаться с тобою,
Может, даже придется
Качать колыбель...
Впрочем, как ты там хочешь.
Уход твой меня не встревожил:
Нет на свете такого коня,
И нигде не найдешь ты его,
На котором верхом ли,
в повозке ль, быть может,
Среди белого дня
Убежала б невеста от жениха своего...

...Ты оставила письма.
Ты их приносила
В этот дом.
И за письма большое спасибо.
Я стою у крыльца,
Разбирая с волнением их:
«В руки первого в доме жильца,
Кто остался в живых».
Да, я первый жилец
в доме брошенном этом,
Значит, все они, все
предназначены мне.
Значит, должен писать я
на них и ответы
Адресатам, соседям своим,
что живут на войне.
Путь до места их жительства, знаю, не близкий.
Они сами б пришли,
Если б только могли.
Да не кончены сроки
их новой прописки
В блиндажах и землянках,
в чащобе лесной,
В артиллерии корпусной.

Просит первый сосед
 разузнать, расспросить про девчину.
 Передать ей письмо. . .

Про нее разузнал я, сосед.
 Отказать в твоей просьбе
 я не вижу причины,
 Только как я письмо передам
 на тот свет, на тот свет?
 Загубили ее, затоптали ее тягачами
 И — чтоб даже следов не оставить —
 спалили огнем.
 Я еще не забыл,
 как друг другу клялися вы с ней
вечерами,
 Целовались каждую ночь
 у меня под окном.

Клятва, клятва!
 Желанья, мечты молодые, —
 Гордо гибли они,
 но бесчестья стерпеть не могли.
 Их железом терзали,
 Их сладость пожары слизали
 С губ, шептавших когда-то
 горячее слово любви.
 Как девчину пытали, —
 Холодные губы молчали,
 Всё стерпели
 и выпили смертную чашу до дна.
 Не напрасно они тебе
 в вечной любви присягали, —
 Этот пепел свидетель,
 что клятву сдержала она.
 Признаюсь, что о вечной любви
 я не думал до этой минуты, —
 Есть она или нет —
 не скажу и теперь.
 Если ж есть, то такая,
 что стойко и в пламени лютом
 Умирает, как девушка эта,
 поправшая смерть.

Друг, сосед!
Мой листок ты получишь, наверное, скоро
И поверь —
не хотел бы тревожить я сердце твое:
Не привык я, сосед,
посылать людям письма, в которых
Буквы скачут при чтенье,
как черное воронье.
Кто прошел по войне
путь большой и суровый,
Тот глаза не закроет
перед правдой моей.

*

Третий день я блуждаю
с письмом от соседа второго,
Просит он, чтоб нашел я
жену его и детей.
Я нашел его сына,
в детдом завернув наудачу, —
Он держался спокойно,
а кто-то рассказывал с плачем,
Что в неметчине мать у него,
Что погибла сестра. . .
С ним от горького плача того
Мы ушли со двора.
Сын писал,
он над каждою буквой старался:
В первый раз сочинял он письмо
для отца своего.
Он писал и о том,
как неожиданно со мной повстречался,
И не раз за помарки
прощенья просил у него.
И просил он прощенья
за то, что сестренка в могиле
И что мать отыскать он не в силе,
Что отцу ее легче найти, —
Он на то и отец, —
И к тому же
Шагает с оружием,

И от фронта к Берлину дорога
Короче немного,
И скорее он может дойти.

Он писал.

И казалось, что сам я нужнее
Становлюсь для людей:
столько радости в дом
Не вносил я ни разу еще
ни стихами, ни песней своею,
Сколько нынче принес
этим скромным отцовским письмом.

Я б хотел письмоношцем
шагать по дорогам военным
И отцам адреса их детей
навсегда возвращать,
И почтовые ящики
снова развесить на стенах,
И четырежды в сутки
от писем их все очищать.
И чтоб каждое тронуть руками своими,
И сказать, пожелать, чтоб летело быстрее,
И чтоб люди съезжались следом за ними,
Заселяли б квартиры скорей,
Приглашали б гостей. . .

Кончил хлопчик письмо,
дописавши последнее слово,
И дорога
на почту меня повела.
Я ответы принес
и с девчиною встретился снова:
Так и вышло —
Своя своего
Миновать не могла.

*

Мы сидим у стены,
где когда-то сосед вечерами,
Под навесом ветвей,
Целовался с любимой своей.
Только иначе веют
июльские ветры над нами,

Всют теплым дыханьем хлебов,
Что растут у домов,
И с колосьями, и с васильками
пришли они с поля в столицу,
Перепелки ночами
свои голоса подают.
Бьется эхо живое,
о выступы дома дробится, —
Перепелки, сдается,
не в жите — в квартирах поют.
Веет ветер
и запахи дыма доносит порою,
Остальное всё то ж,
как и в те времена:
Та же ночь, и деревья,
и та же луна над трубою,
И у звезд, что сверкают над нами,
всё те ж имена.
Те же рельсы на улице,
только по ним не промчится,
Как бывало,
трамвая веселого гром,
И не пыль оседает, а пепел
на наши ресницы
От любви, что когда-то
сидела под этим окном.

Остальное — всё то же,
И встреча почти что похожа:
С губ горячих готовы сорваться вот-вот
Молодые признанья,
И клятвы, и обещанья,
Поцелун, которых
Огонь никакой не берет.
Могут жечь они косы густые,
Могут высушить росы лесные,
Могут даже ногам приказать
не касаться травы.
Но пускай чужеземцы попробуют
сжечь небеса молодые,
С них слизать снегу
иль хоть эту звезду с сневы!

Словно небо, бессмертны
мечты молодые и чары,
Жадных уст друг от друга
вовек никому не отнять.
Сладость их не отравят,
не вытравят дым и пожары
И не слижут огнем —
потому что они горячее огня.

*

Мы с тобою сидим
И на небо глядим
Молчаливо.
Ты не спросишь, чего я так долго молчу.
И тебя не спрошу я, —
и это не диво, —
Вновь выпрашивать то, что я знаю и сам, не хочу.
Ты молчишь потому,
что загибнул твой суженый где-то,
И ответа
И привета
тебе не пришлет он сюда.
Горько вести носить
тем, кого и в живых уже нету,
А себе, а живой
Не принести ни одной
Никогда.
Сердце дума тревожит:
А может, а может, а может,
Санитары в больницу его понесли?
Или в ров спозаранку
Столкнули губители Янку —
Из объятий твоих
да в объятья земли?
Там не встретит он солнца,
и всё ему будет не мило, —
Написал бы давно,
Да в глазах его стало темно.
Где возьмет он бумагу
И где он достанет чернила?
Кто лучину запалит ему,
Чтобы мог приступить он к письму?

Много, много и я потерял,
и не стоит пытаться
Пересчитывать всё:
не сочтешь тут ни ты и ни я.
От утраты моей
мне письма потруднее дождаться,
Чем от Янки тебе, дорогая моя.
Если б только любовь потерять мне,
я не был бы так опечален.
Но огнем и мечом чужеземца
прошел по всему.
Сколько в городе нашем
Оставил он скорбных развалин,
Столько тяжких ранений
он сердцу принес моему.
Нам и ночи не хватит с тобою,
Чтобы все вспоминать их с тоскою,
Вспоминать,
Горевать
и вести нескончаемый счет.
Если этим заняться,
что с городом станет, с землею?
Кто постройки воздвигнет,
кто письма тогда разнесет?

*

Хоть детей колыхать
Не придется нам, видимо, вскоре,
Хоть счастливыми стать
Не позволит пока что нам горе,
Но расстаться с тобою не даст
Нам примета моя.
Мы сидим и молчим в этот час,
Как свои, как друзья.
Мы немало еще поработаем вместе, —
Ты родная мне, в этом
свидетель мой дом.
Принесла ты мне письма,
на них я ответил по чести,
А опять принесешь —
вновь отвечу своим чередом.

В этом доме недаром
 светла нас примета:
Всем жильцам
 мы с тобою ответить должны.
На двоих, для начала,
 работа не меньшая эта,
Чем детей колыхать,
 если только они суждены.
В тыл напишем —
 пусть едут из эвакуации,
Просит дом, чтоб скорей
 поселился в квартирах народ,
Потому что грустят без него
 молодые акации
И тенистые старые липы,
 что стоят у ворот.
Мы напишем на фронт,
 что приветы им дом посылает,
Что великого дня
 ожидает уверенно он,
Когда знамя победы
 над всею землей запылает
И вернутся домой
 те, что угнаны были в полон.

Так напишем мы всем,
 ты со мною согласна, понятно.
Сумрак тает, проходит.
 Теперь за работу пора.

*

Наша ночь миновала,
 и уже навсегда, безвозвратно.
К солнцу дом устремился,
 и солнце стоит у двора.
Настежь окна и двери
 квартиры открыли,
Приглашая отцов и детей,
 Что когда-то здесь жили,
Приглашая, чтоб взять их с собою
И двинуться вместе с землею
От страданий,

От воспоминаний,
От тягостных дней.
И мне кажется: будто не дом —
 вся родимая наша краина
Заняла свое место под солнцем,
 законное место свое,
И радушно все двери открыла,
 ожидая счастливой години,
Когда все мы с победой
 вернемся под кровлю ее.

1944

181. ТОЛЬКО ВПЕРЕД

Но вы, друзья, кто там, кто там
У дела по своим постам.
Вы в одиночку, как и я,
В родные ездите края.
Наш год, наш возраст самый тот,
Что службу главную несет.

А. Твардовский

1

Я приехал в тот край,
что не раз меня звал,
Где уже
восемнадцать я лет не бывал,
Где родился, где рос,
где когда-то бродил
По траве по густой,
по тропе по лесной.
Я приехал один. . .

Я искал — не нашел
Своих давних друзей,
тех, с кем юность провел.
Где они? . . «Тот, — ответили мне, —
генерал,
Он далско. . .
Второй выплавляет металл
На Урале, а третий
летает, герой,
Над Советской страной,
над советской землей
И родимым местам
с неба машет рукой.

Редко видим их здесь, —
земляки говорят. —
Ну, а многих с войны
не дождалось назад...»

Первый день и второй
я покоя не знал:
Обошел я все стежки,
везде побывал.
Но нигде я не встретил
друзей дорогих,
И на третий день горько
мне стало без них.
Без друзей дорогих
ничему ты не рад.
Признаюсь, что хотел я
уехать назад.
Я б уехал, да новость
мне кто-то принес,
Что на речке на Беседи --
за восемь верст —
Гидростанцию строит
соседний колхоз.

Гидростанция ныне нам —
не новизна.
Нынче много построено их ---
не одна.
Всё ж коль стены свои
поднимает она
У знакомой реки,
на знакомом лугу,
То се миновать
я никак не могу.

Собрала она здесь,
над прозрачной водой,
Всех окрестных студентов,
народ молодой.
Пусть каникулы нынче,
но побоку их!
Молодые сердца
жаждут дел боевых.

И студенты
на помощь колхозу идут.
И копают, и рубят,
и стены кладут.
Разных вузов питомцы,
сошлись они здесь —
Из Москвы, и из Минска,
и бакинские есть.
И девчата и парни —
все вышли к реке.

Ну, а я? Разве ж мог я
бродить налегке?
Я ведь тоже студент,
хоть и бывший, да что ж,
Разве сердцем своим
я на них не похож?
Когда был я таким,
как сегодня они,
Разве ж я не мечтал,
чтоб горели огни?
Верю я и теперь,
верю всюю душой
В ясный свет Ильича,
что зимой и весной,
Словно солнце, встает
над родной стороной.
Год назад эту стройку
колхоз начинал —
Лес рубил и возил,
сваи в землю вгонял.
Нынче ж летом работа
своим чередом:
Возводилась плотина
и строился дом.

С молодыми друзьями
работал и я;
Стала близкой, родной
мне студентов семья.
День работал, а после —
в ночной тишине —
Шел на звуки баяна
к знакомой сосне.

Я стоял у сосны
 иль поодаль сидел
И на быстрые, ловкие пары
 глядел
Да на месяц, что плыл
 в голубой вышине, —
И не раз моя юность
 припомнилась мне...
Так всё лето — работа
 и отдых в свой час,
Так и время прошло
 незаметно для нас.

Срок разъезда настал
 для парней и девчат,
И прощальные вальсы
 всё чаще звучат,
И всё тише и ласковей
 шепот ночной.
По укромным местам
 под широкой луной.
Ты идешь у реки,
 ты выходишь на луг —
Этот шепот таинственный
 слышен вокруг.
То влюбленные пары
 прощаются так, —
Расставаясь,
 расстаться не могут никак.
Их от глаз посторонних
 скрывают кусты;
Ты стоишь и не знаешь,
 не ведаешь ты,
То ли слышишь слова,
 то ли шепчет листва.
Сердцем чуешь,
 что могут они говорить:
Там друг другу клянутся
 до гроба любить,
Говорят там
 о будущем счастье своем,
О совместной работе,
 о жизни вдвоем.

Срок и мой настает...
 Что ни вечер, грустней
На душе у меня —
 и грустней и больней.
Что ни вечер, всё дольше
 над речкой сижу
И на берег на тот —
 что ни вечер — гляжу.
Я сижу и гляжу,
 глаз с него не свожу.
Там — за речкой, за бором,
 за чащей лесной —
Я встречался когда-то
 с девчиной одной...
Целый месяц оттуда,
 всё в той стороне,
Куковала кукушка
 залетная мне.
А теперь не зовет, не кукует —
 молчит.
Стихло эхо в бору,
 только в сердце звучит,
Только в сердце звучит,
 только в сердце живет
И в дорогу меня
 молчаливо зовет.
Я решил... Через Беседь
 отправился вброд.

2

Как я вышел на берег,
 холодный песок
Мне напомнил былое,
 мне ноги обжег.
Ноги босые,
 хоть и идут наугад,
Всё же твердо идут,
 как бывало, спешат
К тем заветным местам,
 к тем ушедшим годам.
Я иду через луг,
 я иду через лес,

И Каникула ярко
мне светит с небес —
Светит в небе звезда,
меж другими видна...

Каждый год,
лишь сменяется летом весна,
Над землей
загорается ярко она.
Как студенты из вузов
дорогой прямой
На каникулы едут
до дому — домой,
Им дорогу она
освещает всегда,
Потому так и названа
эта звезда.
И не раз она в этой
лесной стороне,
Когда был я студентом,
светила и мне.
И не раз озаряла
дорогу мою,
Когда к девушке шел
в этом тихом краю.

Вот и снова иду.
По-над лугом туман.
Слышно эхо в лесу —
то играет баян.
Вновь играет баян
на горе за рекой,
Вновь студенты сошлись
под своею звездой.

Что ж, играйте, друзья,
Запевайте, друзья,
Чтоб напев молодой
Здесь услышал и я.
Запевайте, гуляйте
Шумней и дружнеей —
В вашей жизни не будет
Поры веселей.

Да покрепче к щеке
Прижимайтесь щекой,
Да пожарче к руке
Прикасайтесь рукой,
Пусть раскроется радостно
Сердце у вас —
В жизни юность бывает
Один только раз.

Там, за лесом, село —
дом Алеси моей. . .
Было мне восемнадцать в ту пору,
а ей
Было двадцать. И с ней
часто виделся я:
Я бывал у нее,
а она у меня.
Хорошо нам жилось,
сено ль с нею гребли,
Иль колхозное жито
в полях стерегли,
Или просто глядели,
как тучки плывут.

С ней на летних каникулах
были мы тут.
Я тогда полюбил
облака в синеве
И косынку еще
на ее голове,
Комсомольский значок,
что сверкал огоньком,
Комсомольское сердце
под этим значком.
Много с ней я измерил
и троп и дорог,
Но признаться в любви,
но открыться не мог.

«Слушай. . .» — вдруг начинал я
Признание свое,

Но, заметив суровые
Взгляды ее,
Осекался, робел
И не мог говорить:
Лучше уж подождать,
Чем отказ получить.
Исходили мы с ней
 всю округу свою —
Побродили по ярмарке
 мы на Илью,
В семилетке своей
 побывали потом,
Где учились,
 где книги читали вдвоем...
Там услышали мы,
 что минувшей весной
Умер школьный товарищ —
 наш друг молодой.
Мы поверить в такое
 почти не могли...

К нашей первой могиле
 мы с ней подошли.
Нам сказали: когда он
 весной умирал,
Хоронить без попов,
 без крестов приказал.
И его схоронили
 под небом весны —
Без попов, без крестов,
 на горе у сосны.
Низкий холмик.
 Да столбик дощатый на нем.
Да в окошечке скромный
 портрет за стеклом.
Да еще у подножья
 цветы, дреза...
На могилку упала
 девичья слеза.
Вечерело. На землю
 туманы легли.
Мы к родным его на ночь
 с Алесей пошли.

И такая, зная, думка
Явилась у них,
Что она мне — невеста,
А я ей жених.
Посадили нас рядом —
Один к одному,
Угощали всем лучшим,
Что было в дому.
Постелили нам в клетки
На ложе одном.
И заснули, как дети,
Мы праведным сном.
А наутро проснулись
С тем чувством в душе,
Будто вправду другими
Мы стали уже,
Будто я, по желанью
Тех добрых людей,
Стал ей много дороже,
А она мне — родней.
И светились ее
Молодые черты
Светом дружбы,
Доверия и теплоты.
Мы с могилой простились.
До дому идем.
Песню «Смело, товарищи...»
оба поем.
«Спи, товарищ наш верный,
Навеки прощай!
Ты за бодрую песню
Не упрекай.
Мы такого с тобой
Поколенья бойцов,
Что нельзя нам, не можем мы
Вешать голов.
Нас великое дело
И ждет и зовет,
И должны мы идти
Лишь вперед и вперед!»

Через Беседь семь раз
 отправлялся я вброд.
 Но в любви не признался:
 решил — через год.
 Год прошел.
 И опять я в родных местах.
 И Каникула снова
 горит в небесах.
 Всё решил я сказать
 и услышать ответ.
 И случилось так,
 что один мой сосед
 Замуж девушку брал
 из того же села —
 Из-за Беседи брал,
 где Алеся жила.
 И вся свадьба уже
 наготове была.
 На повозку я сел...
 Кони лихо несут,
 И под звон бубенцов
 дружки песни поют.
 Дружки песни поют,
 кони мчатся к реке...

После чарки вина
 у костра на лужке
 Славно песня выходит
 о Ермаке.
 Если ж выпьешь еще,
 как обычай велит,
 То поймешь, что и вправду
 земля не стоит.
 Выйдешь к заводи —
 станет она кораблем,
 Облака — парусами,
 а ты — моряком.
 Зашвыряет тебя
 от куста да к кусту,
 Словно в шторм моряка —
 от борта да к борту.

И собьет тебя с ног —
станет палубой луг,
Ты за кочку возьмешься —
спасательный круг.
Вместе с лесом,
раздольем лугов и полян
Ты к любимой спешишь.
Что тебе океан?
Что тебе непогоды?
Они не страшны. . .
Рано утром нашли меня
возле копны.
Я стяхнул с себя сено,
умылся потом,
Покатили мы дальше
своим чередом.
Что ни мост, ни овраг,
ближе, ближе я к ней,
Что ни шаг, что ни шаг,
сердце бьется сильней.

На повозке со мною
сидел паренек —
Младший брат жсниха,
синеглазый Дмитрок.
Всю дорогу,
не знаю и сам почему:
«Слезешь вместе со мной. . .» —
говорил я ему.
Наконец и село,
и знакомый мне дом.
И с повозки сошли
мы вдвоем с пареньком.

Лег на окна ее
яркий солнечный свет,

.

«Добрый день!» — говорю.
«Добрый день!» — мне в ответ.

.

Институт свой окончила
Нынче она.
Здесь недолго останется:
Ехать должна.
Будет в школе работать,
И близок уж срок.
А поедет далёко —
На Дальний Восток.

Мне хотелось с нею
остаться вдвоем,
И сказал я:
«Быть может, до леса дойдем?»
— «А зачем? Для чего?..»
Повела в огород.
Как чужие совсем,
у пчелиных колод
Постояли мы там,
удивляя народ.
«Едешь?»
— «Еду».
— «На Дальний?..»
— «На Дальний Восток...»
Вот и всё, что сказать,
Что услышать я мог,
Вот и весь разговор...
Понял я по всему,
Что признанья мои
ей совсем ни к чему...
Я позвал Дмитрока,
Вышли мы из села.
И она, провожая,
До леса дошла.
«До свиданья...»
— «Прощай...»
Лихом не помнай...»
И пошла... Шла домой
твердым шагом.
«Постой!..»
Свое фото на память
Пришлешь мне? Пришли...»
— «Я пришлю...»
И косынка исчезла вдали.

Я не верил: так скоро?
Ужель навсегда?
Всё потеряно, всё! —
Мне казалось тогда, —
Мы простились,
Расстались с нею совсем...
И позвал я: «Алеся!...»,
Не знаю зачем.
Но никто не ответил
На голос на мой.
Только сосны вверх
Над моей головой
Безутешно, тревожно
Шептали тогда
Об одном: «Навсегда,
Навсегда, навсегда».

Мы с дороги сошли,
За бугром я прилег.
И рассказывал мне
Торопливо Дмитрок:
«Как ушли вы из хаты,
Я стал ожидать.
Там соседке Алесина
Плакалась мать:
«Уверяла я дочку,
Что он хоть куда.
На два года моложе?
Так что за беда?
Год, нль два,
Или, может быть, три подождешь,
Он окончит ученье,
И замуж пойдешь.
Для чего ж уезжать?
Чем же он нехорош?»
— «А она?»
— «Да всё то же:
Дескать, он не в пример —
Я другого люблю...»
— «Кто ж такой?»
— «Ии-же-нер».
— «Что ж, — соседка в ответ, —
Добрый будет вам зять».

Значит, счастье нашла». — «А зачем же искать? Если легкое счастье, Что толку-то в нем? То — непрочное счастье». — «Увидим потом». — «От добра, как известно, Не ищут добра. Не искать — добывать Нужно счастье, сестра!»

Пыль встает
белым облаком из-за бугра,
Свадьба едет назад,
свадьба песни поет.
«Эй, садись, подвезем!» —
чей-то голос зовет.
То с невестою мчится
в колхоз свой жених
На повозке нарядной,
на конях лихих.
Сел Дмитрок
рядом с братом своим — женихом.

Я ж за свадьбой пошел
потихоньку пешком.

. 4

Я покинуть решил
край лесов и полей,
С моей первой любовью
и болью моей.
Надо было учиться,
работать. И вот
Начал я собираться
в дорогу — в поход.
Да, в поход! Потому,
Перед тем как уйти,
Я подумал: что лишним
Мне будет в пути?
Перво-наперво — боль,
Что на сердце легла,
Я отбросил совсем,
Чтобы сердца не жгла,

Все Алесины письма,
Что свято берег,
Я спалил на огне,
До последнего сжег:
Ни читать, ни хранить
Я их больше не мог...
Так собрался в поход,
Всё в порядок привел.
Тут последний багаж
От Алеси пришел —
Фотоснимок. И надпись
На снимке на том,
Что «на память о прошлом»
Мне дарится он.
Фотография эта простая,
Одна —
Без печали, без писем —
Не в тягость она.
Будет напоминать
Она юность мою
И вперед будет звать
И в труде и в бою.
Уходя, покидая
Родимый предел,
Я на пне придорожном
Присел, посидел.
Молча встал, постоял:
Может, что позабыл?
Может, с письмами счастье
Свое загубил?
«Нет, — подумал,
И сделалось легче в груди, —
Мое счастье живет,
Всё оно — впереди.
Только нужно его
Не искать, не ловить,
А в суровой борьбе
И в работе добыть.
Наше счастье — в свершеньс
Великих идей,
Наше счастье — бороться
За счастье людей.
Не за легкой удачей
Иду я в поход...»

Надо только вперед,
Всё вперед и вперед!»

Вот и всё. Нет, не всё.
Быстро время текло.
На четвертом году
От Алеси пришло
Мне письмо. Написала
о горе своем:
«С мужем мы разошлись.
С мужем порознь живем.
Я не знала, что прежде
женатым он был,
Что покинул детей
и жену позабыл.
Я не знала, а он
не хотел говорить.
Просит, молит: прости.
Не могу я простить...»
Я отправил короткий
ответ ей тотчас:
«Приезжай, будешь гостьей
желанной у нас.
Приезжай...»

Не приехала, —
Где уж там ждать?
Лишь письмо от нее
Получил я опять:
«Я за то благодарна
Тебе, дорогой,
Что ты всё ж отозвался
На голос на мой,
Хоть и эхом глухим...
Знаю: время и труд
Всё излечат, всё горе
Мое перетрут...
Уезжаю отсюда я
Навсегда...»

Я ответить хотел,
да не знал я — куда.

Я ответить укором
хотел на укор:
«А ты помнишь, Алесе,
тот день и тот бор?
Помнишь, звал я тебя,
а ты молча ушла
И ответить, хоть близко была,
не могла? . .
Я ту боль позабыл
и развеял тоску,
Так каким же я эхом
ответить могу,
Разделенный с тобой
расстоянием лет?»

Так хотел написать
Я Алесе в ответ.
Я б нашел ее адрес,
Когда б поискал,
Но за спешной работой
О нем забывал.
Правда, после узнал я,
Где скрылась она.
Написал ей. Но тут
Разразилась война.

5

Вновь по той по дороге
шагаю один.
Где уже
восемнадцать я лет не ходил.

Ночь, как звон, — без росы,
Звезды в небе горят.
То леса, то хлеба
у дороги стоят. . .
Я пришел. Вот крыльцо,
палисадник и дом.
И рябина растет
всё под тем же окном.
Окна вновь золотит
ясный утренний свет.
«Добрый день!» — говорю.
«Добрый день!» — мне в ответ.

Это мать. Перед ней
запыленный я весь.
Жду: узнает или нет? ..
Да, узнала: «Алесь! ..»
И заплакала. . . Я
не спросил ни о чем.
Мать сама рассказала
как есть обо всем:
«У меня в сорок первом
гостила она,
Здесь ее, у меня,
и застала война.
А у нас тут леса.
И она не ждала:
С первых дней к партизанам
Алесь ушла.
И взорвала она
не один эшелон,
Да наткнулась однажды
на вражий заслон.
Уходила, стреляла,
а немцы вдогон
Поливали свинцом
всё сильнее и сильнее. . .

Целый день мое сердце
болело по ней.
Ночь настала. А дума моя —
об одном. . .
Вдруг стало мне, что кто-то
стоит под окном.
Подхожу я: «Алесенька! ..»
Смотрит в окно
И вся белая, белая
как полотно.
Убежала, дошла,
по земле доползла.
Только всё ж умерла. . .
Кровью вся изошла. . .
Над рекой, на кургане,
могила ее. . .
В эту ночь оборвалось
сердце мое.

Как хотелось ей жить!
В забытьи да в жару
Всё шептала она:
«Не умру!.. Не умру!..»
То ей чудился бой
за Отчизну свою,
То по ярмарке ходит
она на Илью,
То еще в комсомол
на собрание идет,
То, смеясь, через Беседь
пускается вброд,
То покажется ей,
что в бору, за стеной,
Кто-то кличет: „А-ле-ся!..“»

Что стало со мной?
Я не выдержал. Выбежал,
В путь поскорей!..

Бор за домом подрос.
Выше стал и темней...
Это здесь навсегда
распрощался я с ней.
И опять в моей памяти
встречи плывут,
И слова ее писем,
как прежде, живут.
Думал я, что давно
их пожег на огне,
А они прямо в сердце
стучатся ко мне.
Мне казалось, что всё я
давно позабыл,
А я первой любовью
люблю, как любил, —
И белесую тучку
люблю в синеве,
И косынку знакомую
на голове,

Комсомольский значок,
что горит огоньком,
Комсомольское сердце
под этим значком.

6

Там, где билась с врагом
партизанская рать,
Нынче вышел комбайн
урожаем собирать.
Комбайнерка на нем
мне из жита видна:
Как Алеся, в такой же
косынке она —
В ярко-красной косынке,
что схожа с зарей.
На груди
комсомольский значок боевой.
Славит песней она
на полях золотых
Дело павших в борьбе,
дело ныне живых...
Грузовик подъезжает.
Открылся лоток.
И из бункера льется
сыпучий поток.
И, забрав свою ношу —
пудов шестьдесят, —
Грузовик отъезжает,
уходит назад.

Сел и я на комбайн —
за щитком ветровым.
Жито боль умиряет мне
шумом морским.
В сердце боль утихает —
не давит, не жжет...

А девчина корабль свой
ведет и ведет
По безбрежным полям
в золотистую даль.

Вместе с нею я славлю
разумную сталь.
Славлю мирную сталь,
по которой рекой
Льется в бункер зерно —
урожаем золотой.

Проклинаю я сталь,
по которой рекой
Кровь людская лилась
здесь недавней порой.
Проклинаю я сталь,
что не сест, не жнет,
Ту, что проклята всеми,
что гибель несет.
Наш корабль уплывает
в безбрежную даль.
Славлю мирную сталь,
славлю родины сталь!

7

Я не мог не побыть
в тех местах, в том краю,
Где друзья схоронили
Алесью мою. . .
Под густым, под зеленым
сосновым шатром —
Скромный памятник,
фото ее под стеклом.
Как живая, глядит
в даль лугов и полей,
Кожушок
и мужская кубанка на ней.
Ясный, умный
и полный решимости взгляд.
Лента через плечо.
На груди автомат.
Вот она, революции верный солдат.

На могиле венки
из цветов из живых —
Из цветов полевых,
из цветов луговых.

И склоняю я голову
низко свою
Над могилой
и в полном молчанье стою.
А потом, перед тем
как покинуть курган,
Говорю я от имени
тех партизан —
От друзей боевых,
кто ее хоронил,
Кто здесь был и кто нет,
кто захватчиков бил,
Кто теперь из рунн
подымает свой край:
«Спи спокойно, товарищ.
Уходим.
Прощай!
Одного поколенья
С тобою мы, друг, —
Не повесим голов,
Не опустим мы рук.
Поколение наше,
Наш возраст и год
Нынче главную службу
На свете несет.
Нынче снова нас, снова
Зовет, как всегда,
Жажда мирной работы,
Большого труда.
Мы идем, не боясь
Ни преград, ни невзгод.
Путь лежит наш вперед,
Путь наш — только вперед».

Вечер. Звезды взошли.
Покидаю курган.
Слышно эхо в бору —
то играет баян.
Вальс играет баян
на горе за рекой —
Вновь студенты сошлись
под своею звездой.

Срок подходит, и скоро
не встретишь их тут —
Ждет студентов дорога,
учеба и труд.
Скоро смолкнет баян
на обрыве крутом
И погаснет Каникула
в небе ночном.
Пусть погаснет Каникула,
пусть, — не беда! —
Там, где скована
мощной плотиной вода,
Их рукою
иная звезда зажжена,
И ни ночью, ни днем
не погаснет она.
Что ж, играйте, друзья,
Запевайте, друзья,
Чтоб напев молодой
Здесь услышал и я!
Запевайте, гуляйте
Шумней и дружней, —
В вашей жизни не будет
Поры веселей!
Да покрепче к щеке
Прижимайтесь щекой,
Да жарче к руке
Прикасайтесь рукой!
Пусть не меркнет, не гаснет
Порыв молодой
Под высокой, счастливой,
Под вашей звездой!

Беседь я перешел.
Сердце просит дорог,
Словно я покидаю
отцовский порог,
Как моряк, что корабль
по волнам поведет,
Как пилот,
что торопится на самолет,
Как комбайнер,
идущий в просторы полтей,

Как солдат,
 что в суровый собрался поход —
В бой за мир и за правду,
 за счастье людей.

Как моряк, как пилот,
 как комбайнер, солдат.

Всё вперед и вперед.
 И ни шагу назад!

1950

182. ЦУНАМИ

1

Готова самодельная пирога —
Дитя их дум, их первозданный дом.
Они, покинув континент, вдвоём
Отчалили от людного порога.

За двадцать ей. За тридцать лет ему.
Однако суть не в том. Для равновесья
Два паруса взметнулись в поднебесье,
Порыву подчиняясь одному.

Лесистый берег пристально и строго
Глядел вослед из-под густых бровей.
Но черточкою сделалась пирога,
И сам он тоже стал не виден ей.

Волну одолевая за волною,
Спешила лодка к вольности самой.
Какой простор открылся! Всё былое,
Как пена, останется за кормой.

2

Их путь не просто странствие морское,
Когда считаешь мили, ночи, дни,
А испытанье.

Мерю иною
Любовь отпыне мерили они.
Их испытанье — быть повсюду вместе
И, забыв о времени своем,
Пройти дорогу трудную вдвоём,
Покинув землю, не роняя чести.

По прихоти сердец решив узнать,
Какой бывает прихоть океана,
Избороздить не только эту гладь,
Но и простор опасностей неожиданных.

Пришла пора мятежная не зря!
Проснулось беспокойное желанье
Самим пройти всё это расстоянье —
От клинописных тайн до букваря.

3

Покой. . .

Оборвалась былая нить.
Зря некий циник, у причала стоя,
Всё уверял, что следует с собою
Им гейгеровский счетчик захватить.

Он говорил: «Ваш риск меня тревожит.
Попытка не нова, хоть и смела,
Вам не уйти. . . Земля вернуть вас может
На тот же берег. Ведь она кругла.

Хотите быть свободными, как рыбы
Средь океанских волн, вне душных стен?
Но счастья не достигнете вы, ибо
Достигнутое счастье — тот же плен.

Ведь так? И это не противоречит
Той истине, что непокой давно
Никто уж одиночеством не лечит,
Что непокоем лечится оно.

4

А время, словно спутник молчаливый,
Сопровождает вас. Вы не одни.
Пусть на земле оставили часы вы,
Но разве вас покинули они?

Ведется счет и лету и весне
По солнечным часам, по тем старинным,
Дням осени туманной — по морщинам,
Холодным зимним дням — по седине.

Часы!

Из их неумолимых рук
Никто минуты лишней не получит.
Под их контролем — давний опыт учит —
Не только встречи, но и дни разлук.

Суровых стрелок ход незрим и тих.
Часы всегда в бессонном карауле.
Подумайте, кого вы обманули
Тем, что с собой не захватили их?

5

Оставьте эту блажь. Сверните флаги.
Как можно жить хозяйке без двора,
Не высказанным мыслям без бумаги,
Бумаге без чернил и без пера?

Нам трудно забывать свои привычки.
Рожденным в наши дни спасенья нет
От кинофильмов, книжек и газет,
Как хворосту от искры иль от спички.

На дне пироги ложе из травы
Вам отучиться мыслить не поможет.
Когда соленым станет ваше ложе,
О чем тогда подумаете вы?

Мир под угрозой. Словно тяжкий крест,
Он всюду счетчик Гейгера вздымает. . . »
Слова забыты. Океан встречает
Двух странников.

Какой покой окрест!

6

Они и даль. Мерцают волны сна,
Блестит стеклом расплавленным вода.
И кажется, что ничего иного
Здесь нет и быть не может никогда.

Кто знает, на каком меридиане,
Заполнив горизонта пустоту,
Вдруг встретился в открытом океане
Им одинокий странник на плоту.

Кто был он — предок их или наследник?
За полглотка колодезной воды
Он рацию сулил — свой шанс последний
Позвать на помощь в случае беды. . .

Приемник тот, что радночасами
Служил, отсчитывая каждый миг,
Что мог от зорких служб береговых
Принять известье — близится цунами.

7

Пусть пьет бедняга пресную водицу.
Они взамен не взяли ничего
Из тех вещей, с которыми проститься
Решили в час отплытья своего.

Они и вечность. Океан и небо.
Здесь каждый должен быть самим собой.
И жажда — жаждой. И вода — водой.
А звать на помощь попросту нелепо.

Желал им счастья в их исканье светлом
Плота владелец. А они ему
Желали, как собрату своему,
Удачи полной в рейсе кругосветном.

И вот на грани неба и воды
Исчез тот странник, волны рассекая.
И сердце сжалось.

О судьба морская,
Избавь его в дороге от беды!

8

Под парусов укрытьем неизменным
Они плывут. И льется синева
С небес в их лодку, где давно трава,
Как на лугу, пахучим стала сеном.

Он для нее матрос и капитан.
Всю жизнь вот так качаться на волне бы!
В ее глазах он видит краски неба,
В его зрачках ей виден океан.

Их сивер обдавал дыханьем вьюжным,
Их колыхал экватор, как своих,
Одно даря им солнце на двоих
На небосклоне северном иль южном.

Земля — обетованная планета.
Здесь хорошо бродяжить морякам,
Из дней зимы выплывая прямо в лето,
Из стужи в зной, теряя счет годам.

9

Так и они. Плывущим в той пироге
Как, по какой примете отгадать —
Прошло полгода, год, а может, пять
Промчалось лет с начала их дороги?

Что им года грядущие, когда
Они свое покинули столетье
По доброй воле, всё забыв на свете,
Рванувшись в первобытные года?

Полундра! Небо шторкою густою
Шторм занавесил — недруг моряка.
Когда покой утратили века,
Как плыть им, руководствуясь мечтою?

На гребнях волн опять зима ревет,
Слепит пурга ладью и человека,
А паруса двенадцатого века
Порывом встречным век двадцатый рвет.

10

Спаслись, ушли от штормовых раскатов
Скитальцы, парусов не опустив.
Но вскинул век, что наречен Двадцатым,
На горизонте грибовидный взрыв.

Смерть излучал освобожденный атом
На много миль вокруг. Зловещий гриб
Стал палачом, стал беспросветным адом
Для шхун рыбачьих, рыбаков и рыб.

Назад, моряк!

Не уходи от шторма,
Укройся под крылами бури той
От бури этой, что взмахнула черным,
Смертельным флагом за твоей спиной.

Назад, моряк, покуда из личинок
Решимости не выполз темный страх,
Тот, что, ведя с рассудком поединок,
Свирепствует на суше и морях.

11

Догнали шторм. Привычной тучи тень
Их вновь укрыла грозовой буркой.
Они, держась за гриву пены бурной,
Два дня блуждали.

А на третий день
Угмонились волны, обессилев,
И, вдруг узрев пустынный островок,

К нему, как щепку, их ладью прибили
И выплеснули тихо на песок.

Ее на сушу вытащив, те двое,
Перевернув пирогу кверху дном,
Вновь расстелили ложе травяное,
Чтобы забыться беспробудным сном.

Ну вот и всё. Мечтаньям и отваге
Нежданый шторм переступить помог —
Без парусов, без мыслей, без бумаги —
Забывтой эры найденный порог.

12

Творится чудо с человеком сонным.
Она проснулась Пятинцей. А он
Был моряком — очнулся Робинзоном,
Всё в мире изменил короткий сон.

Жизнь, как часы, сначала завели,
Из прежней яви взяв для яви новой
Топор, чтобы наладить быт суровый,
Семян четыре горстки — для земли.

Еще с собою прихватила память:
Уменье дом срубить — ведь рядом бор,
Огонь добыть и сколотить забор
Вокруг двора привычными руками.

Да, после бурных и тревожных дней
Пора им сеять хлеб, тесать стропила
И жить оседло. Так она решила.
А Робинзон? А он согласен с ней?

13

А Робинзон в лесу порой вечерней
Вел с незнакомкой странный диалог.
«Как ты посмела наш порог пещерный
Переступить?»
— «А он и мой порог».

«Ты зря пришла. К былым трудам непросто
Меня вернуть».

— «Привыкнешь за столом».

— «Бумаги нет».

— «Отыщется берёста».

— «А чем заменишь карандаш?»

— «Углем. . .

Тебя ж недаром по свету носило.

В пути ты видел тысячи судов».

— «Их превратили в тысячу гробов,
Их взрыв унес, их бездна поглотила».

«Возможно ли привольное житье
После такого зрелища?»

— «Не знаю».

— «А чем ты занят?»

— «Память обновляю,
Чтоб в лук и стрелы превратить ес».

14

«Что может лук? . . Смешны твои мечты
В наш век, когда смертелен каждый промах,
А жизнь со смертью на ракетодромах
Взаимною охотой заняты,

Как смеешь ты в лесу благословенном
Забыть про взрыв, что все леса, насквозь
Просвечивая, держит под рентгеном
Твой лук и чашу, где гуляет лось».

«Зачем пришла?»

— «Тебя лишит покоя».

— «А прогоню?»

— «Явлюсь к тебе во сне.

Кукушкой стану, тенью за спиною
Твоей. Как запретишь ты это мне?»

Он шел из леса, нес в душе тревогу,
Нес память, превратившуюся в лук.
«Ку-ку! Ку-ку!» —

летел щемящий звук

Упрямым продолженьем диалога.

15

«Ку-ку! Ку-ку!» —

звучало, как тревога.

Вал штормовой, раскатист и тяжел,
Вдруг налетел. И он оттуда шел,
Откуда появилась их пирога.
Но вот уже теперь не в океане
Сгустился мрак. И на его экране
За мгlistою завесой эвкалипт
Был высветлен, как водородный гриб.
Метла дождя гнала туманов клочья,
А резкий блеск разрядов грозовых
Слепил глаза.

Как гейгеровский счетчик,
Ловило сердце треск зловещий их.

Шторм отшумел, отбушевал угрозой
И выбросил на сушу этот гул,
Как две пироги, туши двух акул,
Просвеченных его смертельной дозой.

16

И вновь над ясной синевую вод
Два паруса колышутся упруго.
Оставлен дом. Моряк свою подругу
В неведомое сызнава ведет.

Их островок опять необитаем,
А впереди немереный простор.
Молчал моряк. А ей желанным раем
Казался их осиротевший двор.
«Что гонит нас? — любимого устало
Она спросила. — Злобный наговор?»
— «Гроза, что кровлю нашу разметала,
Забор снесла, замусорила двор».
— «Двор подмету, забор опять поставлю
И крышу нашу подниму, поправлю,
Всё сделаю, не пожалею рук. . .»

«Ку-ку! Ку-ку!» —

летел вдогонку звук.

17

«Ты слышишь? Здесь найти мы не сумеем
Покой желанный ни в ночи, ни днем.
Беда нас гонит. Всё же перед нею
Мы паруса тугие не свернем.
Найдем ту пристань, где ничто не станет
Мешать мечтам и гнать полночный сон».
— «А если нас возьмут в глухой полон
Все эти наши смутные мечтанья?»
— «Пускай полон! Ведь и зерно о плене
Не думает в объятиях земли
Иль в закромах?»

Так спор они вели.

Она лежала на примятом сене.

А океан, как мельница, шумел,
Тревоги перемалывал, как жито.
Он отстранял от всех забот и дел,
От суетного быта.

Всё забыто.

18

Да, всё.

И только в памяти пустой
Ворочаются глыбы волн кипучих.

Сливайся вновь со стаей рыб летучих,
С нависшей тучей, с дождевой водой.
Тебя пространство это укачало
Извечное —

 пирога без гребца, —
И чудится, что не было начала
Твоих дорог, не будет и конца.

Перекусила стебель. Он, привянув,
Не лугом — водорослями пропах,
Оставив привкус на се губах —
Соленое дыханье океанов.
Ее не тешит больше пребыванье
Бездумное на лоне волн седых.
Не есть ли это предзнаменованье
Печальных перемен? Времени лихих?

19

Шесть дней молчала.
 На постылом сене
Предчувствиями мучилась она.
А на седьмом внезапно, как спасенье,
Земля возникла, вдалеке видна.

Земля, земля!
 Она плыла, стальная,
Обрубком суши, малым островком,
Безлюдные просторы оглашая
Сигнальным торжествующим гудком.
Земля, земля!

 Взбивал волну винтами
Мир новостей, и книжек, и газет.
Он посылал им с палубы привет,
Он пел, смеялся и махал руками.

Шумливый мир — видение живое —
Вдаль уносил веселую толпу,
На память оставляя за кормою,
Как за гумном, зеленую тропу.

Земля!

Глядела женщина с пироги,
Готовая тоску сменить на смех,
Нелегкий путь на легкие дороги,
На палубы, открытые для всех.

Простерла руки, взглядом провожая
То судно уходящее: а вдруг
Свершится чудо — под ноги судьба им
Стремглав метнет спасательный свой круг?

И с палубы, перехватив усталый,
Молящий возглас этих глаз немых,
Судьба не круг спасательный послала —
Транзисторный приемник на двох.

На горизонте растворился скоро
Кипящий след большого корабля.
Гремел транзистор.

Яблоком раздора
Вновь между ними пролегла земля.

Все новости передает транзистор
Ему и ей. Не избавляет их
Тот мир, что скрылся за чертой волнистой,
От всех забот и горестей своих.

Когда дорога на уста сурово
Кладет молчанья мрачную печать,
Пустою болтовнею прерывать
Не стоит собеседника такого.

Плыви, безмолвье трудное храня,
Лови тревожные уведомленья.
Как спичкам тем от своего огня,
Так от самих себя им нет спасенья.

В пироге, где плывут она и он, —
Смятенье. Третий голос, всюду слышный,
Нарушил их неписанный закон,
Лишил покоя.

Скройся, третий лишний!

22

Спустилась ночь. Но сладостные звуки
По-прежнему лились. Был молчалив
Моряк. Глядел он в небо, подложив
Под голову натруженные руки.

Не так давно он попытался с нею
Поговорить. Но отчужденье лед
Сковал ее. Теперь тоской своею
Он скован сам.

Настал ее черед
Его утешить. Как уйти от лиха?
Тревожно вглядываясь в полутьму,
Она транзистор выключила тихо
И в тот же миг швырнула за корму.

Ну вот. Ушла обида восвояси.
Одна и ночь и лодка на двоих.
Забыто всё в объятиях согласия,
Заботливая ночь укрыла их.

23

Нет, к островку скалистому пригнали
Не волны их, извечной жизни ход
Сюда привел. Она ребенка ждет.
Пришлось проститься с океанской далью.

Пещерное среди прибрежных скал
Пристанище им дал песчаник бурый,
Рогатина и лук — медвежью шкуру,
А лес — дровишек, чтоб очаг пылал.
А зыбку память прочно смастерила...

Но память не могла предугадать,
Что суждено той зыбке гробом стать,
Что первой нянькой будет ей могила,
А пологом почным — тот черный сон,
Которому рыбацких лодок мало. . .

«О, лучше б я сырой землёю стала!» —
Рыдала безутешно мать. . .

А он?

24

Перед могилкой сына, под скалой,
Что высилась, надгробию подобна,
Застыл родитель, как на месте лобном.

А незнакомка за его спиной,
Как тень, стояла. Бесполезно слово
Здесь, где открылся вечности порог,
Где только что закончился суровый
Меж бытием и смертью диалог.

Скала глядела вдаль незрячим оком.
Молчала незнакомка, как скала.
Ушел моряк. Она за ним пошла,
Поникшая, в безмолвии жестоком.

Потом к пироге берегом глухим
Родителей вела.

Но снова в море
Гнала их не она. Их гнала горе.
Она без слов вослед глядела им.

25

Ну что ж, пускай не состоялся новый
Их диалог. Отец и без него
Услышал в крике сына своего
Стон рыбаков, что шел со дна морского.

Спит бедный сын, прижав ладонь к щеке.
Родители его спаслись от взрыва,

Но атомный раскат петоропливо
Настиг ребенка. Тут. На островке.

Не говорил последних слов над ним
Его отец. Он знал, что вся планета
Заброшенное погребенье это
Должна почтить присутствием своим.

Еще он знал: непогребенным людям,
Погибшим в час, когда беда пришла,
Могилей братской этот остров будет,
А их надгробьем каменным — скала.

26

Земля не отрицанье океана.
Она — его скалистая постель.
Следит моряк, чтобы не сесть неожиданно
На каменистый риф или на мель.

От волн не пряча жаркое стремленье
Скорей причалить к суше, гонит он
Пирогую одинокую в район
Цунами, где гремит землетрясенье.
Цунами — гнев земли. С его толчками
Сверяется, как с картой, капитан.

К матернку стремил их океан
На реактивном лайнере цунами.
Он бортовые выключил огни
И все моторы, долетев до цели,
И на берег швырнул, как из купели,
Двух странников.

Но живы ли они?

27

Река несла их лодку без штурвала,
Без весел и стучащего движка:
Цунами полновластная рука
Их в глубь материка передавала.
Бил океан за их спиной в набат,
И к берегам сбегались, им навстречу,

Кварталы городов и толпы хат —
Разноэтажное живое вече.
Над строем этих сомкнутых дружин
Парил на всех полотнищах багровых
Один пароль. Три черных буквы:

с ы н.

Страданием отчеканенное слово.
Из уст в уста переходил сурово
Тот гневный клич — невидимая нить,
Связавшая сердца.

Пути иного —

Нет. Не бывает. И не может быть!

28

Ни к забытию, ни к самосохраненью
Дороги нет. Ведет со смертью бой
Живая жизнь. Изранен шар земной
Двух этих сил взаимостребленье.

И надо людям быть в кругу едином,
Чтоб разобщенность не посмела вновь
Отца лишить отцовских прав, а сына
Сыновних прав на хлеб, тепло, любовь.

Родитель! Мраку свода гробового
Не верь, не верь! Войдя к тебе в родство,
Весь мир земной своим прощальным словом
Оплакивает сына твоего.

Пусть не плитой чугунного литья,
Не скорбью похоронного напева
Оно звенит. Зерном людского гнева
Уходит в землю павшее дитя.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Земля душистой свежестью омыта.
В густой тени горячим летним днем
Они сидят. А молодое жито
Шумит волной зеленой за гумном,
Как за кормою в океане длинный
Кипящий след.

И занят их сынок
Погоней за пушинкой тополиной, —
Она живая, словно мотылек,
Трепещет, хоть лови се за крылья.

А может, это не они, а их
Далекие потомки, что в своих
Чертах обличье предков сохранили?
Кто б ни были они — жива их суть.
Связные человеческого счастья,
Одной судьбы две неразлучных части,
Они извечный продолжают путь.

1968

Одолевая
 наш век суровый,
 Наш срок —
 и малый и безграничный, —
 Людская память
 отплыть готова
 Путем возвратным
 в свой край криничный.
 Край Могилевский!
 Тебя железом
 Смерть засекала
 из жерл Европы,
 Да не смогла —
 заросли окопы,
 А не дороги
 травой и лесом.
 Как в Днепр широкий,
 в шоссе Варшавку
 Тескут тропинки
 живой водою,
 Несут песок
 на траву-муравку
 Глубинной
 памятью-колеєю.
 Там неоглядность
 небес высоких,
 Там Сож и Проня,
 Вихра и Беседь
 Колышут в добрых
 руках-притоках
 Луга, и пущи,
 и ясный месяц.
 Мне б вместе с ними
 весной разлиться,
 Струиться вольно
 из лета в осень,
 С зимой схватиться —
 не торопиться
 К тому причалу,
 куда отвозят.
 Опять под сенью
 своей родною
 Мне жить и верить бы
 непрестанно,

Перед теми вязами
Памятью живой,
Нынешней, которая
Воскресит в словах
Пепел крематория,
Бухенвальда прах».

Нынче я встревоженным
Анстом седым
Возвратился к прошлому,
К берегам родным
С чувствами нетленными. . .
Небосвод кругом
Мне жилища стенами
Служит, пень — столом.
Я ж служу упрямою
В счастье и в беде
Службой той же самою —
Зерен в борозде.
Сею неотступные
Я слова и сны
На кругах загубленной
Вековой сосны.
Бор, иглою хвойною
Прокрутишь на них!
Речью граммофонною
Записей былых
Зазвучит из заметки
Отгудевших бед
Голос острой памяти,
Жизни гулкой бег,
Зашумит свиданьями
На путях утрат.
Под напластованьями
Суетливых дат
Оживет завьюженный
Стужами запал.

Отдыха не нужно мне.
Это — не привал.
Вспыхни, сверхфотонное
Сновиденье, мчи,

Обгоняй зеленые
Прошлого лучи.
Возвращай их беглые
Блики сквозь туман
На страницы белые —
Нынешний экран.

Так включай же счетчики,
Время, и — в полет!
Пусть часы рабочие
Поведут отсчет

Давшим, неотсроченным,
Памятным долгам —
Тропам и обочинам,
Верстам и кругам
Жизни, что не рослою
Вышла в путь большой,
В волнах жита росного
Прячась с головой;
Что листом тетрадным,
Белым, словно снег,
Жаждет с рвением радостным
Свой продолжить бег
Ярый и безбоязно,
Широко шагнуть
В мураву — до пояса
И в хлеба — по грудь...

Ну-ка, время, точные
Счетчики включай,
Мчись дорогой строчечной
В тот далекий край!

ХАТА

С хаты начинается
Свет, что людям люб.

Стар, а не шатается
Над криницей сруб.
Над струей бессонною —
Прадедов труды
С кровелькой тесовою,

С дверкой — для воды,
Чтобы вниз текла она,
Покидая лог,
Словно свет, что из окна,
След, что за порог...

Хату, о которой я
Память берегу,
Я с самой исторней
Сравнивать могу,
С малою державою,
Где непрочный строй,
Где — за краткой славою —
Крах не за горой.
Хата эта ставилась
Перед той войной.
Только тем и славилась,
Что была корчмой.
С гонтом над державою —
Звездами в щелях, —
С половиной правою
Окнами на шлях.
С левою неяркою —
Не жил в ней корчмарь.
Там мужик за чаркою
Пел и плакал встарь...
Сенцы посередочке
С кухней — для шинка...
Загубила водочка
Мелкого царька,
Уходила хилого...
Дом с помнюк хмур.
Тут и откупил его
Мастер-винокур.
Скоро революция
Тишину села
Грозною, ревучею
Лавой залила.
Горем заклеименные,
Миром поднялись,
Разнесли казенную
Винокурню вдрызг.

Так порой кипучею
Вышло наконец,
Что на хату купчую
Приобрел отец.
Мастер взял недорого,
Ставши не у дел, —
Сам он был из города...

А земли надел —
Латка, что бесплодную
При корчме была,
Как земля народная
Даром отошла.

Старый строй пошел на слом,
Новый завсли
В доме шкрабы — мать с отцом —
При клочке земли —
С баней, садом, грядками,
Книжками, тетрадками,
С новыми порядками
Трудовой семьи.

Новых, с новой справою
Принял дом людей,
С половиной правою,
С левой, что темней.
С правой, светлой, чистою, --
В этой жил отец.
С левой —

ночью мгlistою

Там чадил светец.
Там с лучиной жалкою
Дружба круглый год,
С верной самопрялкою,
Черной от забот,
Что гудит, журчит в тиши
Под напевы вьюг...

Матери-учительше
Прялка — первый друг.
Зимними неделями
Выпрядала там
Бороду кудельную
Мать на нитки нам.

Громяхая кроснами,
Ткала дотемна
Из тех ниток веснами
Стежки полотна.
Из беленных досиня
Стежек тех льняных
Нам рубахи к осени
Шила, чтобы в них
В сумерки метельные
Жадно — через год —
Бороде кудельной мы
Вновь глядели в рот.

Осенью полынною,
Долгой ночью, днем
Пахло там овинами,
Током и гумном.

Там, вставая раненько,
Мать в свободный день
Молотила пральником
Жито и ячмень.

Задождит над пущами —
И другой урок
Предстоит: вылушивать
Боб, фасоль, горох.

Половицы битые —
За доской доска —
Там нуждой сосчитаны —
Стонами валька.

Там и в ночь бессонную
Чудилось средь тьмы
Горе, затаенное
По углам корчмы.

Правой половиною
Ведал батька мой,
Чистою — с гостиною —
Стороной жилой,
С тихой боковушкою —
Ночевали там, —
С грубкой, с кладовушкою
Для оконных рам.

Стены штукатурены
Старым корчмарем,
Кровля не закурена,
Лампа над столом.
Граммoфон, что Ленского
Пел, трубу задрав,
Привозные, венские
Стулья, книжный шкаф —
Всё наследье скромное,
Старый скарб жилья,
Как и стены темные
Там, где мать жила,
Где лучша ночками
Жаркою смолой
Плакала над почвами,
Полными водой.

Сени, как положено,
С кухней — посреди.
Ноги о рогожину
Вытри и входи.
В кухне той — с лежанкою
Теплой для детей —
Скатерть-самобранка есть
С миской постных щей.
На харчи скромные
Рта не разевай:
Житница-то скромная —
Могилевский край!
Лапти, свитки бедные —
Все они от нас.
На добытки хлебные
Ездили в Донбасс.

Хорошо б отправиться
В путь и нам с сестрой.
Слышно, месяц славится
Белою мукой.
Из окошка б вылезти
Тихо и — в поход,
Когда месяц выблеснет,
Когда дом заснет.
Звездами отборными
Блещет синева.

Месяц над просторами —
Не один, а два.
Первый, что качается
Над землю, — мой,
А сестрин купается
В заводи речной.
Он через криничные
Луки, бережком
На блинцы пшеничные
Поведет в свой дом.
Рядом речка светится,
Недалечко мост. . .
А от них до месяца
Сколько будет верст?

Печка — жарким сполохом,
Ветер — под стрехой,
Колыбель — под пологом,
Крест — над головой.
Песня самопряльная
На краю села. . .
Хата наша дальняя,
Ты такой была!

в голодный год

Могут шпульки, прядево
И без лампы жить.
Лампа — чтоб тетрадами
Зренья не слепить.
Стоит свет не дешево,
Лампа — лишний рот,
Керосину тоже ведь
Нынче недород.
И торопит строчечной
Тропкою перо
Ленин, озабоченный
Планом ГОЭЛРО.

Не везут из города
Керосин и соль.
На Поволжье голодно,
На Полесье голь.

Детвора бездомная
Бродит... «Выжить как
Без угла укромного? —
Рассуждала так
Мать. — Имеешь с хатою
Всё ж и хлеба кус,
А с двойной зарплатою —
Мыла лишний брус.
Как с бесхлебной думою
Сеять, что ни год,
Вечное, разумное?»

«Только огород,
Сад, хозяйство частное —
Это ж, наконец,
Не занятя классные! —
Полагал отец. —
Зимами суровыми
Думай про косьбу,
Про муку с половиною,
Про коня в хлеву.
В эти дни голодные
Как насытишь ты
Алчные, несчетные
Старой хаты рты:
Жадный жернов — гречкою,
Пчел весной — сытой.
А кормушки — сечкою,
Ночвы — лебедой? ..
Дай квашне — ведь просит же! —
Теста и овчин,
Для зимы и осени
Нащепай лучин.
А для ступы — просо сей,
Грей дровами печь,
Кашею березовой
Баню обеспечь».

Наш отец говаривал:
Я не так, мол, глуп,
Чтоб за миску варева
Рвать работой пуп.
Как все люди, горе мы
Одолеем, мать!

Сын и дочь не хворые —
Постное хлебать.
Ну, а мать встревожена:
Близится беда!
Так насадка коршуна
Чует у гнезда.
Мать с отцом затворятся
По своим углам.
После — снова ссорятся...
Это слышно нам.

И копать нет нужды,
Чей там был почин, —
Для раздора у беды
Тысячи причин.

Кухня. Здесь родители
С нами в ранний час.
Их развел, мы слышали,
Суд.

А как же нас?
Втолковать доходчиво
Попыталась тут
Мама сыну с дочерью
Про развод и суд:
«Заживем по-новому,
Те же все, свои,
Всё под тем же кровом мы,
Хоть и две семьи.
Дом, как был, останется,
Всякого добра
Вдвое нам прибавится.
Будет для двора
Поле нам удвоено —
То-то благодать!
Будет нам позволено
Двух коров держать.
И река молочная
С маслом пополам
Потечет», — пророчила
Наша мама нам.
Тень лежит у глаз ее.
Ждст. А я молчу.

И взамен согласия

Дочка:

«Не хочу!

Не хочу такого я

Масла, молока,

Не хочу двойного я

Хлеба — ни куска».

Слезы градом брызнули,

Пролились на стол.

Так развод не признан был ..

Батя смотрит в пол

И, обеспокоенный,

Вылетел во двор.

После за собою он

Двери — на запор

В половину правую.

Мама — в угол свой.

Занялась, исправная,

Делом — молотьбой

В хате раным-раненько.

И стонал весь день

Под тяжелым пральником

Мамным ячмень.

Ночь... Развел родителей

По углам корчмы

Суд... А в той обители

Посредине — мы.

—

Мать сулила правильно:

Для двойной семьи

С полгектара дали нам

Полосу земли.

Это — не под окнами

Огород и двор —

Хата одинокая

Вышла на простор,

Где ветрами веяло,

Где участок свой

Шагом перемеряла,

Плугом, бороной.

Выходила поутру
Сеять рожь севня,
Подхватила под руку
Мать, отца, меня.
Три шага оставила
Для меньшей сестры,
Чтоб и та добавила
В почву горсти три.
Горсть за горстью отданы
Нами зерна все.
И пробилась всходами
Рожь на полосе.
Встала в поле сызна
Ратников стена,
Снова хату вызвала
На войну она.

Две жнеи на полосу
Выводили рать
Пленных — колос к колосу —
Накрепко вязать.
Северная с полночи,
Холод затая,
Южная на помощь ей
С полудня — жнея.
Руки одубевшие
В стужу у одной,
У другой вспотевшие
В нестерпимый зной.
За одною — голые
Мокрые леса,
За другой — веселая
Света полоса.
У одной: курлы-курлы! —
Журавлиный клин,
И стоят снопы, круглы,
В сетке паутин.
У другой: куга-куга! —
Жизни вечный крик —
Вновь дитя заплакало,
Не уснет на миг.
Попад колкой пожнею
Облака низки.

Наклонились позднюю
Горсткой колоски.
И сошлись путною
Этой серп с серпом,
Просинь — с паутиною,
Солнце — с тусклым днем.
Встретились и сбросили
С плеч свои дары
Жницы — лето с осенью —
Две родных сестры.

Дарит лето осени
Грузный скрип колес,
Чтоб жила без слез она,
Чтоб везла свой воз,
Как хозяйка новая. . .

Повстречались днем
Желтый лист с дубровою,
Желтый сноп — с гумном,
С озерками, реками —
Лен и конопля,
Урожай — с сусеками,
С бороной — земля,
Сеятель — с наградою,
С семенем — севня,
Хлеб горячий — с хатою,
С песнями — семья.

Песни граммофонные
Снова в поздний час
Под трубой зеленою
Собирали нас,
Как напоминание
Вечеров былых,
Где — порой издавнюю —
Напевала их
Мама нам — за пальцами
Или за шитьем, —
Точно как у Вяльцевой,
Тонким голоском.

Граммoфон задержанный
Уставал хрипеть,
Тут-то всей четверкой мы
Принимались петь.
Запевали слаженно
О пловцах речных
С вечною, бродяжною,
Горькой долей их.
Как у солнца с просинью,
У листвы с травой,
Как у лета с осенью,
И у песен свой —
У веселых, жалобных —
Есть круговорот. . .

Пела, забывала в них
Хата про развод.

огонь

С первой зимней стужицей
В поле у реки
Желтым роем кружатся
Листья-мотыльки.
Вьются неприкаянно
Посланцы берез,
Крылья обжигают им
Ветер да мороз.
Сивер карой жгучею
Угрожает им,
Заметает тучею —
Веником седым.

Разгулявшись по полю,
Много дней подряд
Будет с темной опалью
Белый снегопад
За престол утраченный
Вновь вести бои. . .

У житья ребячьего .
Есть круги свои.
Первый круг — завалинку
Шагом измерять,

Осторожным, маленьким,
Ширину в пядь.
Горизонты новые
Видеть, что ни год, —
Заросли терновые,
Баню, огород.
Круг второй — обжитые
Поле, лес и луг,
Речкою омытые...
Школа — третий круг,

У житья ребячьего,
Вольного житья,
На кругах назначенных
Есть свои друзья.
Мне доныне помнится
Наш буланый конь,
Легендарной кошишцы
Ветеран, —
Огонь.

Время шло шумливое
Бурей над Огнем,
Бой махал над гривою
Огненным клинком.

Пели пули тоненько,
Степью шел огонь...
Трех отважных конников
Схоронил наш конь,
Смертью заарканенных
В тот постылый свет...
Трех бойцов израненных
Сдал он в лазарет.

А с последним воином
Угодил и сам
Прямо с поля боя он
В руки лекарям.

Кое-как залеченный,
Жался у стены
Раною отмеченный
Ветеран войны.

Всё ж отец мой встать ему
На ноги помог.
Так буланый за зиму
Хворость перемог.

Снова любо-дорого
Было бы ему
На погибель врагу
Пролетать в дыму.

Что ему лемешная
Сталь, заплатки нив?
Перед строем спешенным
Похвалил комдив
Эскадрон их, помнится...

Как девятый вал,
Заливала конница
Волгу, Дон, Урал.
И ему ли надобны
Плуг да борона?
Вон какая на дыбы
Взвита целина!

По шляхам, где Конная,
Не сходя с седла,
В битвах опаленное
Знамя пронесла,
Нарождались юные
Шумные миры,
Заселив коммунами
Панские дворы.
С фронта в хаты дальние
Люди от земли
Шрамы госпитальные
С гордостью несли.
Сотни сел заждавшихся,
Тысячи дорог
Звали возвращавшихся
На родной порог
С метками вчерашнего
Сабельного дня...

В это время нашего
Навестил коня
Гость, войной не скошенный,
Красный конник.

С ним

Вновь гордиться может наш
Ратный конь одним
Списком послужным:
Тула — Харьков — Крым.

Гостю вольно дышится
И в чужом селе.
Шкварка и яичница
С чаркой на столе.
Со двора отцовского
Конь глядел в окно,
Словно не пил горького
Он вина давно.
И глядел растроганно
На коня боец. . .

«Дружба — дело строгое! --
Пронзес отец.
Объявил решительно: —
Забирай коня!
Конь не для учителя,
Лишняя возня!»
Мама робко вставила:
«Конь — он конь для всех. . .»

Гость заметил: «Правильно!
Взять коня не грех. . .
Кровной дружбой связаны
С ним, я знаю сам. . .
Только ж — мы обязаны:
Я коню, он — вам.
Здесь его кровавая
Рана зажила,
Взять бы взял по праву я,
Да война прошла. . .
Ныне у товарища
Есть и хлев и хлеб,
Аж пока состарится
И пока не слеп.

Пусть живет, работает,
Я его всегда
Взять готов с охотою,
Если вдруг беда.
Дружба — дело строгое...
Вот вам адрес мой...»

И своей дорогою
Гость пошел домой.

А коню неможется
Одному в хлеву,
Бьется и тревожится
Он, презрев траву
Полевую, с росами...
Посреди двора
Тысячеголосое
Слышит он «ура».
Он житье цивильное
Променять готов
На бывшее пыльное
Цоканье подков.
Молниями яркими
Вновь сжигает кровь
Сабельная, жаркая,
Смертная любовь.

.
Не под теми острыми
Саблями скачи —
Эй, буланый, верстами
Наши дни сочти!

Покоряйся выдумке —
Солнце догонни!
Ягоды на вырубке
Облепили пни.

Где-то чибис мается.
Слышишь, дорогой?
Вот и завершается
Нами круг другой.

По столбам заснеженным
Шла и шла печаль.

Нес ее с тревогою
Телеграфный бор
Долгою дорогою
И на школьный двор
Тропкой, через поле,
Добрался до нас.
Ставили мы в школе
Пьесу в этот час.
На премьерe драмы
В зале — стар и мал.

С лентой телеграммы
Бор

втеснился

в зал.

В тишине мгновенной
Тяжко

он

ступал.

Над пустою сценой
Занавес опал.
И от ленты стылой,
Что прислали нам,
Стон прошел по жилам,
Холод —

по рядам,

Как по проводам.
Слышали, сутулясь, мы
Скорбный скрип шагов
На московских улицах,
Где среди костров,
В их багряном пламени,
Тек поток людской
Ленинского знамени
Траурной каймой.
Видели, притихшие,
В эти пять минут
Мы под школьной крышею
Нашей — словно тут
Он лежит, недвижимый,
В угол головой.

И как будто заново
Над его судьбой
Опустился занавес
Тут, в глуши лесной.

Опустел заслуженный
Зал, где от людей
Глухо занавешена
Сцена, а на ней
Нам воочью видится:
В бликах кумача
Гроб незримый высится
С телом Ильича.
Он, храним почетною
Стражей у дверей,
Верною, несчетною,
Пять почей и дней
Будет здесь покоиться...
И его потом
Тропкой за околицу
Тихо понесем
Мы сквозь злые заметы,
Стужу многих дней
В негасимой памяти
Вечный Мавзолей.

Снова флаг над школою
Поднялся в свой срок.
Тишину окольную
Разбудил звонок,
Сумерками ранними
Созывая нас
С сумками и ранцами
На занятия в класс.
Снова та же самая
В зале пьеса шла,
Собирая заново
Зрителей села.

одни

Чей тут был виною нрав,
Нынче не понять,
Не судить, кто прав, не прав,
Нам отца и мать.

За меня и за сестру
Рассудил их суд
В год, когда на хлеб кору
Драл голодный люд.
А как минула беда,
Заявился, строг,
Школьный год — гонец суда —
На родной порог.
Он принес (как листопад
Ветра поздний свист)
Исполнительный на сад,
На хозяйство — лист.
Дети выросли, пора —
Говорилось в нем —
Разлетаться со двора,
Покидать свой дом.
Не выходит вместе жить
На одном дворе:
Мне — с отцом пристало быть,
С матерью — сестре.
Первый раз за много дней
Думала семья,
Как делить коров, свиней,
Хату и коня.
Две коровы.

И одна —
Мне, одна — сестре.
Опалила кабана
Мама во дворе.
Можно просто разделить
Тушу топором
На двоих.

А как же быть
С хатой и с конем?
Не посмеешь огоньком
Подсмолить стреху,
Не разделишь топором
Кровлю на шляху.

Школа видится в окне
Нашем сквозь лесок,
На подворье слышно мне,
Как звенит звонок.

Принимай, Тодоровна,
Сала, круп запас!
И картошки ямину,
Добрый стог сена,
Самопрялку мамину,
Грамофон отца.
Весь, бедой оплаченный,
Скарб семьи моей.
Заживем мы в складчину
С этих самых дней.

Дни былые сгнули
Эхом за селом.
Первыми покинули
Хату мать с отцом:
Увозил со станции
Батьку паровоз,
Маме перебраться я
Сам помог.

Отвез

Поле и дубравую
В школу на коне.

Мать рукою правою
Грустно машет мне.
Тихо слезы катятся
По морщинам щек,
Время на занятия
Ей... Звенит звонок...

Вновь дорогой долгою
Я порожняком
Битыми проселками
Тарахчу с конем.
Едем вдоль березника
В сумрачный рассвет.
Нам с конем-ровесником
По тринадцать лет.
Как нам в суеверные
Годы — вот вопрос —
С кладью непомерною
Волочить свой воз?
Как с бедою справиться,

Ведь не свяжешь вдруг
Цепь, что рассыпается
На глазах, мой друг?

Вот уж я дорожную
Пыль обил кнутом.
Темен настороженный,
Нелюдимый дом.
Почему Тодоровна
Света не зажгла?
Может, бросил двор, она
На село ушла?
Долго шарил сослепу
Я замок дверной,
Словно пил без просыпу,
Словно был хмельной...
Бродит, не кончается
Путь мой по корчме.
Эхом откликается
Каждый шаг во тьме.
Мрак... Подались жители
Кто куда — в отлет.
Вот когда обидели
Кров родной родители,
Вот когда — развод!
Воет ветер тоненько,
Словно бы с покойником
Здесь стоит в углу
Гроб, а по стеклу
Слезы молчаливые
Льются и дрожат —
Будто дни счастливые
В том гробу лежат.
Чую, шапку скинувши:
Над потерей той
Мамин ток с овинами
Стонет за стеной.
С горечью метельною
Прялка нити рвет,
Борода кудельная
Свой скривила рот.
Бьют в стекло горошины,

Плачет дождь в окне. . .
Горьких слез непрошенных
Не сдержать и мне.

ВОСЕМЬ И ОДНА

Током и овинами,
Правой половиною,
Песней самопряльною,
Тишиной печальною
На краю села —
Чем ты только, дальняя
Хата, не была?
А сегодня — разве что
Снится тишина —
Музыкою праздничной
Ты полным-полна.
Не панов наехало
Во хмельном дыму
С песнями, как некогда,
С музыкой в корчму.
Нет! Кружок любительский
Здесь назначил сбор.
Занят ученический
Наш оркестр и хор
Спевкой генеральною. . .
И пошла, пошла
Музыка цимбальная
Эхом вдоль села.
На нее сбегаются
К нам со всех дворов.
Полька исполняется,
И от каблуков
Хата ходит ходором,
Полная людей.
Пляшет Ганна с Федором,
С Зосею Агей.
Не серчай, Тодоровна!
Дом, что с детства люб,
Пригодился здорово
Нам под сельский клуб.

Мне с конем доверены
Двор и клочок земли.

Старый строй — за двери мы!
Новый завели.
В будни здесь и в праздники
Хлопцы-одноклассники —
Верные друзья,
Новая семья.
В долю полноправную
Каждый взят жилец
Половиной правую,
Той, где жил отец,
Левой, предназначенной
Маме — для работ, —
Кухнею, что в складчину
Кормит свой народ.
Заправляло хатую
Правой восемь нас
Хлопцев.
А девятая,
Старшая на класс, —
Левой половиною,
Где с бывлой кручиною
Больше дружбы нет.
Правила и правую —
Делом и забавою —
Всем — в пятнадцать лет,
Та, что запеваю
Нашею была,
Из Князей — из малого,
Бедного села.
Не за родословную,
За красу она
Прозвана любовною
Кличкою — Княжна.
С запевалой нашею
В дружбе школа вся.
Звали ее Сашею,
Санею — друзья,
Пташкою — Тодоровна,
Я — Алесей звал.

Горе — с ней не горе нам,
С ней беды не знал
Дом, как было исстари. . .

Все — картошку чистили
И полы мели
В очередь... Без скуки мы
Службу ту несли.
Благо не безрукими
В семьях мы росли.
Всё свое старание
Отдаем стряпне,
Чтоб почаще с Санею
Быть наедине,
Помогать ей с ведрами,
Ложки, миски мыть
По уставу твердому...
Баню с ней топить
Были мы не гордые —
Дым глотать и горькие
Вместе слезы лить.

Я, Кондрат, Лявон, Панас,
Степка, Казик, Стась, Игнась
И одна — она.
Так и звали люди нас —
Восемь и одна.

Тот — над книгой за столом,
Этот — у окна,
За науку бой ведем —
Восемь и одна.

Стенгазету и плакат
(Неучам — война!)
Издает наш интернат —
Восемь и одна.

То, что нас ее хвостом
Числят, — грош цена!
Знать не знаем мы о том —
Восемь и одна.
Девять нас — один кружок,
Вновь звенит струна,
Вновь поют овин и ток —
Восемь и одна.

Вновь играем польку, вальс
Чуть не довидна
Людам, что прозвали нас —
Восемь и одна.
Я, Кондрат, Лявон, Панас,
Степка, Казнк, Стась, Игнась
И одна — она.

Свежей майской зеленью
Отсветил простор.
Отскрипел качелями
Шумный школьный двор.
Отыграл с бедовыми
Хлопцами в крокет.
Распахнулся новою
Далью белый свет
Нашим семиклассникам.
Отзвенел звонок.
Завершился праздником
Их ученья срок,
Откатился за реку
Майскою грозой,
Откружился парами
В вечер выпускной.

Руки лету вольному
Темный парк простер.
Вековыми, школьными
Липами в простор
Полевой он тянется —
Там в последний раз
С нашей семиклассницей
Мы идем сейчас.
Хор наш на прощанье
Слышен за селом.
Всходит солнце раннее...

С песней мы идем,
С песней о крпниченьке,
Что хлопец копал,
С грустью о дивчиноньке,
Что любил — не взял.

Не в луга поемные
Вышли по тропе —
Взрослой отдаем ее
Жизни и судьбе.
С бубенцами, с песнею
Там, как в старину,
Люди неизвестные
Заберут Княжну.
Тайного, невнятного,
Нам одним понятного,
Горького до дна
Смысла вновь полна
Песня, что вздыханьями
Будит дол и гать...
Нам ли ей признаньями
Нынче докучать?
Пусть с небес веселая
Светит ей весна,
Пусть не вянет молодость,
Как с чужим она
Хлопцем обвенчается...

А ржаная даль
Песне откликается...
На сердце — печаль.
Вывели тропиночки
Нас на битый шлях...
А у той девчиночки
Слезы на глазах.
После — улыбаемся
Ей, а нам — она.
Так вот и прощаемся —
Восемь и одна.

ПЕСНЯ И ЖИНЯ

На поля раздольные
Жаркий день пришел.
Дремлют классы школьные
Ульями без пчел.
С парт и подоконников
Легкою рукой
Час каникул
школьников
Смел за роем рой.

Хата-общежитие
Смокла без друзей:
Разлетелись жители
По округе всей.
Их от скудной складчины
К мамкам под крыло
На блины горячие
Лето увело.

Не спасает чтение.
Долгий день горяч.
Слышен в отдалении
Чайки тихий плач.
Жито полнит шумами
Пустоту дорог. . .
О жнитве подумал я —
Мама на порог.
Пусть, как в дни недавние,
Мне не рваться в бор,
Раков не вылавливать
Из подводных нор,
Сквозь осколок розовый
Не глядеть на свет;
Пусть в душе занозю
Прожитого след,
Но опять угадывать
Счастлив я, что вот —
Мамин серп за хатю
Вновь полоску жнет.

Мама встала затемно,
В рожь вошла, как в лес,
Видно, хочет знать она,
Каково на вес
Золото разбуженной
Полосы былой.
Оженился суженый
В стороне чужой.
Потому, печальные,
Об отце моем
Мы храним молчание,
Как о неживом.
Но когда над нивою
Начало светать,

Мама молчаливая
Не смогла молчать.
Взмыл над пожней раннею
Острый, как серпок,
Древним причитанием
Мамин голосок.
Пригоршнями золото
Загребал напев,
С барщины на поле то
Нынче залетев.
Плакальщицей темною
Гнула песня стап,
Жницей подъяремною. . .
Голод — тот же пан!
Голод, коль не выполнит
Свой она урок,
Ребятишек выгонит
С торбой за порог.
А как выжнет голосом
И серпом загон,
Силу ее с колосом
Напрочь срежет он.

Неприметно синяя
Наступила мгла.
Мама обессилела,
Песнь изнемогла.
Со спокойной совестью
День на сноп прилг.
Рассчитаться полностью
Всечер им помог
С нивой колосистою,
Месяца серпом,
Стежкой серебристою,
Пожнею-ковром.

Ожепился суженый
В стороне чужой. . .
Не были остужены
Незадачей той
Светлые, горячие
Летние деньки. . .

Тленню и старости
И карге с косой
Брошен вызов яростный
На жестокий бой.
С верою бесстрашною
Повела душа
Белоснежной пашнею
Плуг карандаша.

Что ж ты машешь гривною,
Вслушался, притих,
Конь мой? ..

Это гривною

Ходит с ветром стих.
Босоногий, росится
В жите — вымок он.
И в бессмертье просится...
Вместе с ним, мой конь,
Мчись тропинкой новою,
Что во ржи бежит!
Выскри подковою
Молнии из плит!
Смерть не смеет жерновом
Легендарный шлях —
Ритмами просторными,
Тропами неторными
Жить ему в веках!
Ты лети депешею,
Конь, в грядущий день! ..

Стих — призванье вешнее,
Первое и вечное,
Долгое, как тень.
Поспешал с волнением
Утренним, живым
Бороздой весеннею
Я за ним, за ним
В теплый день, и ветренный,
И в слепом снегу,
Сея горстью щедрою
Слово на бегу.
А теперь неровною
Ходит целиной
Сам с севнею полною

Стих за мной, за мной.
Длинная, темнеется
Тень вдоль борозды,
Всё спешит отсеяться
До ночной звезды.
Как звезда подымеется
Да приляжет день —
Сеятель обнимется
С ночью, с тьмою — тень.

Может быть, не нивою
Новый день земной
Встретит их, а книгою
Каменной — плитой.
Пусть!.. Я дню лемешному,
Выкладке бойца,
Как призванью вечному,
Конному и пешему,
Верен до конца.

ДОСТОЯНИЕ

Мшул год.
Отлетная
Подошла пора.
Вылетай, свободная
Птица, со двора!
В чем тебе, отеческий
Дом, помощник я?
Долею студенческой
Стала и моя
Доля долгожданная...

Ты ж имеешь, дом,
Место постоянное,
Свет, что за окном,
Родословье гордое,
Деревянный век,
Назначенье твердое,
Будто человек.

Хата с хлевом, с банею,
Сад и городьба
Смолкли в ожидании,

Хатою и пунею,
Светом из окна.
Разве здесь коммуною
Восемь и одна
Не жили? . .

Не купится
Свет, что был мне люб,
Шлях, где с ветром крутится
Легкой пыли клуб,
Лес с густыми кронами,
На припеке пень,
По стеклу оконному
Туч летучих тень,
Швачкою-машиную
Пройденный прокос —
Зерен пуповиною,
Правой половиною,
„Левой половиною,
Всей своей судьбиною
К ним я здесь прирос.
На рубли измятые
Можно ль их смесить?

Что мне делать с хатою? --
В письмах пишет мать
И советы дельные
Подает юнцу. . .
Хроника семейная
Подошла к концу.
Летопись оборвана
Волей перемен. . .
Принимай, Тодоровна,
Нерушимость стен!
Твой он — двор с воротами,
С банькой в стороне,
С хлевом и заботами
О моем коне.
Вспахивай с ним полосу,
Скашивай лужок. . .

И пешком и поездом,
Как приспеет срок,
На побывку стану я
Прилетать весной,

Как летит из-за моря
Лист молодой.
Чтобы — не именис,
Не добро стеречь, —
Чтобы от забвения
Песню ту сберечь,
Что с гнезда не сорвана...
Вот и припасай
Место мне, Тодоровна,
А теперь — прощай!
С вечным достоинством
В сердце молодом
Еду.

До свидания,
Старый отчий дом —
С лугом, садом, банею,
Плугом и конем,
Что везет с пожитками
Расставанья грусть
На железный, ниткою
Вдаль бегущий путь.

Над рекой за пущами
Прошумит состав,
Как в работу пущенный
Мельничный постав.
Мелют рожь далёко там,
Деревя гудят,
Словно с грозным клетотом
Дышит водопад,
Облаками дымными
Падая с вершин,
Затихая ливнями
На листве осин,
Растянув по звездному
Небу длинный след...
Мне кассир, как взрослому,
Выдает билет.
Богатырской глоткою
Паровоз орет,
К станции с короткими
Вздохами ползет,

Он громадой черною
Встал на пять минут.
Конь мой и Тодоровна
Онемели тут.
И к седлу вагонному
Протолкался я,
Прыгнул смелым конником
На коня с коня.
Двинулся со вздохами
Шумный водопад,
А земля за окнами
Поплыла назад,
Желтая, зеленая,
В красках сентября. . .
Наблюдал бессонным я
Взглядом дикаря,
Как быстрее поезда
Прожитые дни
Мчались пулей, с посвистом
И в лесной тени,
Там, за небосклонами,
Таяли на нет,
Словно пыль взметенная,
Словно дымный след.
Мимо — ширь безлюдная,
Скошенная рожь. . .
Конь мой! — в дело трудное
Запряженный дождь,
Жернова могучие,
Пущенные в ход,
Что влекут под тучами
Груз людских забот.

Конь! Стальными рельсами
День и ночь греми,
Пронеси над реками
И меня с людьми.
Всплыл туман над пахотой. . .
Рысь, карьер, галоп. . .
Путь наш, в даль распахнутый,
Тот же Перекоп!
Ты ответь, встревоженный
Конь железный наш,

Кто там, пулей скошенный,
Упадет в Сиваш?
Сколько душ в кровавую
Бездну на войне
Канут с громкой славою?
Что ты прочишь мне?

Мчал вперед неистовый
Жаркий паровоз
Со звездой лучистой
На груди, и нес
Он сквозь дни кипучие
Беспокойных лет
На вопросы жгучие
Гулкий свой ответ.

ГОРОДОК

Закрывать не стану
Я тетрадь до срока...
Нет!.. До океана
Нам еще далёко.

Стелется под ноги
Молодости свиток
Ниткою дороги,
Сменой дней избытых.

Губы жжет с восхода
Жаркой жажды пламя,
Гонит сон работа,
Беспокоит память.

Нетерпенья ярость
Хлещет в хвост и в гриву,
Беспощадна старость
К юному порыву.

Все его пятнадцать
Тысяч суток круглых
Катятся, дымятся
На горячих углях.

Долгая дорога...
Точку ставить рано.
Нет!.. Еще далёко
Нам до океана.

Тронут лунным шпеем,
Над рекой притих
Городок, что имеем
Не дается в стих:
Мстиславом, Амстиславом —
Как ни нареки,
Втискивай не втискивай —
Лезет из строки.
Ну, как есть — кавказская
Горная пчела,
Та, что лаз в парнасские
Ульи не нашла.
А ведь жаль!.. С пчелиного
Мог бы хоботка
Бард добыть былинного
Меду для стиха.
А когда бы к нам еще
Из кромешной мглы
Вышел он на Замчище,
Глянул на валы
Да на башни строгие,
Где гремел набат, —
Захлебнулся б строками,
Словно ветром, бард.
Дни воспел бы ратные,
Где иной удел —
Место незаштатное
Город тот имел,
Рвы, мосты подъемные —
От лихой беды,
Терема и темные
Под землей ходы,
По которым веснами
Пробирался сам
Князь на встречу с соснами,
Папоказ борам.

Нас же вел не мрачными
Норами подземными

Город этот с башнями
И валами древними.
Вел он нас колонною,
В одиночку, парами
Улицей Червонною...
Волновал не старыми
Летописи буквами,
Хроники узорами —
Радиопобудками
И электроторями.
Зимними потемками
Сквозь снега несметные
Вел он нас с путевками
В хаты беспросветные.
Он не декларацию,
А задачу времени
Ставил —
ликвидацию

Вековечной темени,
Той, где были б крестики
Письменами нашими,
Если б не воскресли мы,
Если б злыдни княжили.

Город переменами
Полон невоспетыми:
Техникума стенами,
Техникум — поэтами.
Может, не по вкусу вам
Слово? Громко сказано?
Пусть!.. Оно не с музою,
А с эпохой связано.
Местные издания,
Залежи газетные
Шевельни — и давние
Строки их заветные
Хлынут в изобилии,
Оживая заново;
Запестрят фамилии
Василя Багряного,
Янки Бурепенного,
Михася Бессменного —
Жаждалось из тленного
Сердца искры высечь им...

Тысячи их, тысячи!
Выходцы из племени
Юного, весеннего
Ринулись из темени
К свету вдохновения.
Пусть хранят наивные
Строки «молодняцкие»
Тайники архивные —
Их могилы братские;
Пусть во тьме теряется
Тех стихов процессия...
Смысл, что в них скрывается,
Выше, чем поэзия.

Что за чудо чудное —
Стать творцом печатного
Слова, пусть приبلудного,
Пусть не очень внятного;
Пусть оно вчера еще
Примелькалось лысиной —
Ходит начинающий
С ним, как с торбой писаной.
И его на травушке
Под кустом черемухи
Он читает Клавушке...
И, прощая промахи,
Та с восторгом слушает
Строчки неумелого
Пастуха из Грушина,
Кастуся Ременного.
Дружит, зная, недаром он
С лучшими поэтами —
Городишка старого
Новыми приметам.

Юлий Гомон!..

Этого

Эпика и лирика
Знала как отпетого
Нелюдима-схимника
Городская улица...
Узнаешь мечтателя!
Как монах, сутулится,
К миру невнимателен.

Что ему обочины
С разными искусами?
Ходит, озабоченный
Разговором с музами.
Голова опущена,
Воротник расхристанный,
Губы, как у Пушкина, —
Продолжатель истинный.

Яркие, заметные
Галстуки и запонки —
Вот штрихи портретные
Дмитрока Притапенки.
Этот лирик, стежками
Потайными рыская,
Скачет за девчонками
Рысью. Кровь ордынская!
Лик — раскосой башнею,
Глаз бойницы колются,
Он имеет с важною
Надписью от Коласа
Книжку. Без сомнения,
Было б грех — народному —
Дать благословение
Рифмачу негодному.
Третий из читателей
Кастуся Ременного
Парень был мечтательный,
Дара несомненного,
Как считала Клавушка.

Эх ты, слава, славушка!
Я, тобой услышанный,
В ряд поставлен с лучшими
Трубачами с Минщины,
Полотчины, Слутчины.
Может быть, с журнальною
Годовою подпискою
В глушь домчится дальнюю
Стих, Дудой подписанный.
Хоть он скуп деталями,
Хоть не блещет искрами,
Гранями хрустальными,

Знай, стреха неблизкая, —
Он тобою выращен,
Выхлестан лещиною,
Зачарован игрищем,
Закопчен лучиною! . .

ПАРИЖ И ВЕРСАЛЬ

Над Вихрой прозрачной
Городок далекий,
Сам собой невзрачный,
Да размах — широкий.
Он назвал, не скрою,
Выдумкой богатый,
Может, и нескромно
Наши интернаты:
Стал один — Парижем,
А другой — Версалем.
Не в ущерб престижу,
Что они снискали,
Он их полноправной
Волею законной
Разместил на главной
Улице Червонной,
Улица, как слава,
Флагами алела:
Сам Версаль — направо,
Сам Париж — налево.
Ну, а что до Сены —
Поищи по свету! —
Лучше ей замены,
Чем Вихра, и нету.
Чистая, что око,
Плещет работяга,
Моеет грунт глубоко,
Чище Сены всякой.
Шуки в ней несчетно
И плотвицы — сила!
Сколько б безработных
Парижан кормила.
Им бы манной с неба
Показалась рыбка, —
Кризис там свирепый
И стихия рынка.

Этак рассуждали
Мудро я и Клава,
Что жила в Версале —
Том, что был направо.
Выбор тем бессчетный
В беспредельных даях, —
Мы ж как бы зачеты
В очередь сдавали. . .

Над заснувшим городком
Сонмы звезд теснятся. . .
Тротуар дощатый. . . Дом
С номером шестнадцать.
Так и вижу наперед —
На пороге дома
Рта открыть мне не даст
Строгий Юлий Гомон.
Что, мол, по боку стило,
Рифмы и размеры,
Сам, как будто помело,
Подметаешь скверы?
Не останься без порток —
Глупая забава.
А Притапенко Дмитрок
Поглядит лукаво.
Ты б, мол, зря не огорчал
Юльку в самом деле,
А свиданья назначал
На святой неделе.
Ты и вправду чумовой —
Позабыл некстати,
Что из Минска мы домой
Нынче в ночь прикатим.
Позабыл про наш вояж —
Странная повадка.
А ведь с нами и твоя ж
Ездила тетрадка!
Дом! . . Сердечной дружбы дар,
Гомон и Притапенко.

Дом. . . Легла на тротуар
Яркая проталинка.
Это светится окно. . .

Тучей папиросною
В нем друзей заволокло
С их беседой позднюю.

«Как дела?»

— «На все на сто...»

— «Есть добытки ценные...»

— «Что ни двери, что ни стол —

Скупщики отменные».

— «Погоди-ка, а итог?»

— «Сам Хадыка нас, браток,

Принимал накоротке».

— «А каков Хадыка?»

— «Белобрысый, трость в руке,

Чуточку зайка.

Не цеплялся к пустякам,

А единым росчерком

Он дорогу дал стихам,

Отослал наборщикам.

В том числе твои, Дуда,

Есть, сказал, живинка.

Только вот — одна беда,

С подписью заминка.

Издавал бы под своим,

Рвал бы, мол, с забавами.

Пусть строка —

не псевдоним —

Пахнет теми травами.

Так не только, брат, на твой

Счет сурово сказано.

Упрекал нас, что с землей

Связи не завязано.

Говорил, порой у нас

Стих как пепла тленье.

Меньше б в нем горелых фраз,

Больше бы горенья.

Грей, сказал, былинку —

Строчки стебель тоненький.

Добывай живинку,

Режь —

сорняк риторики».

Городок далекий,
Юности пенаты,
Он размах широкий
Дал мечте крылатой.

Сердце закаляли,
Высоко испаривши,
Что — в своем Версале,
Что — в своем Париже.

С интернатской койки,
Из любимой книжки
Мы Париж далекий
Видели, как с вышки.

По его кварталам
Наших дум отряды
Пронесли алый
Стяг на баррикады.

Там взошло зарею,
Манифеста словом
Дело, за какое
Мы на смерть готовы, —

Что порою вешней,
Под зарею юной
Стало нашей песней,
Мы — его Коммуной.

Дом шестнадцать... По ночам
Свет горит нескучно.
Та же тема: как друзьям
С жизнью связь нащупать?
Гулок техникума свод —
Всюду тишина там.
Разлетелся весь народ
По отцовским хатам.
Как же мне? А как же им,
Хлопцам, озабоченным
Нынче замыслом другим —
Планами рабочими?
К маме в школу их с собой
Взял бы я на лето.

Только — где тут связь с землей,
Нового примета?

Угол есть, что я своим
Верным сердцем слушаю,
Где напет мой псевдоним
Дудкою пастушьёю.
Там есть хата, где я рос
Под стрехой замшелюю.
Я ведь с ней три года врозь
Прожил — вечность целую.
Торопливые года
Мчатся, не воротятся...
И понятно, что туда
Снова сердце просится.

С жизнью связь такая
Подойдет, поди-ка...
Землю предлагаю
Хлопцам, как Хадыка.
Минский? Нет! Живущий
В Коласа поэме.
«Двинем, хлопцы, в гущу,
К той глубинной теме.
Жить вам без порухи,
Быть вам дударями,
Пусть едят вас мухи,
Мухи с комарами!
Добывать вам опыт,
Пить вам из ведерца,
Не олады лопать,
Спать, где доведется.
Ноги окровавим
Там о ребра леса,
Стеклами в канаве,
Камнем и железом».
Вкус такой житухи
Хлопцы знают сами:
«Пусть едят нас мухи,
Мухи с комарами!»

.

Пыльный шлях, как свиток, лег
Полём, лесом, кручею.

Путь один трем парам ног
Выпало раскручивать.
Докатился гул глухой, —
Молнией слепящею
Где-то лес сечет сухой,
Пыль метет над пашнею.
Как поэт сказал бы нам:
Голые и босые
Танцевали тучи там —
Девки чернокосые.

СМОТРИНЫ

Перешли три пары ног
Мост...
Тропой надежной
Вышел к детству на порог
Возраст молодежный.
На завалинку присел,
Ковырнул песочек,
Будто выкопать хотел
Золотой следочек.
И к поляни голубой
Тихо наклонился,
Духу горечи былой
Молча причастился.
Возле двери отдохнул...
И, с собою сладивши,
Перед хатой с глаз смахнул
След нежданной слабости.

Показался низким вход,
Печь на диво низкой,
Тот косяк, где каждый год
Отмечался рисккой.
Встал он к ним — к челу чело, —
Как судья к свидетелям.
Да!.. Уже переросло
Время те отметины.

.
У кустов дорожный прах
Путники стряхнули
С пиджаков своих. И — трах! —
В речку сиганули.

Из воды, как новые,
Вылезли, готовые
На осмотр земли
Той, куда пришли.
Ты за стол, Тодоровна,
Приглашай людей —
Пёр пешком из города
Дружный наш лицей!

Мы осмотр наметили
На́ вечер.

А днем
Лето под поветями
Нас сморило сном.
Тут и думать нечего —
Отсыпайся знай.
Спали б так до вечера,
Кабы не Дунай.
Хватки подзаборные
Обретя щенком,
Не оставил — вздорные —
Их и взрослым псом,
Не исправил норова...
Сядет — гав да гав!..
Хоть и брешет здорово,
Но, конечно, прав.
Гав да гав! — от ярости
Аж трясется хвост.
Гав! — пора на яр идти,
Гав! — пора на мост.

Вот и мост, где ныне
Будет, как известно,
Встреча по причине
Нашего приезда.
Вечеринка будет
На его платформе
Людная — по сути,
Звонкая — по форме.

Форму на баяне
Исполняют с жаром,

Ну, а содержанье
Есть у каждой пары.
Знал я всех в округе
По подворьям смежным,
По одной дерюге,
По кострам ночлежным,
По несчастью, счастью...
Как в былую пору,
Мне смеется Настя,
Тычет в бок Ходора.
С Павлом и Якубом
Занят разговором.
Мост нам служит клубом,
Как в былую пору.
Клубом у излуки,
Клубом под ветрами...
Пусть едят нас мухи,
Мухи с комарами!

Не мастак в танцульках,
Деликатным тоном
Скромный Гомон Юлька
Говорил с Антоном.
Хоть для тракториста,
Плясуна лихого,
В интервью том смысла
Не было большого,
Но ведь — гость! И как там
Утерпеть ни тяжко,
Отвечаешь с тактом,
Как посев, как вспашка,
Сложно ль непокорным
Управлять «Монархом»?

А Дмитрок проворный —
Тот не слыл монахом.
Изучал Ходоры
Строгие детали
С опытом, который
Танцы позволяли.
А она, как знала,
На колени села.
«Ночью, — зашептала, —
Приходи на сено».

Пусть не искушает
Это приглашенье
Тем, что обещает
Ночь иль две на сене.
Просто в здешнем месте
Был такой обычай,
И ничем он чести
Не грозил девичьей.
Был девчатам нашим
Только тот и нужен,
Кто мог быть им стражем,
Кто мог стать их мужем.
Ну, а тот, кто слишком
До девчат охочий,
Лестницею с вышки
Мигом загрохочет.

Гулким клубом, под каким
Речка словно стеклышко,
Да под дубом вековым,
Где укрылось гнездышко,
Школьным парком, через гай,
Дружелюбный пес Дунай
Вел моих приятелей,
Молодых писателей.
Здесь полмесяца одним
Днем веселым прожито.
Здесь всего хватало им —
Нагостились досыта.
Одаряли, не скупясь,
Их поля просторные,
Вечер потчевал их всласть
Песнею Тодоровны.
Той, что реченькой течет,
Под вербою плещется.
Ночка — сеном, а еще —
Чтоб ей треснуть! — лестницей.
На весь век, а не на год
Хватит хлопцам трапезы.
Словно жбан вина — блокнот
Распирают записи.
Тем добытых целина
Забушует по ветру!

Вон, пыхнув дымком, одна
Вышла в поле поутру.
Вон — вторая вслед за той
Повела бороздочку,
Вместе с дедовской межей
Подняла полосочку.
Кто-то там, держа штурвал,
Кличет с поля хлебного:
«Приезжай на сеновал,
Дмитрочок! Не гребовой!»
Это крошки со стола
Шустрая Ходорочка,
Как сорока, разнесла
По своим задворочкам.
Пусть потешатся — не страх!
Смех девичьих выщечек
Не заглохнет во дворах
Их блокнотных книжечек.
Я — рукой, хвостом — Дунай,
Стоя под сосенкою,
Помахали им. Прощай,
Час гошенья звонкого.
Вот и лес поймал их шаг
Щупальцами голымя.
И пошел звенеть в ушах
Он — кукушки голосом.
Пожелал он всей душой
Ото всей окрестности
Долгих верст — дороге той,
Записям — известности.

Годы беспечальные
Прочили березоньки. . .
Долгие, прощальные
Бились в сердце отзвуки.
А они не ведали,
Что в годах, им выпавших,
Жизнь их скрутит бедами,
Впишет в книгу выбывших, —
Не печатным столбиком,
Памятной отметкою,
А песчаным холмиком,
Безымянной веткою,

Что навек отпущены
Им под сенью зыбкою —
Не судом кукушкиным,
Не ее ошибкою.

У кого — не краткий век,
У кого — комета.
Человеку человек
Друг — не шутка это.
Канул друг за окоем
Искрою мгновенной —
Загорись его огнем,
Стань звездой нетленной.
А как следом за одной
Искрою — вторая. . .
Пусть горит звездой двойной
Верность, не сгорая.

Отыщи тот уголок
Ты в краю бесплодном,
Где упал их уголек,
Камнем став холодным.
Жалкий прах с него стереть
Не забудь тогда ты,
Чтоб навек запечатлеть
Краткой жизни даты.
А не сыщешь, где покой
Обрели бессрочный,
Забери под камень свой
Ты их в час урочный.
Рядом с именем своим
На одном граните
Место ты оставь и им. . .
Только так дружите!

КНЯЖНА

Скоро времечко летит. . .
Новая забота
Так и тянет, как магнит,
Нас в свои ворота.
Сколько их, друзей былых,

Штамп почтовый — Ленинград.
Поделиться новостью
Отправитель с вами рад —
Сдал зачеты полностью.
Поступил он в комсомол —
Черточка не лишняя...
Вот — отправленный зимой
Лист... прогулка лыжная.
Вот — весенний... культпоход...
Выход на субботники...
Минет год — и ей черед
В школьные работники.
День за днем, за вестью весть
В письмах сообщается...
Дальше, дальше... так и есть!
Обо мне справляется.
Обещается Княжна
(Новость — и немалая!),
Что к Тодоровне она
Вскорости пожалуйет.

Дни летят, как дым костра,
А ее всё нету...

· · · · ·
Что ж, коль так —
Сама гора
Двинет к Магомету!

То селеньице Князи
Ближе, чем Австралия.
Встречу дядьку: «Подвези
Поля магистральями!..»
А не встречу — не беда,
Горевать не буду я!
Первый мой рубеж — вода
С мельничной запрудой.
Море ржи перегребешь,
Что под ветром пенится,
Ну, а там леском дойдешь
Прямо до селеньица.
Доберешься за полдня
Смело — так кумекаю! —
Без попутного коня
С дядькой и телегою.

Шаг умерь. С дороги слазь.
Проходи деревнею.
Что ни хата, то и князь
С родословной древнею.
Савка Князь — всю жизнь копя
Не имел желанного.
Князь Андрей, его родня, —
Стебля конопляного.
Князь Кузьма — ни швец, ни жнец —
Знаменитый дудочник.
А Княжны моей отец
Лесником был тутошним.
Не был князем Князь Тарас
Даже в сновидении,
Ну, а дочь его звалась
Сашей — от рождения.

Так встречайте же меня
Шумом, лес и мельница!
В одиночку нынче я
Выбраться намерился
На побывку в новый свет,
В полосу бессонную!

А навстречу Магомет —
Сам своей персоною.
Так сошлись среди двора
Раннею порою
Магомет с горой, гора
С ним, мечта — с мечтою.
Лишь короткий миг сплестись
Руки не решались...

Как друзья мы обнялись,
А поцеловались
От нежданности такой
Так, что аж подернуло
Краской окна хаты той...
«Что она, Тодоровна?»
— «Караулит старый сад,
Тот, что третий год подряд
Арендует Ленинград...
Спелых яблок — горы там!
Может, сходим, поглядим?»

— «Погоди-ка. Я не к ним,
Я к тебе с визитом —
Где леском, где житом...
Что дивишься?..»

Как Дуда

Навещал с друзьями
Сень родимого гнезда,
Слышно за борами.
Просто зависть забрала —
До чего же здорово!

Появилась, позвала
Нас к столу Тодоровна.
Чем кормить нас, чем поить? —
Носится чумная.
Где нас вместе усадить,
Уложить — не знает.
Наплывает ночи тень...
Стелют руки быстрые
На двоих одну постель,
Как водилось исстари.
Только тут ведь — выбор наш.
Нам под небом звездным
По душе как раз шалаш
В том саду колхозном.
Самолично Ленинград
Хочет в ночь такую
Сторожить со мною сад,
Тот, что арендует.

При ночлежном костерке
Давними друзьями
С ней сидим — щека к щеке,
Кружатся над нами
Искры, падая в кусты...
«А скажи-ка, помнишь ты
Песню о криниченьке,
Что хлопец копал
С грустью о дивчиноньке,
Что любил — не взял?..»
— «Как забыть? Не стерся след.
Помню. Жито, сосны...
С песней той тебя мы в свет
Провожали взрослый».

1 — «Восемь было вас в тот час:
Ты, Кондрат, Лявон, Панас,
Степка, Казик, Стась, Игнась».
— «Ты была одна...»
— «Так и звали люди нас —
Восемь и одна.
Вы тревожились тогда,
Что разлука навсегда,
Что — лишь выйду в свет чужой —
Поминай как звали...»
— «Нет, не этот был настрой —
Счастья мы желали!..»
— «Не криви душой, Дуда,
Были в ту минуту
Ваши слезы — не вода.
Я их не забуду
До останешнего дня,
До чёрты конечной...
Не тревожься за меня,
Спутник мой сердечный.
Я всё та же, погляди,
Я такой осталась...»

И она к моей груди
Жарким лбом прижалась.
А во всей вселенной тишь —
С полюса до полюса.
Я молчу. Притих, как мышь, —
Шевельнуться боязно.
«Мир тот взрослый... Пальца в рот
Не клади — покаешься!
Мы ж с тобой — иной народ,
Мы с тобой пока еще
Не забыли школьных лет.
Говоря по совести,
Хорошо с тобою! Нет
Ни тревог, ни горести.
Я такая, как была,
Я другой не стала,
Я, как друг, к тебе пришла...
Вот и всё сказала!»

Вышли утренней порой,
Днем святой недели.

И друзья со мною там...
Как сказала б Клава:
Не сидится гусярам.
Эх ты, слава, слава!
Там, среди густых садов,
В переулке скромном,
Приглянулся тихий кров
Гусярам бездомным.
Тротуар, хотя и был
Шатким и дощатым,
В перспективе выводил
К сборникам печатным.
В мир большой из тесных стсп
Неотступно влек он
Жаждой вечных перемен,
Светом тысяч окон.

Шумный Минск, где шло житье
Со стихами рядом,
Переписку вел с ее
Людным Ленинградом.
Слышно было за любой
За ее строкою,
Как трепещет осень той
Летнею листвою.
Мне в метели и в мороз
Ветер нес почтовый
Грохот мельничных колес,
Аромат садовый.
А весной внезапно стих
Ветер тот —

из сада
Не вручал листов своих
В руки адресата.
Не летел с почтовиком,
Не спешил, как прежде.
Отгремел весенний гром...
Писем нет — хоть режьте!
Сам про всё ей написал,
Не тая секрета,
И обратный указал
Адрес.

Адрес лета.

Всё там, словно год назад:
Школа, хата, речка, сад.
Вижу, ставши на порог,
Приглядевшись зорко,
Стол, конверта уголок
Под льняной скатеркой.
Прочитал.

А тем же днем,
Но не свадьбы ради,
Мне, Якубу с Павлюком,
Словно некогда в ночном,
Лес прием наладил.
Разложил он костерок
Под зеленой кровлей,
Нам яичницу испек
На своей жаровне.
Три пол-литра на троих
Спрятал под колоду.
Мы, признаться, доз таких
Не пивали сроду.
Слушал дуб, нагнувши сук,
После первой склянки,
Что Якубу плел Павлюк
Про свои гулянки.
Каждый хвастал — смех и грех! —
Пред его ветвями,
Что, мол, трактор — лучше всех! —
Водит он полями.
Ну, а я? .. Как будто в рот
Я набрал водицы.
Хмель, наверно, не берет —
Не могу забыться.
Тут опять подносят мне...
После новой дозы
Закачались в вышине
Ласково березы.
Мне б теперь поговорить,
Пошуметь с борами,
Как тут весело гостить
Было с дударями.
Пусть бы вспомнил вечный дуб,
Как друзья встречаются.
Только Павел и Якуб
На глазах меняются.

Помрачнели братья враз —
Что им дуб замшелый,
Что им этот лес сейчас?
«Хата, брат, сгорела?»
— «Да... Пошла на дым с золой,
Еще дедом рублена».
— «Хата, хаточка, грозой
Ты навек загублена».
— «Батяка помер... С давних пор
Всё на нас возложено».
— «Хаты, хаты, — слышит бор, —
Новой не заложено».
— «Мать с печали — что зима,
Мы — ее кормители».
— «Есть венцы... стрехи нема...
А чем будем крыть ее?»
— «Как же, как нам быть одним?» —
Плачут, аж кончаются.
По корням по вековым,
По земле катаются.
Вторит эхо: «Как нам быть
С погоревшей хатой?»
Как им быть?

А как же быть

Мне с моей утратой?
Так и есть. Пришла беда,
Встала надо мною.
«Ты не жди меня, Дуда,
Это всё — пустое...
Навалился бурелом —
Ветер жизни взрослой,
Загудел по лесу гром,
Задрожали сосны.
Он тропинки встреч былых
Завалил деревьями,
Не пройти мне больше их
С песнями душевными,
Не уйти из пуши той...
Жизнь — она поистине
Не картошка, что с тобой
Мы когда-то чистили...»
Так вот. Что ж? Иди смелей!..

Ну, а я — дорожкой
От дверей и до дверей
Со своей картошкой.
От светла и до светла
С моего села...
Так сказал бы, каб пришла.
...И она пришла.

Тех же звезд ночная стыдь,
Сад, шалаш тот самый...
«Я пришла поговорить...»
— «Ты ж выходишь замуж.
Ты, наверно, с женихом
Погостить на лето
Прикатила в отчий дом?
Правда?»
— «Правда это».
— «Что тебе до моего
Тихого причала?
Как ты в этот свет с того
Выход отыскала?
Для чего опять ходить
Тропкою былою?»
— «Чтоб меня не мог забыть
Ты, простясь со мною.
Стану я стареть, седой
Стану, неказистой...
Пусть! Но только бы не в той
Не в криничке чистой.
Я в глазах ее такой
Молодой, как ныне,
Быть хочу назло лихой
Старящей судьбине.
Что милей тебе: ряды
Строчек с их гореньем
Иль мое старенье?»
— «Ты
Со своим стареньем!»
— «Будний быт, поденный труд
И семья — не так ли? —
На чернила изведут
Весь твой пыл до капли.

Станешь сам не мил себе,
Будет всё постыло...
Нет! Огонь, что я тебе
В душу заронила,
Не гаси! Лети моей
Птицей над землею!..»

Так я долгих пять ночей
Говорил с собою.
То растет, как снежный ком,
То горит, как рана,
Эта боль, что мне с письмом
Послана неожиданно.

Как я ждал ее!.. Не ждет
Так голодный пищи!
Ждал, что, может быть, исход
Тем словам отыщет,
Что в письме в прощальный час
Высказать не смела.
Неужели ей до нас
Нету больше дела?
А какая ей была
В том забота, право?
Ну, а я всё ждал...

Пришла

Не она. А Клава.

ТОЛОКА

Как по морю, в старый бор
По ржаным увалам
С ней доплыли...
Жги костер —
Хворосту навалом.
И пока горят сучки
Дней, что пережиты,
На огонь несет пучки
Наливного жита
Клава.

Мы его едим
Прямо с пылу, с жару.
Для меня с пражмом своим
Гостья как подарок.

На лице ее, у губ
Нивы след пахучий.
Я и сам как черный дуб,
Что в воде под кручей.
Дуб мореный тот
 пилой,
То сильней, то тише,
Кто-то пилит под водой,
Но она не слышит.
Не утишила река,
Рожь не усыпила.
Видно, тут и толока
Пособить не в силах.
Видим мы, идя селом:
Новый дом добротный
Для Якуба с Павлюком
Ставят всенародно.
Суетится у крыльца
При пиле и рейке
Плотник Миныч — от лица
Сельской партячейки.
«Не гуляй, — кричит, — даешь! —
Мне и Клаве Миныч. —
Хоть приезжие, а всё ж
Со значками КИМа.
Я вас знаю, вы народ,
Как и мы, завзятый.
Дело есть — громоотвод
Ставьте возле хаты».

Вот уж в клубе, под каким
Речка протекает,
Отмечает первый дым
Толока людская.
Заселив под кров семью —
Павлюка с Якубом,
Глушит, глушит боль мою
Толока всем клубом.
Начинают земляки —
Я и гостя Клавочка —
Вальс под шепот толоки:
«Гляньте, что за парочка!
Где такую подцепил?
Так и кружит павою!»

В волнах вальса гордо плыл
Я с пригожей Клавою.
Вальс кружится всё живей...
Две завистных звездочки
Колют нас из-под бровей
Шустренькой Ходорочки.
Смотрят искоса и вдруг,
Полыхнув пожарами,
Объявляют:
«Шире круг!
Поменяться парами!»
И меня своей волной
Мчит уже Ходорочка.
Шепчет мне: «Пойдем со мной...
Сена... сена... горочка.
Не тяни... Кончай-ка, друг,
С привозными чарами,
Наши лучше...
Шире круг!
Поменяться парами!»

Мост не под ударами
Бубна чуть не рушится —
Это под Стожарами
В быстром танце кружатся
Дни, скрываясь за чертой,
За моей орбитой!
Тише, молодость, постой
Вон за той ракитой.
Удаляться не спеши
Стежками садовыми
Ты за круг моей души
С шумными дубровами.
За собою дверь закрыть
Не спеши пока еще...
Стой! Еще на дне криниц
Светится твой камешек.
И еще под сень ветвей
Приглашает грушица.
Стой же!.. Память прежних дней
Толокой не глушится!

Нет, не стой! Ступай, не жди
Срока неизменного!

Вот и Клавочке идти
Время — за Ременного.
Не за дверь пойдет она,
Сгинет за увалами...

От меня моя весна
Вдаль уходит парами.
Отлетает навсегда
С яркими обновлениями,
С марками почтовыми —
В предстоящие года
С ликами суровыми.
Вот и мне уж за собой
Дверь закрыть не терпится.
Погоди!.. Чуток постой
Под ковшом Медведицы.
Слышишь, слез горячий ком
Прокатился горлом?..

Зачерпни их, ночь, ковшом —
Небосводом черным.
Зачерпни и наклоны,
Породни с землею!..
Пусть из той земли они
Прорастут лозою.
Чтобы дудку из лозин
Вырезала зрелость,
Чтобы песня до седин
Молодая пелась.
В путь!

Оставив за спиной
Свой рубеж тревожный,
К зрелым дням уходит мой
Возраст молодежный.

ПОГРАНИЧЬЕ

Камень, брошенный в реку
С высоты приречной,
Вдруг напомнит пареньку
Возраст быстротечный.

Может, канет в темень вод
Камень? Нет! Кругами
Став, беседу он ведет
С речки берегами.
Берег зрелости! Круты
Дни, где труд всечасный
Щедрой юности круги
Всасывает властно.
Очиняет карандаш
Зрелость точным словом...

Собрала недаром наш
Круг под минским кровом,
Тех, кто кончил институт,
За столы редакций
Усадила: время тут
Делом заниматься.

Призван был под этот кров
Волей перемены
За один из тех столов
И Кастусь Ременный.
Для упорного труда,
Не для брэнной славы...
Переехал он сюда
Не один, а с Клавой.
У него партийный стаж,
Опыт — и в итоге
Он теперь редактор наш —
Не поспорю — строгий.
Не скажу, чтоб этот стол
Обнаружил слабость.
Усмехался кое-кто —
Что еще за лапоть
Учит нас! Но год протек,
И смекнули — так-то! —
Хоть и лапоть — не сапог
Новый был редактор.
Видел глазом пастуха,
Как пасется слово:
Где зерно, а где труха,
Где одна полова.

Зрелость!.. Кинулись и мы
В дело без оглядки.
Между тем как старый мир
Трясся в лихорадке.
Кризис тучей стал над ним...

Руки сжав от злобы,
Толпы шли по мостовым
Западной Европы.
Мог любой увидеть сам
С приграничных вышек,
Как он гнал оттуда к нам
Рук рабочих лишек.

Потолкаться мы спешим
Ярмаркою этой,
Предъявляя часовым
Пропуск из газеты.

Над границей арки свод
Буквами багрится.
Лозунг:
«Коммунизм сметет
Все границы!»

Улеглись гуртом под дуб,
Примостились скопом
С камнетесом лесоруб,
Плотник с землекопом.
Каждый с пилкой, с топором —
Всё оружие с ночи
Приготовлено, чтоб днем
Стать на пост рабочий,
Поменять, как жизни строй,
На спецовки — свитки.
Люди шли на Днепрострой,
На леса Магнитки.
Шум негаданно возник
На лесной полянке:
Кем-то был опознан шпик —
«Плотник» из охраны.
Захотел подзашибить
Сыщик на Магнитке,

Получил, как должно быть,
В шею, под микитки.
Конвоир его сквозь лес
Провожал с припарки
На заставу, чтоб не лез
Он под своды арки.

А под аркой — вновь галдеж:
На конях веселых
Проезжает молодежь
К нам — учиться в школах.
А за нею вслед, чуть свет,
Той тропинкой торной
Перешел рубеж поэт
С ношей стихотворной.
Он пополнить в Минске рад
Опыт небогатый,
А потом нести назад
Стих — на баррикады.
Чтобы строчки палачам
Задали работку,
Чтоб в Лукишках по ночам
Стих пилил решетку.
Чтоб огонь летел сюда
Роем искр нетленным...
Ну, а если б нам туда,
А? Скажи, Ременный?

Первые экзамены
Зрелости сдавали мы.
Минск гремел вокзалами,
Минск звенел трамваями,
Пыльной брусчаткою,
Тесными проулками...

Пятилетки знатные
С улицами гулками
Обходили яркою
Спешкою строительной
Город, что под аркою
Жил заставой бдительной.
Не был знаменитыми
Славен он порогами,

Ни горой, набитою
Доверху породами.
Но и Минск, не залитый
Доменными зорями,
Жил, работой занятый,
Подвигом истории.
Жил не глухоманною
Жизнью, не тепличною —
Нес он неустанную
Службу пограничную.
От границ товарные
Эшелоны грузные
Гнал он на ударные
Стройки всесоюзные.
Шел отсюда с посвистом
Поезд с дипкурьерами. . .

Минск с метлою осэни
Брел своими скверами.
Там под шелест тихого
Ветерка мгновенного
Выслушать мне выпало
Исповедь Ременного.
«Скверно, — молвил с горечью, —
Жить в деревне дачником,
А в столичном городе
Вечным неудачником.
Видно, брат, поэзия —
Не моя профессия. . .»
— «Брось, — сказал я, — надо ведь
Твердо помнить заповедь:
Взращивай былинку —
Слова стебель тоненький».
— «Знаю!.. Грей живинку,
Режь сорняк риторики!
Слыхивал. От Клавы.
Но, как говорится,
Тут не до забавы —
Мне уж, брат, за тридцать.
Даром Клава смелая
На основе классовой
Хочет из Ременного
Вынянчить Некрасова.

Руки есть, а создано
Что? — вздыхает горестно... —
Совестно!.. Особенно
Перед веком совестно.
Не с моими граблями
Ковыряться с ямбами». —
Вижу я Ременного
Руки узловатые,
Что могли б с отменной
Силой обрабатывать
Пахоты гексамеры,
Ритм сталеплавильщика,
А в лукишской камере
Выбить дух из сыщика.
Лезть к нему с советами
Совестно —

поэтами

Числимся, а, собственно,
Что же нами создано?
Что на откровение
Кастуся Ременного
Мне сказать?

Осеннего

Листопада тленного
Там следы оставлены,
Где на зрелость лавочка
Приняла экзамены...

Эх ты, слава, славушка!

РЕМЕННЫЙ

Отбыла свой срок зима
На столичном сквере.
В голый сад весна сама
Открывает двери.
И, как руки, распростав
Мокрые акации,
Зачисляет нас в состав
Выездной редакции.

Неразлучен наш кружок —
Юлий Гомон, я, Дмитрок...

Едем, призваны весной,
Выездной компанией
Мы на встречу с боевой
Посевной кампанией.

Журналистская артель
Поспешает трактами.
Слякоть, снег, дождливый день —
С неполадок фактами.
Каждый факт — зацепка нам
В битве с днями хмурыми.
Факт — как хлеб, на зуб стихам
Под карикатурами.
Людный сход. Гудит народ:
На штыке — негодники!
Ну, а мы? .. А мы в поход
Снова, как отходники.
Холод, голод, поле, лес,
Школы, клубы, МТС.
Под дождей глухой напев
Грязь ногами месится.
Затянули нынче сев
Не на дни, на месяцы.
Мы под свой вернулись кров,
Как с войны —
солдатами.

• • • • •

Мостовые городов
Век топтал парадными.

Шла у стен Мадрида,
Под Гвадалахарой
Грозная коррида...
Перли в злобе ярой
Через смрад и трупы,
Не щадя металла,
Биться домны Круппа
С домнами Урала.
Выползала погань
Из своих пределов.
Щурилась эпоха
В прорези прицелов.

Ветер века грозовой
На столе блокнотами
Шелестит... И нет со мной
Хлопцев с их заботами...
Не кукушкиным судом,
Не ее ошибкою
Разразился этот гром...

Где, в каком краю глухом,
За какой развилкою
Их сердца?..

Лежу пластом
В горестном безделье
Между бдением и сном,
Между сном и бдением.
Скрыты занавесом век,
Крутятся живые
Кадры детства: поймы рек,
Рощицы сквозные,
Листьев рой, ржаной увал...
Слышу неизменный
Грохот поезда...

Прервал
Тяжкий сон Ременный.
Загремел, придвинув стол,
Зазвенел стаканами.
«Заболел?..»
— «Да нет, не то...»
Горе, брат, неожиданное...»
— «Знаю. Горе».
— «Как бы нам
Пособить, Кастусь, друзьям?»
— «Выручал их. Как-никак
И партийность давняя
У меня, и сам батрак...
Да и хлопцы славные».
— «Провинились в чем?»
— «Видать,
Оговоры злостные».
— «Ну, а чьи?»
— «Кто может знать?»
Дни настали грозные —
Не весенний наш аврал
С посевными грозами...»

Не с ответами стоял
Век —
 стоял с вопросами
У порога моего,
У стола с блокнотами. . .

Минск не знал, что у него
За зимы суметами,
За глухим замком годов
С воротами тайными
Доля тех же городов
Горестной Испании.
Смерть от них торила путь
По живому следу
Бомб, окопов, вражьих пуль. . .

«Я туда, брат, еду, —
Объявил Ременный, —
 час

Наступил, чтоб вызнать
Крест, с каким идут на нас.
Решено!»
— «А виза?»
— «Виза есть. Надежная.
Лес да ночь тревожная.
Нет границ для виз таких,
Для решенья твердого.
Воевать за вас троих,
За себя — четвертого —
Буду я. Тот край — не рай,
Где щебечут ласточки.
Ни Дмитрок, ни Юлий, знай,
Знаку черной свастики
Не пошли б молиться, нет!
Чести б не утратили,
А висели б на сосне
Иль на перекладине.
Верь друзьям, их книжкам верь —
Трубачи бессонные
Кровью связаны навек
С улицей Червонною. . .»

Лес как человечество. . .
Лишь взойти осмелится
Из зерна младенчества
Молодое деревце
С почкою, с листочком,
А уж рост свой веткой
Мерит и кружочком,
Точно дети меткой.
Дышит ствол всей грудью,
Корни — в нетерпенье.
Так же, как и люди,
Лес всегда в движенье.
Ходит стезжой торной
Веток тень сквозная,
Вдаль стремясь упорно,
Поле засевая.
Как и мы, веками
Разрастаясь шумно,
Лес вцепился в камень,
Обживает гумна.
Растеряв с годами
Хватку, твердость, силу,
Лес ложится с нами
В общую могилу.
Жадность дровосека,
Смерти плотогоны
Губят человека,
Словно лес зеленый.
Словно лес плотами
В темную пучину,
И людей рядами
Войны гонят в спину.

Судьбы наши сходны,
Обиход не схожий:
Хоть не рослый род мы,
Но не сосны всё же.
Нас не свалишь впóкат
Теми топорами,
Что в крови по локоть
Грохают борами.
Для того — и зрелость,
Для того — и братство,

Для того — и смелость,
Чтоб людьми остаться,
Всё, что непрестанно
Мыслью обуянно,
Не для океана,
Не для океана.

ПРИЗНАНИЕ

Средь событий, меж людей,
Наравне с эпохой
Труд ведет нас по своей
Магистрали строгой.
Слава медлит? Не умерь
Беспокойной жажды,
И придет признание, верь.
Верь!..

И вот однажды
Карандаш мой, что похвал
Не знавал газетных,
Из безвестности попал
В список дел приметных.
Обнаружилось тогда ж
Из хвалебных строчек,
Что нашел мой карандаш
Свой особый почерк.
Голос прессы в должный срок
Поддержало радио...
Как ты сам к себе ни строг,
А удача радует:
Сделан, стало быть, зачин
На пути искомом.
Но ведь это — только блин
Первый, что не комом.
Мне успеха полоса
Сквозь года немые
Возвращала адреса —
Голоса живые.
Первый отзыв на стихи,
Их читатель верный,
Мне прислал с Амур-реки
Человек военный.
Да. Кастусь Ременный.

Отгремел мадридских дней
Ураган жестокий.
Вместе с Клавою своей
Жил он на Востоке.

И еще пришел конверт.
Вскрыть иль нет? .. Неспешный,
Ровный почерк. . . Вскрыть иль нет?
От нее, конечно,
Весть! Обратный адрес есть!
Снова из бывшего
Юность мне прислала весть
С маркою почтовой.
Бьются всё еще круги
Дней ее не серых
С тихим шорохом тоски
О песчаный берег.
Еду! .. Бьет в виски огонь
Так, что сладу нету,
Обожжешься — только тронь!

Еду, еду, еду!
Но не к ней спешу я, нет.
Колеею твердой
Тороплюсь на жгучий след
Своей грезы гордой.

Нет, не сгинул он в пыли,
На стерне, на поле,
Строчек след, что всем смогли
Обо мне напомнить.
Здесь упрямые слова
К свету прорастали.
Не забила их трава,
Не сожгли печали.
Бережет надречный клуб
Прожитого эхо,
Не забыл и вечный дуб
Молодого смеха,
Верболоз — горючих слез,
Горечи прощальной.
Свой поклон им всем принес
Я с дороги дальней.

К старой хате напрямком
Гаем поспешаю.
Словно душу, двери в дом
Настежь открываю.
Нет Тодоровны. Ушла,
Кров родной забыла?
Нет... Земля ее взяла
И не отпустила.

На погосте водружен
Щедрой школьной складчиной
Скромный камень — вечный сон
Охранять назначенный.
Не обиженная им,
Так и спит с тех пор она
Под надгробием немым
С надписью —
Тодоровна.

Девять буковок всего
На граните выбито:
Ни словечка про того,
Кто под ним, не выпытать.
Граням камня — имена,
Людам жизнь — дорожке.

Не один я здесь. Княжна —
На поминках тоже.
Не была та встреча с ней
Для меня нежданной.
Знать, была утрата дней,
Что под камнем спят, и ей
Болью несказанной.

Мимо сада мы идем
С ней, как в дни былые.
Разместились нынче в нем
Сторожа другие.
Мне поведала она,
Что на Халхин-Голе
Муж погиб... Живет одна —
В той же самой школе.
Я сказал, что я женат.

Сердцу памятных утрат
Мы не похороним.
Но закрыт, конечно, в сад
Доступ посторонним.
Лето прежним костерком
Больше не приветит.
Поздно. Сад отцвел. И гром
Смолк. И стихнул ветер.
В тягость саду бремя лет,
Что ни сук — подпора.
Сад не вправе больше, нет,
Нас для разговора
Пригласить ни в ночь, ни в день. . .

Лес широким жестом
В тень зовет. Просторный пень
Предлагает место.
Мимо, мимо. . . Что нам лес?
Что нам пень тот самый
Без ветвей шумящих, без
Дятла телеграммы? . .
Всё же, юность, ты была
Не залетной птицей —
Что любовь отобрала,
Труд вернул сторицей.
Ты пришла. . . И в дальний свет
Вновь уйдешь лесною
Тропкой. Память этих лет
Будет жить со мною.

.

«Я пойду. Прощай! . . .»
— «Прощай».
Так уходит солнце. . .
Погоди, не исчезай,
Солнце, за сосенки,
За шумящий рожью дол,
В бездну окоема.
Это ложь, что сад отцвел!
Перекаты грома
Всё слышны. Да как еще!
Над простором стылым,
Над речушкой, что течет
Следом за светилом,

Ты помедли, обогрей,
Солнце, край оврага,
Отдохни в кругу ветвей
На пороге мрака.
Стой, свидания с тобой
Больше не дождусь я.
Стой! Не молкнет в сердце боль,
А ему до устья
Путь далекий по реке. . .
Погоди ж чуточек,
Задержишься на тростникс,
Завяжи платочек.

От меня ушла она
По лесной дороге.
А чуть свет — пришла война!
Горе на пороге.
И на запад шли за мост,
Просквозив березы,
Волоча свой дымный хвост,
Наши бомбовозы.

СЛАВА

Век свой человечество
Метит не спокойными
Метками младенчества,
А увечья войнами.

Камень тот, что пращур
Запустил пращою,
Пулей стал разящей,
Бойней мировой,
Что муштрой прилежной
Горло рвать обучена.

С привязи железной
Свора танков спущена.
А на полигоны,
На фронты глобальные
Бич дикарский гонит
Армии тотальные,
Гонит их пустынной,
Мертвой территорией.

Люди со звериной
Бьются предысторией,
Чтоб из притяженья
Вырвать у пращи той
Своего творенья
Клад, трудом добытый.
Чтоб уйти от власти
Мертвой гравитации,
Что у пушек в пасти,
В бомбах авиации.
Чтобы в тот загробный
Мир с крестами клятыми
Изуверский, злобный
Строй — загнать лопатами,
Схоронить всё зверство
За веков запорами! . .

Чтоб ступить из детства
На порог истории!

Ткется, ткется полотно
Дней на вечных красках.
Бой за боем. Не дано
Нам привала в соснах.
Карандаш снует, как ткач
На машине ткацкой,
Нитки бед и неудач,
Слезы вдов, сиротский плач
Над могилой братской.
Ткет избытый до конца
Горя срок нескорый —
От простых петлиц бойца
До звезды майора.
Ткет он приговор войне
Смертный, что отвага
Начертала на стене
Черного рейхстага.

Громкой славы карандаш
Не искал по свету —
Май привел ее в блиндаж
По живому следу
Дня Победы. Мирный май!
Как там, что ты, отчий край?
Погоди, приеду!

Вот и мост!

А вот и дом...

Вижу спозаранку:
Он с пожарища огнем
Выселен в землянку.
Скрыта зеленью ветвей,
Там живет невзгода.
Светят мне глаза детей
Из сырого входа,
Хлеба просят... Нет, Дуда,
Слава горше муки,
Если к ней с земли беда
Простирает руки.
Не равна ни в чем она
Радостной удаче,
За спиной ее — война,
Смерти лик незрячий.
За утратой перед ней
Новая утрата:
Черный пепел, что твоей
Школой был когда-то.

Может слава (самый раз
Тут прибавить к счету)
Добрым делом в трудный час
Пособить народу.
К ней, замечу сверх того,
Слабость у начальства,
Особливо как его
Не тревожит часто.
А тем боле, коль пришла
По своей охоте.

Сам министр из-за стола
Тут ко мне выходит.
И, оказывая честь,
Усадив поспешно,
Выясняет:
«Дело есть?»
— «Дело есть, конечно».
— «Погоди. Тебе вручен
Наш проект программы
Школьной? Нет?.. В нее включен
Стих твой... Ну... Тот самый.

Хоть иные, знаешь сам,
И смотрели косо...
Если ты за этим к нам,
Значит, нет вопроса!
Утверждаем не на год
Планы, как законы.
Будь уверен!»
— «Я насчет
Здания для школы...»
Перед нами на столе
Чай дымит горячий.
«Школа?»
— «Да. В родном селе...»
— «Трудная задача!
С матерьялами зарез,
Фондов маловато. —
Помрачнел министр, как лес,
Глянул виновато: —
Сотни, сотни этих школ,
Не ослишь с хода».

Тут легло письмо на стол
С просьбой от народа.
Нам ведь тоже пальца в рот
Не клади — немалый
Довод сыщем:
«Нас народ
Не поймет, пожалуй!»
— «Гм... Ты думаешь? — Министр
Кашлянул в смущенье.
Заявленье сверху вниз,
Как стихотворенье,
Пробежал в единый миг
И бумагу эту
Положил поверх других: —
Всё! Вопросы нету!
Ну и хват. Фронтовиком
Был. Берешь за горло!»

Слава громкая тайком
Пот со лба утерла.

Школа будет! Шлют мне весть
Земляки про это.
Пишут мне, что гвозди есть,
Есть проект и смета.
Время строиться. А как?
Губит бездорожье.
Может, с транспортом земляк,
С кирпичом поможет?
По наряды в Могилев
Съездит, может? Что ж, готов!
Нам бы только клич трубы,
Отозваться рады.

Словно в пущу по грибы,
Еду по наряды.
У газеты самокат
Мной не для забавы,
А для дела напрокат
Взят — не ради славы.

В Могилеве, где с небес
Лился свет весенний,
Я вступил в открытый лес
Местных учреждений.
За полдня сумел наскресть
Там добра немножко:
Есть кирпич, и транспорт есть —
Целых два лукошка.

Солнце свой вело отсчет.
День кончал работу.
Тут я вспомнил меж забот
И свою заботу,
Что таилась до сих пор.
«Быхов? Можно в Быхов!» —
Головой потрянул шофер,
Подмигнул мне лихо.
И помчался по прямой,
На свиданье с нею...
Да, ты прав, читатель мой!
С Сашею моею.

Я б машину гнать не стал
В Быхов этот самый,

Если б в Минск он не прислал
Спешной телеграммы
И не вздумал нынче в пять
Телеграммой тою
Телефонный назначать
Разговор со мною.

Как флажками на постах,
Сосен лапы синие
Мерят путь на проводах
Телеграфной линии.
Тянут связь, чтоб мы вели
Разговоры новые.
И гудят, гудят стволы,
Как столбы сосновые.
Прогремел под нами мост,
Днепр дохнул просторный.
Пять часов. Последний пост.
Пункт переговоров.
Ровно десять зим и лет
Этот голос снова
Ждал услышать абонент.

За порог почтовый,
В отшумевшее свое,
В прожитые годы
Я шагнул.

Узнал ее.

Только что ты, что ты
Силой властною, крутой,
Непреодолимой,
Время, сделало с мечтой,
Издавна хранимой!
Как ты, век, не уберег
Дорогое имя?

Ветер почты за порог
Сердце мое вымел,
Прислонил меня к стене,
Зашвырнул в кабину...
«Что, не встретили?»
— «Да нет...»
Нет! Гони машину!»

Даром молодость зовет —
Цепью мы привязаны.
Нет Княжны моей! Живет
На земле —

Тарасовна.

Небо катится, кружится, светится,
Поспевая за скоростью бешеной.
Темной шалью лесов занавешена,
Плачет в небе старуха Медведица.
Льются слезы неслышно, непрошено,
Льются, льются, зеленые, синие,
На столбы, провода придорожные
И на связях оборванных линии.

Где он, край, Александра Тарасовна,
Тот, куда нам вернуться заказано?

Где вы, рощицы в солнечных крапинках,
Юлий Гомон, Княжна и Притапснко?

Льются горькие, льются соленые,
Не ревнуя уже и не жалуясь,
Лишь о солнце с лучами бессонными
На земле обедневшей печалуюсь.

Где, за волнами шторма военного,
Спят полки командарма Ременного?

За какими хребтами Карпатскими
Спит их детство под звездами братскими?

Льются жаркие, катятся холодные
Затаенно в ночной непроглядности,
Плачет, плачет пора безвозвратная
Перед ликом своей безвозвратности.

БЕДА

Ехал я.

А мне вослед
Мчал надземной трассой
От Тарасовны пакет
С болью ненапрасной.

Боль о том, что отошел,
Отлетел куда-то
Час, что в прошлой жизни сплел
Нас корнями сада:
«. . .Что сказать? Таков уж ход
Жизни непреклонный.
Нам былого не вернет
Вызов телефонный.
Но ведь так — короче связи! . .
Я не укоряю,
Что она оборвалась. . .
Ты любил, я знаю,
Юность нашу — не меня.
Но метель над нею
Прошумела. . . Зябну я. . .
Не хочу, не смею
Даром душу бередить,
Да и смысла мало:
Снова жизнь не пережить.
О себе писала
Я тебе в лихие дни
Письма. . . Вспомнить горько —
Не отосланы они.
Вон лежит их горка,
Словно листья после гроз. . .
Я скажу короче:
Меньше строчек в них, чем слез
Тех, что между строчек.
Может, жалоба моя
Неуместной будет.
Целый свет
 жил так, как я.
Только всё ж мы люди. . .

Замела пути зима —
Лагерная замсть.
Не хочу пугать сама
Дорогую память.
Я в глазах твоих такой,
Как в саду когда-то,
Быть хочу назло лихой
Власти Бухенвальда.

Покидаю отчий край.
Не взыщи, коль сказано
Что-нибудь не так. Прощай
Навсегда.

Тарасовна».

«Юность нашу — не меня
Ты любил».

Безмолвную
В тех словах читаю я
Правду. . . Но не полную.
Верно, юность я любил! . .
Только вспомнить надо —
У нее ведь адрес был,
Дом родной, куда ходил
В гости я когда-то.
Я посланий — строк своих —
Написал немало,
Чтоб с другими вместе их
Первой ты читала,
Ты, мой друг! Когда стеной
Вал катился вражий,
Ты стояла за спиной
Неустанной стражей.
В блиндаже сыром дрова
Ты в огонь бросала,
Жарким пламенем слова
В стужу зажигала.
Это ты моей рукой,
Ты, лесное диво,
На бумагу ратный строй
Строчек выводила.
Ты незримо моему
Делу пособляла.
А теперь? Писать кому,
Как писал, бывало?

Где он, час былых тревог,
Поисков сердечных?
Кто придумать сказку мог,
Ложь о чувствах вечных?
Как я сердцем чудака
Верил тем поспешным,

«Вы оттуда? .. — пристаёт
К ним беда смолою.
Но никто не узнает,
Видно, нас с бедою.
Я молчу. Беда ж моя
Шпарит без раздышки:
«Поздравляю вас, друзья!
Вышли ваши книжки.
Точно так! Средь книг других
Видела сама я
На прилавке нынче их!»
— «Стой! Ты кто такая?»
У растерянной беды
Губы задрожали:
«Я? .. Как кто? Беда Дуды,
Разве не узнали?
Двадцать лет прошло и зим.
Вспомните-ка сами,
Как вас ели, вместе с ним,
Мухи с комарами!»

Пялят зенки дударя.
И внезапно Юлий
Засмеялся:
«Не дури!»
— «Отливаешь пули! —
Поддержал Дмитрок. — Ты что,
Спятил ненароком?
Двадцать лет назад под стол
Мы ходили пёхом!»
— «Ты — Дуда?»
— «Ей-богу ж, я!»
— «Не дуди, однако!
Нализался, как свинья,
Брешешь, как собака!
В нашей келье, как всегда,
За столом сидит Дуда.
У него работа
До седьмого пота.
Лихо рвет пером листы
В рвенье непрестанном,
А не шляется, как ты,
Днем по ресторанам».

Николай Егорович,
Давний спутник мой,
Не шофер — история
Славы боевой.
Он, войной обкатанный,
С ходу брал Калач,
Бился за Карпатами
Гвардии усач...
«Не мешало высечь бы
Нас, — ворчит боец, —
Почитай, с полтысячи
Верст в один конец.
Времени напрасная
Трата и труда.
Было б хоть неспраздное
Дело иль беда.
А то так, фантазия —
Едем погостить...
Эх, не понял сразу я,
Да уж так и быть».
Я молчу. Туманится
Месяца серпок.
Память — я, что тянется
С устья в свой исток.
Что мне бухгалтерия,
Если там, вдали,
Сердце громко меряет
Каждый метр земли.
Тут всему без вычета
Ясен точный счет.
Зажигай за Кричевом
Правый поворот!
Сумрак надвигается,
Пристальной гляди!
Что ни метр, сужается
Русло впереди —
Колеей глубокою
По кустам шуршит,
Лентой неширокою
Через рожь бежит.
После упирается
Тропкой в темный гай,
За каким кончается
Могилевский край.

Ну и территорию
Отхватили. Стоп!
Николай Егорович
Валится, как сноп.
Рядом на могильнике
Дед родимич спит.
Коростель в лещиннике,
Словно снасть, скрипит.
Вся в туман одетая,
Спит, неглубока,
Много раз воспетая
Куликом река.

Над рекой, над стрехами
Солнце вскинул бор.
Брод мы переехали...
А теперь, мотор,
Колеей недолгою
Через лес вези!
Видишь, там, за елкою,
Вот они — Князи!..

Крайний дом, где Князь Тарас
Жил перед войной,
Подав знак, завидев нас,
Из травы
 трубой печной,
Словно бы рукой.
Всю войну своим окном
В пушу дом глядел,
Чтобы связь с родным селом
Этот лес имел.
Черным дымом стал очаг
И золой — пожитки.
Гнал селом притихшим враг
Всю семью на пытки.
Мы тому клочку земли,
Где былшем седым
Из-под пепла проросли
Полымя и дым,
Поклониться подошли,
Шапки сняв, стоим.
Обступил гостей народ.
Помрачнели лица...

День тот скорбный, месяц, год,
Зубы сжав, занес блокнот
На свои страницы.
Навестила летом дочь
Пепел отчей хаты...
Лесника сгубили в ночь
С лесничихой каты...
На глазах у дочки их
Смерть кидала в топку...
Так! Я в записях своих
Тут поставил точку.
И в дорогу поскорей...
Адрес дал нам Князь Андрей,
Лесничихи той
Сват, солдат лесной.

Новый адрес, старый путь,
Езженный когда-то.
Тут в бору и повернуть
Нам направо надо.
Под одной, другой сосной
Прем по корневищам
Непролазным. Где ж лесной
Двор, который ищем?
Тут еще мотор заглох,
Вал его карданный,
Что кабан на брюхо, лег
На горбок песчаный.
Лес. Кричи, когда не лень, —
Кто услышит крик?
Загорали б целый день,
Если б не грибник.
Две кошелки он домой
По тропе несет.
С виду вроде сверстник мой,
Только рост не тот.
Ну и рост! — скажу я вам —
Этакой версте
Ни костюмов, ни пижам
Не купить нигде.
Так и слышишь весь свой век
Вежливый отказ:
Нестандартный человек,
Мол, не шьют на вас.

Подошел, плечом подпер
«Волги» кузовок.
Чуя сдвиг, попер мотор
Скаты на горбок.
Вылез, давши полный газ, —
Вот, резон другой!
А грибник:
«Пол-литра с вас,
Друже дорогой.
Что глядишь? Не помнишь?»
— «Нет».
— «Забываешь, брат».
— «Где-то видел. На войне?»
— «Нет».
— «Кондрат?»
— «Кондрат».
Помнишь, звало нас село
Восемь и одна».
— «Да ведь сколько лет прошло,
И каких, — война!

Я, Кондрат, Лявон, Панас,
Степка, Казик, Стась, Игнась
И одна — она.
Так и звали люди нас —
Восемь и одна.
Поредел, распался круг
Дружеской семьи.
Не задела пуля двух —
Только! — из восьми».

С грибником на пне сидим,
Школу вспоминаем,
Как, бывало, книжку, с ним
День за днем листаем.
Говорит он: «Каждый год
Езжу в свой район.
Хату мне лесник сдает
На грибной сезон.
Здесь их столько, хоть косой
Режь. Укос богат!»
— «Ты один или с семьей?»
— «Нет. Я не женат.

Однолюб. В канун войны
Побывал как раз
Я со сватом у Княжны...
Получил отказ.
Но, однако, не грущу,
Езжу, как и прежде,
Что ни год, грибы сушу
Здесь. В такой надежде:
Может, явится на дым,
На свиданье летом...»
— «С кем?»
— «Да хоть бы, скажем... с ним...
С дорогим портретом...»
— «Где ж он есть такой?»
— «Да там...
Вместе с мужем сняты
Перед свадьбой. Глянешь сам...»

Вот она и хата.
Выключается мотор...
На лесной усадьбе
Полон был гостями двор,
Словно бы на свадьбе.

Сели там и мы втроем
В тень ветвей прохладных
Меж хозяев за столом,
Молодых и ладных.
Взял хозяин в должный срок
Слово при застолье:
«Дорогой земли горбок
Есть на Халхин-Голе.
Спит под ним мой брат Максим
С дня того сраженья
Ровно тридцать лет и зим —
С моего рожденья.
Я не видел тех степей,
Братней той земельки,
Ни поминок — из своей
Детской колыбельки.
Но одну про нас всегда
Память сохраняет
Дом, где зыбка никогда
Гроб не забывает.

Пейте, гости! . . .»
Как могли,
Пили, как хотели,
Гости. После, как шмели,
Завели, запели
На весь лес.

А в этот час
Со стены, не пыльный,
Взгляд косил иконостас
На гостей фамильный:
Черный прадед — бог сохи,
Дед — косы и плуга,
Батька — бог лесной стрехи,
Мельничного круга.
Муж Княжны — комбриг Максим
С остальными вместе,
Внук богов, отчизны сын —
На почетном месте.
С ним — она. Из-под бровей
Светит мне живая
Озабоченность очей,
Молча вопрошая:
«Узнаешь? . . Ты в этот кут
Как забрел укромный?»
Только я — уже не тут,
Я давно под кровлей
Той, где издавна привык
Жить трудом упорным,
Где лежит мой черновик
Рядом с хлебом черным.
Где не гость я, где в гостях
У меня отныне
Древний бор, просторный шлях,
Неба полог синий,
Двор лесной, иконостас,
Хатой сбереженный,
Князь Андрей и Князь Тарас,
Катами сожженный, —
Не сраженный свистом пуль
Жизни ход упрямый. . .
В путь, Егорович, за руль,
Мне — за стол тот самый.

А вы плывите!
А вы не верьте!
Одним столетье
огнем крестило
Героев судьбы
и судьбы ваши,
Их не покроет
забвенья тина.
Наш век суровый на дно не ляжет,
Еще ведет нас
по трудным трассам,
Еще нам светит
тревожным светом,
И постучится
еще не раз он
В сердца людские своим заветом.

Век наш рукою труда своего
Тянется в своды надземные.
Жаль только, что на челе у него
С волей — решетки тюремные.
Мир и война на земле, а вдали —
Облако с ядерной осыпью.
Десятилетия, как поводьери,
Ощупью, ощупью, ощупью
Век свой ведут по дороге крутой,
Старца, который доньне
Маску не сбросил, где свет — на одной,
Тьма — на другой половине.
Рядом с надеждой — отчаянья край,
Труд — с лихоимства конторами.
Век наш, личину срывай, — открывай!
Тяжкие двери истории!

Скоро по книге приходной веков
Примет твой сменщик, столетье,
Неисчислимых твоих земляков,
Их трудовое наследье.
Движимый примет планеты багаж
С гордыми шапками полюсов.
Если ж, столетие, ты передашь
Колос отравленный — колосу,
Вместе с руками — наручников звон,
С верною дружбой — предательство,

Знай же, поправ непреложный закон,
Вечного сна обстоятельства,
Выйдем мы, пущенные на распыл,
Выжженные в крематории,
Будем стучаться из братских могил
В тяжкие двери истории!

Ныне слышней, чем полвека назад,
Кличет весь род человеческий
С башни вселенской немолчный набат
На трехмиллиардное вече.
Станьте **владыками в мире своем**,
Люди! Стучитесь Земли кулаком,
С тесной ее территории
В тяжкие двери истории!

В тяжкие двери истории! . .

1969—1971

184. ВАРШАВСКИЙ ШЛЯХ

1

Покуда в теле теплится душа,
Не верю в благость божьего чертога,
В иную жизнь, что райски хороша.
Варшавский шлях, варшавская дорога,
Тебя зову на помощь, а не бога,
Строкой, что просится с карандаша.

Ты к западу спешишь в согласье полным
С дорогами другими. Ты преград
Не знаешь, даже яростные волны
Твой сухопутный бег не прекратят.
Отыщешь трап, оставишь след широкий,
Винтами океан перегребешь.
Когда же ты планету обогнешь
И сызнова возникнешь на востоке
Как вестник дружбы, как ее связной,
Раскинь привал в лесу

под скромным Довском

И разложи костер.

Мы в час ночной

Поговорим о жизни, о Твардовском.

Был земляком твоим он и моим.

Начнем под сосен неумолчный гомон

Наш разговор — он так необходим.

Начнем. . .

Да будет он запеленгован

И лесом, и подлеском молодым.

Мой шлях! Еще не убраны обломки
 Войны — осколки, щепки, головни.
 Нас, проступая грустно сквозь потемки,
 Как памятники, окружают пни.
 Шумели тут вершины боровые,
 И — ствол к стволу — гудел лесной орган.
 Он смолк, как песни те, что под курган
 С собою унесли певцы былые.

С таким и наш земляк встречался горем.
 И сам он был познавшим бурю бором,
 Органным эхом бед, побед, тревог.
 Мой шлях! Того не рассказать и хором,
 Что он один еще сказать бы мог,
 Когда б, как бор сраженный, не полег...

Смертей немало изобрел наш век.
 Лекарств от них не знает человек.
 Хвораем мы, хворает наше время,
 Хворают реки, берега больны.
 Земля несет одной заботы бремя,
 Как выжить ей, как избежать войны,
 Мир исцелить от распрей и от злобы?
 Но нелегко развеять старый страх,
 Покуда стратегическим, особым
 Объектом всё ты числишься, мой шлях.

Как мы, озябшие ладони грея,
 Сидел бы с нами у костра земляк,
 Когда б не переполз дорогу рак
 С треклятой похоронкою своею.
 Не тот, чьи в речке зыблются клешни,
 А тот незримый, что ползет нередко,
 Переходя твой путь, живая клетка, —
 Век превращая в считанные дни.

Откуда он берет свое начало?
 Быть может, под прикрытием брони
 Проник он в клетки? А пора настала,
 Приноровился, не подняв забрала,
 Питаться ими на правах родни?

Поэты. . . Им ли привыкать к дуэли?
Не страшно гибнуть, поражая цель.
Страшней, когда, не вызвав на дуэль,
Тебя тайком настиг в твоей постели
Палач, врачам не видимый досель.

Откуда взялся смертоносный вирус?
Безжалостен, пронырлив и упрям,
Он, может, из войны всё той же вырос
И устремился по ее следам,
Чтоб снова пополнялась картотека
Надгробных плит
на всех погостах века.

4

Пушкай костра ночлежного искринки
Не гасит пуль трассирующих рой! . .
Тут некогда в жестоком поединке
Схватился наш земляк с напастью той.
Жизнь или смерть? Дуэль стихов с крестами.
С войною, не командуя фронтами,
Мой шлях, на всех фронтах он вел бои.

С руками коваля, с душой жнеи,
Не раз он тут солдатам нес утеху,
Их шуткой веселил, чтоб от войны
Отвлечь на миг, — и нет его вины
В том, что, случалось, врал им ради смеху.

Но никогда не лгал он ради лжи.
Не ради славы брал он рубежи,
Успех пророча, звал на подвиг всех он
Чернорабочей

книгой про бойца,
Дочитанной не всеми до конца. . .

С душой жнеи, с руками коваля,
Когда вздохнула радостно земля,
Он за бессмертным пламенем салюта,
Как за последним валом огнесвым,
Шагал с бойцом, живым и неживым,
И плакал в ту победную минуту
За всех и с каждым,
с каждым, как с родным.

Да, не гостить уж нашим песням там,
Но, может, вырастет среди них такая
Когда-нибудь, что, в песне узнавая
Наш голос, он из дома выйдет сам
Навстречу ей, признательный друзьям.

Мне горько от того, что не хватает
Не нас ему сегодня, нам — его.
Нам было с кем беседовать, с кого
Брать совести пример и поделиться
Работой было с кем. . . О, почему,
Скажи, мой шлях, так вышло, что ему
Не снятся больше мы, а нам он снится?

Таких, как он, уйдя за небосвод,
Одна заря другой передает.

7

Я не огонь ночлежный разжигаю
В честь земляка.

Какой уж тут обряд! . .

Не самого себя ли провожаю?
Нет дыма без огня, как говорят.
Мы — люди фронтового поколения,
Сплетенные, как звенья тех времен.
И оттого так горько удивленье,
Что я в гостях еще, что дома он.

Я слышу в час веселья не впервые,
Как некто шепчет, вкрадчив и упрям,
Сквозь чад застолья:

«Гости дорогие,

Хозяева не надоели вам?»

И я, внимая голосу чужому,

Всё думаю в такие вечера:

«А может, впрямь до хаты мне, до дому

Уже, как гостю позднему, пора?

Не так ли наш знакомец дед Данила

Пожитки собирал на склоне дней?»

Тут, где меня поляна приютила,
Мой шлях, усну я на груди твоей.
Пора! Дорога неизбежна эта. . .

Не верю я, что Пушкина Дантес,
Что Лермонтова некогда Мартынов
Убил. Не верю.

Их сперва сразила
Поэзия. А пули шли за ней.
Есенина — она. Петля — поздней.
Поэзия. Она одно твердила
Всем тем, кто с ней отправился в поход:
«Нет, не широк он, мир, для мыслей тесный.
В нем истины стареют что ни год.
Пусть душу разрывает звук железный,
А ты держи ответ прямой и честный
За славу, за державу, за народ.

Будь зорок, разгляди орлиным оком,
Откуда приближается беда.
Меня избрав, ты должен быть пророком,
А не пророком,

кем же быть тогда?

Не бойся громкой миссии пророка.
Не бога он, а сущей правды око.

10

Спасай людей от лютых мук,
их души
От злобы и насилья защищай.
Отдай им радость, сам возьми печаль,
Тепло отдай им, сам привыкни к стуже.
Иди, вещун, по морю, как по суше,
Туда, где рана жгучая свежа,
Где только что оплакали утрату.
Спеши туда. Над бездной по канату
Пройди, как бы по лезвию ножа.
Умерших чти, храни могилы их,
С семьею предков не живи в разладе,
Не забывай, что мертвых на параде,
На перекличке больше, чем живых.
Они — минувший век в твоём столетье
И города в огромных городах,
Которые росли на их костях.
Ты их наследник, ты за всё в ответе:
За села в селах, за века в веках.

Твой рог трубит, бессонный взор открыт,
Ты сам горишь, когда Земля горит».

К людским делам причастностью святой
Поэзия его испепелила,
Испепелив, навечно поселила
В своем дому, за некою чертой.

11

Он цену знал словам простым, бесценным
И руку подавал лишь той строке,
Что выходила в путь не налегке —
С весомой мыслью, с чувством сокровенным.

Его делянка всем теперь видна.
На ней приметных вех и дат немало,
Их властью, что поэзии дана,
Его живая муза утверждала.

Две кузницы — две вехи жизни той.
Одна из них — в краю уральском, горном.
Другая кузница — в глуши лесной,
Землячка наша с дымным сельским горном.
Но путь от жаркой кельи коваля,
Что черной жестью от огня обшита,
До рудных гор —

еще не вся земля,
Не вся окрестность та, что им обжита.
Она — и укрощенье Ангары,
С тротилом, рвущим грудь прибрежным скалам,
Она — тоннель, что в глубине горы
Поет и днем и ночью под металлом.
А там, а там опять за далью — даль,
Шеренга шпал, бетонных, гулких, серых.

И снова даль, прощальная печаль —
Заполненный товарищами берег...

12

Мой шлях!

На всех скрещеньях твоих,
Что с высоты подобны осьминогу,
Стоит божок, связующий дорогу
Юдоли грешной и небес святых.

Не так уж он и требует поклонов
И не такой уж лекарь он от бед
Теперь, когда богов низринул свет
С былых крестов, с хоругвей и амвонов.

Но, удержав дорожные посты,
На месте он покуда остается,
Порой святит распятием колодцы,
Не ведая, что бог не он, а ты.
Он временный. Ты вечный и законный
Связной сердец.

Он мертв уже. Ты жив!
Ты жив, ты мчишься, на бегу сменив
Покров песчаный на покров бетонный.
Ты лечишь раны, утоляешь боль,
Весь мир окольцевавшая дорога,
Надёжный шлях.

И потому позволь
Тебя призвать на помощь, а не бога.

Мне душу ранит горькая юдоль
Всех тех, кто, веря памятной скрижали,
В молитвах, на кладбищенских камнях
Свет замогильный *домом* называли. . .

13

Не верю я в тот вечный дом, мой шлях!

Я только путник, временный, конечно,
Как все, а всё же вечно, вечно, вечно
Я быть хотел бы у тебя в гостях.

Когда бы все, кто там, в крошечной мгле,
Нашли обратный путь в наш мир зеленый,
Они бы благодарные поклоны
Не богу отбивали, а земле.
Земля — одна для всех, кто там, кто тут.
Надежда, справедливость, человечность.
И в ней одной — их вечность и невечность.
Она для всех — единый высший суд.
Всё отшумит: пустая слава, мода.
И жить лишь те останутся слова
И помыслы, которым слаще меда
Банкетного была полынь-трава.

Растет полынь в окопе, у землянки
И там, где пни корчуют тягачи.
И только не растет на той делянке,
Где не работу делят, а харчи.

Не за наживой легкой, а на подвиг
Шел наш земляк, чей полновесный стих
Трудом добыт и вдохновеньем поднят,
Как самородок
из глубин земных.

14

Примеру этому рекомендаций
Не надобно моих, да и ничьих,
Ни для читателей, ни для редакций.
Пишу о нем согласно прав иных,
Мой шлях!.. И не затем, чтоб скорбь суровой
Утраты нашей приглушить стихом
Хотя б на время.

Не скажи я слова
Теперь, как знать, смогу ли я потом?
Потом, потом... А вдруг его не станет,
Вот этого *потом*?

И потому
Пишу теперь, пока я на поляне,
У моего огня, в сквозном дыму,
Пока на это пламя, тьму сгущая,
Холодный пепел времени не лег...

А догорит костер, прошу тебя я,
Подписывать не надо некролог.
Вновь разложи огонь под скромным Довском
И без меня со странником другим
Поговори о жизни, о Твардовском,
Как мы с тобой сегодня говорим
На месте том, где бушевала битва...
Пусть наша память вечная о нем
Возносится, как жаркая молитва,
Сложив

ладони дыма
над огнем.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Мой шлях, ты всех переживешь — меня,
Тома стихов, друзей, любимых мною.
Но если вновь не избежишь ты дня,
Чреватого последнею войною,
Сражением добра с тем самым злом,
Которое у Бреста, под Москвою
Мы в сорок первом смертным жгли огнем, —
Тот день
и нашим будет Судным днем.

Тогда меня ты вспомни, как солдата,
Прости грехи, коль в чем повинен я,
И всё ж не дай под дулом автомата
Злу гнать мой стих на минные поля.
Не дай, чтоб за моей спиной, зверея,
Оно росло и в наступленье шло,
Позволь, чтоб стих мой миной был твоею
В бою, где кровью захлебнется зло.

Ты в Судный день позволь стиху взорваться
И самому свершить свой правый суд.
Позволь ему погибнуть, чтобы тут,
Где я теперь живу, ты мог остаться.
Чтоб здесь, где не напрасны были муки,
Где тяжкий труд не обратится в прах,
Ты, сын земли, всю Землю принял в руки.
О том тебя молю,
Варшавский шлях.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворное наследие А. А. Кулешова включает в себя оригинальные произведения различных жанров, в том числе около двадцати поэм, переводы поэтов братских республик Советского Союза и зарубежных авторов.

На белорусском языке издано около сорока книг поэта. Вышли из печати четырехтомное собрание сочинений («Збор твораў. У 4-х тамах», Мінск, 1966—1967), а также двухтомники (в 1957, 1964 гг.) и однотомники избранных произведений поэта (в 1947, 1948, 1951, 1954, 1966 гг. и др.). Наиболее полным изданием сочинений Кулешова на белорусском языке является пятитомник: Куляшоў Аркадзь, Збор твораў у пяці тамах (Мінск, 1974—1977), где стихотворения вошли в первый и пятый тома, поэмы — во второй, третий и пятый, стихотворные переводы — в первый и четвертый, а литературно-критические статьи — в пятый том. Это издание, тщательно подготовленное самим поэтом и отражающее его последнюю волю, дает окончательные редакции многих произведений и в некоторых случаях уточняет датировку.

В переводе на русский язык произведения поэта издавались много раз. Впервые на русском языке стихи Кулешова были выпущены отдельной книгой в Москве в 1940 г. («Дубрава», переводы Н. Сидоренко). Затем вышло около сорока книг, среди которых объемные однотомники избранных произведений и поэм 1947, 1948 (дважды), 1953, 1960, 1962, 1964 гг. и др. Двухтомное издание «Избранных произведений» Кулешова (М., 1968) не только отличается своей полнотой, но и указывает, каким из имеющихся переводов отдавал предпочтение сам автор и какие из своих произведений он считал наиболее заслуживающими внимания русского читателя. Поэт внимательно и требовательно относился к переводам своих сочинений, в большинстве случаев переводы подвергались авторизации. Многие переводы М. Исаковского, Я. Хелемского, Н. Кислика являются результатом многолетней творческой дружбы переводчиков с автором. Настоящее издание — самое полное собрание стихотворных произведений Кулешова на русском языке. Помимо ранее включавшихся в однотомники и двухтомник 1968 г. сочинений, сюда вошли стихотворения и поэмы последних лет, публиковавшиеся в книгах «Сосна и береза» (М., 1971), «Две поэмы» (М., 1973), «Скорость» (Минск, 1976). Впервые в настоящем издании публикуются на русском языке стихотворения «Прощай» и «Винтовка», специально переведенные для данного сборника Н. Кисликом (они отмечены в содержании звездочкой).

В сборнике два жанровых раздела: «Стихотворения», «Поэмы». Внутри каждого раздела произведения расположены в хронологическом порядке.

В первом разделе, кроме стихов цикла «Монолог», выделены стихотворения из ранних книг (№№ 1—18), как это делал сам поэт в двухтомниках «Выбранные творы» (Минск, 1964) и «Избранные произведения» (М., 1968).

Даты написания произведений, как правило, принадлежат автору. Некоторые стихотворения, вошедшие в первые книги, позднее перерабатывались, что обусловило их двойную датировку.

В примечаниях приводятся названия произведений на белорусском языке, в необходимых случаях — сведения историко-литературного характера и пояснения отдельных слов.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Автобиографический очерк «Несколько слов о себе» был написан А. А. Кулешовым в 1956 г. для изд.: Кулешов Аркадий, Стихотворения и поэмы, М., 1957, с. 5—8. Позднее с дополнениями и уточнениями публиковался на белорусском языке в кн.: Пяцьдзесят чатыры дарогі. Аўтабіяграфіі беларускіх пісьменнікаў, Мінск, 1963, с. 324—326. Окончательная редакция была сделана для изд.: Советские писатели. Автобиографии, т. 4, М., 1972, с. 337—339. Печ. по указанному изд.

Местечко — населенный пункт с некоторыми приметам города. *Отец и мать* — Кулешов Александр Николаевич (1888—1977) и Ротобильская Екатерина Фоминична (р. 1892), из крестьян, работали учителями начальной школы. О них рассказывается в автобиографической поэме Кулешова «Далеко до океана» (1971). «*Беларуская вёска*» («Белорусская деревня») — массовая крестьянская газета, издававшаяся в Минске в 20-е годы. *Мстиславль* — районный центр Могилевской области. *Таубин* Юлий Абрамович (1911—1937) и *Астапенко* Змитрок (Дмитрий Емельянович, 1910—1944) — белорусские поэты, близкие друзья Кулешова. Их памяти посвящен лирический цикл «Монолог» (1963—1966), дружба с ними отозвалась в автобиографической поэме «Далеко до океана» (1971). «*Чырвоная змена*» («Красная смена») — республиканская молодежная газета. «*Маладняк*» («Молодняк») — журнал литературной организации того же названия. «*Польмя*» («Пламя») — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, издаваемый в Минске с 1922 г.; в нем опубликовано большинство произведений поэта. «*Коммунисты*» — под таким названием изданы на белорусском языке и в переводе на русский книги Кулешова в 1948, 1949 (дважды), 1950 и 1951 гг. *Переведена на русский язык и сдана в издательство*. Поэма «Далеко до океана» в переводе Н. Кислика вышла в издательстве «Советский писатель» в 1971 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ РАННИХ КНИГ

Стихотворения №№ 1—18 входили в следующие ранние сборники А. Кулешова: «Росвіт зямлі» («Росвіт зямлі», 1930), «За песней, за сонцам!..» («Па песню, па сонца!..», 1932), «Мы живем на границе» («Мы жывём на граніцы», 1938).

1. Перевод стих. «Гармонік новы басовы рып. . .»

2. Перевод стих. «Радасна і шумна шалясцяць асіны...»
Шлях — наезженная дорога, путь.

3. Перевод стих. «На шляху».

4. Перевод стих. «Восень».

5. Перевод стих. «Раніца». *Зыбка* — колыбель, люлька.

6. Перевод стих. «Бывай...». В начале 70-х гг. композитор И. Лученок создал на слова стих. песню «Алеся», которая в исполнении известного белорусского вокально-инструментального ансамбля «Песняры» обрела общенародную популярность. Прообраз *Алеси* в этом и ряде других произведений Кулешова (стих. «Дороги», поэмы «Только вперед» и «Далеко до океана») — подруга поэта школьных лет Александра Корыткина (Белозерова).

7. Перевод стих. «Ростань». Стих. посвящалось школьному товарищу Алексею Горбикову, уезжавшему после выпускного вечера на шахты в Донбасс (см. об этом: Бярозкін Р., Аркадзь Куляшоў, Мінск, 1978, с. 15).

8. Перевод стих. «Абодва мы зямлёю ўздадзаны...».

9. Перевод стих. «Малацьба».

10. Перевод стих. «Ночка сядзе на сучча рабін...».

11. Перевод стих. «Як дзень адыходзіць...».

12. Перевод стих. «Сібір». *Роба* — рабочая одежда. *Чугунка* — железная дорога.

13. Перевод стих. «На лесанарыхтоўках». *Запань* — заграждение на реке для собирания сплаваемого леса, а также для хранения и сортировки его.

14. Перевод стих. «Дарогі».

15. Перевод стих. «Табуны».

16. Перевод стих. «З дзённіка брыгадзіра». По свидетельству очевидцев, когда молодой Кулешов читал это стихотворение на литературном вечере, посвященном проводившемуся тогда в Минске пленуму правления Союза писателей СССР, сидевший в президиуме Борис Корнилов громко воскликнул: «О, из этого парнишки вырастет на-а-стоящий поэт» (Бярозкін Р., Мінскі, паэтычны... «Літаратура і мастацтва», 1968, 26 апреля). *Корчы* — здесь: корень, коряга. *Клевец* — зубец для грабель. *Централка* — охотничье ружье.

17. Перевод стих. «Поспех». *Стерня* — сжатое поле, жнивьё.

18. Перевод стих. «Чараўніца». *Большак* — большая дорога (в отличие от проселочной).

19. Перевод стих. «Дружба». Вместе с №№ 20—30, 32—35. 39 входило в цикл «Юношеский мир» («Юнацкі свет»), который печатался в журнале «Польмя» в 1939, № 4 и 1940, № 3, в газете «Літаратура і мастацтва», 1940, 1 января. Цикл получил широкое признание у читателей и критики. См. вступ. статью, с. 15.

20. Перевод стих. «Песня лістаносца».

21. Перевод стих. «За дваіх». Написано в память о школьном товарище Миколе Бордоне, безвременно умершем в 1930 г. Бордону, бывшему талантливым литератором (под псевдонимом Микола Востры печатал в республиканской периодике стихи, прозу и литературно-критические статьи), Кулешов посвятил книгу «Медный дождь» («Медзі дождж», Мінск, 1932), о нем вспоминал в поэме «Только вперед».

22. Перевод стих. «Воблака».

23. Перевод стих. «Ельнік».

24. Перевод стих. «Карусель».

25. Перевод стих. «Шэршні».

26. Перевод стих. «На сотай вярсце». *Пряжмо* — пучки ржаных колосьев, подсушенных на костре.

27. Перевод стих. «Млын».

28. Перевод стих. «Хатка». *Журавинка* — клюквинка.

29. Перевод стих. «Бюро даведак».

30. Перевод стих. «Музыка». «*Досада*» — популярная в 30-е гг. народная песня.

31. Перевод стих. «Вінтоўка». Написано в связи с событиями сентября 1939 г., когда после нападения фашистской Германии на Польшу Советское правительство взяло под защиту население западных областей Белоруссии и Украины.

32. Перевод стих. «Глушцы». *Ягдташ* — охотничья сумка для дичи.

33. Перевод стих. «Вуліца Маскоўская».

34. Перевод стих. «Добры чалавек». *Осока* — многолетняя болотная трава с упругими, узкими и длинными листьями.

35. Перевод стих. «Стаіць на ўзлессі дом. . .».

36. Перевод стих. «Магілёўская хмарка». *Кричев* — районный центр Могилевской области, неподалеку от него начинается Смоленская область РСФСР.

37. Перевод стих. «Плыла, цалавалася хмара з зямлёй. . .».

38. Перевод стих. «Станцыя Камунары». *Коммунары* — железнодорожная станция и поселок в Могилевской области, в 33-х километрах от Самотеевич, родины поэта.

39. Перевод стих. «Ранак».

40. Перевод стих. «Мая Бесядзь». *Беседь* — река в родных местах Кулешова. *Качя* (канюк) — полевой коршун, вид ястреба. «Качня плачт, у бога воды просит» — народная примета во время засухи.

41. Перевод стих. «Паведамленне ТАСС». *Навек забыцца і заснуць* — слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу. . .».

42. Написано на русском языке и опубликовано в газ. «Знамя Советов», 1941, 16 октября, под загл. «Приговор отца». В пятитомнике («Збор твораў у пяці тамах», т. 5, Мінск, 1977) предваряется заметкой «Фронтowej репортаж», где Кулешов писал: «В годы Великой Отечественной войны я работал в газете «Знамя Советов» на Северо-Западном фронте в качестве писателя-фронтовика. Ежедневной красноармейской газете нужен был оперативный материал, который по горячим следам освещал бы ход боевых событий, учил бойцов сражаться и побеждать гитлеровцев, рвавшихся к Ленинграду. Такой цели служили и рифмованная шапка-лозунг над газетной полосой, и стихотворение-наказ, заверстанное рядом с передовой статьей или очередной сводкой Совинформбюро, и приключения находчивого весельчака солдата Алексея Петрова».

43. Перевод стих. «Млынар».

44. Перевод стих. «Віцебская махорка».

45. Перевод стих. «Балада аб чатырох заложніках». *Батка Минай* — Шмырев Минай Филиппович (1891—1964), один из руководителей партизанского движения в Белоруссии; троих его детей и сестру гитлеровские оккупанты взяли в качестве заложников и расстреляли. Стих. Кулешова получило горячий отклик у читателей. Белорусский поэт А. П. Белевич (1914—1978), доставивший в годы войны стихотворение из Москвы в партизанский край, описал, как впервые читал его, весь в слезах, батка Минай (см. об этом: Бялевич Антон, Чарадзі, Мінск, 1970, с. 116—117).

46. Перевод стих. «Над брацкай магілай». *Криница* — родник, ключ. *Чабер* — растение из семейства губоцветных.

47. Перевод стих. «Ліст з палону». Было напечатано в газ. «За свабодную Беларусь», 1942, 27 августа, рядом с заметкой «Русская девушка в Кельне», где приводилось письмо полонянки Ольги Селезновой к своей матери. *Неизвестно куда напишу я* и т. д. Имеются в виду слова «Напиши. . . куда-нибудь» из популярной песни

«Комсомольская прощальная» («Дан приказ: ему — на запад...») М. Исаковского, музыка Дм. и Дан. Покрасс.

48. Перевод стих. «Маці».

49. Перевод стих. «Камсамольскі білет». Написано по заданию политотдела 11-й армии на основе конкретного факта: на Брянском фронте гитлеровцы казнили бойца-комсомольца, облив его водой на морозе. Кат — палач.

50. Написано на русском языке. Опубликовано в газ. 11-й армии Брянского фронта «Знамя Советов», 1943, 28 июля, под загл. «Вперед на врага». См. также прим. 42.

51. Перевод стих. «Пад восеньскім небам».

52. Перевод стих. «Бязрозка».

53. Перевод стих. «Галубкі».

54. Перевод стих. «Адказ».

55. Перевод стих. «Балада аб знойдзенай падкове». *Счастье леснику-отцу* и т. д. Найти подкову — счастливая примета в народных верованиях. *Стреха* — нижний, свисающий край крыши.

56. Перевод стих. «Алёнка».

57. Перевод стих. «Крылы».

58. Перевод стих. «Слова да Аб'яднаных Нацый». *Майданек, Освенцим* — немецко-фашистские концлагеря в годы второй мировой войны, в которых были уничтожены миллионы людей. *Бродвей* — одна из главных улиц в Нью-Йорке.

59. Перевод стих. «Балада пра вестку».

60. Перевод стих. «Дом».

61. Перевод стих. «Колас».

62. Перевод стих. «Чмель».

63. Перевод стих. «Сланечнік».

64. Перевод стих. «Вяселле».

65. Перевод стих. «Лісты».

66. Перевод стих. «На полі бою».

67. Перевод стих. «Карандаш». *Сакко Н.* (1891—1927) и *Ванцетти Б.* (1888—1927)) — итальянские эмигранты, рабочие-революци-

онеры, казнены в США по абсурдному обвинению после вызвавшего протесты во всем мире судебного процесса, устроенного американской реакцией для расправы с мужественными борцами.

68. Перевод стих. «Пасведчанне».

69. Перевод стих. «Балада пра вока». *Фучик* Юлиус (1903—1943) — чешский писатель, герой антифашистской борьбы, член подпольного ЦК КПЧ, в тюрьме создал книгу «Репортаж с петлей на шее», казнен в Германии.

70. Перевод стих. «Навагодняя ёлка».

71. Перевод стих. «Зямля». Вызвало восторженную оценку первого белорусского космонавта дважды Героя Советского Союза П. И. Климук, писавшего, что в космосе он испытывал чувства, близкие к высказанным в стих. «Земля» (см. об этом в кн.: Климук П. И., Рядом со звездами, М., 1979, с. 217—218).

72. Перевод стих. «Быліна пра волата».

73. Перевод стих. «Камуністы».

74. Перевод стих. «Жывы Ленін». У *Сиваша свинцом косила*. Сиваш — система мелких заливов у западного берега Азовского моря — в 1920 г. был форсирован Красной Армией, что послужило началом разгрома армии Врангеля.

75. Перевод стих. «Вянок». *Святязь* — озеро в Новогрудском районе Гродненской области, воспетое А. Мицкевичем в балладах «Святязь» и «Свитезянка», постросенных на белорусских народных преданиях. *Земляк-поэт* — Мицкевич, который родился и молодые годы провел в Белоруссии. *Марыля Верещак* — возлюбленная А. Мицкевича.

76. Перевод стих. «Аб любві». Первоначально публиковалось вместе с № 77 под загл. «Зямля і сонца».

77. Перевод стих. «Аб рэўнасці». См. прим. 76.

78. Перевод стих. «Ты і я».

79. Перевод стих. «Маё пасведчанне».

80. Перевод стих. «Інтэрнацыянал». *Тайвань* — провинция Китая на одноименном острове, после образования КНР в результате пособничества США осталась под властью гоминдановцев.

81. Перевод стих. «Балада аб жывой газеце».

82. Перевод стих. «Размова з патомкам». *Песня моя не взошла меж цветов* — реминисценция из стих. Янки Купалы «Песня мая».

83. Перевод стих. «Маё сэрца ў бары».

84. Перевод стих. «Народжаны ў век наш грозавы...».

85. Перевод стих. «На пасадзе цяжкой».
86. Перевод стих. «Пра восень». *Сивер* — северный ветер.
87. Перевод стих. «Калі вясною закукуе. . .».
88. Перевод стих. «Чалавек юбілейнага ўзросту. . .» *«Болтуны»* — неплодные куринные яйца.
89. Перевод стих. «Да паэзіі».
90. Перевод стих. «Элегія».
91. Перевод стих. «Ужо даўно абрус зімовы. . .».
92. Перевод стих. «Спакойнага шчасця. . .».
93. Перевод стих. «Чужой любві я не зайздросчу. . .».
94. Перевод стих. «Нібы здраду салдат. . .».
95. Перевод стих. «Перад дарогай».
96. Перевод стих. «Я пісаў бы, як раней, пра зоры. . .».
97. Перевод стих. «Пра Марс».
98. Перевод стих. «Пра вечнае пяро». *Нагасаки* — город в Японии, на который 9 августа 1945 г. была сброшена американская атомная бомба.
99. Перевод стих. «Апошняя кніга».
100. Перевод стих. «На паўмільярдным кіламетры». *Жалейка* — народный музыкальный духовой инструмент в виде деревянной трубки с раструбом из коровьего рога или бересты.
101. Перевод стих. «Есць у паэта свой аблог цалінны. . .».
102. Перевод стих. «Усім барознам. . .».
103. Перевод стих. «Ад шчасця сэрца скача, як дзіця. . .».
104. Перевод стих. «Гадзіннік мой — не сонца, што ў зеніце. . .». *Рушник* — полотенце.
105. Перевод стих. «За годам год». Стихи 105—124 написаны по возвращении из Соединенных Штатов Америки, где Кулешов находился свыше трех месяцев в 1961 г. в качестве члена делегации Белорусской ССР на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.
106. Перевод стих. «Нябёсы — акіяны, я знаў даўно. . .».
107. Перевод стих. «Шторм акіянінскі стрэў на трэці дзень я. . .».

108. Перевод стих. «Сышлося неба з акіянам блізка...».
109. Перевод стих. «Стаю і з пачуццём неўтаймаваным...».
110. Перевод стих. «Не злуйся, акіян; калі натраплю...».
111. Перевод стих. «Адвечны час з нябачных нам дарог...».
112. Перевод стих. «Ты згасіш сонца, час...».
113. Перевод стих. «Сама Зямля не вечна...».
114. Перевод стих. «Сцвярджае час...».
115. Перевод стих. «Калі з зямлі...».
116. Перевод стих. «Парушыўшы законы прыцягнення...».
117. Перевод стих. «Мне сніўся сон...».
118. Перевод стих. «Праз дзесяць год ты з'явішся з-за хмары...».
119. Перевод стих. «Я ў лузе кветкі не сарваў ніводнай...».
120. Перевод стих. «Не старадаўні бард, але...» *Млечный Шлях* — Млечный Путь.
121. Перевод стих. «Мне кожны дзень, нібы жыццём другім...».
122. Перевод стих. «Таварыш соснам, караедам вораг...».
123. Перевод стих. «Маёй рукой пасаджанай бярозе...».
124. Перевод стих. «Я гіну ад бяздзейнасці не месяці...».
125. Перевод стих. «Я музу параўнаў бы з роднай маці...».
126. Перевод стих. «Мы славу параўноўваем з віном...».
127. Перевод стих. «Людское сумленне за грошы...».
128. Перевод стих. «Падлетак я — ад пят і да валос...».
129. Перевод стих. «Ужо з другім заручана дзяўчына...».
130. Перевод стих. «Лес адпалаў і чорным стаў ад страты...».
131. Перевод стих. «Палын не трэба ні млынам, ні зводкам...».
132. Перевод стих. «Я хаце абавязаны прапіскаю...».
133. Перевод стих. «Салдатаў веку...». *От тела душу веет* и т. д. Реминисценция из «Слова о полку Игореве»: «На Немиге снопы стелют из голов... веют душу от тела».
134. Перевод стих. «Завяе лісцяў у сняжынак пух...».

135. Перевод стих. «Бег цень мой на гару...».

136. Перевод стих. «Сябры, каго вайна скасіла кулямi...».

137—149. Перевод цыкла «Маналог». *Астапенко* и *Таубин* — см. о них во вступ. статье, с. 12 и в прим. к автобіографіі Кулешова, с. 510.

1. Перевод стих. «Калі і дзе, я ўдакладняць не стану...».

2. Перевод стих. «Сябры мае! Пад пустак дыванамі...».

3. Перевод стих. «Быў кожны з вас адважных стартаў варты...». Эпіграф — из стих. Таубина «На старт».

4. Перевод стих. «Не бачыўся я ўсё жыццё амаль...».

5. Перевод стих. «Як мне сябрам паклон адважыць нізкі?...». *Единственные памятники — книжки Посмертные*. В 1957 г. в Минске были изданы книги избранных произведений Астапенко и Таубина.

6. Перевод стих. «Глядзіце без дакору і пагарды...».

7. Перевод стих. «Так, мы — сябры па сэрцу і па зброі...».

8. Перевод стих. «Адзіным дрэвам дружбы мы раслі...».

9. Перевод стих. «Адзін памёр ад тыфусу брушнога...». *Один скончался от брюшного тифа — Таубин. Другой на фронт* — Астапенко.

10. Перевод стих. «Яны ў мае наведваліся сны...».

11. Перевод стих. «Датуль мне ў снах з'яўляліся яны...».

12. Перевод стих. «Хваробу, што здароўе падкасіла...».

13. Перевод стих. «Мой маналог, як палымяны конь...».

150. Перевод стих. «Пра асіны».

151. Перевод стих. «Зямля ўцякае начамі...».

152. Перевод стих. «Я з юнацкіх год лічуся вязнем...».

153. Перевод стих. «7 лістапада 1966 года».

154. Перевод стих. «Пасля хваробы доўгай...».

155. Перевод стих. «Сноп апошні залатога жыта...».

156. Перевод стих. «Пра боль».
157. Перевод стих. «Пашанцавала тройчы мне...».
158. Перевод стих. «Глыбокі лістапад у Белавежы». *Беловежые* — Беловежская пушча, расположена на западе Белоруссии и частично на территории ПНР, один из крупнейших лесных заповедников в Европе.
159. Перевод стих. «Сасна і бяроза».
160. Перевод стих. «Даўно закончыліся спрэчкі...».
161. Перевод стих. «Не сустракацца...».
162. Перевод стих. «Пад гарою...». *Пестрак* Филипп Семенович (1903—1978) — белорусский поэт и прозаик, до воссоединения с Советской Белоруссией в сентябре 1939 г. активный участник революционной борьбы трудящихся Западной Белоруссии, около одиннадцати лет провел в тюрьмах.
163. Перевод стих. «Балада».
164. Перевод стих. «Над спаленай вёскай». *Хатынь* — белорусская деревня в 54 км от Минска, сожженная 23 марта 1943 г. карательным батальоном немецко-фашистских войск вместе с жителями (26 дворов, 149 человек, в том числе 75 детей). На месте прежней Хатыни ныне воздвигнут мемориальный архитектурно-скульптурный комплекс.
165. Перевод стих. «Апошні сноп на сённяшнім жніве». №№ 165—175 входили в последнюю прижизненную книгу Кулешова «Хуткасьць» (Мінск, 1976). В переводе на русский язык: «Скорость», Минск, 1978.
166. Перевод стих. «Пра славу».
167. Перевод стих. «Слова пра вала».
168. Перевод стих. «Парада сабе самому». *В нем шесть десятков зим*. Написано в преддверии шестидесятилетия Кулешова.
169. Перевод стих. «Пастух». *Мне и песен чужих переводы*. Кулешов многие годы активно и плодотворно занимался переводческой деятельностью. Им переведены на белорусский язык «Цыганы» и «Евгений Онегин», многие стихотворения А. Пушкина, «Анна Снегина» и стихотворения С. Есенина, стихи М. Исаковского, М. Луконина, Р. Гамзатова, К. Кулиева, Г. Каменецкого, И. Харика и многих других советских поэтов. В 1970 г. Кулешову за переводы книг «Избранная поэзия» Лермонтова, «Энеида» И. Котляревского и «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло была присуждена Государственная премия БССР имени Янки Купалы. За переводы произведений Т. Шевченко, И. Котляревского, А. Малышко, М. Нагинбеды, Л. Первомайского и других мастеров украинской поэзии указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР Кулешову в 1973 г. было

присвоено звание заслуженного работника культуры Украинской ССР.

170. Перевод стих. «Не з горшых той сусед...».

171. Перевод стих. «Зайздросчку я мастам...».

172. Перевод стих. «Запісная кніжка». Кулиев Кайсын Шуваевич (р. 1917) — балкарский поэт, народный поэт Кабардино-Балкарской АССР, с которым Кулешова связывала многолетняя творческая дружба. В 1974 г. в Минске в переводе Кулешова была издана на белорусском языке «Книга земли» Кулиева, во вступительной заметке «От переводчика» Кулешов давал высокую оценку творчеству балкарского поэта. В свою очередь, Кулиев неоднократно с восхищением отзывался о поэзии Кулешова. Вспоминая свои впечатления от поэмы Кулешова «Знамя бригады» в годы войны, Кулиев писал в «Литературной газете» (1974, 6 февраля): «Я еще никак не мог знать, что Кулешов станет для меня не только одним из любимых поэтов, но и дорогим и близким моей душе человеком».

173. Перевод стих. «Слова невядомага салдата».

174. Перевод стих. «Мой Новы год». *Тебе сегодня — шестьдесят.* Стих. написано в канун шестидесятилетия поэта, широко отмеченного общественностью в феврале 1974 г.

175. Перевод стих. «Хуткасць».

ПОЭМЫ

К большой поэтической форме поэт обращался на всех этапах своего творчества. Кроме включенных в наст. издание, им были созданы поэмы: «Обида» (1930—1931), «Аммонал» (1931—1932), «Антон Шандобыла» (1932—1934), «Баранов Василь» (1937—1940), «Новое русло» (1948), «Победа» (1949), «Песня о славном походе» (1935—1951), «Грозная пуща» (1952—1966) и др. Нередко поэмы Кулешова вызвали споры, получали противоречивые оценки критиков (так было с поэмами «Аммонал», «Антон Шандобыла»), но почти всегда они воспринимались как значительные поэтические явления, находящиеся на стремном литературного процесса. Многие поэмы Кулешова принадлежат к бесспорным достижениям белорусской и всей советской поэзии. Свидетельство высокого общественного признания творческих заслуг Кулешова — Государственные премии СССР 1946 и 1949 гг., присужденные ему за поэмы «Знамя бригады» и «Новое русло».

176. Перевод поэмы «У зялёнай дуброве». В автобиографии (см. с. 44) Кулешов называл это произведение поэмой-песней. Ее близость к народно-песенной традиции сказывается в насыщенности текста специфической лексикой и фразеологией, в обыгрывании элементов народной обрядности, изменившихся в условиях преображенной жизни. В стихе поэмы отчетливо ощущаются интонации популярной белорусской песни «Бывайце здаровы» («Бывайте здоровы, Живите богато!...»), получившей в русском переводе всесоюзное рас-

пространение (слова А. Русака, перевод М. Исаковского, музыка И. Любана). А. Твардовский в статье «Зрелость таланта» писал: «И хотя в поэме, как и в этой песне, отразилась одна только сторона довоенной колхозной жизни — праздничная, — ее живой народный песенный лад и склад речи, живописность картин родной природы, мсткость деталей сельской жизни в ее обновленном облике и теперь еще способны вызывать дружелюбное внимание читателя, чего не скажешь о многих и многих стихотворных произведениях такой давности» («Правда», 1964, 16 августа). В статье «О новой земле» Кулешов, говоря о «Сельской хронике» Твардовского (статья посвящалась шестидесятилетию выдающегося русского поэта), как бы объяснял истоки «праздничного колорита» и своей поэмы «В зеленой дуброве»: «Здесь дело скорее в горячей увлеченности... миром трудового содружества, нового и небывалого в истории села, а поэтому такого дорогого и просветленного. Поэзия вдохновенного труда, любви, дружбы сама по себе вещь не новая, ибо и труд, и любовь, и дружба — извечное достояние людей. Всегда человек стремился к полной раскрепощенности чувств, которые попирались, калечились условиями рабской зависимости, мелкособственнической ограниченности» (Куляшоў Аркадзь, Збор твораў у пяці тамах, т. 5, Мінск, 1977, с. 462). 1. «*Червоная зорка*» («Красная звезда») — название колхоза. *Покут* — передний, «красный» угол. 2. *Вир* — омут, водоторот. «*Прощанье*» — вероятно, прощальный марш. «*Досада*» — популярная в 30-е гг. народная песня. 5. *Гать* — настил из бревен или хвороста для проезда через топкое место.

177. Перевод поэмы «Хлопцы апошняй вайны». 1. *Буры* — потмки голландских колонистов в Южной Африке; в 1899 г. Англия развязала захватническую войну против южноафриканских бурских республик Оранжевой и Трансвааля, которые, несмотря на героическое сопротивление населения, в 1902 г. были превращены в английские колонии. 2. *Не стыдно ли было писать Про сотые версты, про карусели!* Имеются в виду стих. Кулешова «На сотой версте» и «Карусель». 4. *Нас десять*. Здесь и далее поэма переключается с посвященной событиям первой мировой войны поэмой «Обида» (1930—1931), во второй части которой («Десять») рассказывалось о том, как «десять человек — хромых калек», возвращаясь с войны, несли домой обиду «за всё это горе». «*Картошка*» — популярная пионерская песня, музыкальная обработка М. Иорданского. *Желна* — дятел. 5. *Трак* — звено гусеничной цепи трактора, танка. *Иприт* — горчичный газ, боевое отравляющее вещество. *Для крупновской Жадной утробы*. Заводы «пушечного короля» Круппа были одним из основных arsenалов германского империализма в обеих мировых войнах.

178. Перевод поэмы «Сцяг бригады». Создана за сорок дней в период работы в газете 11-й армии «Знамя Советов». В основу поэмы легли личные впечатления автора, которому привелось видеть, как горел разрушенный Минск, и самому пройти вместе с отступающими воинами многие километры тяжелого пути. О возникновении и воплощении замысла поэмы известно из интервью, взятых у автора в разное время корреспондентами белорусских и всесоюзных изданий: «*І слова, і песня*» (запись П. Шевцова). — «Літаратура і мастацтва», 1975, 28 марта; «*Этапы вялікага шляху*» (запись В. Ани-

сковича). — «Літаратура і мастацтва», 1977, 18 марта и др. В статье Е. Медведевой «Автограф поэзии» («Известия», 1973, 25 октября) приводится следующий рассказ поэта:

«— Когда я приступил к работе над поэмой, я уже точно знал, что скажу в каждой главе, — вспоминает Аркадий Кулешов. — Ведь замысел сначала рождается эмоционально, в душе, но для его воплощения мне всегда нужен какой-то внешний толчок, счастливая мысль, от которой вдруг все проясняется, все становится на свои места.

— Что же это был за внешний толчок?

— Да, казалось бы, самый обыкновенный. К тому времени я служил младшим политруком в одиннадцатой армии Северо-Западного фронта. Как-то я прочел в армейской газете «Знамя Советов» заметку о человеке, который в тяжелейшем бою спас знамя своей части. А толчком оказалось совещание армейских политработников, на котором говорили о чести знамени. Возвращаясь с совещания, я уже знал, что напишу „Знамя бригады“. Наиболее подробно творческая история поэмы рассказана в кн.: Міцкевіч У., Аркадзь Куляшоў у школе, Мінск, 1979. У народного поэта Белоруссии П. Е. Папченко сохранилось несколько адресованных ему писем Кулешова военного времени, в которых речь идет о поэме. В декабре 1942 г. в Москве на квартире Твардовского Кулешов прочел свою поэму группе писателей. Позднее, в 1946 г., Твардовский вспоминал: «Первоначальное знакомство с этой вещью — одно из самых ярких и дорогих для меня литературных воспоминаний военного времени...»

Покамест он не начал читать, я, как и другие товарищи, по собственному опыту знавшие трудности фронтовых условий работы, просто дивился тому, как в этих условиях человек нашел время и силы написать такую большую вещь, которая к тому же не могла даже идти в зачет его работы в газете, так как была написана на белорусском языке. Но с первых же глав поэмы, прочитанных автором, стало ясно, что он просто не мог не написать ее. Это было слово, которое не ждет особых внешних условий, чтобы явиться из сердца поэта, а даже скорее всего и естественнее может явиться тогда именно, когда трудно.

И чем дальше читал Кулешов, тем все чаще мы просили повторить отдельные места и порывались заглянуть в рукопись своим глазом, еще раз убедиться, что они есть на самом деле, эти за душу берущие и полные большой новизны и силы слова и строки. И самое начало поэмы — почти перифразировка лермонтовских строчек — приобрело в сочетании со всем остальным убедительную законченность и свежесть, утратив оттенок литературной зависимости.

..В самом общем смысле поэма эта была голосом сердца, полного боли за родную белорусскую землю, плачем по ней и горячей светлой веры в ее силы к борьбе, в ее освобождение. И голос этот прозвучал еще тогда, когда не только вся Белоруссия находилась под игом немецко-фашистских захватчиков, но и много русской земли на восток от нее» (Твардовский А. Т., Собр. соч. в 6-ти тт., т. 5, М., 1980, с. 36—37).

Сохранилась также запись Твардовского о первом чтении поэмы у него на квартире (опубликована М. И. Твардовский вместе с перепиской Твардовского и Кулешова под загл.: «...И остаются с нами». — «Неман», 1980, № 9, с. 120). Твардовский сразу же послал поэму М. Исаковскому в г. Чисгополь, где жили тогда эвакуированные из Москвы семьи писателей-фронтовиков и писатели, не попав-

шие на фронт по состоянию здоровья. Поэма в переводе Исаковского была напечатана в журн. «Знамя», 1943, № 2—3. О незабываемом впечатлении, произведенном поэмой в ту пору, вспоминали позднее М. Лукошкин (см. его кн.: Товарищ Поэзия, М., 1963, с. 100), М. Дудин (см. в кн.: Кулешов Аркадий, На полумиллиардном километре, М., 1974, с. 8), К. Кулиев (в «Литературной газете», 1974, 6 февраля). Поэма переведена на многие языки в СССР и за рубежом. В 1970 г. в Минске выпущено отдельное издание, в котором вместе с белорусским текстом помещены переводы на русский язык М. Исаковского и на украинский — И. Выргана. 1. *Как дубовый листок, что оторван от ветки родимой* — неточная цитата начала стихотворения М. Ю. Лермонтова «Листок». В статье Е. Медведевой «Автограф поэзии» приводятся слова Кулешова: «Мне тогда Николай Асеев сказал: «Как это вы додумались так вольно обращаться с классиком?» — и, выдержав паузу, насладившись моим смущением, вдруг весело добавил: «Впрочем, так им и надо». Конечно, это была шутка, но если говорить серьезно, то я очень люблю Лермонтова — он близок мне, я заражаюсь его настроением» («Известия», 1973, 25 октября). 2. *Зарудный — Комиссар полковой*. Прообразом Зарудного в поэме послужил в определенной степени член Военного Совета 11-й армии комиссар Иван Васильевич Зуев, который был, по словам Кулешова, «умным, ярким человеком, обладающим каким-то удивительным свойством притягивать к себе людей». Героически погиб в одном из сражений. «Я не писал портрет Зуева, — говорил Кулешов, — но встреча с ним не могла пройти бесследно, она работала на образ Зарудного» (см.: «Литературная газета», 1975, 1 января). 3. *Застрешье* — край крыши, который нависает над стеной. 4. «*Лявониха*» — белорусская народная плясовая песня. *Соловки* — Соловецкие острова на Белом море. 5. *Домовина* — гроб. 6. *Левитан* Ю. Б. (1914—1983) — диктор Всесоюзного радио. *Жлобинский ров* — место массовых казней во время немецко-фашистской оккупации возле Жлобина, районного центра Гомельской области. 7. *Фурманки* — повозки.

179. Перевод поэмы «Прыгоды цымбал». Поэма, по словам автора, в значительной степени навеяна его разлукой с семьей, которая осталась в оккупированной захватчиками Белоруссии. Создавалась в Москве, в Центральном штабе партизанского движения, куда поэт был отозван летом 1944 г. после расформирования 11-й армии, в которой поэт воевал под Старой Руссой, на Орловско-Курской дуге, на Брянщине и на Гомельщине. Зерно первоначального замысла — в небольшом отрывке, входившем в поэму «Знамя бригады» и позднее выделенном из нее в самостоятельное стихотворение «Быль о цимбалах и цимбалисте»:

Это всё на дороге лесной
Рассказали нам люди бывалые:
Жил в деревне родной
Цимбалист
Со своими цимбалами.

Но вломилась враги,
И опять
Застонали просторы родные;
Перестали цимбалы играть —

Струны медные,
Струны стальные.

На войну,
Покидая свой дом,
Он ушел потаенной тропой,
А цимбалы к востоку лицом
Под отцовской повесил стрехою.

И весь край белорусский родной,
Всё, что пело, росло и цвело в нем,
Захватил он в дорогу с собой, —
Всё вместил в своем сердце сыновнем.

Он вместил вековые леса,
Реки, села, холмы и дороги,
Журавлей голоса
И серебряный месяц двурогий.

(см.: Кулешов Аркадий, Знамя бригады. М., 1943, с. 42).

Цимбалы — в Белоруссии один из главных народных инструментов; часто упоминаются в сказках и песнях, в быту сопровождают танцы. *Наузник* — ловушка, которая выставляется в лесу для поимки диких пчел. *Мыс Доброй Надежды* — один из самых южных мысов Африки. 1. *Дол* — здесь: могила. 2. *Пробой* — металлическая дужка для навешивания замка. 3. *Оратай* — пахарь. *Коники* — кузнечики. 6. *Стреха* — здесь: крыша. 9. *Лядо* — участок вырубленного леса или кустарника.

180. Перевод поэмы «Дом № 24». Написана в июле 1944 г. в только что освобожденном от фашистов Минске, который был превращен в руины. А. Белевич вспоминал: «Еще дымилась головешки, не остыли руины, пепелища родного Минска, когда мы проходили по его печальным улицам, а где-то далеко уже на западе, за старой границей, гремела канонада войны. На Северном переулке, в основном домике, где я жил до войны, поселился и Аркадий Кулешов. Был я свидетелем его огромного, неукротимого трудолюбия. Еще, бывало, спят в жите перепелки, которых можно было тогда услышать на окраине города, а Кулешов уже за столом. Окутавшись густыми клубами махорочного дыма, он уже черкает карандашом по бумажному листу. Ночью, вероятно, поэтом было задумано, продумано, «написано» в голове все то, что теперь кладется на бумагу строчками, ибо кладутся они теперь очень быстро. И еще раз удивил меня этот чародей: за дней десять написал он поэму „Дом № 24“» (см. кн.: Бялевич Антон, Чарадзеі, Мінск, 1970, с. 113).

181. Перевод поэмы «Толькі ўперад». Поэма автобиографична. Написана за десять дней под впечатлением посещения после войны родных мест на Могилевщине. Эпиграф — из стихотворения А. Твардовского «Друзьям». 2. *Каникула* — древнее название звезды Сириус. Кулешов вначале хотел дать поэме название «Зорка Каникула» («Звезда Каникула»). *Алеся* — см. прим. 6. *На Илью* — 20 июля (ст. ст.), в народном календаре пора зрелого хлеба. *Умер школьный товарищ*. Здесь вновь говорится о Миколе Бордоне (см. прим. 21). «*Смело, товарищи. . .*» — популярная в революционной среде песня, слова и му-

зыка Л. П. Радица. 3. *Песня... о Ермаке* — популярная песня «Смерть Ермака», слова К. Ф. Рылеева.

182. Перевод поэмы «Цунами». *Цунами* — гигантские волны, возникающие на поверхности океана в результате сильных подводных землетрясений или извержений подводных и островных вулканов. Производят опустошительные разрушения на суше. Скорость распространения цунами от 50 до 1000 километров в час. С овладением атомной энергией у человека в руках появилось средство вызывать по своему произволу сотрясения, доступные ранее лишь самым разрушительным явлениям природы. 3. *Гейгеровский счетчик* — счетчик Гейгера, прибор для определения дозы радиоактивного излучения.

183. Перевод поэмы «Далёка да акіяна». Замысел поэмы возник в 1951 г., после встречи с Алесей (см. прим. 6). Тогда в пути из Быхова в Минск определился ритм и родились первые строчки. Но воплощение замысла осуществилось намного позднее — в конце 60-х гг., причем к работе над поэмой Кулешова побуждал Твардовский, писавший ему 28 декабря 1967 г.: «Вот что мне пришло на мысль как-то: ты должен засесть за автобиографическую повесть — ты мне кое-что рассказывал о своем детстве, помнится, есть великолепные эпизоды, например, как ты жил мальчишкой один в хате и тому подобное. Уверен, что получится». Уже 9 января 1968 г. Кулешов отвечал Твардовскому: «Дорогой Александр Трифонович! Твое предложение засесть за автобиографическую повесть не явилось для меня неожиданностью. Эту идею ты заронил мне еще в Барвихе, когда я рассказывал о своем детстве. Помнится, ты тогда советовал мне вести «записки». С тех пор «записки» и эпизоды детства живут рядом в сознании. Возможно, форма «записок» о сегодняшнем дне и подскажет необычное отношение к детству и юности. Впрочем, наперед не надо заглядывать. Непринужденность рассказа, форма вещи не придумываются, не приходят заранее, а вырабатываются ежедневным кропотливым общением пера с бумагой. Невольно думаешь, хватит ли на это сил? Попробую, авось с твоей легкой руки и преуспею в новом году в новом для меня жанре «презренной» прозы. А ведь, если судить по годам, давно бы уже пора!» Публикуя эти письма в журн. «Неман» (1980, № 9, с. 119—142), М. И. Твардовская приводит также ответ Кулешова на ее вопрос, осуществилось ли намерение писать прозу. Кулешов сообщил: «Вместо автобиографической повести в прозе я написал поэму «Далеко до океана». Первые десять глав ее (или шесть, кажется) А. Т. читал, имел со мной долгую, по поводу их, и очень хорошую и приятную для меня беседу. В результате прочтения первых глав он заключил с переводчиком договор по самой высокой ставке и тем самым как бы обязал меня печатать эти первые главы в «Новом мире», и они были напечатаны там после ухода А. Т. из журнала». Поэма в переводе на русский язык Н. Кислика полностью была напечатана в «Новом мире» (1970, № 7 и 1971, № 3). Как вспоминал Кулешов, Твардовскому особенно понравились главы: «Хата», «В голодный год», «Огонь». Твардовский поддержал намерение автора «взрывными» лирическими вставками «выносить» действие в новые «круги» жизни. Интересовался, что же будет дальше, спрашивал: а как же поступишь с войной? Поэма возвращает в детские и юношеские годы автора, в ней легко узнаются некоторые, уже нашедшие отражение в стихах поэта автобиографические подробности. В героях поэмы

Змитроке Притапенко и Юлии Гомоне угадываются поэты Змитрок Астапенко и Юлий Таубин, друзья поэта, вновь возникает образ Алеси (см. прим. 6). Вступление. *Кричный* — родниковый. *Край Могилевский! Тебя железом Смерть засекала*. На протяжении многих столетий Могилевщина, находящаяся на перекрестке важных путей с запада на восток и с севера на юг, много раз подвергалась опустошительному разорению во время вражеских нашествий, особенно сильно пострадала она в обеих мировых войнах. *Шоссе Варшавка* — шоссе Москва — Варшава, о котором Кулешов не раз писал в своих стихах, в поэме «Варшавский шлях». *Сож и Проня, Вихра и Беседь* — реки бассейна Днепра, протекающие по Могилевской области. Гл. «Экран». *Бухенвальд* — фашистский концентрационный лагерь, созданный в 1937 г. возле г. Веймар в Германии. Гл. «Хата». *Гонт* — дранки, дощечки с пазами, употребляемые как кровельный материал. *Шинюк* — небольшой питьевой дом. *Шкрабы* — бывшее в обиходе в 20-е гг. сокращенное наименование «школьных работников». *Светец* — лучина с подставкой, освещающая жилище, избу. *Бороду кудельную* — т. е. моток кудели, льняной пряжи. *Кросны* — ткацкий станок. *Пральник* — плоский деревянный брусок с рукояткой для выбивания белья при мытье и обмолаота зерновых. *Жито* — всякий хлеб в зерне или на корню, здесь: рожь. *Валёк* — то же, что и пральник. *Ленского пел* — имеется в виду армя Ленского из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». *Ночвы* — корыто. Гл. «В голодный год». *ГОЭЛРО* — разработанный по инициативе В. И. Ленина в 1920 г. первый план электрификации страны (назван по наименованию Государственной комиссии по электрификации России). *На Поволжье голодно, На Полесье голь*. В 1921 г. Поволжье и некоторые другие районы страны, еще не оправившейся от войны и разрухи, постиг голод. *Сеять, что ни год, Вечное, разумное* — видоизмененная строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям». *Полова* — мякина, остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье. *Сыта* — вода, подслащенная медом, или медовый взвар на воде. *Севня* — коробка, короб для ручного сева. *Гумно* — помещение, сарай для сжатого хлеба. *Сусеки* — закрома, отгороженные места в амбаре для сыпки зерна. *Вяльцева А. Д.* (1871—1913) — русская артистка эстрады и оперетты, исполнительница цыганских романсов. Гл. «Огонь». *Буланый* — светло-желтый, с черным хвостом и гривой (о масти лошадей). *Конная* — имеется в виду 1-я Конная армия, сражавшаяся в годы гражданской войны под командованием С. М. Буденного. *Цивильное* — штатское, гражданское. Гл. «Скорбь». *Морзянка* — азбука Морзе. Гл. «Восемь и одна». *Алеся* — см. прим. 6. *До видна* — до рассвета. Гл. «Достояние». *Леток* — отверстие в улье для вылета пчел. *Пуня* — строение для хранения сена. *Перекоп, Сиваш* — места ожесточенных боев с белогвардейскими войсками Врангеля в 1920 г. в Крыму и на побережье Азовского моря. Гл. «Городок». *Мстислав (Амстислав)* — Мстиславль, старинный город на Могилевщине, в древности — центр Мстиславльского княжества; в советское время — районный центр Могилевской области. *Бард* — певец, поэт. *Строки молодняцкие*. «Молодняк» — см. прим. к автобиографии, с. 510. *Колас Якуб* — литературный псевдоним К. М. Мицкевича (1882—1956), народного поэта Белоруссии, классика национальной литературы. *Лещина* — орешник. Гл. «Париж и Версаль». *Версаль* — город во Франции, бывший резиденцией французских королей в XVII—XVIII вв., славится дворцами, архитектурными ансамб-

ляжи и парком. *Стило* — ручка для письма. *Хадыка* В. М. (1905—1940) — белорусский поэт, редактировал поэзию в журнале «Полымя». *Дуда*. Первые стихи Кулешов опубликовал под псевдонимом Аркадзь Дуда. *Минский? Нет! Живущий в Коласа поэме*. Имеется в виду Хадыка, персонаж поэмы Коласа «Новая земля», его любимой поговоркой были слова «Едят их мухи с комарами», обыгрываемые в поэме Кулешова. *Голые и босые* и т. д. — цитата из стих. В. Хадыки «С дороги». Гл. «Смотринь». *Повесть* — помещение под навесом на крестьянском дворе. «*Монарх*» — марка трактора. *А они не ведали, Что в годах, им выпавших* и т. д. О судьбе Астапенко и Таубина говорится в лирическом цикле «Монолог» (см. настоящее изд. и прим. № 137—149). Гл. «Княжна». *Всклень* — доверху, вровень с краями. *Сама гора Двинет к Магомету*. Обыгрывается известное изречение, приписываемое основателю ислама Магомету: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Гл. «Письма». *Венцы* — ряды бревен в срубе. Гл. «Толока». *Толока* — работа сообща в помощь кому-нибудь из односельчан. *Стожары* — то же, что и Плеяды, скопление звезд в созвездии Тельца. *Увалы* — холмы, крутые склоны. Гл. «Пограничье». *Днепрострой*. Имеется в виду строительство в 1927—1932 гг. первого социалистической индустрии — Днепровской гидроэлектростанции. *На лесе Магнитки*. Имеется в виду одна из крупнейших строек первой пятилетки — Магнитогорский металлургический комбинат, строительство которого было начато в 1929 г. на Урале. *Перешел рубеж поэт*. Имеется в виду западнобелорусский поэт-революционер В. П. Тавлай (1914—1947), в 1930 г. переправленный коммунистическим подпольем Западной Белоруссии из буржуазной Польши в СССР. *Лукишки* — центральная тюрьма в Вильно, где власти буржуазной Польши содержали политических заключенных; в этой тюрьме несколько лет провел и Тавлай. *Стих пилит решетку* — перифразировка строки из стихотворения «Лукишские стихи» (1935), написанного Тавлаем в тюремном заключении. Гл. «Ременный». *Шла у стен Мадрида, Под Гвадалахарой Грозная коррида*. Имеется в виду национально-революционная война в Испании в 1936—1939 гг. Гвадалахара — город в Испании. Коррида — в Испании и некоторых странах Латинской Америки бой быков; здесь говорится о жарких боях патриотов с фалангистами. *Крупн* — см. прим. 177. Гл. «Признание». *Верболоз* — верба, дерево или кустарник из рода ивы. *На Халхин-Голе*. Возле реки Халхин-Гол в Монгольской Народной республике в 1939 г. советско-монгольские войска разгромили японских интервентов. Гл. «Беда». *Пушкин вроде Был не прав* и т. д. Имеются в виду строки из «Евгения Онегина» (гл. I): «Прошла любовь, явился муза, И прояснился темный ум». Гл. «Лесной двор». *Карданный вал* — цилиндр карданной передачи в автомобиле. *Скат* — ось с насаженными на нее колесами.

184. Перевод поэмы «Варшаўскі шлях». Посвящена памяти А. Т. Твардовского. Кулешов познакомился с ним в феврале 1934 г. Позднее много раз поэты встречались в Москве и Минске, с 1939 г. постоянно переписывались. Отношения укрепились и переросли в дружбу в годы Великой Отечественной войны. Твардовский содействовал переводу и публикации многих произведений Кулешова в Москве, принял особое участие в опубликовании поэмы «Знамя бригады», первое чтение которой состоялось в декабре 1942 г. в Москве

на квартире у Твардовского (см. прим. 178). Твардовский посвятил творчеству Кулешова статьи «Знамя бригады» (1946) и «Зрелость таланта» (1964). Белорусский поэт сотрудничал в редактируемом Твардовским журнале «Новый мир» и состоял членом его редколлегии. Кулешов не раз называл Твардовского своим учителем, которому он «как поэт обязан всем» (см.: Медведева Е., Автограф поэзии. — «Известия», 1973, 25 октября). М. И. Твардовская во вступ. статье к публикации переписки Твардовского и Кулешова пишет: «Среди друзей А. Т. Твардовского Аркадий Александрович Кулешов выделялся уже тем, что он был намного моложе других многолетних друзей Александра Трифоновича, таких, как М. В. Исаковский, Ив. Соколов-Микитов или С. Я. Маршак. Да и самого Твардовского он был моложе на четыре года. . .»

Твардовский и Кулешов — одно поколение, одна атмосфера жизни, один круг социально-исторических событий в жизни народа и страны. И вряд ли могла возникнуть их многолетняя дружба, если бы смотрели они по-разному на все то, чему были свидетели и участники — иметь ли в виду коллективизацию, Великую Отечественную войну или что иное. Именно близость художнического подхода к жизни да еще вхожесть детства и юности с их не только радостными, но и драматическими страницами стали основой взаимопонимания и дружбы поэтов» («. . . И остаются с нами». — «Неман», 1980, № 9, с. 119). О творческом содружестве Кулешова с Твардовским говорится в работах Г. Березкина (см. главу «Куляшоў і Твардоўскі» в его кн.: Звені, Мінск, 1976, с. 339—380), А. Кондратовича (см. статью о Твардовском «Я люблю белорусскую поэзию. . .» — «Неман», 1975, № 1, с. 136—154), В. Гаповой (см. главу «Философская лирика» в ее кн.: Белорусско-русское поэтическое взаимодействие, Минск, 1979, с. 134—157) и др. Сообщая об окончании работы над поэмой «Варшавский шлях», Кулешов писал М. И. Твардовской 24 октября 1972 г.: «Возможно, я не написал бы ее, если бы уход А. Т. не был для меня большой личной утратой, если бы не то постоянное братское и сердечное его отношение ко мне и моей работе, может быть, и не заслуженное, которое я всегда чувствовал и которым очень и очень дорожил. А тут еще и такой случай, одновременно и забавный и печальный. Однажды, после душевной, доверительной и сердечной беседы (это было в Барвихе, во время моей болезни), он обронил неожиданно для меня, да, видимо, и для себя фразу: «Знаешь, когда ты умрешь, я напишу о тебе. . .» Шутка шуткой, и, казалось бы, ничего особенного в ней нет, а вот до сих пор не дает она мне покоя. Пока он жил среди нас, жила эпоха, которую мы считали своей. Уходя, он как бы подвел под ней черту. И хотя современники А. Т. еще живы, они, мне кажется, уже не могут избавиться от ощущения черты, подведенной и под их работой. Не знаю, что написал бы А. Т. обо мне, о нем же (хорошо ли, плохо ли — не мне судить) я написал, и не мог не написать, с грустью о себе и с радостью за будущее, которое принадлежит ему и его книгам. Однако лишь опасаясь, как бы люди несведущие, обидно-подозрительно относящиеся к написанному, не усмотрели в моем, по-человечески понятном монологе сенсации, ненужной и недостойной памяти А. Т. Конечно, весь этот сложный комплекс я должен решить сам, и надеюсь решить его положительно» («. . . И остаются с нами». — «Неман», 1980, № 9, с. 125). *Варшавский шлях* — шоссе Москва — Варшава, проходит через родные места Твардовского (на Смоленщине) и Кулешова (на востоке Белоруссии). Отсюда и слова поэмы: «Был земляком твоим

он и моим». Об этой дороге Твардовский упоминает в поэме «Василий Теркин»: «Как дойдем до той границы по Варшавскому шоссе, вот тогда, как говорится, отдохнем. И то не все». 1. *Довск* — придорожный поселок в Рогачевском районе Гомельской области. 4. *Коваль* — кузнец. *В том, что, случилось, врал им ради смеху* — перифразировка слов из поэмы Твардовского «Василий Теркин»: «Что, случилось, врал для смеху, никогда не лгал для лжи». *Чернорабочей книгой про бойца* — т. е. поэмой «Василий Теркин». 5. *Купель* — сосуд, в котором служители православной церкви совершают обряд крещения. *А всё ж, а всё ж* — переключка со словами из стихотворения Твардовского «Я знаю, никакой моей вины...»: «Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...» 7. *Наш знакомец дед Данила* — герой нескольких стихотворений Твардовского 30-х гг.: «Про Данилу», «Как Данила помирал» и др. 10. *Ты за всё в ответе* — перифразировка слов из поэмы Твардовского «Василий Теркин»: «Нынче мы в ответе За Россию, за народ И за всё на свете». 11. *Две кузницы — две вехи жизни той*. В поэме Твардовского «За далью — даль» имеется глава «Две кузницы». *И укрощенье Ангары*. В поэме «За далью — даль» имеется гл. «На Ангаре». *А там опять за далью — даль*. Намек на поэму Твардовского «За далью — даль». *Прощальная печаль — Заполненный товарищами берег* — отзвук строк из стихотворения Твардовского «В тот день, когда окончилась война...»: «И, кроясь дымкой, он уходит вдаль, Заполненный товарищами берег». 12. *Юдоль* — здесь: жизнь с ее заботами и печальями. *Хоругвь* — принадлежность церковного украшения, укрепленное на длинном древке большое полотнище с изображением святых. *Амвон* — возвышение в церкви, род кафедры, с которой произносятся проповеди. *Скрижаль* — доска с высеченными на ней письменами; в переносном смысле: нетленный завет, неизгладимый след в памяти.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. С фотографии 1963 г.

2—3. *Между с. 176 и 177*. С фотографии 1932 г.

На обороте. А. Кулешов среди фронтовых друзей. С фотографии 1942 г.

4—5. *Между с. 208 и 209*. Слева направо: А. Твардовский, Якуб Колас, А. Кулешов, Н. Тихонов. С фотографии 1949 г.

На обороте. С фотографии 1952 г.

6. *С. 219*. Автограф стихотворения «Записная книжка».

СОДЕРЖАНИЕ¹

Поэзия Аркадия Кулешова. <i>Вступительная статья В. Л. Бечика.</i>	5
Несколько слов о себе. (<i>Автобиография Аркадия Кулешова</i>)	44

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из ранних книг

1. «Гармони новой счастливый всхлип...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	49
2. «Радостно и грустно шелестят осины...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	49
3. На дороге. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	50
4. Осень. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	50
5. Утро. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	50
*6. Прощай... <i>Перевод Н. Кислика</i>	51
7. Расставание. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	52
8. «Одна земля вскормила нас обонх...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	52
9. Молотьба. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	53
10. «Ночь раздвинет завесу рябин...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	54
11. «Окончится день, и возникнут опять...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	55
12. Сибирь. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	56
13. На лесозаготовках. <i>Перевод Н. Кислика</i>	57
14. Дороги. <i>Перевод Н. Сидоренко</i>	60
15. Табуны. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	62
16. Из дневника бригадира. <i>Перевод Н. Кислика</i>	65
17. Успех. <i>Перевод Н. Кислика</i>	68
18. Чародейка. <i>Перевод Н. Кислика</i>	69

19. Дружба. <i>Перевод Н. Кислика</i>	72
20. Песня письмоносца. <i>Перевод М. Исаковского</i>	73

¹ Переводы, публикуемые впервые в настоящем издании, отмечены звездочкой.

21. За двоих. Перевод М. Исаковского	74
22. Облако. Перевод М. Исаковского	74
23. Ельник. Перевод М. Исаковского	75
24. Карусель. Перевод Н. Сидоренко	76
25. Шершни. Перевод Н. Кислика	78
26. На сотой версте. Перевод М. Исаковского	79
27. Мельница. Перевод М. Исаковского	81
28. Хата. Перевод М. Исаковского	81
29. Бюро справок. Перевод М. Исаковского	83
30. Максим. Перевод М. Исаковского	84
31. Винтовка. Перевод Н. Кислика	88
32. Глухари. Перевод М. Исаковского	89
33. Московская улица. Перевод М. Исаковского	97
34. Добрый человек. Перевод М. Исаковского	98
35. «Стоит у леса дом...» Перевод Н. Сидоренко	99
36. Могилевская тучка. Перевод М. Исаковского	100
37. Туча. Перевод М. Исаковского	101
38. Станция Коммунары. Перевод Я. Хелемского	102
39. Утро. Перевод М. Исаковского	103
40. Моя Беседа. Перевод М. Исаковского	104
41. Сообщение ТАСС. Перевод М. Исаковского	105
42. На Минском шоссе. Перевод автора	105
43. Мельник. Перевод М. Петровых	106
44. Витебская махорка. Перевод автора	108
45. Баллада о четырех заложниках. Перевод Н. Рыленкова	109
46. Над братской могилкой. Перевод А. Софронова	111
47. Письмо из полена. Перевод автора	112
48. Мать (Народная баллада). Перевод М. Исаковского	115
49. Комсомольский билет. Перевод М. Исаковского	117
50. В дом родной. Перевод автора	118
51. Под осенним небом. Перевод М. Петровых	119
52. Березка. Перевод М. Исаковского	120
53. «Не встречались ни разу...» Перевод М. Исаковского	120
54. «Я к тебе дорог не знаю...» Перевод М. Исаковского	121
55. Баллада о подкове. Перевод М. Исаковского	121
56. Аленка. Перевод М. Исаковского	125
57. Крылья. Перевод А. Твардовского	128
58. Слово к Объединенным Нациям. Перевод К. Титова	129
59. Баллада о правде. Перевод М. Светлова	131
60. Дом. Перевод К. Титова	133
61. Колос. Перевод М. Исаковского	134
62. Шмель. Перевод М. Исаковского	134
63. Подсолнух. Перевод М. Исаковского	135
64. Свадьба. Перевод Я. Хелемского	136
65. Листья. Перевод Я. Хелемского	136
66. На поле боя. Перевод М. Исаковского	137
67. Карандаш. Перевод М. Исаковского	139
68. Свидетельство. Перевод М. Исаковского	139
69. Баллада про око (По народным мотивам). Перевод Д. Ко- валева	141
70. Новогодняя елка. Перевод Я. Смелякова	142
71. Земля. Перевод Я. Хелемского	144
72. Былина о богатыре. Перевод М. Исаковского	146
73. Коммунисты. Перевод Я. Смелякова	147
74. Живой Ленин. Перевод Я. Хелемского	149

75. Венок. Перевод Я. Хелемского	150
76. О любви. Перевод Я. Хелемского	153
77. О ревности. Перевод Я. Хелемского	153
78. Ты и я. Перевод Я. Хелемского	154
79. Мое свидетельство. Перевод Я. Хелемского	155
80. Интернационал. Перевод Я. Хелемского	156
81. Баллада о живой газете. Перевод Я. Хелемского	158
82. Разговор с потомком. Перевод Я. Хелемского	159
83. Мое сердце в бору. Перевод Я. Хелемского	161
84. «На митингах людных немало. . .» Перевод Я. Хелемского	163
85. С юных лет. Перевод Я. Хелемского	164
86. Про осень. Перевод Я. Хелемского	165
87. «Когда весною закукует. . .» Перевод Я. Хелемского	165
88. «Человек юбилейной поры. . .» Перевод Я. Хелемского	166
89. К поэзии. Перевод Я. Хелемского	168
90. Элегия. Перевод Я. Хелемского	168
91. «Зимы холодные покровы. . .» Перевод Я. Хелемского	169
92. «Покой отвергаю, отныне не надо. . .» Перевод Я. Хелемского	169
93. «Чужой любви я не завидую. . .» Перевод Я. Хелемского	170
94. «Как измену в бою. . .» Перевод Я. Хелемского	170
95. Перед дорогой. Перевод Я. Хелемского	171
96. «Я писал бы о мирах далеких. . .» Перевод Я. Хелемского	172
97. Про Марс. Перевод Я. Хелемского	173
98. О вечном пере. Перевод Я. Хелемского	174
99. Последняя книга. Перевод Я. Хелемского	175
100. На полумиллиардном километре. Перевод Я. Хелемского	176
101. «Есть у поэта свой надел целинный. . .» Перевод Я. Хелемского	176
102. «Всем бороздам, канавам и кюветам. . .» Перевод Я. Хелемского	177
103. «От счастья сердце скачет как дитя. . .» Перевод Я. Хелемского	177
104. «Часы мои — не солнца диск в зените. . .» Перевод Я. Хелемского	178
105. «Десятилетия мчатся год за годом. . .» Перевод Я. Хелемского	178
106. «Небесный океан в холодной мгле. . .» Перевод Я. Хелемского	179
107. «Покинув берег, первый шторм я встретил. . .» Перевод Я. Хелемского	180
108. «Просторы неба, с океаном встретясь. . .» Перевод Я. Хелемского	180
109. «Опять стою, объятый чувством странным. . .» Перевод Я. Хелемского	181
110. «Не обижайся, океан! Когда я. . .» Перевод Я. Хелемского	181
111. «А вечность с неизведанных дорог. . .» Перевод Я. Хелемского	182
112. «Века погасят солнце. . .» Перевод Я. Хелемского	182
113. «Земля не вечна. . .» Перевод Я. Хелемского	183
114. «Свидетель время — жизни всей на смену. . .» Перевод Я. Хелемского	184
115. «Когда в полет, как мирные снаряды. . .» Перевод Я. Хелемского	184
116. «Любовь моя, уже немало лет. . .» Перевод Я. Хелемского	185

117.	«Мне снился сон — ты в вечность отлетела...»	Перевод Я. Хелемского	185
118.	«Лет через десять ты из межпланетья...»	Перевод Я. Хелемского	186
119.	«Нет, звезд я не хватаю с небосклона...»	Перевод Я. Хелемского	185
120.	«Не стародавний бард, но всё равно я...»	Перевод Я. Хелемского	187
121.	«Мне что ни год, то жизнью жить иной...»	Перевод Я. Хелемского	188
122.	«Товарищ соснам, короедам враг...»	Перевод Я. Хелемского	188
123.	«Березу посадил я при дороге...»	Перевод Я. Хелемского	189
124.	«Я гибну от бездействия не месяц...»	Перевод Я. Хелемского	189
125.	«Сравнить бы музу с матерью моей...»	Перевод Я. Хелемского	190
126.	«Сравнили славу мы с вином хмельным...»	Перевод Я. Хелемского	190
127.	«Подкуплена совесть. И что же?..»	Перевод Я. Хелемского	191
128.	«Подросток я — лесной тропинки друг...»	Перевод Я. Хелемского	191
129.	«С другим обручена любовь былая...»	Перевод Я. Хелемского	191
130.	«Лес, отпылав, стал черным от утраты...»	Перевод Я. Хелемского	192
131.	«Полынь токам и мельницам чужда...»	Перевод Я. Хелемского	193
132.	«Я всем обязан матери...»	Перевод Я. Хелемского	193
133.	«Солдаты века, что по грозной цели...»	Перевод Я. Хелемского	194
134.	«Круженье листопада в первый снег...»	Перевод Я. Хелемского	194
135.	«Взбиралась тень моя всё выше, выше...»	Перевод Я. Хелемского	195
136.	«Друзья, в сраженьях скошенные пулями...»	Перевод Я. Хелемского	195
137—149.	Монолог. Перевод Я. Хелемского		
1.	«Когда и где, я уточнять не стану...»		196
2.	«Чем сражены вы — хворью или пулей?..»		196
3.	«Да, вы достойны ваших стартов ранних...»		197
4.	«Стряслась непоправимая беда...»		197
5.	«Как мне друзьям поклон отвесить низкий?..»		198
6.	«Глядите без тревоги и укора...»		198
7.	«Да, мы друзья по крови, по оружию...»		199
8.	«Три ветви — дровом дружбы мы росли...»		199
9.	«Один скончался от брюшного тифа...»		200
10.	«Они в ночи ко мне являлись оба...»		200
11.	«Входили в сны друзья моей весны...»		201
12.	«Ту хворь, что вдруг здоровье подкосила...»		201
13.	«Горячий монолог под стать коню...»		202
150.	«Развесив сушить на рассветном ветру...»	Перевод Я. Хелемского	202
151.	Зима убегает ночами.	Перевод Я. Хелемского	203
152.	«С юных лет я — узник, верный долгу...»	Перевод Я. Хелемского	204
153.	Седьмого ноября 1966.	Перевод Я. Хелемского	205

154. «Я после хвори долгой, как на фронте...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	205
155. «Ты не будешь мною позабыта...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	206
156. «Как начиналось утolenье боли?» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	206
157. «Я трижды побеждал судьбу...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	207
158. «На Беловежье листопад глубокий...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	208
159. Сосна и береза. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	209
160. «Тьма уступила силе света...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	210
161. «Не встречусь больше — такая доля...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	211
162. Под горою... (<i>Из народной песни</i>). <i>Перевод Я. Хелемского</i>	212
163. Баллада. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	212
164. Над сожженной деревней. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	213
165. Единственный серп. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	213
166. «Мне слава представлялась близкой целью...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	214
167. Про вола. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	215
168. Совет самому себе. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	215
169. Пастух. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	216
170. Сосед. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	217
171. «Мостам, а не конструкторам завидую...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	218
172. Записная книжка. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	218
173. Слово неизвестного солдата. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	223
174. Мой Новый год. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	224
175. Скорость. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	228

П О Э М Ы

176. В зеленой дуброве. <i>Перевод М. Исаковского</i>	231
177. Хлопцы последней войны. <i>Перевод Н. Кислика</i>	245
178. Знамя бригады. <i>Перевод М. Исаковского</i>	259
179. Цимбалы. <i>Перевод М. Исаковского</i>	296
180. Дом № 24. <i>Перевод М. Исаковского</i>	338
181. Только вперед. <i>Перевод М. Исаковского</i>	350
182. Цунами. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	374
183. Далеко до океана. <i>Перевод Н. Кислика</i>	390
184. Варшавский шлях. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	496
Примечания	507
К иллюстрациям	530

Аркадий Александрович Кулешов
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1983, 536 стр.
11-й выпуск 1983 г. № 405

Художник *И. С. Серов*
Редактор *В. С. Киселев*
Худож. редактор *А. С. Орлов*
Техн. редактор *Л. П. Полякова*
Корректор *Е. А. Омеляненко*

ИБ № 3499

Сдано в набор 10.06.83. Подписано к печати 22.11.83.
М 35182. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1.
Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл.
печ. л. 28,46. Уч.-изд. л. 28,27. Тираж 40 000 экз.
Заказ № 1345. Цена 3 р. 10 к. Издательство «Со-
ветский писатель». Ленинградское отделение.
191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Тру-
дового Красного Знамени Ленинградская типо-
графия № 5 Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленин-
град, центр, Красная ул., 1/3

